

Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь
Установа адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А.С. Пушкіна»

Вучоныя

запіскі

Брэсцкага ўніверсітэта

Зборнік навуковых прац

Выпуск 11

Частка 1

Гуманітарныя і грамадскія навукі

Брэст • 2016

Заснаваны ў 2005 годзе

Галоўны рэдактар

А.М. Сендзер

Намеснікі галоўнага рэдактара:

С.А. Марзан (*гуманітарныя і грамадскія навукі*)

А.Я. Будзько (*прыродазнаўчыя навукі*)

Рэдакцыйны савет:

В.Е. Гайдук, К.К. Красноўскі, Л.Г. Лысюк, Б.М. Ляпешка, З.П. Мельнікава, А.Ф. Равінскі, М.П. Ярчак

Міжнародны савет:

А.А. Афонін (Расія), **В.Р. Бязрогаў** (Расія), **Ф.Я. Васілюк** (Расія), **В.А. Главан** (Молдова),
Марцін Грабэ (Германія), **М.М. Громаў** (Расія), **В.В. Дзікусар** (Расія), **Андраш Золтан** (Венгрыя),

Антон Мірановіч (Польшча), **В.А. Несцяроўскі** (Украіна), **Ежы Нікітаровіч** (Польшча),

Б.В. Саліхаў (Расія), **В.Г. Самойленка** (Украіна), **Рудальф Станіслаў** (Польшча),

Фелікс Чыжэўскі (Польшча), **Антані Юўка** (Польшча), **Эдвард Ярмох** (Польшча)

Рэдакцыйная калегія:

Г.І. Займіст (*адказы рэдактар на гуманітарных і грамадскіх навукі*),

Н.С. Ступень (*адказы рэдактар на прыродазнаўчыя навукі*),

У.В. Амелькін, С.В. Арцёменка, М.А. Багдасараў, В.Ф. Байнёў, В.У. Будкевіч, А.М. Вабішчэвіч,
І.Я. Валітава, В.М. Ватыль, П.А. Вадап'янаў, А.М. Вітчанка, А.А. Волчак, Т.А. Гарупа, А.А. Гарбацкі,
А.М. Грыгаровіч, А.А. Гужалоўскі, А.Л. Гулевіч, Т.І. Доўнар, М.П. Жыгар, Г.А. Зорын, В.І. Іўчанкаў,
М.С. Кавалевіч, Т.А. Кавальчук, Ч.С. Кірвель, У.Л. Клюня, П.П. Крусць, У.У. Лосеў, А.А. Лукашанец,
М.І. Ляўчук, В.С. Манахаў, І. П. Мартынаў, А.А. Махнач, А.В. Мацвееў, У.А. Плецохоў, Я.В. Радына,
С.В. Рашэтнікаў, Д.Г. Ротман, В.Ф. Русецкі, А.А. Савіч, У.С. Секяржыцкі, М.Н. Сендзер, У.А. Сенькавец,
Я.У. Скакун, А.С. Сляповіч, В.А. Сцепановіч, В.І. Сянкевіч, М.М. Труш, Л.Р. Цігарэнка, А.В. Чычурын,
І.А. Швед, Я.К. Ялавічава, Я.С. Яскевіч

Адрас рэдакцыі:

224665, г.Брэст, бульвар Касманаўтаў, 21

тэл.: 21-72-07

e-mail vesnik@brsu.brest.by

ISBN 978-985-555-432-6 (ч. 1)

ISBN 978-985-555-431-9

© УА «БрДУ імя А.С. Пушкіна», 2015

Ministry of education of Republic of Belarus
Educational establishment «Brest State University
named after A.S. Pushkin»

Proceeding

of Brest University

Collection of Scientific Works

Issue 11

Part 1

The Humanities and Social Sciences

Brest • 2016

Founded 2005

Editor-in-chief

A.N. Sender

Editor-in-chief Deputies

S.A. Marzan (*the humanities and social sciences*)

A.Ya. Budzko (*natural sciences*)

Editorial council:

V.E. Gaiduk, K.K. Krasovski, L.G. Lysyuk, B.M. Lyapeshko, Z.P. Melnikova, A.F. Ravinski, N.P. Yarchak

International council:

A.A. Afonin (Russia), V.G. Bezrogov (Russia), F.Ya. Vasilyuk (Russia), V.A. Glavan (Moldova),
Martin Grabe (Germany), M.M. Gromov (Russia), V.V. Dzikusar (Russia), Andrash Zoltan (Hungary),
Anton Miranovich (Poland), V.A. Nesterovski (Ukraine), Ezhy Nikitarovich (Poland), B.V. Salikhov,
V.G. Samoilenko (Ukraine), Rudolf Stanislav (Poland), Felix Chizhevski (Poland), Antani Yuyka (Poland),
Edvard Yarmokh (Poland)

Editorial board:

G.I. Zaimist (*the humanities and social sciences managerial editor*),

N.S. Stupen (*natural sciences managerial editor*),

V.V. Amelkin, S.V. Artyemenko, M.A. Bagdasarov, V.F. Bainev, V.U. Budkevich, A.M. Vabishchevich,
I.Ya. Valitova, V.N. Vatyly, P.A. Vadapyanov, A.N. Vitchenko, A.A. Volchak, T.A. Garupa,
A.A. Garbatski, A.M. Grigorovich, A.A. Guzhalovski, A.L. Gulevich, T.I. Dovnar, M.P. Zygar, G.A. Zoryn,
V.I. Ivchankov, M.S. Kovalevich, T.A. Kovalchuk, C.S. Kirvel, U.L. Klyunya, P.P. Krus, V.V. Losev,
A.A. Lukashanets, M.I. Levchuk, V.S. Manakhav, Y.F. Martynov, A.A. Makhnach, A.V. Matveev,
U.A. Pletsukhov, Y.V. Radyno, S.V. Reshetnikov, D.G. Rotman, V.F. Rusetski, A.A. Savich,
V.S. Sekerzhitski, N.N. Sender, V.I. Senkevich, V.A. Senkovets, E.V. Skakun, A.S. Slepovich,
V.A. Stepanovich, N.N. Trush, L.R. Tsitarenka, A.V. Chichurin, I.A. Shved, Y.K. Yalovicheva, Y.S. Yaskevich

Publishing house address:

224665, Brest, Bulvar Kosmonavtov, 21

tel.: 21-72-07

e-mail vesnik@brsu.brest.by

Вучоныя запіскі

Брэсцкага ўніверсітэта

ЗБОРНИК НАУКОВЫХ ПРАЦ

2015 • Вып. 11 • Ч. 1

Змест

СТАРОНКА ГАЛОЎНАГА РЭДАКТАРА

Сендер А.Н. Выступленне ректара, галоўнага рэдактара зборніка навуковых прац «Вучоныя запіскі Брэсцкага ўніверсітэта», доктара педагагічных навук, прафесара А.Н. Сендер на торжественном засяданні савета ўніверсітэта 30 кастрычніка 2015 г., прысвечаным 70-літцю Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна.....9

ФІЛАСОФІЯ

Лагуновская Е.А. Хрысціянскія асновы беларускай нацыянальнай ідэі.....12

Шевчук Е.С. Праблема эстэтычнага перажывання
у польскай эстэтыцы першай паловы ХХ в.18

ГІСТОРЫЯ

Вабищевіч А.Н., Чуль Р.В. Уніяцкія царквы Брэсцкага павета ў XVII – пачатку XIX вв.
(на прыкладзе Збуржскай царквы прэпдобнага Сімеона Столпніка)26

Бодак А.Ю. Колхознае будаўніцтва ў Ганцевіцкім раёне
накануне Вялікай Айчыннай вайны31

Тохіян Т.М. Развіццё народнага асветлення на землях Іванавскага раёна ў XIX в.38

Савчук Т.П. Дзяржаўная палітыка ўвечынення памяці аб падзеях
Вялікай Айчыннай вайны ў БССР у 1940-е – пачатку 1960-х гг.45

ПЕДАГОГІКА

Жыгалоў М.П., Наумчык Н.И. Увядзенне тэхналогіі тьюторскага суправажэння
ададарэнных вучащихся як спосаб будаўніцтва індывідуальнай асветельскай траекторыі
(на прыкладзе прамежуточных вынікаў інавацыйнага праекта
Малорыцкага раённага гімназіі)55

Ковалевіч М.С. Геронтаасветленне: праблемы і магчымыя способы іх рашэння.....76

Сивашынская Е.Ф. Асабнасці асветлення дзяцей з двайной ісклучнасцю.....88

Займист Г.И., Григорович Е.Н. Академическая адаптация иностранных студентов (из опыта юридического факультета БрГУ имени А.С. Пушкина).....	97
Карташова В.Н., Максимук Л.М. Иностранный язык в подготовке специалиста: система упражнений для развития умений реферирования иноязычного текста	103
Былина Славомир. Авторитет тренера как воспитателя в оценке молодёжи, занимающейся таэквондо (МФТ)	110

ПСИХОЛОГИЯ

Лотова И.П. Профессиональная карьера управленческих кадров: этапы и типы развития	122
--	-----

ФІЛАЛОГІЯ

Швед І.А. Вячанне як чынік беларускага традыцыйнага вяселля	126
Сенкевич В.И. Концепт поля и коммуникативное пространство языка	146
Леванюк Л.Я. Лексіка-граматычныя сродкі стварэння экспрэсіўнасці ў афарыстычных выслоўях	159
Поўх І.В. Гісторыя станаўлення і развіцця літаратурнай кампаратывістыкі	171
Макарэвіч А.В. Адраджэнне ўстарэлых эканамічных назваў у сучаснай беларускай мове	178

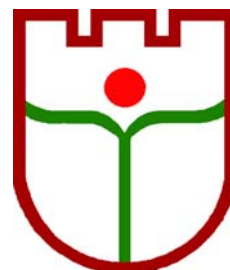
ЭКАНОМІКА

Петрукович Д.А., Седель О.Я., Мужейко А.В. Инновационная инфраструктура Брестского региона: состояние и перспективы развития	185
Седель О.Я., Хведчик И.В. Особенности развития малого и среднего предпринимательства в Брестской области	190
Tsekanovski Z., Silyuk T. Zarządzanie konfliktem jako metoda kierowania ludźmi w organizacji....	195

ПРАВА

Забейворота А.И. Конституционный контроль в СНГ	204
Андрияшко М.В. Актуализация легально закрепленных показателей восполнения трудового потенциала населения Республики Беларусь	210
Лосев В.В. Методы исследования в уголовном праве и криминологии.....	217
Чмыга О.В. Выборные лица: проблемы уяснения сущности, природы, определения дефиниции	226
Зайчук Г.И. Теоретические вопросы источников природоресурсного права	237

Proceedings

of Brest University

COLLECTION OF SCIENTIFI WORKS

2015 • Issue 11 • Part 1

Contents

EDITOR-IN-CHIEF COLUMN

Sender A.N. Speech of the Rector, the Chief Editor of Collection of Scientific Works «Scientific Papers of Brest State University», Doctor of Pedagogical Sciences, Professor A.N. Sender at the Ceremonial Meeting of the University Council on 30 October 2015, dedicated to the 70th anniversary of Brest State University named after A.S. Pushkin.....9

PHILOSOPHY

Lagunovskaya E.A. Christian Foundations of the Belarusian National Idea 12

Shevchuk E.S. The Problem of Aesthetical Experience in Polish Aesthetics of the First Half of 20th Century 18

HISTORY

Vabischevich A.N., Chul R.V. The Uniate Churches of Brest region in the XVII – the beg. of the XIX Centuries (by the example of Zburazhskaya Church of venerable Simeon)26

Bodak A.Yu. Collective Farm Construction in Gantsevichi District before Great Patriotic War31

Tokhiyan T.M. The Development of the Public Education on the Lands of Ivanovo Region in the 19th Century38

Savchuk T.P. State Policy in the Perpetuation of the Memory of Events of the Great Patriotic War in BSSR in the 1940-s – the beginning of 1960-s45

PEDAGOGY

Zhigalova M.P., Naumchik N.I. Introduction of Technology of Tutor Support of Gifted Pupils as the way of Construction of the Individual Educational Way (on the example of Intermediate Results of the Innovative Project Malorita district gymnasium).....55

Kovalevich M.S. The Problems of Gerontological Education and their Possible Solutions.....76

Sivashinskaya E.F. The Peculiarities of Education for Children with Double Exclusiveness 88

Zaimist G.I., Grigorovich E.N. Academic Adaptation of Foreign Students (from the experience of the Faculty of Law of BrSU named after A.S. Pushkin).....	97
Kartaschova V.N., Maksimuk L.M. A Foreign Language in Professional Training: A Series of Exercises to Develop Foreign Text Summarizing Skills.....	103
Bylina Slavomir. Coach's Authority as an Educator in Estimation of Young People Going in for Taekwondo	116

PSYCHOLOGY

Lotova I.P. Professional Career of Administrative Staff: Stages and Types of Development.....	122
--	-----

PHILOLOGY

Shved I.A. Church Wedding as an Element of Traditional Belarusian Wedding.....	126
Siankevich V.I. Concept of Margin and Communicative Space of Language.....	146
Levonyuk A.Ye. The Expressivity of Aphoristic Utterances by Lexical and Grammatical Means....	159
Powkh I.V. History and Development of Comparative Literary Studies	171
Makarevich A.V. Revival of Obsolete Economic Notions in the Modern Belorussian Language.....	178

ECONOMICS

Petrukovich D.A., Sedel O.Ya., Mujeiko A.V. Analysis of the Innovation Infrastructure of Brest Region.....	185
Sedel O.Ya., Khvedchik I.V. Analysis of the Development of Small and Medium Enterprises in Brest Region.....	190
Tsekanovski Z., Silyuk T. Conflict Management as a Method of Managing People in Organization	195

LAW

Zabeivorota A.I. Constitutional Control in CIS.....	204
Andtiyashko M.V. Actualization of Legally Enshrined Indicators Make up the Labor Potential of the Republic of Belarus	210
Losev V.V. Research Methods in Criminal Law and Criminology	217
Chmyga O.V. Elective Persons: Problems of Explanation of Essence, Nature, Definition	226
Zaichuk G.I. Resolutions of Plenum of Supreme Court of the Republic of Belarus – a Type Theoretical Issues of Environmental Law Sources	237

**БРЭСЦКІЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА
ПРАЗДНУЕТ 70-ЛЕТИЙ ЮБИЛЕЙ**

**ВЫСТУПЛЕНИЕ РЕКТОРА, ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА СБОРНИКА НАУЧНЫХ
ТРУДОВ «ВУЧОНЫЯ ЗАПІСКІ БРЭСЦКАГА ЎНІВЕРСИТЭТА»,
ДОКТОРА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА А.Н. СЕНДЕР
НА ТОРЖЕСТВЕННОМ ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА УНИВЕРСИТЕТА
30 ОКТЯБРЯ 2015 Г., ПОСВЯЩЕННОМ 70-ЛЕТИЮ
БРЕСТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА**

Уважаемые коллеги!

В этом году мы празднуем 70-летний юбилей университета. По историческим меркам 70 лет для университета – это период становления, приобретения своего профиля, формирования имиджа. За сравнительно короткий промежуток времени он прошел путь от учительского института до классического университета.

В 1945 г. при создании университета набор студентов составил 49 человек. Образовательный процесс осуществляли 13 штатных преподавателей без ученых степеней. Подготовка велась по 3 направлениям: историко-филологическому, естественно-географическому и физико-математическому.

Сегодня университет обеспечивает подготовку по 45 специальностям на I ступени получения высшего образования, 20 специальностям магистратуры и 16 специальностям аспирантуры. В университете обучаются 8 500 студентов. За последнее десятилетие открыто 11 новых специальностей I ступени высшего образования, 15 специальностей магистратуры. За этот период 154 издания преподавателей получили грифы Министерства образования Республики Беларусь, Министерства образования и науки Российской Федерации, а также профильных учебно-методических объединений в сфере высшего образования.

В настоящее время из 500 штатных преподавателей университета 50,2% имеют ученые степени кандидата и доктора наук. С 2006 г. преподавателями университета защищены 65 кандидатских и 7 докторских диссертаций. 27 кандидатских диссертаций защитили именно выпускники аспирантуры БрГУ, которые работают не только в нашем, но и в других учреждениях высшего образования Республики Беларусь (Брестском техническом университете, Полоцком университете, Полесском университете).

За последние 10 лет преподавателями университета изданы 125 монографий. Ежегодно организуется более 70 научных конференций международного, республикан-

ского и регионального уровней. В 2015 г. университет участвует в выполнении 9 заданий в рамках 4 государственных программ научных исследований. За последние 5 лет общий объем финансирования научных работ вырос в 3 раза. Особое внимание в университете уделяется научно-исследовательской работе студентов, в которую вовлечены 35% обучающихся. С 2006 г. 22 работы наших студентов стали лауреатами Республиканского конкурса студенческих научных работ, 91 работа получила первую категорию, 147 – вторую и 93 – третью.

Хорошей традицией стало проведение университетских конкурсов профессионального мастерства преподавателей и обучающихся. Например, таких, как «Мастер лекционных занятий», «Мастер практических занятий», «Профессиональный дебют», конкурс на лучшую дипломную работу и магистерскую диссертацию по гуманитарным и естественно-научным специальностям и др.

Практикоориентированность образовательного процесса обеспечивается тесным взаимодействием с базовыми организациями, 43 филиалами кафедр, которые созданы не только на базе учреждений образования, но и в организациях сектора экономики.

Брендом университета стала волонтерская деятельность студентов, которая не только формирует активную жизненную позицию молодежи, но и способствует повышению ее профессиональной компетентности. На базе социально-педагогического факультета действует клуб волонтеров «Академия добровольчества», в рамках которой уже реализовано 20 социальных проектов, направленных на решение социально значимых задач. А проект «В твоей руке моя рука», направленный на организацию эффективной жизнедеятельности детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата путем создания безбарьерной среды, в 2013 г. получил гран-при конкурса социальных проектов благотворительного фонда «Поможем им жить» (Италия).

Одним из наиболее эффективных механизмов развития образовательной и научной деятельности университета является международное сотрудничество, в рамках которого проводится многовекторная политика по развитию академической мобильности обучающихся и преподавателей с учреждениями высшего образования и иностранными организациями, научного сотрудничества в рамках международных проектов и соглашений, а также организации обучения иностранных граждан. В настоящее время университетом реализуются программы сотрудничества более чем по 50 договорам и соглашениям с учреждениями высшего образования и иностранными организациями разных стран мира: России, Украины, Бельгии, Франции, Венгрии, Германии, Азербайджана, Швейцарии, Китая, Казахстана, Польши, Италии, Литвы и др. Образовательные услуги университета привлекательны и конкурентоспособны. Сегодня в БрГУ обучаются более 470 иностранных граждан из 14 стран мира: Туркменистана, Грузии, России, Украины, Узбекистана, Азербайджана, Казахстана, Литвы, Турции, США, КНР, Южной Кореи. Традиционным стал Фестиваль иностранных студентов, который позволяет проявить свой талант иностранным студентам не только нашего университета, но и других учреждений образования.

Признанием международного авторитета университета является прохождение на базе нашего учебного заведения стажировок преподавателей и профессоров из университетов Польши, Германии, Австрии, Испании, России, Украины.

Все это позволило значительно увеличить экспорт образовательных услуг, объем которых составляет 1 млн 200 тыс. долл.

За последнее десятилетие значительно улучшилась материальная база университета. Сегодня в образовательном процессе задействовано 20 современных компьютер-

ных лабораторий, 3 медиацентра; 48 аудиторий оснащены стационарной мультимедийной техникой. В 2012 г. завершилось строительство 2-ой очереди общежития № 4 по ул. Пушкинская, проведен капитальный ремонт общежития № 1 по ул. Ленина. В октябре 2015 г. завершена модернизация столовой по ул. Дзержинского.

В течение последних 25 лет университетом руководили замечательные люди, талантливые ученые, профессора В.А. Степанович, В.А. Плетюхов, М.Э. Чесновский.

В 1989 г. ректором БрГУ имени А.С. Пушкина был избран Василий Алексеевич Степанович, кандидат философских наук, профессор, и занимал эту должность до 1999 г. За время работы Василия Алексеевича были образованы 4 новых факультета: довузовской подготовки (1989), исторический (1991), иностранных языков (1994) и юридический (1996). В 1991 г. в университете была открыта аспирантура, а в 1998 г. – магистратура. 22 августа 1995 г. Министр образования и науки Республики Беларусь В.И. Стражев издал приказ № 29 «О преобразовании Брестского государственного педагогического института в Брестский государственный университет». Первым ректором университета стал Василий Алексеевич Степанович. Василий Алексеевич активно поддержал идею основания научно-теоретического журнала «Вестник Брестского университета», первый номер которого вышел в январе 1998 г.; были учреждены именные стипендии лучшим студентам (имени А.С. Пушкина, Ф. Скорины, П. Бровки, Я. Коласа, В. Колесника, Е. Карского, М. Богдановича).

Владимир Анестиевич Плетюхов, доктор физико-математических наук, профессор, занимал должность ректора БрГУ имени А.С. Пушкина в 1999–2002 гг. В январе 2000 г. было принято решение об учреждении стипендии Совета университета. 6 апреля 2001 г. был открыт Институт повышения квалификации и переподготовки руководящих работников и специалистов. В декабре 2002 г. завершено строительство 1-го корпуса общежития № 4.

В 2002–2014 гг. ректором БрГУ имени А.С. Пушкина был Мечислав Эдвардович Чесновский, доктор исторических наук, профессор. За время работы Мечислава Эдвардовича в должности ректора открыто 17 новых специальностей I ступени высшего образования, 15 новых специализаций и 2 новых направления специальностей, а также 15 новых специальностей магистратуры. Открыто более 25 филиалов кафедр в учреждениях общего среднего образования, экономических учреждениях и учреждениях сферы услуг. Под руководством Мечислава Эдвардовича значительно укрепилась материально-техническая база университета: был построен второй корпус общежития № 4, Зимний сад, ставший визитной карточкой университета, завершен капитальный ремонт общежития № 1 по ул. Ленина. Были созданы центр информационных технологий, редакционно-издательский центр, межфакультетский центр экологии и природоведения, научно-методический центр «Школа – Семья», торговый центр, сектор туризма и др.

Достигнутые за годы существования нашего университета успехи были бы невозможны без участия преподавателей и сотрудников университета, наших ветеранов, труд которых заложил основы его становления как одного из ведущих учреждений образования области. Постоянная поддержка Министерства образования Республики Беларусь, руководства Брестской области и г. Бреста позволяет нам с уверенностью смотреть в будущее и выполнять возложенную на университет функцию подготовки высококвалифицированных специалистов с учетом требований инновационного развития экономики Республики Беларусь.

А.Н. Сендер

УДК 101.8

Е.А. Лагуновская*канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина***ХРИСТИАНСКИЕ ОСНОВЫ БЕЛОРУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ**

В статье анализируются место и роль христианского наследия в формировании белорусской национальной идеи. Применен категориальный аппарат социальной философии к теоретическому анализу оригинальных источников классиков белорусской национальной культуры, на основании чего представлены духовно-нравственные ценности христианства в их творчестве. Рассматривается влияние христианской традиции на социокультурную ситуацию, в которой протекает социальная деятельность белорусского народа, формируется его нравственное сознание и отношения. Делается вывод, что в исторически изменяющихся формах нравственного сознания христианское наследие проявляется в развитии духовной жизнедеятельности белорусского общества, обнаруживая преемственность в трансляции моральных норм духовности. Подчеркивается, что этот фактор в духовной жизнедеятельности белорусского общества имеет исключительное значение, так как в исторически изменяющихся формах духовности и нравственного сознания поколений проявляется как основа белорусской национальной культуры и социальной практики народа.

Введение

На современном этапе развития независимой Республики Беларусь, ориентированного на высокое качество жизни людей, на формирование нравственной культуры личности, созидающей свое будущее в единении со своим народом, первостепенной задачей является сохранение и приумножение своих культурных и национальных ценностей. Нравственная культура как системное единство морального сознания, отношения и поведения, нацеленное на репрезентацию опыта социальной деятельности, теснейшим образом связана с национальным характером и его чертами. Необходима парадигма развития национальной культуры, в наибольшей мере выражающая менталитет народа, закреплённые веками высшие – духовно-нравственные ценности его бытия.

Теоретическая и практическая актуальность исследования духовно-нравственных основ белорусской национальной идеи связана в первую очередь с теми изменениями в структуре и направленности общественного сознания, которые произошли после распада СССР и обретения Республикой Беларусь суверенитета. На современном этапе потеря значимости нравственных норм советского периода способствуют возникновению ценностного вакуума и ослаблению роли духовно-нравственных ценностей в регулировании поведения, что может привести к дестабилизации общества. В поисках путей выхода из кризиса в общественном сознании укореняется идея, что основополагающим средством его преодоления является совершенствование духовного мира человека. На этом фоне взгляды государственных деятелей, политиков, деятелей культуры, философов и ученых все чаще обращаются в сторону традиционных, существовавших на протяжении долгого исторического периода ценностей, и, прежде всего, фундаментальных ценностей белорусской национальной государственности. Осмысление духовно-нравственных аспектов формирования белорусской национальной государственности, а также традиционных ценностей и принципов в ее становлении и развитии, равно как и возможностей их использования в общественно-политической практике является актуальной задачей.

Цель данной статьи – на основе изучения оригинальных источников классиков белорусской национальной культуры определить место и роль христианского наследия

в процессе становления и развития белорусской национальной идеи. Объект исследования – формы проявления христианского наследия в истории и современных условиях жизни белорусского народа. Предметом исследования является экспликация духовно-нравственных ценностей христианства в наследии классиков белорусской национальной культуры в контексте формирования и развития белорусской национальной идеи.

Христианские ценности в наследии классиков белорусской национальной культуры

Доминирующее в сознании определенной территориальной культурно-самобытной группы людей представление, согласно которому она рассматривает себя в качестве особой общности, а именно нации, и в силу чего считает себя вправе по собственному усмотрению строить как свою внутреннюю жизнедеятельность, так и свои отношения с другими народами, принято называть *национальной идеей* [7, с. 101]. Еще Ф. Скорина обозначил формы взаимодействия христианского вероучения со старобелорусским религиозным менталитетом, с религиозной психологией народа, выявил объединение их функций в процессе консолидации представителей разных социальных слоев и конфессий. Проблема мировоззренческих и государственных ориентиров белорусского народа была поднята в теоретическом наследии классиков национальной литературы: М. Богдановича, Я. Купалы, Я. Коласа и др. Христианские основы национального самосознания белорусского народа эксплицированы в трудах В. Дунина-Марцинкевича, Ф. Богушевича, А. Пашкевич, А. Луцевича, В. Ластовского, Я. Лёсика и др.

В творчестве Ф. Богушевича сформулированы онтологические особенности социальной и индивидуальной практики белорусского народа после отмены крепостного права. Ценности христианства в произведениях «Кепска будзе», «У астрозе», «Гора» и др., раскрывая отношения личности с внешним миром и окружающими людьми через категории любви, терпения и прощения, выступают в качестве образца поведения, возвышающего духовное начало человека и помогающего преодолеть негативные поведенческие интенции. Квинтэссенцией понимания Ф. Богушевичем ценностей христианства как системы моральных ориентиров-регулятивов духовно-нравственного развития личности является его произведение «Афяра» («Маліся ж, бабулька, да Бога») [4, с. 78]. Образ крестьянина, вынужденного выживать в условиях крайней несправедливости, но при этом сохраняющего свое достоинство и критически воспринимающего окружающую действительность, в творениях Ф. Богушевича концентрирует колоссальную духовную энергию белорусского народа, его опыт и память, воплощенные в преданности христианским ценностям.

Ценности христианства в творчестве Ф. Богушевича определяют внутренний мир простого человека и восприятие им реальности как должного и не должного, нравственного и безнравственного, благого и пагубного. Осознавая особенности своего существования, герои произведений Ф. Богушевича выдвигают и реализуют жизненные цели, соответствующие системе их ценностных установок. Произведения зачинателя критического реализма в белорусской литературе «Быў у чысць», «Хцівец і скарб на Святога Яна», «Не ўсім адна смерць» и др. свидетельствуют об ориентации поведенческой стратегии личности на реализацию ценностей христианства, что проявляется в придании духовного смысла повседневности, гармонизации своего внутреннего мира.

Целеустремленное и самоотверженное поведение свободного человека во имя процветания родной Беларуси, конституируемое духовно-нравственными целями и ориентациями своего народа, его мировоззренческими установками, выражает творчество

Янки Купалы. Беларусы – католики и православные, – по мнению Купалы, «павінны тое помніць, што ў іх адна Бацькаўшчына – Беларусь, адна мова родная – беларуская, адны звычаі і абычаі, ад веку перадаваныя з пакалення ў пакаленне» [5, с. 44]. Призыв Купалы к торжеству «беларускай вызваленай з пут векавечных душы» коррелирует рефлексивные ценности христианства, выражающие отношение личности к себе и своему внутреннему миру (достоинство, совесть, свобода) и открывающие родному народу путь реализации белорусского национального самосознания. Ценности, выражающие личностное отношение человека к социальной действительности, воплощаемые в повседневной практике через любовь к ближнему и Родине («Мая малітва», «Мая вера», «На біблейныя матывы» и др.), находятся в основе его идеала национально и социально объединенной Беларуси. Даже богоборческие, антихристианские идеи в творчестве классика художественной литературы вытекают из системы христианских ценностей. Необходимо признать, что социалистический реализм для Янки Купалы не являлся актом свободного выбора, а был навязан большевистской диктатурой деятелям белорусской культуры, выжившим в советский период. Представляется целесообразным проведение дополнительной исследовательской работы по экспликации христианских основ мировоззрения Янки Купалы в условиях репрессий и тотального подавления инакомыслия. Посвященные религиозной тематике стихи классика пронизаны скориновской идеей всеединого христианства и выражают белорусский дух любимых народом христианско-языческих праздников («Вялікдзень», «На Куццю», «На Дзяды» и др.), нацелены на достижение временного избавления от тягот жизни («Хрыстос васкрос!.. Усюды радасць...», «Святы Андрэй Баболя. Мучанік беларускі за веру», «Смутна мне, Божа», «Цару неба й зямлі» и др.).

С христианским наследием белорусского народа, с его надеждами и стремлениями связана идея возрождения и упрочения национального самоопределения, звучащая лейтмотивом в творчестве создателя национального поэтического эпоса Якуба Коласа. Христианские основы повседневной жизни и труда, обряды и традиции, духовное богатство и нравственная красота белорусского крестьянина выявлены в произведении «Новая земля». В названии поэмы воплощена интенция к христианскому духовно-нравственному идеалу отношений человека с внешним миром. Христианские ценности веры, надежды и любви являются центральными категориями поэтического и прозаического наследия Коласа, утверждающего необходимость духовного возрождения белорусской нации, расцвета ее духовной культуры («Вера», «Не дай божа сэрцам знікнуць», «На святой зямлі» и др.). Вышедший из среды православного крестьянства, Я. Колас в своем творчестве исходит из осознания того, что христианство является традиционным вероисповеданием белорусов и специфической частью национальной, а через нее универсальной, общечеловеческой культуры.

Христианские мировоззренческие установки как основные нормативные принципы индивидуальной и общественной жизнедеятельности представлены в православной традиции М. Богдановичем. В стихотворениях «Летапісец», «Кніга», «Жывеш не вечна, чалавек», «Краю мой родны! Як выкліяты Богам... » и других М. Богданович раскрывает нравственный образ белорусского народа и закрепленные веками высшие – духовно-моральные ценности его бытия.

В публицистике М. Богдановича поставлена проблема национального возрождения, понимаемого как развитие и обогащение извечных духовных ценностей белорусского народа в общем потоке славянской и мировой культуры, что невозможно без и вне национального самоутверждения белорусов [2, с. 219]. М. Богданович был убежден,

что «дело национального возрождения» прочно опирается на кадры белорусской народной интеллигенции, смысл существования которой один: «развивать народную культуру». Основу национально-культурных стремлений белорусского движения составляют требования преподавания в народных школах на белорусском языке и его введение в православной и католической церкви. М. Богданович пишет: «Ёсць паміж нас праваслаўныя, ёсць і католікі, але народ з нас адзін, бо ва ўсіх адна гаворка, адны звычаі, адны песні, адна вопратка, адзін лад жыцця» [3, с. 126]. Являясь результатом духовно наполненной жизни Богдановича, христианские ценности любви, терпения и смирения, перенесенные в его творчество, раскрывают авторское отношение к самому себе и своему внутреннему миру. Подчеркивая духовно-нравственную природу христианских ценностей в формировании белорусской нации, творчество М. Богдановича позиционирует их существование именно как собственных ценностей белорусской национальной культуры («Апокрыф», «Мадонна», «Касцел Св. Анны ў Вільні» и др.). Осознание христианских ценностей как собственных ценностей белорусской национальной культуры в творчестве ее крупнейших представителей позволяет определить их как формирующую часть духовности белорусского народа, определяющую сознание людей и детерминирующую их поведение в социокультурном пространстве.

Специфические белорусские ответы на извечные вопросы человеческого существования в социальных пространствах общества и культуры сформулированы в философско-эстетическом эссе И. Абдираловича (Канчэўскага) «Адвечным шляхам: Дасьледзіны беларускага сьветапогляду». Философ обосновывает потребность белорусского народа создавать свою собственную «культурно-определенную жизнь на прочной основе собственных корней», постулирует укорененность христианской ценности любви к соотечественникам и Родине в прошлом и настоящем белорусского народа, его преданность церкви и костелу. Призывая белорусов «определить свой идеал», проявить «свою способность собственными шагами идти к творчеству собственных форм жизни», И. Абдиралович подчеркивает необходимость сохранения самобытности белорусской национальной культуры [1, с. 9].

Нельзя не отметить, что утверждение в сознании белорусской интеллектуальной элиты национальной идеи происходило в процессе развития двух идейно-политических течений: революционного демократизма (Ф. Богушевич, А. Гуринович, Э. Пашкевич, М. Богданович, Я. Купала, Я. Колас и др. рассматривали белорусов как самобытный народ и отстаивали возможность независимого от Польши и России развития Беларуси) и западноруссизма (М. Коялович, Л. Солоневич и др., признавая самобытность белорусов, считали, что Беларусь не является отдельной страной и рассматривали ее как составной элемент России, ее культурную и государственную часть).

Заклучение

В исторически изменяющихся формах нравственного сознания христианское наследие проявляется в развитии духовной жизнедеятельности белорусского общества, обнаруживая преемственность в трансляции моральных норм духовности. Нормы христианской морали, связанные с традициями белорусского народа, не позволяют разрушить преемственность нравственной культуры. Этот фактор в духовной жизнедеятельности белорусского общества имеет исключительное значение, так как в исторически изменяющихся формах духовности и нравственного сознания поколений проявляется как основа белорусской национальной культуры и социальной практики народа. Постоянная включенность в актуальную культуру, даже при частичном несовпадении с гос-

подствующей идеологией, является свойством морального наследия, выступающего фундаментом нравственной культуры. От интерпретации морального наследия зависят реальные практические действия по формированию нравственной культуры личности. Длительное развитие культуры общества сформировало ряд «фундаментальных «каналов» преемственности нравственных ценностей» (А.С. Лаптёнок), среди которых ведущими традиционно представляются искусство, система образования и религия. К сожалению, в современных условиях недостаточно использован потенциал искусства, и прежде всего литературы, в качестве источника нравственной информации [6].

Проведенное исследование показало, что важную роль в преемственности христианских ценностей играет «естественная» память, благодаря которой происходит непосредственная передача нравственного опыта от человека к человеку через практическую деятельность. Нравственная информация о жизненной практике фиксируется в памяти поколений и передается благодаря традиции. Укрепление христианства в национальной культуре ненасильственными методами путем возведения храмов и монастырей обусловило непрекращающееся влияние архетипов дохристианского периода на население Беларуси вплоть до современного этапа ее развития. С другой стороны, политеизм язычества, признавая существование множества богов, не ставил преград для распространения новой веры. Данные особенности способствовали формированию таких традиционных ценностей, как доброжелательность и толерантность в ситуации, осложняемой борьбой за власть в религиозно-общественной жизни белорусских земель христианских конфессий и доминированием одной из них в разные исторические периоды. Сохранение элементов язычества на Беларуси стало ответом на воздействие православного, католического, протестантского, униатского религиозных потоков, а также атеистического прошлого. Феномен двоеверия обусловил переплетение в восприятии белорусов образов Святого пророка Ильи и языческого бога Перуна, в их культурной жизни и обрядовой практике: празднование Рождества христианского подвижника Иоанна Предтечи (Крестителя) и языческого праздника Ивана Купалы и т.д. Культура дохристианского периода, и в частности, обрядность как один из главных компонентов этнокультурной трансляции, явилась фактором, предотвратившим размывание белорусского генотипа под влиянием польско-российского цивилизационного натиска.

В жизнедеятельности белорусского народа гуманистический потенциал ценностей христианства позволяет осмыслить их как основу для формирования и развития его национальной культуры, обеспечивающую преемственность опыта конструктивной социальной коммуникации, ведения интенсивного диалога между Западом и Востоком, сохранение высших духовных достижений прошлого. Особую значимость имеет укрепление христианских начал общности и консолидации, способствующее воспитанию патриотических чувств и убеждений, осознанию единства наиболее важных общественных и государственных интересов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам / І. Абдзіраловіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 44 с.
2. Бабосов, Е. М. Идеология белорусского государства: теоретические и практические аспекты / Е. М. Бабосов. – Минск : Амалфея, 2008. – 488 с.
3. Багдановіч, М. Поўны збор твораў : у 3 т. / М. Багдановіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – Т. 3 : Публіцыстыка, лісты, летапіс жыцця і творчасці. – 461 с.

4. Багушэвіч, Ф. Творы : Вершы, паэма, апавяданні, артыкулы, лісты / Ф. Багушэвіч. – Мінск : Маст. літ., 1991. – 309 с.
5. Купала, Я. Поўны збор твораў : у 9 т. / Я. Купала. – Мінск : Маст. літ, 2002. – Т. 8 : Артыкулы, нататкі, выступленні, калектыўныя творы. – 463 с.
6. Лапцёнок, А. С. Нравственная культура общества: преемственность и новации / А. С. Лапцёнок. – Минск : НИО, 1999. – 201 с.
7. Мельник, В. А. Основы идеологии белорусского государства / В. А. Мельник. – 3-е изд., испр. – Минск : Выш. шк., 2013. – 343 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 02.07.2015

Lahunouskaya A.A. Christian Foundations of the Belarusian National Idea

The article analyzes the place and role of Christian heritage in the formation of the Belarusian national idea. The categorical apparatus of social philosophy to the theoretical analysis of the original sources of the classics of the Belarusian national culture, which are presented based on spiritual and moral values of Christianity in their work, is used. The influence of the Christian tradition on the socio-cultural situation in which social activity of Belarusian people runs and their moral consciousness and attitudes form is considered. The conclusion is made that in historically changing forms of moral consciousness the Christian heritage is manifested in the spiritual development of life of the Belarusian society, showing the continuity in compilation of moral standards spirituality. It is emphasized that this factor in the spiritual life activity of Belarusian society is of paramount importance, since historically varying forms of spirituality and moral consciousness of generations appears as the foundation of Belarusian national culture and social practices of the people, the role and place of the Christian heritage in the formation of Belarusian national idea. We study the system of Christian values in creativity classics of Belarusian national culture.

УДК 7.01

Е.С. Шевчук*канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии
Ровенского государственного гуманитарного университета (Украина)***ПРОБЛЕМА ЭСТЕТИЧЕСКОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ
В ПОЛЬСКОЙ ЭСТЕТИКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.**

В статье анализируются основные аспекты проблемы эстетического переживания в концепциях выдающихся польских эстетиков первой половины XX в., в частности, Р. Ингардена, В. Татаркевича, С. Оссовского, М. Валлиса, Л. Блаустайна. Целью данного исследования является анализ таких положений, как предмет эстетических переживаний и способ его существования, социальные и культурные детерминанты эстетических переживаний, роль диспозиций субъекта, способствующих эстетическому переживанию, а также специфика эмоциональных переживаний, полученных во время эстетического общения с произведениями искусства.

Актуальной проблемой современной эстетики является необходимость реабилитации сферы чувственности и телесности, связанная с введением сенсуально-валентных моментов в сферу эстетического опыта. Необходимость возвращения категории эстетического опыта как такого, который организует эстетическую рефлексию искусства и всех других эстетически ориентированных отраслей, является сегодня важным вопросом. Проблема эстетического опыта, или эстетического переживания, является центральным положением эстетической теории и практики. Большое значение категории эстетического переживания придавали представители польской эстетики первой половины XX в.: Роман Ингарден, Владислав Татаркевич, Станислав Оссовский, Мечислав Валлис, Леопольд Блаустайн и др.. Именно анализу взглядов этих ученых на проблему эстетического переживания, его разнообразия и значения в процессе понимания и оценке произведений искусства и других возможных эстетических предметов посвящено это исследование.

Следует отметить, что проблема эстетического переживания была предметом исследований еще со времен Древней Греции. Первое известное высказывание об эстетическом переживании содержится в пересказанном Диогеном Лаэртским утверждении Пифагора: жизнь подобна играшкам, одни приходят на них соревноваться, другие торговать, а самые счастливые – смотреть. Эти последние занимают эстетическую позицию.

В общем, эстетическая мысль с античности до современности включала много разных теорий эстетического переживания. Значительная их часть имела односторонний либо фрагментарный характер, обращала внимание только на некоторые характеристики данного положения. То, что теоретический анализ эстетического переживания не исчерпывается описанием и имманентным анализом структуры и протекания этого переживания, осознавали польские эстетики первой половины XX в. Они также понимали, что для «схватывания» природы эстетического переживания и полноценной его характеристики необходимо учитывать, в частности, его предметные и социокультурные обусловленности. Важными также являются вопросы роли субъекта и специфики эмоциональных переживаний, полученных во время эстетического общения с произведениями искусства.

Большинство польских эстетиков первой половины XX в. осознавали разнородность предметов эстетических ощущений, как и самих эстетических ощущений. Татаркевич, Валлис и Блаустайн считали, что возможно и необходимо типологизировать эс-

стетические предметы и эстетические переживания, которые им соответствуют. Оссовский считал, что исчерпывающая типологизация эстетических явлений невозможна. Р. Ингарден же осознавал разницу проистекания эстетических переживаний, вызванных произведениями, которые представляют разные виды искусства, не создал, однако, типологии эстетических предметов и переживаний.

Попытки создания типологии эстетических предметов и переживаний можно найти у Валлиса, Татаркевича и Блаустайна. В начале 30-х гг. XX в. Валлис, в частности, выделил пять основных видов эстетических предметов: предметы *прекрасные* и *красивые*, *эстетически чудовищные* (экспрессивно чудовищные, гротескные и характерно чудовищные), *возвышенные*, *трагические* и *комические* [1, с. 243]. Все эти виды предметов заслуживают называться эстетическими, поскольку все они способны вызывать эстетические переживания. В 1932 г. он выделил две группы эстетических переживаний: «переживания эстетически гармоничные» и «переживания частично эстетически дисгармоничные». В 1949 г. Валлис поддержал и развил концепцию деления эстетических предметов на две большие группы в зависимости от того, какой тип эстетических переживаний они вызывают (гармоничные или частично дисгармоничные). В результате «каждому виду эстетических предметов соответствует ... с одной стороны, некоторая эстетическая ценность, с другой – некоторый вид эстетических ощущений» [1, с. 188].

Типология эстетических переживаний В. Татаркевича также учитывает принципиальное различие предметов этих переживаний. В работе «Позиция эстетическая, литературная и поэтическая» (1933) Татаркевич выделил три основных типа переживаний [2, с. 86]. *Эстетические* переживания в узком и точном, с точки зрения автора, значении вызваны предметами, данными непосредственно, а именно: явления природы (цветы, животные и т.д.), предметы техники, архитектурные и музыкальные произведения. Два иных типа переживаний, названные Татаркевичем *литературными* и *поэтическими*, казалось бы, должны вызываться предметами, которые не даны непосредственно, а с помощью знаков и слов. Однако это не так. По мнению философа, литературные переживания могут вызывать не только литературные, но также некоторые пластические и музыкальные произведения, а поэтические могут быть вызваны как лирической поэзией, так и некоторыми произведениями музыки и видами природы. Таким образом, предметы эстетических ощущений, отвечающие выделенным автором типам переживаний, не являют собой однородных групп. Корреляция между тремя видами переживаний и группами предметов, им соответствующих, является относительной. Музыкальные произведения, по мнению Татаркевича, могут вызвать все три типа переживаний. Вскоре Татаркевич осознал несостоятельность такого решения и в 60-х гг. XX в. говорил уже о двух группах эстетических предметов (непосредственно данных, в случае пластики и музыки, или посредственно – в литературе) и двух видах эстетических переживаний, им соответствующих [3, с. 134].

Л. Блаустайн считал, что «вид рецепции зависит от типа эстетического предмета». Он различал три основных вида эстетического восприятия: *созерцательное*, *имагинативное* и *сигнитивное* [4, с. 401]. В *созерцательном* восприятии единственными предметами ощущений являются реальные объекты, непосредственно и наглядно данные (произведения природы и художественного ремесла, произведения архитектуры, беспредметной пластики и музыки). В *имагинативном* восприятии предметами эстетического ощущения являются не только репрезентативные объекты (например, компонование цветочных пятен или тело актера), имагинативные объекты (какие-либо персонажи и изображенные на картине или сыгранные актерами ситуации), а также изображен-

ные объекты, существующие реально или в исторической действительности (например, Цезарь как исторический персонаж). Имагинативное восприятие возникает во время эстетического переживания произведений скульптуры и изобразительного искусства, кино и театра. Третий вид восприятия – *сигнитивное* – возникает только во время эстетического общения с произведениями литературы. Изображенными объектами, непосредственно данными, тут выступают слова. Также предметами эстетического ощущения тут выступают сигнитивно изображенные объекты (изображенный в произведении мир), которые не даны реципиенту ни непосредственно, ни наглядно.

Большинство польских эстетиков данного периода (Татаркевич, Валлис, Витвицкий) представляли традиционную точку зрения, согласно которой каждое произведение искусства одновременно является эстетическим предметом, но не каждый эстетический предмет является произведением искусства. Эстетическими предметами, согласно Валлису, могут быть также явления природы, произведения техники, деятельность человека, научные теории и т. д.

Иную позицию в этом вопросе занимал Р. Ингарден. Ему удалось создать наиболее развитую и оригинальную концепцию эстетического предмета среди всех, возникших в 30-х гг. XX в. во всей мировой эстетике [5, с. 25]. В результате онтологического анализа он различил три разных, но связанных между собой вида бытия:

1) физический фундамент произведения искусства, каким является своеобразный материальный объект (например, рисунок или книжка);

2) произведение искусства как чисто интенциональное и схематическое произведение, которое надстраивается на материальном объекте (картина или литературное произведение);

3) собственно эстетический предмет, каким является конкретизация произведения искусства, совершенная реципиентом (например, зрителем или читателем), в эстетической позиции [6, с. 7–8].

Согласно Ингардену, и произведение искусства, и эстетический предмет не являются реальными (физическими, психическими или психофизическими) объектами, но объектами чисто интенциональными [7, с. 157]. Известно, что Р. Ингарден четко противопоставлял чисто интенциональные объекты реальным. Как интенциональные объекты произведение искусства и эстетический предмет являются аналогами, а также произведениями актов сознания и только в этих актах имеют источник своего бытия и своего полного обеспечения.

Как чисто интенциональные объекты, произведение искусства и эстетический предмет являются объектами: несамостоятельными (не имеют фундамента в самих себе), походными (созданы автором и реципиентом), зависимыми (от создателя, реципиента и фундамента), избавленными временной «актуальности», хотя и выглядят существующими в реальном времени [8, с. 283]. Эстетический предмет как объект чисто интенциональный хотя и избавлен временной «актуальности», однако в отличие от произведения искусства как схематического произведения является «произведением, растянутым во времени», существующим в «феноменальном конкретном времени».

Несмотря на зависимость от актов сознания творца и реципиента, произведение искусства и эстетический предмет как его конкретизация являются самостоятельными объектами (представляют вторую целостность относительно переживаний реципиента) и трансцендентными относительно ощущений субъекта восприятия. Существование произведения искусства, однако, отличается от существования эстетического предмета, поскольку его основой является не только материальный фундамент, но также автор

и реципиент произведения. Поэтому произведение искусства, как и его фундамент, не перестает быть интерсубъективным объектом. Эстетический же предмет является предметом моносубъективным, непосредственно доступным только реципиенту, совершившему эстетическую конкретизацию данного произведения искусства. Таким образом, согласно Ингардену, произведение искусства не является одним из возможных эстетических предметов, оно не существует идентичным способом.

Иные эстетики, в частности, Татаркевич, Валлис и Витвицкий, в 1930-х гг. не видели различия между произведением искусства, эстетическим предметом и физическим фундаментом произведения искусства. Ингарден даже критиковал Татаркевича и Витвицкого за то, что, по его мнению, предметы эстетического переживания являются элементами реального мира, дающимися субъекту в эмоциональных наблюдениях. Витвицкий не изменил своего мнения в этом вопросе, Татаркевич же в работе «Два понятия формы» («Dwa pojęcia formy») (1949) различил произведение искусства и эстетический предмет. В процессе общения с произведением реципиент дополняет его в своем сознании воображением и мыслями, вызывающими ассоциацию с этим произведением. Вместе с этими дополнениями произведение искусства становится эстетическим предметом [9, с. 157–158]. Хотя сам Татаркевич не ссылается при этом на Р. Ингардена, но, вероятно, именно под его влиянием «увидел» данное различие. Очевидно, впрочем, что именно под влиянием Ингардена частично скорректировал свою позицию в этом вопросе и М. Валлис, который в 1930-х гг. считал произведения искусства физическими объектами особого вида, а в 1960-х гг. принял ингарденовское противопоставление произведения искусства и эстетического предмета физическому фундаменту произведения, не признав, однако, разделения произведения искусства и эстетического предмета. Он предложил называть мраморные глыбы или холст с нанесенной краской «носителями произведений искусства», «произведениями искусства», а эстетические предметы считал результатом наблюдения и интерпретации этих носителей реципиентом. В целом совершенное Р. Ингарденом разделение фундамента произведения и самого произведения не вызывает сомнений. Хотя некоторые проблемы возникали при исследовании абстрактного искусства, поскольку тут тяжело различить рисунок и образ.

Важным элементом объективной обусловленности эстетических переживаний являются социальные и культурные детерминанты этих переживаний. Эта проблематика особенно близка марксизму, поскольку его всегда интересовала позиция и значение среды, исторической и классовой обусловленности человеческих реакций на явления природы и творения культуры. Среди классиков марксистской эстетики этой проблемой интересовались, в частности, Плеханов и Луначарский. Среди польских эстетиков первой половины XX в. к этой проблеме обращались Валлис и Оссовский.

М. Валлис обращал внимание прежде всего на историческую динамику, а также культурные и социальные обусловленности эстетических оценок и переживаний. Неоднократно он подчеркивал, что важным условием восприятия произведения искусства является понимание его темы, языка, символики и знаков, используемых автором, а также психических объектов, представленных в произведении. Возможность исполнения этих условий реципиентом является культурно, исторически и социально детерминирована: «Каждое произведение искусства возникает в некотором определенном культурном кругу, в некоторой эпохе, некоторой среде и предназначается прежде всего реципиенту из этого культурного круга – из этой эпохи, из этого народа и среды» [10, с. 170]. Реципиент из иного культурного круга может иметь проблемы с пониманием не только языка литературного произведения, но также языка жестов, выражающих психическую

жизнь в произведении пластики или театра. Валлис также подчеркивал, что со временем наш способ восприятия данного произведения искусства может меняться, поскольку меняется «фон», через призму какого интерпретируем произведение. Этим эстетик объясняет, в частности, факт непринятия в некоторых эпохах и культурах искусства иных эпох и других культур.

С. Оссовский утверждал, что социальная среда формирует нашу чувствительность различными способами. Может даже прививать необходимость эмоционального реагирования на некоторые произведения. Социальная среда влияет на нашу иерархию ценностей и на критерии эстетической оценки, а наши эстетические реакции в значительной мере формируются под влиянием эстетической культуры среды [11, с. 280]. От социальной среды зависит как способ понимания символов, смыслов, изображенных и выраженных в произведении, так и способ восприятия этого произведения. В разных типах культур существуют разные системы знаков, различные коды значений и художественные конвенции. Незнание значений, выраженных элементами орнамента первобытного искусства или конвенции китайского театра, без сомнения, влияет на эстетическое восприятие и на сам способ организации воспринимаемых знаков. Речь здесь идет не только о знании этих конвенций, но также о навыках общения с произведениями, выдержанными в данных конвенциях. Конвенции, к которым мы привыкли, перестают восприниматься нами как конвенции.

Без учёта объективных социокультурных обусловленностей, по мнению Б. Дземидока, вообще невозможно создать удовлетворительной теории эстетических переживаний. Не все эстетики, однако, достаточно оценивают значение этой проблемы для теории эстетических переживаний и ценностей. В целом проблематика предметной и социокультурной обусловленности переживаний, вызванных эстетическими предметами, в польской эстетике была детально и всесторонне проанализирована. К достижениям польской эстетической мысли в этой сфере следует причислить ингарденовскую концепцию эстетического предмета (особенно онтологические исследования Ингардена способа существования произведения искусства и его эстетической конкретизации), ценный типологический анализ, а также определения Татаркевича и Блаустайна и, конечно же, проникновенные размышления Валлиса и Оссовского, посвященные социокультурной обусловленности эстетических переживаний.

Положение субъективной обусловленности эстетических переживаний может рассматриваться в двух проблемных группах: первая связана с продолжительными психофизическими квалификациями субъекта, способствующими эстетическому переживанию, вторая же касается быстротечных психофизических диспозиций и внутренних установок субъекта, способствующих или не способствующих получению адекватного эстетического переживания.

Среди эстетиков первой половины XX в. больше всего внимания квалификациям субъекта эстетического переживания посвятили М. Валлис и Р. Ингарден. Валлис сформулировал несколько необходимых субъективных условий правильного эстетического переживания: 1) владение нормальными органами чувств, поскольку человек с дефектами зрения или слуха не может полностью ощутить эстетического переживания картины или музыкального произведения; 2) специфическое эстетическое восприятие (например, музыкальность формируется благодаря «хорошему слуху», музыкальной памяти, чувству ритма, восприятию чувственной ценности музыки, то есть на экспрессивно-эмоциональной ценности тональности, ритма, темпа, динамики и т.д.); 3) субъект эстетического переживания должен также иметь навыки эстетического общения с той или

иной сферой искусства (иметь музыкальную, литературную культуру и т.д.); 4) важными и необходимыми для понимания художественного замысла автора, правильного понимания произведения, понимания семантических элементов (языка, условных знаков и символов), правильной интерпретации психологических элементов данного произведения также являются интеллектуальные характеристики субъекта и степень умственного развития; 5) отношение субъекта к произведению не должно быть слишком благоприятным или неблагоприятным [12, с. 45–47].

Согласно Р. Ингардену, необходимыми квалификациями реципиента произведения искусства являются: 1) «восприятие актуальных качеств произведения искусства»; 2) способность «раскрыть и сконструировать последующие конкретные моменты и заполнить лакуны, существующие в произведении»; 3) способность «актуализации моментов, которые в самом произведении являются лишь потенциальными» и умение реконструкции актуальных моментов произведения; 4) «способность субъекта к эмоциональной реакции на ценность или ценностные качества, наглядно проявленные благодаря эстетическому переживанию» [13, с. 166–167].

Проблематикой кратковременных психофизических диспозиций реципиента среди польских эстетиков первой половины XX в. занимался прежде всего М. Валлис. Он говорил об особенной «психической конъюнктуре», т.е. о «группе переходных психических диспозиций», которые делают реципиента особенно восприимчивым относительно некоторого произведения искусства или некоторых его сторон. Благоприятная «психическая конъюнктура» (хорошее настроение, влюбленность реципиента) может привести к тому, что художественное произведение вызывает эстетические переживания, не пропорциональные («перенасыщенные») ценностям самого произведения [14, с. 56–57].

Важным условием реализации эстетического переживания и условием его правильного протекания является определенная внутренняя установка субъекта, которую часто называют эстетической установкой. Большое разнообразие художественных явлений (особенно характеризующих современное искусство) временами вызывает сомнения, действительно ли существует какая-то своеобразная и универсальная эстетическая установка и возможно ли определить ее специфику.

Одним из дискуссионных в теории эстетических переживаний до сих пор является вопрос роли эмоциональных факторов. Эмоциональные переживания относятся к самым сложным и недостаточно изученным факторам психической жизни. Для польских исследователей проблемы эстетического переживания начала XX в. характерно неразграничение таких терминов, как «эмоции», «ощущения», «волнения». Хотя и в современной психологии также не существует четкого различия между терминами «эмоции» и «чувства».

В вопросе специфики «эстетических эмоций» можно выделить три концепции: 1) концепция собственно эстетических эмоций (Витвицкий и Чежовский), не нашедшая подтверждения и редко провозглашаемая; 2) концепция, признающая, что в ходе эстетического общения с произведением искусства можно переживать как эстетические, так и неэстетические эмоции (Виткевич и Ингарден) (эта концепция и теперь имеет много сторонников); 3) концепция, согласно которой не существует каких-либо собственно эстетических ощущений: нельзя выделить в эстетическом переживании эстетических и неэстетических эмоций.

Фактом является то, что эмоции, входящие в состав переживания, вызванного художественным произведением, отличаются (имеют свою специфику) от аналогичных эмоций, полученных в жизненных ситуациях. В современной эстетике такую позицию

представляют, в частности, С. Пеппер и Л. Выготский. Из польских эстетиков исследуемого периода ее представляют С. Оссовский и В. Татаркевич.

В польской эстетике начала XX в. не было теоретиков, которые утверждали, что возможно эстетическое переживание, полностью избавленное эмоциональных составляющих. Не потеряли актуальности и познавательного значения, в частности, стремления сконструировать универсальные структурные модели места и роли эмоции в эстетическом общении с произведениями искусства (Ингарден). Еще более привлекательным является утверждение, что в вопросе роли эмоции в эстетическом переживании монистическое и универсальное решение невозможно (Татаркевич).

В целом в данном исследовании удалось представить основные аспекты теорий эстетического переживания представителей польской эстетики первой половины XX в. В частности, проанализированы предметные и социокультурные обусловленности эстетического переживания, а также рассматриваются вопросы роли субъекта и специфики эмоциональных переживаний, полученных во время эстетического общения с произведениями искусства.

Следует отметить, что не все существенные проблемы теории переживания стали предметом научного интереса и аналитических исследований польских эстетиков первой половины XX в. Не была, в частности, рассмотрена проблематика функций эстетических переживаний относительно субъекта их восприятия. Мало внимания уделялось положениям жизненного значения эстетических переживаний.

Общей характеристикой работ польских эстетиков первой половины XX в. является то, что проблематика эстетических переживаний органичным образом связана с проблематикой эстетических ценностей и концепцией произведения искусства как основного предмета эстетических ощущений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Wallis, M. O świecie przedmiotów estetycznych / M. Wallis // *Przeżycie i wartość. Pisma z estetyki i nauki o sztuce (1931–1949)*. – Kraków, 1968. – 323 s.
2. Tatarkiewicz, W. Postawa estetyczna, literacka i poetycka / W. Tatarkiewicz // *Droga przez estetykę*. – Warszawa, 1972. – 130 s.
3. Tatarkiewicz, W. Dzieje szczęścia pojęć / W. Tatarkiewicz. – Warszawa, 1975. – 290 s.
4. Blaustein, L. Rola percepcji w doznaniu estetycznym / L. Blaustein // *Przegląd Filozoficzny*. Roczn. XI. – 1937. – Zesz. IV. – S. 399–408.
5. Dziemidok, B. Teoria przeżyć i wartości estetycznych w polskiej estetyce dwudziestolecia międzywojennego / B. Dziemidok. – Warszawa, 1980. – 352 s.
6. Ingarden, R. O budowie obrazu / R. Ingarden // *Studia z estetyki*. – Warszawa, 1958. – T. 2. – 475 s.
7. Ingarden, R. O poznawaniu dzieła literackiego / R. Ingarden. – Warszawa, 1976. – 468 s.
8. Ingarden, R. Spór o istnienie świata / R. Ingarden. – Kraków, 1948. – T. 2. – 779 s.
9. Tatarkiewicz, W. Dwa pojęcia formy / W. Tatarkiewicz // *Droga przez estetykę*. – Warszawa, 1972. – 482 s.
10. Wallis, M. Wyraz i życie psychiczne. O rozumieniu dzieł sztuki przedstawiających przedmioty psychiczne / M. Wallis // *Przeżycie i wartość. Pisma z estetyki i nauki o sztuce (1931–1949)*. – Kraków, 1968. – 323 s.

11. Ossowski, S. U podstaw estetyki / S. Ossowski // Ossowski, S. Dzieła. – Warszawa, 1966. – T 1. – 432 s.
12. Wallis, M. O zdaniach estetycznych / M. Wallis // Przeżycie i wartość. Pisma z estetyki i nauki o sztuce (1931–1949). – Kraków, 1968. – 323 s.
13. Ingarden, R. Zasady epistemologicznego rozważania doświadczenia estetycznego / R. Ingarden // Studia z estetyki : w 3 t. – Warszawa, 1970. – T. 3. – 440 s.
14. Wallis, M. Prawdziwość i ważność zdań estetycznych / M. Wallis // Przeżycie i wartość. Pisma z estetyki i nauki o sztuce (1931–1949). – Kraków, 1968. – 323 s.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.06.2015

Shevchuk E.S. The Problem of Aesthetical Experience in Polish Aesthetics of the First Half of 20th Century

The article is dedicated to the analysis of main aspects of aesthetical experience. The author presents the interpretation of ideas which were developed in the works of famous Polish philosophers of the first half of the 20th century (Roman Ingarden, Wladyslaw Tatarkiewicz, Stanislaw Ossowski, Mieczyslaw Wallis, Leopold Blaustein). Aesthetic thought from antiquity to modern times included many different theories of aesthetic experience.

УДК 94(476):281.5

А.Н. Вабищевич¹, Р.В. Чуль²

¹д-р истор. наук, зав. каф. истории славянских народов
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

²аспирант каф. истории Беларуси
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

УНИАТСКИЕ ЦЕРКВИ БРЕСТСКОГО ПОВЕТА В XVII – НАЧАЛЕ XIX вв. (НА ПРИМЕРЕ ЗБУРАЖСКОЙ ЦЕРКВИ ПРЕПОДОБНОГО СИМЕОНА СТОЛПНИКА)

В материалах статьи на примере униатской приходской церкви преподобного Симеона Столпника в Збурже Брестского повета Брестского воеводства (теперь Малоритский район Брестской области) отражается положение униатской церкви в Беларуси в составе Речи Посполитой. Определенное внимание отводится ценным историческим источникам по истории всего униатства – визитациям (ре-визиям) парафиальной жизни. На страницах отчетов визитаторов находили свое место внешнее устройство, внутренний вид церкви, церковные земельные наделы, имена настоятелей, количество прихожан, описание местного братства.

Введение

Униатская церковь в границах Речи Посполитой образовывала Киевскую митрополию с центром в Вильно и состояла из 9 епархий. В середине XVIII в. в ее составе было более 1 000 церквей, из них не менее половины находились непосредственно на белорусских землях. Возглавлял униатскую церковь митрополит. На эту должность выбирался обычно Полоцкий архиепископ или Владимиро-Брестский епископ [1, с. 157–158]. В 1804 г. Луцкий епископ Стефан Левинский доставил в митрополию письмо Брестского епископа Иосафата Булгака, в котором сообщалось о переходе из восточного обряда в римско-католическую веру более 12 тыс. униатов [4]. В 1807 г. в состав Брестского епископства пошли 802 прихода с 748,5 тыс. прихожан и 950 священниками. В епархии числилось 50 мужских и женских монастырей с 413 монахами обоюбого пола. В 1810 г. произошли изменения в структуре униатской церкви. В состав Брестской епархии вошли Гродненская губерния, часть Минской губернии, Пинский, Мозырьский и Речицкий поветы и Белостокская область. Брестский епископ находился в Жировичах [7, с. 9–10].

Значительную роль в консолидации униатства сыграл митрополит Лев Кишка (1668–1728), уроженец Ковеля. Он укрепил базилианский орден, восстановил Супрасльскую типографию, расширил возможности для получения образования белого духовенства. Л. Кишка был инициатором Замойского церковного собора 1720 г. [1, с. 168–169]. Также он издал в 1727–1732 гг. в Супрасле большим тиражом унифицированный для всех приходов «Служебник» [8, с. 161–162].

Для истории церквей униатского периода важное значение имеют «визитации». Известно, что в униатстве не было обычая, чтобы сами высшие церковные иерархи (епископы, митрополиты) производили посещение церквей своей епархии. Церковно-административные полномочия униатские епископы всецело предоставляли официалам (наместник духовного владыки, управляющий епархией от его имени) и деканам. Те и другие довольно часто объезжали подведомственные им округа для ревизии церквей. В униатских епархиях, особенно в XVIII в., присутствовали особые «генеральные визитаторы», которые посылались епископом для ознакомления с действительным положением дел в епархии. Проводя ревизию церкви, официалы, визитаторы и деканы подробно излагали результаты своих наблюдений в визитационных записях или «визи-

тах», которые хранились при церквах. Эти записи заключают в себе описание церкви и ее движимого и недвижимого имущества, сведения о священнослужителях, о приходе и приходских учреждениях. Они имели значение как документы, гарантирующие целостность церковного имущества, а для современных исследователей представляют огромный исторический интерес, сообщая всесторонние сведения о состоянии церкви и церковной жизни в приходе [2, с. 238–239].

Целью настоящего исследования является научная реконструкция церковно-приходской жизни, архитектурных особенностей униатской церкви преподобного Симеона Столпника в с. Збураж Брестского повета в XVII – начале XIX вв.

Збуражская униатская церковь преподобного Симеона Столпника в XVII – начале XIX вв.

До 1915 г. в архиве Николаевской церкви г. Малориты хранились документы визитации Збуражской церкви Брестского уезда Гродненской губернии за 1747 и 1802 гг.

Рисунок – Типичный образец униатского храма XVIII в.

Описание храма, церковного причта и прихожан дают полную картину приходской жизни на территории Малоритчины в XVII – начале XIX вв. Ревизия униатской церкви во имя преподобного Симеона Столпника в селе Збураж в 1747 г. производилась официалом-аббатом Кобринского монастыря Андреем Бенецким, а 3 июля 1802 г. приход инспектировал генеральный визитатор Брестской епархии каноник Антоний Тупальский.

Село Збураж во времена Речи Посполитой находилось в Брестском повете Брестского воеводства, а местная церковь относилась к Полескому деканату Владимиро-Брестской, а с 1798 г. Брестской епархии [3]. Збураж принадлежал к числу королевских имений. После третьего раздела Речи Посполитой 1795 г. и с переходом современных юго-западных регионов Брестчины под власть Российской империи имение Збураж с населенными пунктами Збураж, Малорита, Олтуш и Хотислав было пожаловано генерал-майору российской армии Николаю Ланскому. С этого времени церковь находилась в подданстве Ланского и его наследников (братья Порошины и семья Маймескулов).

Приход Збуражской церкви состоял из одного села Збураж. Из приходского делопроизводства велись только записи крестившихся. На 1802 г. в Збураже числилось 80 дворов (дымов) с 483 душами [2, с. 246]. Каноник Тупальский в своем визите за 1802 г. упоминает древнюю церковь в Збураже, построенную в середине или конце XVI в. как, возможно, православную (антиминс в ней был освящен между 1666 и 1677 гг. епископом Владимиро-Брестским Венедиктом Глинским). По состоянию на 1747 г. эта церковь, построенная из цельных круглых брусьев, была уже настолько стара, что, по отзыву визитатора А. Бенецкого, требовала неотложного ремонта или замены новой.

Первоначальная Збуражская церковь по своему виду представляла обычный тип деревянных церквей Полесья. Она имела вид продолговатого здания, покрытого гонтом, с одним куполом и тремя железными крестами: один на куполе, а остальные два, очевидно, по краям крыши – с передней и алтарной стороны [5]. С передней стороны церкви к ней примыкала пристройка, которая составляла притвор (бабинец) и одновременно служила колокольной: в верхней ее части находились 3 колокола. Церковь окружал погост, обнесенный бревенчатым забором («*dylami oparkowanu*»). Внутреннее

устройство и убранство храма о. Андрей описывает так: киоты резной работы со святыми образами, на которых серебряные венцы, несколько привесок в виде серебряных и оловянных крестиков и дощечек, а также несколько нитей с бисером; священные сосуды: дарохранительница, 3 чаши, 3 дискоса, 1 лжица, 1 мирница, старая (вероятно еще православная) дароносица – все цинковое; подсвечники – все деревянные (10 шт.); один деревянный висячий светильник с 8 деревянными подсвечниками вокруг. Где висел последний светильник, не указано. Поэтому нельзя с уверенностью сказать, было это паникадило или же большая лампада перед образом для одной большой свечи с 8 гнездышками для малых свечей, жертвуемых богомольцами-прихожанами. Эта церковь существовала еще в конце XVIII в.

Священник Антоний Тупальский в 1802 г. сообщает, что в церкви случился пожар. Вскоре прихожане построили новую деревянную церковь крестообразной формы; передний выступ здания составлял притвор с совмещенной колокольной. Крыша была гонтовая, с двумя куполами: один над средней частью храма, другой – над притвором. Кроме двух крестов, увенчивавших купола, было еще 3 железных креста, над алтарной частью и по краям крыши. Церковный погост уже перестал служить кладбищем. Существовало отдельное кладбище, открытое незадолго до времени визитации, потому что только отчасти было обнесено забором. Визитатор настоятельно рекомендовал настоятелю при помощи прихожан соорудить ограду вокруг всего кладбища.

Внутреннее устройство новой церкви было подобно прежнему; многие иконы и утварь, очевидно, были спасены во время пожара. Но каноник обращает внимание на некоторые особенности. В главном алтаре вместо образа «Непорочное зачатие Пресвятой Девы» был образ «Пресвятая Троица», который закрывался выдвигаемой иконой «Распятие». Был и иконостас, даже больше прежнего: царские врата резной работы, украшенные краской, золотом и серебром; при них 2 «наместных» киота с престолами резной работы, украшенных золотой и серебряной краской; в одном из них образ Спасителя, в другом – Божией Матери. В боковых нишах церкви (w załamaniach krzyżowych) – 2 двухъярусных киота, такой же работы и отделки как наместные: один – с правой стороны с образом преподобного Симеона Столпника и иконой Божией Матери (вверху), другой – с левой стороны, с образом Рождества Христова и иконой Ченстоховской Божией Матери (вверху). Далее упоминается выносной «профессиональный алтарь» и 9 лучших икон на стенах храма. Кроме старых оловянных священных сосудов, на начало XIX в. при церкви имелись серебряные чаша, дискос, лжица, дарохранительница и дароносица, а также серебряный монстранц. В алтаре имелось 5 звонков, а на колокольной 5 колоколов. Богослужбные книги имелись следующие: на престольное евангелие в кожаном переплете, служебник, триодь цветная, полуустав, третофологион, триодь постная, октоих, требник и «Kazusy» митрополита Кишки (все издания – печатные); миная писаная. Священнических облачений имелось 4 смены [2, с. 240–242].

Настоятелем Збуражской церкви в 1747 г. был о. Павел Пашкевич, рукоположенный в священники Киевским и Галицким митрополитом Львом Кишкой 27 января 1725 г. В 1802 г. в Збураже священником был о. Михаил Харлампович, рукоположенный епископом Владимирским и Брестским Симеоном Млоцким в 1788 г. Для содержания священника при церкви имелся земельный надел. Первоначально этот надел состоял из 2,5 волок: № 3 (Борисовская), № 4 («Гольпич») и № 15 («Тарасович»). Все угодья в границах этих волок издревле и до XVIII в. находились в бесспорном владении церкви. Названия волок и их нумерация говорят о том, что они первоначально принадлежали крестьянским наделам: первая, очевидно, перешла во владение церкви от потомков некоего Бориса, вторая – от потомков Голыпы (до начала XX в. такая фамилия еще су-

ществовала на Полесье), а 0,5 волюки – от потомков Тараса. Вскоре после ревизии 1747 г., еще при жизни тогдашнего священника П. Пашкевича, 0,5 «Тарасовичской» волюки было отнято от церкви. Зато церковь получила несколько прибавок к первоначальному наделу.

По описаниям визитатора в 1802 г. церковный надел был следующим: 2 первоначальные волюки разделялись на 3 части: Борисовская (располагалась при усадьбе), урочище Красник и урочище Сельцо; каждая часть была шириной в 16 загонов, а в длину от Олтушской границы до Гвозницкой. Дополнительный церковный надел был раскинут в разных местах: в урочищах Сухи, Закрайное, Поповское, Чижи, Лазы и Наровьи (пахотные поля на 27 «шанков» (единица измерения земельной площади); Витвинцы, Осинки, Сельцо, Хвощи и Чеховское (сенокосные луга на 36 «косарей») [6]. Когда и кем даны церкви первоначальный и дополнительные наделы, неизвестно. На 1802 г. у Збуражской церкви не было ни фондуционных записей, ни комиссарского листа. По всей видимости, данные документы были уничтожены пожаром в конце XVIII в. Единственными письменными документами, подтверждающими права церкви на владение земельными наделами, описаны в предыдущих визитациях 1726, 1786 и 1800 гг., а также вводный лист от 1801 г. священнику Харламповичу [2, с. 244].

При церковном погосте, на церковной земле, была расположена усадьба (плебания), где находился дом священника, состоявший из «белой избы», сеней с кладовкой (коморой) и пекарни (кухни) с коморой. При доме были амбар, 2 гумна, конюшня, 6 хлебов и сеновал. Дом священника был покрыт тесом, остальные постройки – соломой. Описание каноника А. Тупальского дает возможность познакомиться и со внутренним устройством дома: «сени разделяли дом на 2 части; с одной стороны была «большая белая изба», т.е. светлица, с 3 окнами, с деревянным полом и изразцовой печатью; при светлице пристройка с одним окном (alkierz); по другой стороне сеней – «пекарня» (кухня) с 3 оконцами; двое дверей у светлицы на завесах, двери в сенях и кухне – на «бегунах». Именно таковым был обычный тип жилья униатского духовенства в конце XVIII – начале XIX вв.

В визитации не упоминается о существовании при Збуражской церкви других членов причта, кроме священника. На территории Беларуси в униатских сельских приходах диакон отсутствовал. Однако в визитации 1802 г. упоминается, что фондушечные земельные владения для дьяка не предусмотрены. Однако нельзя сомневаться, что дьяк (дьячок) как церковнослужитель при церкви имелся, иначе просто невозможно представить как могло совершаться греко-католическое богослужение по восточному обряду без чтеца. Простые прихожане не могли выполнять эти обязанности, поскольку были неграмотными или малограмотными. По состоянию на начало XIX в. на территории прихода отсутствовала церковная школа. В то время церковные чтецы-певцы не имели того определенного церковно-общественного положения и статуса, как позже, особенно во второй половине XIX в. Дьячок был частным лицом и не числился штатным церковнослужителем, он добровольно выполнял церковно-приходские поручения, получая за требы небольшое вознаграждение и готовя себя к будущему рукоположению в священника [2, с. 245]. При церкви существовало братство, игравшее роль приходского распорядительного органа. В его распоряжении находились не только братская казна, составлявшаяся из складчины, но и церковная кружка («skarbona», местн. «скарбуня»). Денежные средства церкви были небольшими. По подсчетам каноника-визитатора, в середине 1802 г. церковных сумм имелось 5 злотых 8 грошей и в долгу за кем-то числилось 20 злотых.

Заклучение

Таким образом, немногочисленная Збуражская церковная община состояла из местного белорусского населения, хотя имелись и поляки-католики, управляющие королевскими имениями. Ближайший католический костел был в 50 верстах в Брест-Литовске, поэтому натиска полонизации и латинства збуражская паства не испытывала. Это подтверждается и тем, что униатское высшее духовенство защищало свою церковную самостоятельность. Визитаторы строго предписывают настоятелям Збуражского униатского прихода не вмешиваться в религиозные дела латинского обряда без письменной просьбы ксендза. Верующие содержали свою приходскую церковь в надлежащем виде. В храме отсутствовали дорогие украшения, однако главной ценностью были святые иконы в украшенных занавесками киотах. Благоустройство церкви постепенно улучшалось: оловянные священные сосуды заменялись серебряными. Однако в церковном устройстве появились некоторые нововведения. Иконостас сохранил свою неприкосновенность вплоть до первой половины XIX в., священные сосуды для евхаристии, богослужебные книги и другая церковная утварь – все это свидетельствует о греческом обряде и славянском богослужении в религиозной жизни жителей Збуражя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / Ю. Бохан [і інш.] ; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Эка-перспектыва, 2004. – Т. 3 : Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII–XVIII стст.). – 344 с.
2. Гродненские епархиальные ведомости. – 1904. – № 9. – С. 9–15.
3. Дело об учреждении для униатов архиепископства Полоцкого, Брестского и Луцкого (1798) // Российский государственный исторический архив в г. Санкт-Петербурге (РГИА в г. Санкт-Петербурге). – Ф. 796. Оп. 79. Д. 424.
4. Дело по доставленному епископом Левинским письму Брестского униатского епископа Булгака о переходе в его епархии в римский обряд более 12 тыс. униатов (1804) // РГИА в г. Санкт-Петербурге. – Ф. 1286. Оп. 1. Д. 56.
5. Дело по рапортам белорусского епископа о трудностях, имеющих место при замене ветхих деревянных церквей каменными, из-за бедности прихожан (1801) // РГИА в г. Санкт-Петербурге. – Ф. 796. Оп. 82. Д. 333.
6. Дело по рапорту Брестской консистории о земле фундушевой от Ореховской униатской церкви, отнятой помещиком Гутовским (1826) // РГИА в г. Санкт-Петербурге. – Ф. 824. Оп. 1. Д. 13.
7. Канфесіі на Беларусі (канец XVII–XX ст.) / В. В. Грыгор’ева [і інш.] ; навук. рэд. У. І. Навіцкі. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
8. Рэлігія і царква на Беларусі : энцыкл. давед. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]; маст. А. А. Глекаў. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2001. – 368 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 14.10.2015

Vabishevich A.N., Chul R.V. The Uniate Churches of Brest region in the XVII – the beg. of the XIX Centuries (By the example of Zburazhskaya Church of venerable Simeon)

The materials of the article by example of the venerable Simeon's Uniate Parish Church in Zburazh, Brest region, Brest province (today Malorita district, Brest region) reflects the position of the Uniate Church in Belarus within the Polish-Lithuanian Commonwealth. A definite attention is paid to valuable historical sources connected with the whole Uniatism – visitation (inspection) of parochial life.

УДК 63 (091)(476)

А.Ю. Бодак*канд. ист. наук, доц., доц. каф. всеобщей истории
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина***КОЛХОЗНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ГАНЦЕВИЧСКОМ РАЙОНЕ
НАКУНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Статья посвящена процессу коллективизации в Западных областях Белоруссии накануне Великой Отечественной войны на примере Ганцевичского района. Он являлся типичным районом Полесья, его история в этот период очень подробно отражена в документах Брестского областного архива, и на его примере можно изучать аналогичные процессы в регионе Полесья в целом. Здесь довольно ярко видно, как в процессе коллективизации сочеталась как насильственная практика, так и добровольные аспекты. Власть при этом училась на своих ошибках и училась понимать специфику региона.

Введение

Ганцевичский район преимущественно аграрный, и вопросы аграрного строительства естественным образом становятся основными при рассмотрении жизни района в различные периоды его истории. С приходом Советской власти коренным образом изменилась жизнь деревни и традиционный уклад местных жителей. Осенью 1939 г. было покончено с помещичьим, а в феврале 1940 г. и осадничьим землевладением. Земля оказалась закреплена за теми, кто непосредственно на ней трудился. Однако логика дальнейшего утверждения новой власти требовала очередного шага в этом направлении. Им и стала коллективизация сельского хозяйства.

Власть подошла к решению проблемы осторожно: учитывала негативный опыт в Восточной Беларуси 1929–1930-х гг. Кроме того, западные районы стали потенциально «прифронтовыми» в грядущей войне, и задевать понапрасну местное население было бы по меньшей мере глупо. Вот почему коллективизация предвоенного времени не стала массовой, и власть в большей мере не настаивала на форсировании процесса. Разумеется, и здесь не обошлось без ошибок и перегибов, однако они не шли ни в какое сравнение с тем, что происходило за 10 лет до этого на востоке республики.

Коллективизация официально стартовала в Полесском регионе в феврале 1940 г. 20 февраля райком получил первые сведения о ходе подачи заявлений в колхозы: Денисковичи – 262 заявления из 492 хозяйств, Круговичи – 50 из 144, Локтыши – 38 из 225, Роздяловичи – 59 из 138, Чудин – 290 из 319 [7, л. 6]. К 1 марта 1940 г. райком констатировал, что уже организованы колхозы имени Сталина в Денисковичах (278 хозяйств) и имени Молотова в Чудине (293 хозяйства) [7, л. 2]. Поступило к этому времени ещё 564 заявления, и райком решил начать работу по организации колхозов в Круговичах, Локтышах, Любашеве, Роздяловичах, Великом Рожане и Мальковичах [7, л. 2]. В тот же день в райцентр поступило 255 заявлений из д. Будча (там всего насчитывалось 262 хозяйства), решили колхоз создать и там [7, л. 2]. Как видим, поначалу идея коллективизации встретила у крестьян положительное отношение. Вряд ли приходится говорить о каких-либо подтасовках или насилии по отношению к подавшим заявления – люди встретили нововведение в рамках общего позитивного восприятия новой власти, даже во многом не понимая, что это такое. По состоянию на 8 апреля 1940 г. три первых колхоза в районе объединили 659 хозяйств [3, л. 22].

В первых колхозах развернулась работа по обобществлению скота, земли и инвентаря [1, л. 49]. Обобществление, особенно для тех крестьян, у которых имелось в до-

статочном количестве и качестве то, что надлежало бросить «в общий котёл», стало неприятной новостью. Для помощи в организационной работе к хлебным обозам в колхозах закреплялись комсомольцы, при председателях колхозов были закреплены коммунисты для оказания консультаций: в колхозе имени Сталина – Кацуба и Чеботарёв, в колхозе имени Молотова – Молчанов и Скитович [1, л. 49]. В колхозы были высланы книги учёта и другая документация. Так же стали просить направить в район 2-х агрономов, старшего зоотехника, старшего ветеринарного врача (в марте 1940 г. их обязанности выполняли специалисты, доставшиеся от прежней польской администрации и в коллективизации, естественно, ничего не понимавшие). Одновременно были приняты меры к завозу недостающих семян кормовых трав и удобрения.

В период подготовки к весеннему севу 1940 г. проявились первые трудности. Началась усиленная антиколхозная агитация противников коллективизации. В конце марта 1940 г. райком констатировал, что «вражеские группы работают в Чудино и Денисковичах» [5, л. 46]. Иногда против колхозов выступали и местные руководители (правда, из лучших побуждений). Так, председатель Денисковичского сельсовета выступил против организации колхоза в д. Еськовичи, заявив, что там плохая земля и толку не будет [1, л. 46]. Иногда власть своей нерасторопностью сама создавала проблемы. Один из секретарей райисполкома Дёмин признавал в марте 1940 г.: «Мы организовали колхозы, а руководство ими не возглавили, выбрали председателей, которые ничего о колхозах не знают» [1, л. 46]. Имели место случаи, когда в нужный момент специалисты районного земельного отдела вместо оказания помощи крестьянам отсиживались в райцентре; приехавшим за машинами для очистки семян из Великого Рожана и Кругович пришлось уехать обратно из-за отсутствия на рабочем месте специалистов [1, л. 46].

Некоторые кулаки начали дробить свои хозяйства: они стали вступать в колхозы (отметим, что на востоке БССР вступление *кулака* в колхоз было практически невозможно, здесь же это станет довольно распространённой практикой). При этом они оставляли себе для обобществления самый плохой скот, а лучшие скот и имущество делили между своими сыновьями, которые в колхоз не шли: хватит-де в родне и отца колхозника [1, л. 46].

С обобществлением скота и имущества дело шло туговато. К началу апреля 1940 г. в колхозе имени Сталина «обобществились» 200 хозяйств, в колхозе имени Молотова – 17 коней и 80 хозяйств (инвентарь и семена). Райком считал, что медленные темпы обобществления скота зависели от того, что помещения для его содержания не были достроены [4, л. 9].

Хотя к началу апреля в райкоме лежало уже полторы тысячи заявлений о приёме в колхозы, начался и отток. Сначала забрали заявления 6 человек из колхоза имени Сталина якобы из-за слабого здоровья или необходимости строить дома [1, л. 46]. Там же 2 апреля прямо перед севом несколько колхозников забрали своих коней (правда, свои же односельчане поговорили с ними так, что кони вернулись на место). Другие колхозники этого колхоза выступили против посылки сюда тракторов: «Приедут на тракторах и весь хлеб вывезут» [4, л. 9–10]. В Чудине поползли слухи, что «Англия, Франция и Германия при помощи Америки весной пойдут против советской власти и тогда будет плохо колхозникам» [4, л. 9–10]. Отсталая часть населения, которая не разбиралась, кто с кем воюет в мировой войне, была готова верить любым слухам.

Иногда сами руководящие работники районного звена недорабатывали в агитации за колхозы, а, может быть, не находили необходимой струны, зацепив которую, могли бы переломить ситуацию в свою пользу. Но это были трудности временного характера, власти предстояло ещё очень много и долго учиться выстраивать отношения

с местным населением в проблемном полесском регионе. Так, после месячной подготовки председатель райисполкома Смоляков поехал в д. Будча, где на конец марта 1940 г. имелось 258 заявлений о вступлении в колхоз. Что произошло во время его встречи с жителями деревни, неясно до сих пор, но после его отъезда осталось только 50 заявлений (одна из версий, озвученная местным жителем, звучала так, что предрайисполкома заявил: «Кто хочет в колхоз – останьтесь, а остальные покиньте помещение» [3, л. 8]). Аналогичный случай произошёл в д. Еськовичи, где из 137 заявлений осталось только 17 [4, л. 9–10]. Райком поначалу не хотел признавать собственные просчёты и видел главную причину проблем в «сильно развёрнутой контрреволюционной работе» [4, л. 9–10]. Таковая, впрочем, так же имелаась. В беседах уполномоченных с местными жителями на тему отзыва своих заявлений, имелись ответы типа «в нашей деревне были люди *из Советского Союза* (курсив наш – А.Б.; видно, что некоторые местные жители ещё не видели себя полноценными советскими гражданами) и рассказывали, что колхозники там голодают, им продуктов не дают и не дают корма для колхозного скота» [4, л. 9–10]. Органы НКВД в апреле 1940 г. установили, что из одного из восточных бывших приграничных районов – Краснослободского – приходят неизвестные люди, «проводят контрреволюционную агитацию, связываются с попами, солтысами и другими классово чуждыми элементами и вместе проводят работу по развалу колхозов». Подливали масла в огонь, может, неосознанно, и отдельные специалисты «восточники». Так, зоотехник РайЗО (в прошлом сын крупного торговца), будучи в колхозе имени Сталина, пустил там слух, что вместо колхоза здесь образуют совхоз. Местные жители, уже насмотревшись на негативный опыт создания совхоза в Огаревичах, потребовали выхода из колхоза. Инцидент замяли, сняв с работы непрошенного «предсказателя» [4, л. 9–10].

Весенний сев 1940 г. прошёл под непрерывным давлением райкома и райисполкома, постоянно раздававшим приказы, распоряжения и инструкции председателям колхозов, агрономам, руководству МТС. Не взирая на определённую нервную рабочую атмосферу, колхозы провели весенний сев успешно и доказали свою жизнеспособность, хоть и при имевшихся проблемах.

В мае – июне 1940 г. вопросы дальнейшей коллективизации неоднократно подымались районным руководством, и единодушия здесь не было. Директор МТС Бублис считал, что «надо быть смелее» и не дожидаться, пока не поступят заявления от 70% жителей, а создавать новые колхозы «прямо сейчас» [3, л. 58]. Райком был не столь категоричен. Он критиковал отдельных коммунистов за спешку, например, Скитовича и Чеботарёва, поехавших в д. Великий Рожан и самостоятельно создавших там колхоз. Он оказался организационно не закреплён и тут же самораспустился [3, л. 55].

Вместо торопливых решений предлагалось усилить работу по поддержанию уже имевшихся и доказавших свою состоятельность коллективных хозяйств. В июне 1940 г. члены райкома и райисполкома были закреплены за колхозами под персональную ответственность: Леоненко за колхозом имени Сталина, Бусела за колхозом имени Молотова, Чеботарёва за колхозом имени 17 Сентября; туда же были направлены подготовленные и знающие учёт комсомольцы [2, л. 68]. Райкомом же принимались меры по недопущению использования колхозников на различных внеколхозных работах, чем увлекались различные районные конторы [3, л. 67]. Один из «конторских» начальников заработал выговор по партийной линии за такое самоуправство. Таких били документом, который на местах называли в просторечии «6 условий товарища Сталина об организованном наборе рабочей силы» [3, л. 68].

Райотдел милиции всё лето 1940 г. потратил на налаживание охраны колхозного имущества. Оно сначала охранялось сторожами – стариками. Стали подключать к охра-

не комсомольскую молодёжь [3, л. 68]. Решались и специфические проблемы: в Денисковичах вместо строительства помещения для скота разместили ясли прямо в доме местного священника, при этом оставив его жить в окружении соответствующих запахов. Заведующий партийным кабинетом райкома Суранова дала за это нагоняй руководству сельсовета [3, л. 65]. Остро стояла проблема с растащенным по личным хозяйствам помещичьим инвентарём, который изначально предназначался для коллективных хозяйств. Летом 1940 г. инвентарь в целом перешёл в колхозы [3, л. 65, 68]. Большое внимание было уделено резкому увеличению объёма работы кузниц: местные кузнецы в короткий срок должны были изготовить большое количество серпов для уборочной страды [3, л. 68]. Иногда приходилось защищать колхозы от завышенных расценок за работу МТС: в феврале 1941 г. прокуратура признала незаконность огромного счёта, выставленного МТС колхозу имени Молотова [7, л. 50]. Вышеперечисленная рутинная работа требовала постоянного внимания, и районное руководство здесь работало не только за совесть, но и за страх: перед глазами постоянно висел отрицательный пример в виде Давид-Городокского района. Областной комитет партии именно за просчёты в работе с колхозами в начале 1941 г. там снял с работы 1 и 2 секретарей райкома и председателя райисполкома [7, л. 63].

Вся эта работа проводилась в условиях явного и неявного сопротивления колхозному строительству части кулаков и разочаровавшихся в коллективизации крестьян. Ряд кулаков заставлял бедноту ходить по деревням и агитировать против колхозов, некоторые из них, записавшись в колхозы, разлагали их изнутри. Иногда местные активисты считали за врагов тех, кто пытался критиковать колхозные недостатки, что не добавляло им авторитета [3, л. 109]. Было и вредительство: одна из колхозниц вместо зерна на сдачу государства сдала 16 кг песка [3, л. 79].

Осенний сев, как и весенний, так же прошёл под аккомпанемент приказов и инструкций, и так же успешно, не смотря ни на что. Сеялки в колхозы пришли в сентябре 1940 г. с запозданием, и колхозники, не став дожидаться обещанной техники, большую часть сева провели вручную [2, л. 156–157].

Уборка урожая 1940 г. проходила под неусыпным контролем государства, и некоторые моменты этого контроля могли озадачить местных жителей, как-то веками привыкших мыслить сельскохозяйственными категориями и без накрутки сверху. Так, инструкция по проведению уборки колхозами была лично подписана самим И.В. Сталиным: «В целях проведения уборки в сжатые сроки рекомендовать колхозам в первые 15–20 дней уборки и обмолота колхозникам, занятым на обслуживании комбайнов и вручную, на вязке, укладке, возке снопов, на скирдовании хлеба и соломы, на подгребании колосьев, на зерноочистке, а так же на всех работах по обмолоту начислять трудодни при выполнении дневной нормы в двойном размере» [5, л. 9]. Кроме этого колхозы получили так же лично подписанную И.В. Сталиным телеграмму серии «Г»: «Покончить с тем, что колхозники, совхозники и работники МТС вместо того, чтобы выходить на работу в 5–6 часов утра, выходят в 8–9 часов и заканчивают работу раньше захода солнца. Проверить оборудование полевых станков, кухонь, чтобы работники не возвращались на обед и на ночь в село и не тратили дорогое рабочее время на это» [5, л. 2].

Хотя не всё так просто с указанными директивами: колхозники действительно выходили на работу поздно, а поскольку общественное питание на уборке практически не было организовано, то это тормозило проведение ряда работ, особенно недотягивали колхозы по сенокосу (в июле 1940 г. – вдвое меньше установленной нормы) [2, л. 107]. Иногда люди начинали откровенно сбиваться с толку – так, стоило председателю колхоза имени Сталина Минченкову отлучиться с 12 на 13 октября 1940 г. в райцентр на пар-

тийное собрание, работники оставили в бурте только что собранную картошку незакрытой. Она, естественно, позеленела. Вместо того, чтобы спросить с конкретных виновников, райком выдал свою версию события: «РайЗО, агрономы и МТС *не разъяснили* (курсив наш – А.Б.) колхозникам, как производить буртование и хранение» [6, л. 38], как будто взрослые, выросшие на земле люди впервые столкнулись с такой проблемой.

Итоги сельхозработ 1940 г. были подведены в ноябре. Считалось, что колхозы имени Сталин и имени Молотова добились хорошей урожайности в 13–15 центнеров зерновых с гектара (ныне это звучит иронично, но тогдашний уровень агротехники тоже необходимо учитывать), картофеля – 230–240 центнеров с гектара [2, л. 258]. Правда, в январе 1941 г. в отчётах уже фигурировали несколько иные данные. Однако в любом случае они показывали явное лидерство колхозов над мелкими индивидуальными хозяйствами района: если урожайность ржи в среднем по району составляла 8 ц/га, то в колхозах – 12,45 ц/га, проса – 9 против 16,37 в колхозах, картофеля – 90 против 150, овса – 6 против 12,03 [8, л. 18]. Успехи колхозов района в первый год своей работы дали им право послать своих представителей на Всесоюзную Сельскохозяйственную выставку в Москву [7, л. 65].

На радостях от успехов руководство колхоза имени 17 сентября в Роздяловичах решило повысить своим работникам нормы выдачи и раздали продукты не по трудодням, а по душам: проса выдали по 255 граммов на человека вместо положенных 77, гречки 300 вместо 160, соломы раздали поровну по 80 кг на двор. К людям подошли полюдски. Но тут вмешалась власть (нарушение принятых государством норм!), и прокурору было предписано виновных наказать [2, л. 256–258]. К слову, любой властный чих подлежал строгому задокументированию. Сведений, что кого-то здесь наказали, нет. Скорее всего, районный прокурор решил не портить и без того непростую жизнь колхозникам. По крайней мере, упомянутые 1 000 пудов государственной соломы, розданные колхозникам, вплоть до конца весны 1941 г. никакого интереса у прокуратуры не вызывали [8, л. 56–59]. То же самое касалось и факта продажи председателем колхоза имени Сталина Минченковым без ведома общего собрания 7 откормочных кабанов и 30 обобществлённых саней (колхозу позарез нужны были деньги на проведение весеннего сева, а соответствующие финансовые органы молчали) [8, л. 56–59]. Так что власть не была неадекватной, и без особой огласки (с учётом непростого времени) в особых случаях старалась не задевать людей понапрасну.

К своему последнему довоенному севу (весеннему 1941 г.) колхозы подошли в традиционной атмосфере «накачки» из района. Большой проблемой стало плохое качество очистки семян, в первую очередь технических и кормовых культур. Очищали семена весь февраль и март 1941 г. [8, л. 33, 45]. Тягловая сила – лошади – была не в лучшем состоянии: более 50% их было в состоянии ниже средней упитанности (зимой нерационально распорядились с кормами) [8, л. 45, 119]. План вывозки навоза предусматривал сделать это в феврале. В итоге прямо в снег засыпали в колхозе имени Молотова 376 центнеров из запланированных 432, в колхозе имени Сталина – 280 из 925. Колхозы имени Ленина и имени 17 Сентября решили повременить [8, л. 44–45]. Семенной клевер хозяйствам отпустили не за бесплатно: государство меняло 1 центнер семян клевера на 4 центнера зерновых культур, или на 2 центнера семян льна, или на 3 центнера других масличных культур [8, л. 75].

Иногда районное начальство подменяло собой те структуры в колхозах, которые могли бы наладить работу более толково, применительно к своим конкретным условиям: составляло рабочие планы, организовывало нормирование и учёт труда, развёртывало соревнование среди бригад и звеньев [8, л. 44–45]. Имела место и некоторая нераз-

бериха с техникой. В крупнейший колхоз района – имени Сталина – нагнали тракторов, но забыли о горючем. Колхоз имени 17 сентября, наоборот, вообще не получил трактора. Начальник политотдела МТС Каган заявил, что там очень мало земли, и из-за неё «нечего гонять технику». В райкоме его оборвали: «Помогать будете всем» [7, л. 104]. В конце концов заведующий РайЗО Чеботарёв в середине апреля 1941 г. получил 2 недели для устранения всех недостатков при проведении сева под личную ответственность [8, л. 119]. Однако к середине мая 1941 г. план сева по району был выполнен на 47%, а по колхозам – на 40% [8, л. 177].

В то же время, держа под контролем колхозы, районное руководство оказывало действительно нешуточную помощь своим как бы потенциальным конкурентам – единоличникам. Они должны были понимать, что власть эта и для них. Частникам помогали и с ремонтом инвентаря, причём, через мастерскую государственного учреждения – МТС, и помогали очищать семена, помогали вывозить навоз на поля (в апреле 1941 г. райком «врезал» директору МТС Бублису и заведующему райЗО Чеботарёву за то, что единоличники оказались не полностью подготовленными к севу) [7, л. 109].

Вопросы колхозного строительства занимали партийные органы вплоть до самого начала войны. В мае 1941 г. райком поднимал эту тему трижды. Отмечалось, что руководство Денисовичского и Чудинского сельсоветов, их председатели Рулинский и Денисеня постоянно помогают колхозам имени Сталина и имени Молотова, и это положительно сказывается на их работе. А вот колхозам имени Ленина и имени 17 Сентября местное руководство не помогало, ударившись в пьянство и склочное выяснение отношений между собой. В итоге там часть земли и скота разворовали единоличники при попустительстве самих колхозников [10, л. 79–80]. Анализируя итоги деятельности по созданию колхозов, райком болезненно реагировал на провал подобных попыток в 1940 г. в д. Будча и Великий Рожан. Констатировалось, что недостаточно интенсивно идёт выдвижение женщин на должности председателей, бригадиров, заведующих фермами [8, л. 155]. Вызывала тревогу частая смена председателей: за 1940 г. в 4-х колхозах района сменилось 8 руководителей, в колхозах имени Молотова и имени 17 Сентября такое случилось по 2–3 раза [8, л. 169].

В начале июня 1941 г. в район пришла бумага из Москвы и Минска, которая свидетельствовала, что советское руководство было настроено всерьёз оценить итоги начального этапа коллективизации и искренне хотело улучшить положение дел в этом вопросе путём глубокого системного анализа происходивших здесь процессов. Документ, который назывался «Краткая программа по изучению вопросов хода дальнейшей коллективизации и выходов из колхозов западных областей БССР», предполагалось распространить во всех звеньях управления районом. Нет нужды подробно излагать содержание этого документа, достаточно сказать, что в нём предлагалось изучить различные стороны организации и учёта труда колхозников (достижения и просчёты), анализ мотивации их труда, имущественное состояние колхозов и самих колхозников, состояние единоличников (вливают ли на работу колхозов и как с ними выстроены отношения). Большое внимание уделялось анализу причин выхода крестьян из колхозов, причём имел место явный отход от прежних истерик, обвинявших в этом «вражью пропаганду», и поворот к объективному поиску этих причин. Уделили внимание и мнению колхозников о жизни в колхозе, их отношению к обобществлениям имущества, скота и инвентаря, причём отдельно учитывался взгляд на эту проблему бедняков, середняков и кулаков (говоря о последних, видим явно трезвый подход к делу: кто бы их мнение спрашивал 10 лет назад на востоке БССР?) [9, л. 14–15]. В общем, документ в высшей степени интересный. Подвести итоги первого года существования колхозов района

и весеннего сева 1941 г. предполагалось на совещании председателей сельсоветов и постоянно действующих комиссий, председателей колхозов, бригадиров, животноводов и специалистов сельского хозяйства [8, л. 222]. Назначено оно было на 22 июня 1941 г.

Заклучение

Проведение политики коллективизации на Полесье накануне Великой Отечественной войны на примере Ганцевичского района показывает имевшиеся перегибы, попытки администрирования и отсутствие знания специфики региона в отдельных случаях. Однако здесь учитывался негативный опыт коллективизации в БССР 1929–1933 гг., и многие её аспекты сознательно смягчались властью, и принцип добровольности всё-таки имел место. Кроме того, власть была обучаемая, она постепенно училась принимать во внимание настроения людей и объективные обстоятельства, которые либо способствовали, либо в конкретных случаях препятствовали проведению коллективизации. В итоге данный процесс мог в регионе пройти эволюционно, если бы его не прервала война.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ганцевичский райком КПББ. Бюро райкома. 30.03.1940 г. // Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф. 2219-П. Оп. 1. Д. 5.
2. Ганцевичский райком КПББ. Протоколы заседаний бюро райкома. 9 апреля – 30 декабря 1940 г. // ГАБО. – Ф. 2219-П. Оп. 1. Д. 6.
3. Ганцевичский райком КПББ. Протоколы районных общих партсобраний. 12.02.1940 – 17.11.1940 г. // ГАБО. – Ф. 2219-П. Оп. 1. Д. 7.
4. Ганцевичский райком КПББ. Докладные записки райкома в Пинский обком КпББ о ходе выборов в Верховные Советы СССР и БССР, об организации колхозов, о госпоставках сельхозпродуктов государству по Ганцевичскому району и др. 28 февраля – 29 декабря 1940 г. // ГАБО. – Ф. 2219-П. Оп. 1. Д. 14.
5. Ганцевичский райком КПББ. Телеграммы директивного характера, поступившие в район из Пинского обкома // ГАБО. – Ф. 2219-П. Оп. 1. Д. 15.
6. Ганцевичский райком КПББ. Справки о состоянии работы колхозов района // ГАБО. – Ф. 2219-П. Оп. 1. Д. 41.
7. Ганцевичский райком КПББ. Протоколы районных партийных собраний. 01.01.1941 – 25.05.1941 г. // ГАБО. – Ф. 2219-П. Оп. 1. Д. 91.
8. Ганцевичский райком КПББ. Протоколы заседаний райкома. 06.01.1941 – 17.06.1941 г. // ГАБО. – Ф. 2219-П. Оп. 1. Д. 92.
9. Ганцевичский райком КПББ. Справки и сведения о состоянии работы колхозов им. Сталина и им. Молотова // ГАБО. – Ф. 2219-П. Оп. 1. Д. 119.
10. Ганцевичский райком КПББ. Справки и докладные записки райкома КПББ о проверке работы сельсоветов района. 9 января – 21 мая 1941 г. // ГАБО. – Ф. 2219-П. Оп. 1. Д. 121.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.09.2015

Bodak A.Yu. Collective Farm Construction in Gantsevichi District before Great Patriotic War

The article is devoted to the process of collectivization in western regions of Belarus on the eve of World War II as an example of Hantsavichy area. It was a typical area of Polesie, its history during this period in detail is reflected in the documents of Brest regional archive, and its example can study similar processes in the region of Polesie as a whole. There is quite evident that in the process of collectivization forced practices as well as voluntary aspects were combined. The power thus learned from its mistakes and learned to understand the specifics of the region.

УДК 94(47)

Т.М. Тохиян

*канд.истор. наук, доц., доц. каф. всеобщей истории
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина*

РАЗВИТИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ЗЕМЛЯХ ИВАНОВСКОГО РАЙОНА В XIX в.

В статье рассматривается развитие народного образования на землях Ивановского района в XIX в. Автор с целью сопоставления выделяет для анализа два подпериода: первая половина XIX в. и вторая половина XIX в. Показывается обусловленность развития образования социально-экономической и политической ситуацией в Российской империи. В статье указывается время открытия школ, приводятся данные о преподавательском составе и материальном обеспечении учебных заведений.

Введение

В конце XX – начале XXI вв. в мире произошли радикальные перемены, обусловленные процессом глобализации. В итоге глубокая межкультурная интеграция во всех сферах жизни людей, в том числе и в образовании, становится фактом. В современном мире происходит изменение представлений о сущности и конкретных целях образования. Это приводит к поиску новых подходов к организации образовательного процесса, особенно если имеющаяся система образования имеет существенные недостатки либо не отвечает запросам времени. Белорусская школа уже более 20 лет пытается перестроить и переработать опыт школьного обучения, доставшийся от СССР, подстраиваясь под реалии. Это происходит порой методом проб и ошибок и неизбежно приводит к попыткам заимствовать западный опыт в образовании, творчески адаптировав его к своим условиям.

Назревшая потребность научного изучения и осмысления развития регионального образования продиктована этнокультурной, национальной и конфессиональной спецификой Ивановского района. Использование дореволюционного опыта в образовании может стать основанием для пересмотра некоторых подходов. Несомненно только одно: перемены нужны, и они должны быть направлены на развитие и совершенствование образовательной системы Республики Беларусь.

Целью статьи является выявление особенностей развития народного образования на землях Ивановского района в XIX в.

Развитие образования на землях Ивановского района в первой половине XIX в.

В результате разделов Речи Посполитой белорусские земли вошли в состав Российской империи. Царское правительство не стало полностью уничтожать старую систему образования, что было связано с нехваткой средств, педагогических кадров, невозможностью обеспечить учебниками новые общеобразовательные учреждения. Проводилась осторожная политика преобразования старой системы на новый лад. По указу Екатерины II была образована комиссия по организации народных училищ, а в 1786 г. был утвержден «Статут народных училищ в Российской империи». Но он практически не коснулся Западной Беларуси, в которой учебные заведения работали под руководством Образовательной комиссии Речи Посполитой. Это были поветовые школы, которые находились в Пинске, Дрогичине, Слониме, Кобрине. После III раздела Речи Посполитой деятельность Образовательной комиссии была прекращена. Созданная российским правительством специальная комиссия стремилась вносить коррективы в про-

граммы школ, подвергала цензуре подготовленные Образовательной комиссией учебники, в которых находила не соответствующие имперским установкам идеи [1, с. 139].

Реформирование системы образования было связано с созданием Министерства народного просвещения России. Земли нынешнего Ивановского района вошли в состав Виленского образовательного округа. Это способствовало формированию единой системы общеобразовательных школ: церковно-приходское училище – поветовое училище – гимназия – университет.

В первой половине XIX в. образовательных учреждений на территории Ивановщины было мало. Незначительным было и количество учеников. Часто именно по этой причине школы закрывались либо переводились в другие близлежащие местечки. В Иваново действовала церковно-приходская школа, однако она была закрыта в 1850 г. по причине недостатка учеников [2, с. 182]. В свою очередь, приходское училище в Мотоле, которое состояло в ведении Министерства просвещения и входило в Кобринский округ, успешно работало. На него выделялось 250 руб. ассигнований в год, издержки по содержанию составляли 176 руб. 49 коп. В школе на 1857 г. обучались 34 мальчика и 6 девочек [2, с. 216]. Первое светское учебное заведение в Мотоле было основано в 1845 г., а учителем в нем был Степан Дроня [3, с. 4].

Другие документальные сведения о школах на территории Ивановщины относятся также к середине XIX в. и следуют из отчёта православного священника Максима Тихоновича в духовную консисторию 20 декабря 1853 г., который сообщал о существующих на территории благочиния поселянских школах: «В покорности припроваждаю в Духовную консисторию ведомости о поселянских училищах, состоящих при церквях: Обровской Крестовоздвиженской и при вверенной мне Глиннянской Богородичной». При этом он обращал внимание на трудности, с которыми сталкивались организаторы школьного дела в крестьянской среде: «При прочих же Церквях сего благочиния таковых училищ не заведено потому, 1. что дети добровольно учиться не хотят; 2. что родители их, не ощущая от учения корысти, в училище не высылают и ещё отвлекают от оногo домашними работами и 3. что помещики усматривают от невежества крестьян свою пользу, просветить их страшатся». Священник обратил внимание начальства на готовность священнослужителей заниматься просвещением, просил помочь обеспечить надлежащее посещение школы детьми, «чтобы дети аккуратно высылаемы были в училище и чтобы Полицейское начальство во всех случаях имело на училище своё влияние» [4, л. 126].

М. Тиханович помимо рапорта подал две ведомости о поселянских школах при двух упомянутых церквях: в деревнях Глинная и Оброво. Согласно этим документам, первым на территории Ивановщины было открыто поселянское училище в деревне Оброво (5 сентября 1843 г.). На момент подготовки представленной информации в школе получали образование 6 учеников: «Александр Иванов Мигло, Косьма Евфимов Лучич, Кирилл Трофимов Тыревич, Григорий Симанов Ворон, Яков Сильвестров Гашура, Иван Моисеев Гречный». Обязательства учителя выполнял православный священник Семён Шимановский, который и составлял ведомость.

Школа в деревне Оброво была открыта 1 ноября 1849 г. В школе учились «Иван Фомин Савицкий, Семён Игнатов Саганович, Стефан Иванов Огренич, Семён Огренич, Константин Андреев Шевчик, Иосиф Артёмов Шевчик, Михаил Киприанов Евфимович» [4, л. 127, 128].

Развитие образования на землях Ивановского района во второй половине XIX в.

Вторая половина XIX в. стала временем кардинальных изменений в экономической и общественной жизни Беларуси. Отмена крепостного права, буржуазное развитие страны обусловили необходимость проведения ряда реформ: земской, судебной, городского самоуправления, военной и др. Развитие буржуазных отношений ускорило процессы демократизации культурной жизни. В 1864 г. правительство приняло решение о проведении школьной реформы, которая содействовала бы развитию сферы начального и среднего образования. Школа объявлялась всесословной, вводилась преемственность разных ступеней обучения, увеличилось количество начальных школ. В Беларуси буржуазные реформы были проведены позднее и к тому же со значительными отклонениями по сравнению с общероссийскими нормами, что придавало им более ограниченный и непоследовательный характер.

В отличие от центральных губерний России в Беларуси во второй половине XIX в. ещё не было земских школ, и общественность не допускалась к управлению народным образованием, поэтому здесь не действовало российское «Положение о начальных народных училищах» 1864 г. Для Беларуси и Литвы были разработаны и специальные «Временные правила для народных школ Виленской, Ковенской, Минской и Витебской губерний», утвержденные 23 марта 1863 г. Согласно «Временным правилам», девочки получали право учиться в народных училищах наравне с мальчиками. Следствием этого стало открытие смешанных народных училищ, которые во второй половине XIX в. были самым многочисленным типом начальных училищ, хотя обучение девочек и мальчиков практиковалось на Ивановщине ещё в 40-е гг. XIX в. Большинство народных училищ в регионе было образовано во второй половине 60-х гг. XIX в.

Одним из первых в пореформенный период открылось двухклассное народное училище в местечке Мотоль (6 мая 1864 г.). В помещении размещались 1 кухонная и 2 голландские печи, 1 плита. Были также и другие строения: хлев и амбар. Стоимость дома составляла 1 779 руб., строений – 400 руб. Они были застрахованы на 1 900 руб., а стоимость страховки 28 руб. 50 коп. На содержание училища из казны было выделено 1 640 руб., сельским обществом выделено 183 руб. 50 коп. [5, л. 1].

В 1865 г. начало действовать Бродницкое народное училище [6, с. 4]. В 1867 г. было открыто 1-е Вороцевичское народное училище [7, л. 1]. Из государственного земельного фонда в связи с открытием учебного заведения вблизи села Вороцевичи (по 729-й люстрации от 6 февраля 1868 г.) был отведен участок в 25 десятин «удобной земли» [8, л. 1]. Первым учителем в училище был Сидор Рожанович, имевший звание учителя народного училища [9, л. 5].

Вслед за Вороцевичским училищем в 1868 г. было открыто народное училище в Одрижине. «По распоряжению мирового посредника Олифера, занимавшегося строительством, председатель Одрижинской волости Ф. Никитчук поручил возведение училища яновскому еврею Старобинскому за 2 000 руб. Однако сельские старосты волости не согласились с этим, а посчитали необходимым отдать постройку училища плотнику деревни Глиняная К. Блашуку, поскольку выходило дешевле. На следующий день мировой посредник Алифер утвердил приказ о передаче строительства училища Старобинскому, а все 9 старост были оштрафованы на 1 руб. и даже некоторые арестованы. Крестьяне были недовольны таким распоряжением, так как они вынуждены были заплатить за строительство училища по 7 руб. с каждого двора, а это составляло 1 800 руб., а также на своих подводах привезти лес и песок с платой за лес по 30 коп. Остальные строительные материалы Старобинский должен был добыть сам, только потом волост-

ной суд решил лес отдать даром. В связи с тем, что земля на строительство училища была приобретена у помещика Тулубеева, крестьяне вынуждены были отработать ему из 2-х дворов по 1 дню, эта работа оценивалась 81 руб. 30 коп. Однако Олифер заставил крестьян заплатить Тулубееву за 1 дес. песчаной земли 121 руб. 10 коп. серебром. Строительство училища обошлось крестьянам в 1 900 руб. без доставки материалов. В результате это дело принесло выгоду еврею Старобинскому, который посчитал себя обязанным принести денежную благодарность мировому посреднику в сумме 300 руб. и старшине 200 руб. В 1869 г. училищный дом был построен за счёт крестьян [3, л. 1]. Первым учителем был Григорий Прозора, окончивший духовную семинарию [9, с. 5].

В 1868 г. открылось и Дружиловичское народное училище [10, л. 2]. Район Дружиловичского училища включал 16 деревень (таблица).

Таблица. – Район Дружиловичского народного училища [11, л. 4]

№	Селение	Расстояние от училища	Количество мужчин	Количество женщин	Количество детей
11	Дружиловичи		257	240	75
22	Трилиски	2	370	325	76
33	Щекотск	4	230	200	39
44	Березяны	5	172	161	45
55	Верхустье	8	219	209	47
66	Кривица	4	143	122	34
77	Куляки	10	254	225	69
88	Сачивки	10	227	229	55
99	Клещи	12	387	378	87
110	Замошье	4	199	178	79
111	Зарудье	4	158	153	65
112	Запруды	5	56	58	20
113	Боровая	10	67	79	24
114	Застружье	8	240	211	65
115	Смердячая	7	264	267	87
116	Новолучки	7	145	157	56
	Всего		3 388	3 192	923

Изменения социально-экономических условий жизнедеятельности белорусского общества требовали повышения образовательного уровня народа. Население региона, как свидетельствуют источники, стремилось к просвещению. Училища открывались на средства как государства, так и за счёт сельских обществ. В народные училища допускались дети всех сословий и различных вероисповеданий. Статистические данные свидетельствуют, что в школах этого типа обучались в основном дети крестьян [11, с. 94].

1 сентября 1875 г. было открыто народное училище в Молодово, училищный дом был построен в 1888 г. Стоимость дома 600 руб., прочих комнат – 3; 1 сарай, 1 ретирадное место, дом застрахован на 680 руб., стоимость страховки в год составляла 6 руб. 80 коп. Училище имело 440 кв. саж. земли, которая была отпущена крестьянами. Основная часть выделенного участка использовалась под огород. Почва была песчаная, на ней выращивались картофель, свекла, капуста [12, л. 1].

В 1882 г. в Иваново существовало штатное народное училище, в котором обучались 73 ученика; при нём имелся хор, состоявший из 22 мальчиков, и считался лучшим сельским хором повета [13, с. 361].

В 1885 г. начало работу Вавуличское народное училище. Училищный дом был построен за счёт крестьян и отстоял от прихода церкви в 1/5 версты. Стоимость дома составляла 600 руб. В нём было 3 комнаты. При училище в пользовании находилась земля 1 366 кв. саж. [14, л. 1]. Усадьба учебного заведения была огорожена, в школе имелись 1 кухонная и 2 голландские печи, 1 плита.

Педагогические кадры для народных училищ готовили белорусские семинарии, а также Петербургская учительская семинария, которая набирала абитуриентов из тех мест, где открывались новые учебные заведения. Значительное внимание царское правительство уделяло и вопросу обеспеченности народных училищ учебными пособиями. В Беларусь направлялись учебники различных российских издательств. Кроме этого, было принято решение использовать некоторые учебные пособия, применявшиеся в Речи Посполитой, в основном по предметам естественного цикла.

По «Положению о народном училище» 1864 г., дети должны были изучать Закон Божий, арифметику, чтение, русский язык, пение. Уроки велись на русском языке. В некоторых училищах обучали детей труду. В 1882 г. было открыто штатное народное училище в Ополе [15, л. 3]. В Опольском и Дружиловичском народных училищах действовали столярные мастерские, пчелиные пасеки, пришкольные участки. Эти виды труда осваивали мальчики, а девочки занимались рукоделием, учились шить, вязать, прясть, вышивать.

В народных училищах и церковноприходских школах обучение не было направлено на достижение высокого образовательного уровня; главным в обучении крестьянских детей виделось воспитание христианских ценностей, знание и выполнение требований православной веры. Внимание направлялось на полноценное усвоение того, что необходимо было «каждому христианину в отношении к церкви и государству, при этом не выходя за границы познания, необходимого в крестьянском быту» [16, л. 156].

Несмотря на тягу к обучению, большинство крестьянских детей на Ивановщине не имели возможности обучаться, даже в начальной школе. Главной причиной тому была бедность и неразвитая сеть учебных учреждений. Некоторые училища находились в тесных помещениях и не могли вместить всех желающих. Однако открытие училищ было делом прогрессивным и способствовало увеличению грамотности среди местного населения, росту самосознания и культуры.

Кроме школ, которые подчинялись Министерству народного образования, существовали «тайные польские школы». На самом деле большинство из них совсем не были польскими. «Польский вопрос» достаточно сильно беспокоил царское правительство, которое видело во всём «польскую интригу». Тайными эти школы можно считать только условно, поскольку они не получили разрешения от министерства. Так, в д. Вулька в 1866 г. в доме вдовы Лукомской была выявлена польская школа, в которой обучалось 6 мальчиков и 1 девочка под руководством учителя Петра Рупского [17, л. 1].

Частная школа существовала и в имении Поречье. Она была открыта при участии пинского декана Войтика [18, л. 22, 22об.] на средства помещика Скирмунта и «заполнялась детьми исключительно православных рабочих местной суконной фабрики. Обучение в школе велось на русском и польском языках» [19, л. 1].

Вартыцкое народное училище своего здания не имело и находилось в наёмном помещении; при нём не было и ученической квартиры, а на отопление шло 2 куб. саж. дров. Дом, в котором находилось училище, был ветхий, без пола, он не соответствовал гигиеническим нормам, однако считался одним из лучших в деревне. Из отчёта следо-

вало, что в деревне не было такой крестьянской хаты, которая бы удовлетворяла гигиеническим стандартам. Все это требовало постройки училищного здания [20, л. 4].

Вопросы, касающиеся развития системы образования в Российской империи, рассматривались в печатных изданиях. Министерство народного просвещения обязывало учителей выписывать журналы и газеты. Среди наиболее популярных изданий выделялся журнал «Народное просвещение». На его страницах представлялись разные материалы: методические рекомендации по использованию учебных пособий в преподавании предметов, документы, выдержки из научных работ и т.д. Редакцией журнала была поднята проблема содержания учителей народных училищ. В одной из статей, например, указывалось, что 12 мая 1897 г. «вышло Высочайшее повеление о наделении народных училищ землёй в размере 3 десяти» [21, с. 331].

Заклучение

1. В первой половине XIX в. царское правительство начало политику внедрения Российской системы образования на белорусских землях. Образовательных учреждений на территории Ивановщины было мало. Школы были малокомплектны и поэтому закрывались либо переводились в другие близлежащие местечки. Организаторы школьного дела сталкивались с рядом трудностей, которые были связаны с нежеланием крестьян отдавать детей в школу и сопротивлением помещиков расширению образования.

2. Вторая половина XIX в. стала временем кардинальных изменений экономической и общественной жизни Беларуси. Для Беларуси и Литвы были разработаны и утверждены 23 марта 1863 г. специальные «Временные правила для народных школ, которые обусловили открытие смешанных народных училищ. Уроки велись на русском языке. В некоторых училищах обучали детей труду. К концу XIX в. на территории современного Ивановского района существовало 14 народных училищ, что способствовало расширению образованности населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Саврем. шк. : Экоперспектива, 2007–2011. – Т. 4 : Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. – 519 с.
2. Бобровский, П. О. Материалы для географии и статистики России. Гродненская губерния / П. О. Бобровский. – СПб. : Тип. И. Огризко, 1863.
3. Дулеба, Г. 3 гісторыі народных вучылішчаў / Г. Дулеба // Чырвоная змена. – 2006. – 10 лют.
4. О поселянских училищах, состоящих при церквах Минской епархии за 1853 г. // Национальный исторический архив Беларуси в Минске (НИАБМ). – Ф. 639. Оп. 1. Д. 25072.
5. Отчётная ведомость за 1914 г. по Мотольскому 2-му народному училищу // Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (НИАБГ). – Ф. 841. Оп. 1. Д. 45.
6. Саханчук, Е. Дорога длиною в век / Е. Саханчук // Чырвоная звязда. – 2005. – 25 кастр.
7. Отчётная ведомость за 1914 г. по Вороцевичскому училищу с указанием личного состава учителей // НИАБГ. – Ф. 841. Оп. 1. Д. 22.
8. О наделении участком земли Дрогичинского и Вороцевичского народных училищ (18 февраля 1869 г.) // НИАБГ. – Ф. 1. Оп. 14. Д. 482.

9. Отчётная ведомость за 1914 г. по Одрижинскому народному училищу // НИА в г. Гродно. – Фонд 841. – Оп. 1. – Д. 48.
10. Отчётная ведомость за 1914 г. по Дружиловичскому народному училищу с указанием личного состава учителей // НИАБГродно. – Ф. 841. Оп. 1. Д. 32.
11. Васовіч, С. Царкоўныя школы / С. Васовіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2003. – Т. 6, кн. 2.
12. Ведомость с приложениями по Молодовскому училищу (1914 г.) // НИАБГ. – Ф. 841. Оп. 1. Д. 44.
13. Гарады і вёскі Беларусі : энцыклапедыя : у 15 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2006. Т. 3, кн. 1 : Брэсцкая вобласць.
14. Отчётная ведомость с приложениями за 1914 г. по Вавуличскому народному училищу с указанием личного состава учителей // НИАБГ. – Ф. 841. Оп. 1. Д. 17.
15. Отчётная ведомость за 1914 г. по Опольскому народному училищу // НИАБГ. – Ф. 841. Оп. 1. Д. 48.
16. О поселянских училищах, состоявших при церквах Минской епархии за 1853 г. // НИАБМ. – Ф. 639. Оп. 1. Д. 250072.
17. Дело о закрытии незаконно открытой в дер. Вулька полевой школы в доме вдовы Лукомской (15 мая 1866 – 24 мая 1866) // НИАБМ. – Ф. 1. Оп. 6. Д. 582.
18. Рапорт Пинского уездного исправника // НИАБМ. – Ф. 295. Оп. 2. Д. 137.
19. Переписка с Департаментом Духовных дел МВД, Пинским уездным исправником и др. о существовании тайны польских школ в пределах губернии и привлечении к ответственности лиц за преподавание в этих школах // НИАБМ. – Ф. 295. Оп. 2. Д. 137.
20. Отчётная ведомость с приложениями по Варатыцкому народному училищу с указанием личного состава учителей // НИАБГ. – Ф. 841. Оп. 1. Д. 18.
21. К вопросу о наделении сельских школ землёй // Народное образование. – 1911. – № 9.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2015

Tokhiyan T.M. The Development of the Public Education on the Lands of Ivanovo Region in the 19th Century

The article deals with the development of public education on the lands of Ivanovo region in the 19th century. The author, for the purpose of comparison, highlights two subperiods for analysis: the first half of the 19th century and the second half of the 19th century. The dependence of the development of education, socio-economic and political situation in Russian Empire is shown. The article indicates the time of school opening in the region; the data about the teaching staff, material support of educational establishments are given.

УДК 94(47+57) «1941/45» + 719(476)

Т.П. Савчук

канд. ист. наук, доц. каф. истории Беларуси
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА УВЕКОВЕЧЕНИЯ ПАМЯТИ
О СОБЫТИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В БССР
В 1940-е – НАЧАЛЕ 1960-х гг.**

В статье анализируется деятельность партийных и государственных органов по увековечению событий Великой Отечественной войны в БССР в 1940-е – начале 1960-х гг. Автором раскрыты основные направления, условия, динамика, особенности процесса мемориализации в обозначенный период, определены проблемы реализации политики увековечения. Изложенный материал в основном базируется на данных Национального архива Республики Беларусь, Государственного архива Брестской области, Государственного архива Витебской области, Государственного архива Минской области.

Введение

Государственная политика увековечения представляет собой совокупность мероприятий, закреплённых законодательством и осуществляемых государственными органами и общественными организациями с целью сохранения памяти о событиях и погибших в годы Великой Отечественной войны. Основным способом сохранения памяти о событиях Великой Отечественной войны в БССР явилось строительство мемориальных объектов, а также установление судеб погибших участников войны, что вылилось в широкую поисковую деятельность 1960–1980-х гг. Цель данного исследования – отобразить деятельность государственных, партийных органов БССР по сохранению памяти о событиях Великой Отечественной войны в 1940-е – начале 1960-х гг.

Начало государственной мемориальной политики было положено ещё в первые военные годы. Интерес к сохранению памяти о войне инициировал Народный комиссариат просвещения СССР, который осуществлял руководство музеями с 1918 г. по февраль 1945 г. Впервые задача сбора материалов Великой Отечественной войны была поставлена в обращении «Ко всем работникам музеев» от 15 июля 1941 г., а затем подтверждена в письме от 15 ноября 1941 г. «О сборе материалов Великой Отечественной войны» [1, с. 193, 201]. Предлагалось собирать живопись, графику, скульптуру и другие материалы. Таким образом, через три недели после начала войны идея ее мемориализации уже появилась в музейных документах. 2 июня 1942 г. ЦК КП(б)Б принял решение о создании республиканской Комиссии по сбору документов и материалов Отечественной войны [2, с. 190].

Обращаясь к вопросу организации учёта и погребения погибших (умерших от ран) военнослужащих Рабоче-крестьянской Красной армии (далее – Красная армия), необходимо отметить, что ещё до начала Великой Отечественной войны 15 марта 1941 г. приказом Народного комиссара обороны СССР № 138 было принято «Положение о персональном учёте потерь и погребении погибшего личного состава Красной армии в военное время» [3, с. 17]. Положение определяло систему персонального учёта потерь на фронтах, порядок погребения погибших и устанавливало правила извещения родственников погибших военнослужащих. Координация данных вопросов была отнесена к компетенции Управления по укомплектованию войск Генерального штаба Красной армии. В целях идентификации личности раненых или погибших Положением вновь вводились медальоны, использование которых было прекращено в 1937 г. В них содер-

жался вкладной листок со сведениями о военнослужащем. Медальон размещался в специальном кармане, пришитом на внешней стороне пояса брюк с правой стороны. Вкладной лист заполнялся в двух экземплярах. В случае гибели один из них извлекался и хранился в штабе части или лечебном учреждении, второй экземпляр, вложенный в медальон, находился при убитом или умершем от ран при погребении [3, с. 21]. Однако в 1942 г. медальоны были сняты со снабжения Красной армии. Такой шаг объяснялся введением красноармейской книжки, содержащей все необходимые данные о бойце.

Сбор, документирование и захоронение погибших солдат и офицеров Красной армии на полях сражения организовывали воинские части, а на бывших полях военных действий – специально созданные по решению местных Советов депутатов трудящихся команды из гражданского населения [4, с. 26]. Что касается погибших участников партизанского движения, то какой-либо разработанной и унифицированной системы захоронения данной категории принято не было. Способ погребения и уход за могилами являлся личной инициативой командования партизанских отрядов. К примеру, приказом командования партизанской бригады «Железняк» Минской области от 14 октября 1943 г. были определены некоторые правила по уходу за братскими могилами партизан. В частности, на могилах предполагалось устанавливать монумент в виде шпилья с красной звездой. На шпилье, в квадрате, должны были быть указаны данные на погибшего, включая адрес, дату смерти и место гибели. Выдавать останки погибшего родственникам разрешалось только в исключительных случаях [5, с. 31].

Постановлением СНК БССР и ЦК КП(б)Б № 223/1 от 6 июля 1944 г. «О сохранении и уходе за местами захоронения воинов Красной Армии и партизан, погибших в Великую Отечественную войну и похороненных на территории Белорусской ССР» могилы воинов Красной армии, участников подпольного и партизанского движений, места массовых казней белорусского народа, лагеря для военнопленных и мирного населения были объявлены историческими местами [6, с. 33]. На местные органы власти возлагались задачи по организации поиска и захоронения непогребённых останков погибших солдат и офицеров, а также учёта, благоустройства и ухода за мемориальными объектами. В целях реализации поставленных правительством задач местные исполнительные комитеты и комитеты КП(б)Б приняли соответствующие решения. Так, 2 августа 1944 г. было утверждено постановление Вилейского облисполкома и обкома КП(б)Б [7, с. 34–35], 14 августа 1944 г. – Брестского облисполкома и обкома КП(б)Б [8, с. 36–37]. Бюро Витебского горкома КП(б)Б на заседании 23 октября 1944 г. приняло решение об установке мемориальной доски в честь освобождения г. Витебска частями Советской армии [9, л. 187]. Весной 1945 г. вопрос об увековечении событий Великой Отечественной войны нашёл отражение в постановлениях Червенского райисполкома и комитета КП(б)Б [10, л. 8–9]. С целью сбора информации для последующего увековечения воинских захоронений помимо книг учёта составлялись акты описания памятных мест и событий. В то же время военные годы явились той точкой отсчёта, которая дала начало целенаправленной работе в сфере мемориального строительства. Именно тогда прошли первые конкурсы проектов на создание памятников героям Великой Отечественной войны. В 1942 г. Союзы советских архитекторов и художников в порядке подготовительной работы провели конкурс на составление проекта-идеи памятника героям Отечественной войны. Организаторами были рекомендованы к разработке три основные темы: 1) монументальное сооружение в столице БССР г. Минске – музей Великой Отечественной войны; 2) монумент-памятник герою или группе героев Великой Отечественной войны для любого населённого пункта, знаменательного историческим подвигом; 3) памятник вне населённого пункта, у места стратегического значения, за завоева-

ние или защиту которого были совершены героические подвиги. В целом 1942–1945 гг. характеризовались проектным этапом мемориального строительства, во время которого были заложены основные типологические черты будущих памятников.

В годы войны на братских могилах, местах гибели бойцов Красной армии и партизан начали появляться и первые памятники, инициатива сооружения которых исходила, как правило, от местных жителей. Они представляли собой пирамидальные или прямоугольные стелы со списками имен ушедших на войну и предназначались для «внутреннего употребления», заказывались на деньги, собранные местными жителями. Они функционировали как могилы-кенотафы с перечислением имен погибших, но без реального погребения, без уточнения национальной принадлежности. К примеру, уже после окончания Великой Отечественной войны 12 декабря 1945 г. Червенским райисполкомом было рассмотрено заявление местных жителей о сооружении памятника евреям, погибшим в годы немецкой оккупации. Райисполком утвердил макет памятника с надписью «Евреям г. Червеня, погибшим от рук немецких захватчиков 2 февраля 1942 г.» [11, л. 51]. Однако архитектурное управление при СНК СССР не одобрило этот проект. В результате мемориальный знак на могиле жертв фашизма в г. Червене Минской области был установлен только в 1968 г. Национальность погибших не уточнялась.

Основная работа по мемориализации событий Великой Отечественной войны осуществлялась после её окончания. 3 июля 1945 г. Верховный Совет БССР принял Закон «Об ознаменовании Победы и увековечении памяти воинов Красной армии и партизан, павших в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны Советского Союза», согласно которому 3 июля объявлялся Днём освобождения белорусского народа от немецко-фашистских захватчиков. Кроме того, было решено установить памятники на могилах погибших военнослужащих и партизан, а также памятник Победы в г. Минске [12, с. 328].

Важным законодательным шагом в деле мемориализации Великой Отечественной войны явилось принятие Постановления Совета Министров БССР и ЦК КП(б)Б № 827-333/7 от 14 мая 1946 г. «О благоустройстве могил воинов Красной Армии и партизан и увековечении знаменательных мест и событий, связанных с Великой Отечественной войной на территории БССР» [13], которому предшествовало постановление союзного правительства. Фактически данный документ заложил основы государственной концепции сохранения памяти о войне. Руководство вопросами увековечения возлагалось на Управление по делам архитектуры при Совете Министров БССР, в структуре которого был создан отдел по охране памятников архитектуры. Организация мастерских по сооружению и реставрации памятников поручалась Министерству жилищно-коммунального строительства. Постановлением предусматривались мероприятия по переносу индивидуальных могил, находящихся в труднодоступных местах, на ближайшие военные и гражданские кладбища, установка мемориальных досок у въездов в города, деревни, а также на местах расположения командования 1, 2 и 3-го Белорусских фронтов и 1-го Прибалтийского фронта. Был объявлен конкурс на проект памятника «Победа» в г. Минске. Под государственную охрану брались могилы Героев Советского Союза, генералов, членов правительства и других видных государственных, военных и общественных деятелей, погибших и похороненных на территории БССР. Помимо этого, предполагалась организация «лагерей-музеев» в местах расположения наиболее отличившихся партизанских отрядов и соединений. Что касается расходов на мероприятия по благоустройству и охране военных захоронений, то они осуществлялись за счёт операционных кредитов исполкомов областных, городских и районных Советов депутатов трудящихся. Решениями местных исполкомов все учтённые захоронения закреп-

лялись за отдельными организациями: предприятиями, школами, артелями, колхозами, машинно-тракторными станциями (МТС) – для постоянного надзора за могилами, благоустройства и содержания их в порядке [14, л. 3; 15, л. 31–32]. Все имеющиеся данные о погибших и похороненных на территории города или сельсовета предполагалось заносить в специальные книги.

Первые шаги в направлении реализации упомянутого постановления показали, что по состоянию на 1 июня 1946 г. по 5 областям БССР (Бобруйской, Барановичской, Брестской, Гомельской, Молодечненской) было учтено 13 290 индивидуальных могил военнослужащих Советской армии, по 7 областям (Бобруйской, Барановичской, Брестской, Гомельской, Молодечненской, Минской и Витебской) зафиксировано 4 232 братские могилы, 7 могил Героев Советского Союза, генералов. Из них количество благоустроенных, по данным отдела по охране памятников архитектуры, составило 13 826 [16, л. 216]. Однако проведенные военкоматами проверки показали, что в реальности многие мемориальные объекты находились в запущенном состоянии.

Постановлением Совета Министров СССР № 3898 от 14 октября 1948 г. деятельность Управления по делам архитектуры и Управления по делам искусств в сфере охраны и реставрации памятников признана неудовлетворительной. Координация учёта, охраны, реставрации и использования археологических и исторических памятников возложена на Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров, в системе которого был создан отдел охраны памятников и музеев [17, с. 54–57]. В 1949 г. государственной штатной комиссией при Совете Министров БССР в областных отделах по делам культурно-просветительных учреждений была утверждена должность инспектора по охране памятников. Благоустройство кладбищ, братских и индивидуальных могил, охрана и наблюдение за их содержанием были отнесены к компетенции областных, городских и районных Советов депутатов трудящихся, комитетов КПБ.

Основными направлениями деятельности по увековечению на местах во второй половине 1940-х гг. являлись учёт могил погибших военнослужащих, а также перенос индивидуальных захоронений на ближайшие военные и гражданские кладбища, что аргументировалось нахождением их в «неудобных местах». Актуальность перезахоронения отдельных могил на территории Западной Беларуси была обусловлена также новой демаркацией государственной границы. На практике политика переноса военных захоронений не ограничилась переносом могил из труднодоступных мест. Повсеместной стала тенденция объединения большинства отдельных захоронений в братские могилы.

В течение 1948 г. из 1 816 учтённых по Минской области одиночных могил, расположенных в неудобных местах, перезахоронили 427. Из 889 учтённых братских захоронений в неудовлетворительном состоянии находилось 370 [14, л. 4]. Все они, согласно отчётам инспектора по охране памятников, в течение 1948 г. были благоустроены. Однако проведенные работы, в ходе которых установили деревянные надмогильные памятники и ограды, по словам заведующего отделом культурно-просветительной работы Я. Устиловского, носили временный характер, и в ближайшие годы их предполагалось «заменить более капитальными сооружениями и монументальными памятниками» [14, л. 5–6]. Существовавшие трудности в процессе строительства памятников объяснялись отсутствием средств даже на самые необходимые материалы (гвозди, цемент, доски, кирпич, краски). Средства самообложения, как правило, привлекались только в отдельных случаях, поскольку они были незначительными и использовались по решению общих собраний граждан. Если на начало 1949 г. в Брестской области числилось 263 индивидуальные могилы, то в результате проведенных мероприятий по переносу отдельных захоронений на военные или гражданские кладбища, а также их объединения

в братские могилы на 15 ноября 1949 г. на Брестчине осталось 34 индивидуальные могилы [14, л. 30]. В это же время на территории Пинской области было зафиксировано 204 братские и 1 031 индивидуальная могила, в Барановичской – 239 братских могил и кладбищ, 773 одиночных захоронения [14, л. 38, 41].

С целью проведения процедуры перезахоронения на местах создавались специальные комиссии. По результатам работы составлялись акты, в которых указывалось количество перенесённых останков и, в случае их идентификации, списки погибших (умерших), а также место предыдущего и нового погребения. К примеру, 17 июля 1951 г. был составлен акт под грифом «секретно» о перезахоронении 24 военнослужащих Советской армии, погибших в 1941–1944 гг. и захороненных в индивидуальных могилах на гражданском кладбище г. Витебска (на ул. Ново-Смоленской), на воинское кладбище (Полоцкое шоссе). Личность 13 погребённых удалось установить. Все останки разместили в 14 могилах. Расположение захоронений на кладбище отображалось в отдельной схеме. Все мероприятия по перезахоронению погибших координировались комиссией в составе Витебского городского военного комиссара, председателя исполкома Витебского городского Совета депутатов трудящихся и секретаря Витебского городского комитета КП(б)Б [18, л. 87–89].

Однако, как свидетельствует практика поисковой работы современного периода, значительное количество перезахоронений на территории БССР осуществлено только «на бумаге». Так, в советское время был произведён перенос останков военнослужащих, погибших в ходе освобождения д. Вымно Витебской области, с братской могилы на берегу о. Вымно в населённый пункт. На захоронении в 1957 г. установили памятник. Проведённые в 2009 г. поисковые работы показали, что останки погибших до этого времени находились на берегу озера [19, л. 1–26]. Таким образом, многие решения, принятые на местах в ответ на многочисленные постановления правительства БССР по увековечению памяти погибших в годы Великой Отечественной войны, не нашли практической реализации и были сведены к многозначительным цифрам в отчётах и докладных записках. В ходе верификации архивных источников установлено, что данные многих отчётов противоречат друг другу. Так, по информации Минского областного отдела культурно-просветительной работы от 20 октября 1948 г. на территории Минской области состояло на учёте 889 братских могил, 29 воинских кладбищ и 1 816 индивидуальных захоронений [14, л. 3]. Отчёт того же отдела от 17 ноября 1949 г. оперировал данными о 1 268 индивидуальных могилах. Уменьшение количества индивидуальных могил может быть аргументировано их перенесением и объединением в братские. Однако количественные показатели по другим типам захоронений: братским могилам и воинским кладбищам – остались те же [14, л. 13]. Вызывает большие сомнения и объективность проделанной работы в Витебской области. По утверждению начальника Витебского отдела культурно-просветительной работы, за весенне-летний период 1949 г. было сооружено 204 военных кладбища, огорожено 6 736 и озеленено 5 630 индивидуальных могил, «подправлено» 5 653 надмогильных холмиков на воинских кладбищах, построено 4553 новых памятников и др. [14, л. 12].

Указанные противоречия не были единичными и указывают на то, что слаженной системы учёта мемориальных объектов в рассматриваемый период организовано не было. Не существовало и унифицированной системы отчётности на различных уровнях государственной и партийной иерархии. В результате на деле получалось, что военкоматы, местные отделы культурно-просветительной работы и Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров БССР отражали различные данные о захоронениях и памятниках Великой Отечественной войны. Поэтому

установить точное количество воинских мемориальных объектов на данном этапе не представляется возможным.

Постановлением Совета Министров БССР № 1629 от 19 декабря 1950 г. «Об утверждении списков археологических и исторических памятников на территории БССР» к историческим памятникам союзного значения было отнесено 7 памятников Великой Отечественной войны: «Минский котёл» (д. Горки-Опчак, Минская обл.), братская могила защитников Брестской крепости на гарнизонном кладбище г. Бреста, «Бобруйский котёл» (Могилёвская обл.), место героического подвига Н.Ф. Гастелло (Молодечненская обл.), памятник К.С. Заслонову (Витебская обл.), могила К.С. Заслонова в г. Орша и место захоронения Ю. Смирнова (г.п. Ореховск, Витебская обл.) [20, с. 120–128]. Помимо этого, 35 памятников, посвящённых событиям Великой Отечественной войны, вошли в список памятников республиканского значения [20, с. 148–160]. Как правило, основными критериями при определении статуса монумента служили степень исторического и политического значения памятника, его роль в исследовании и пропаганде истории Великой Отечественной войны, сохранность и возможность реставрации, а также художественная ценность.

Что касается идейного содержания монументального искусства первого послевоенного десятилетия, то основной акцент был сделан на раскрытии темы Победы, «торжества справедливости и дружбы между народами, скреплённой в огне боёв». В это время в Беларуси доминировали памятники конкретным героям войны. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. памятные знаки были установлены на могилах участников партизанского движения на Брестчине: А.Д. Дмитрука (г. Жабинка, 1949 г.), П.Г. Сохащика (д. Гошево, Дрогичинский р-н, 1951 г.), В.С. Клютко (д. Яглевицы Ивацевичский р-н, 1950 г.) и др. [21, с. 87, 166, 179, 216]. Одним из первых на территории Витебской области среди «памятников Героям» возвели монумент К.С. Заслонову в г. Орша в 1955 г. Авторами проекта являлись скульптор С. Селиханов и архитектор Г. Сысоев. Важным этапом в развитии и популяризации монументального искусства, увековечивающего события Великой Отечественной войны, явилось торжественное открытие в 1954 г. монумента Победы в центре одной из главных площадей белорусской столицы (архитекторы Г. Заборский, В. Король, скульпторы З. Азгур, А. Бембель, А. Глебов, С. Селиханов) [22, с. 15, 18].

Типология возводимых в середине 1940-х – 1950-х гг. мемориальных объектов не отличалась разнообразием. Большинство созданных монументов характеризовались однотипностью и простотой художественного исполнения. Многие из памятников уже тогда трактовались как временные, впоследствии их заменили сооружения из более прочных материалов. Нехватка капитальных материалов и проблемы, связанные с их доставкой в отдельные районы, обуславливали необходимость обращения к имевшемуся повсеместно материалу – дереву. Происходило своеобразное копирование форм каменных монументов, хотя особенности дерева сказывались на общем решении.

Что касается объектов мемориализации, то основное внимание уделялось сохранению и монументальному оформлению могил военнослужащих Советской армии и партизан. Проблема сохранения памяти о погибших мирных жителях к середине 1950-х гг. не была окончательно решена. Кроме того, совершенно не затрагивалась тема первых трагических дней Великой Отечественной войны.

XX съезд КПСС и начало «хрущёвской оттепели» положили начало новому периоду во всех сферах жизнедеятельности советского общества. 29 июня 1956 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей»

[23]. По решению Министерства обороны в июле того же года в Центральном доме Советской армии в Москве прошёл торжественный вечер, посвящённый пятидесятилетию подвига гарнизона Брестской крепости. 8 ноября 1956 г. состоялось открытие Музея героической обороны крепости при гарнизонном доме офицеров [24, с. 134].

В конце 1950-х гг. деятельность по мемориализации Великой Отечественной войны регулировалась постановлениями ЦК КПБ от 30 декабря 1958 г. и постановлением Совета Министров БССР от 8 апреля 1959 г. [25]. В результате реализации этих законодательных актов были возведены памятники в деревнях Тростенец, Уручье, Масюковщина Минского района. В 1960 г. в БССР в местах массового захоронения открыли 8 обелисков, 7 памятников, 8 бюстов, 53 надгробных плиты и 85 мемориальных досок [26, л. 61]. Небезынтересным является тот факт, что, согласно постановлению № 248 от 8 апреля 1959 г., были проведены подготовительные работы по созданию филиалов Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны в деревнях Малый Тростенец, Масюковщина и Уручье, а также по организации музеев-заповедников на месте стоянки партизанской бригады «Буревестник» у д. Колодино Узденского района и на бывшем аэродроме Минского партизанского соединения на острове Зыслов Любанского района [27, с. 130]. Однако в начале 1960-х гг. работу в этом направлении приостановили. Более того, в республике было законсервировано строительство и некоторых других мемориальных знаков: в Витебске прекращена установка памятника в честь освобождения города от немецко-фашистских захватчиков, на ст. Оболь Сиротинского района – в память деятельности Обольской комсомольской организации «Юные мстители», в д. Пудоть Суражского района – в память связи партизан с воинскими соединениями через «Суражские ворота», в д. Гнездиловичи Бешенковичского района, где произошло соединение 3-го Белорусского фронта с 1-м Прибалтийским фронтом [27, с. 131]. В 1961 г. Министерство культуры внесло предложение в Совет Министров БССР об исключении из списка 60 памятников, «потерявших свою историческую ценность для республики». Такие кардинальные изменения в сфере мемориализации в конце 1950-х – начале 1960-х гг. были обусловлены постановлением Совета Министров БССР № 100 от 23 февраля 1961 г. «О плане мероприятий по выполнению решений январского (1961 г.) Пленума ЦК КПСС» [28, с. 131]. В данном документе говорилось, что некоторые памятники культуры потеряли свою ценность и поэтому утверждённые ранее списки памятников, находящихся под государственной охраной, необходимо сократить. Особо упоминалось постановление № 248 от 8 апреля 1959 г., многие мероприятия которого были признаны излишними. Таким образом, конец 1950-х – начало 1960-х гг. характеризуется кризисными явлениями в процессе увековечения памяти о Великой Отечественной войне, что было обусловлено политической конъюнктурой обозначенного периода.

Заключение

После окончания Великой Отечественной войны на территории Беларуси развернулась деятельность по её увековечению. Разработка, идеологическая направленность и координация политики мемориализации была прерогативой центральных государственных и партийных органов, а её реализация возложена на местные органы власти. Основными направлениями деятельности по увековечению войны являлись строительство мемориальных объектов, а также выявление, учёт воинских захоронений, перезахоронение индивидуальных могил и их благоустройство.

Основные проблемы первых послевоенных лет были связаны с отсутствием достаточных средств на мероприятия по благоустройству захоронений и сооружению па-

мятников, нехваткой необходимых материалов. На тот момент ещё не существовало специализированных мастерских по проектированию и изготовлению памятников. С целью установления экономичных монументов реализовывались типовые проекты, которые положили начало тенденции тиражирования памятников. Эти мемориальные знаки трактовались как временные, но оказались, в большинстве своём, постоянными. Данная практика сохранилась до конца 1960-х гг. Авторами памятников на местах могли выступать ветераны Великой Отечественной войны, представители местной администрации и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фатигарова, Н. В. Музейное дело в РСФСР в годы Великой Отечественной войны (аспекты государственной политики) / Н. В. Фатигарова // Музей и власть : сборник : в 2 ч. / Науч.-исслед. ин-т культуры ; отв. ред. С. А. Каспаринская. – М., 1991. – Ч. 1 : Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.). – С. 173–225.

2. Воронкова, И. Ю. Начало музеефикации истории партизанского движения и оккупационного режима в Белоруссии (1942–1945 гг.) / И. Ю. Воронкова // Партизанское движение в Беларуси и его роль в разгроме фашистских захватчиков в 1941–1944 гг. : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25–26 июня 2009 г. / НАН Беларуси, Ин-т истории, М-во обороны Респ. Беларусь ; редкол.: М. В. Мясникович [и др.]. – Минск, 2009. – С. 190–200.

3. Приказ Народного комиссара обороны СССР № 138 с объявлением положения о персональном учёте потерь и погребении погибшего личного состава Красной армии в военное время : 15 марта 1941 г. // Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941–2008 гг. : док. и материалы / Нац. арх. Респ. Беларусь ; сост.: В. И. Адамушко [и др.] ; предисл. В. В. Шумского. – Минск, 2008. – С. 17–24.

4. Приказ Народного комиссара обороны СССР № 106 с объявлением постановления ГКО СССР «Об уборке трупов вражеских солдат и офицеров и о приведении в санитарное состояние территорий, освобождаемых от противника» и о введении инструкции по уборке бывших полей сражения : 4 апр. 1942 г. // Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941–2008 гг. : док. и материалы / Нац. арх. Респ. Беларусь ; сост.: В. И. Адамушко [и др.] ; предисл. В. В. Шумского. – Минск, 2008. – С. 24–28.

5. Приказ командования партизанской бригады «Железняк» Минской области об уходе за братскими могилами партизан : 14 окт. 1943 г. // Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941–2008 гг. : док. и материалы / Нац. арх. Респ. Беларусь ; сост.: В. И. Адамушко [и др.] ; предисл. В. В. Шумского. – Минск, 2008. – С. 31–32.

6. О сохранении и уходе за местами захоронения воинов Красной Армии и партизан, погибших в Великую Отечественную войну и похороненных на территории Белорусской ССР : постановление СНК БССР, ЦК КП(б)Б, 6 июля 1944 г., № 223/1 // Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941–2008 гг. : док. и материалы / Нац. арх. Респ. Беларусь ; сост.: В. И. Адамушко [и др.] ; предисл. В. В. Шумского. – Минск, 2008. – С. 32–33.

7. О сохранении и уходе за местами захоронения воинов Красной Армии и партизан, погибших в Великую Отечественную войну и похороненных на территории Вилейской области : постановление Вилейс. облисполкома, Вилейс. обкома КП(б)Б, 2 авг. 1944 г. // Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941–

2008 г. : док. и материалы / Нац. арх. Респ. Беларусь ; сост.: В. И. Адамушко [и др.] ; предисл. В. В. Шумского. – Минск, 2008. – С. 34–35.

8. О сохранении и уходе за местами захоронения воинов Красной Армии и партизан, погибших в Великую Отечественную войну и похороненных на территории Брестской области : постановление Брест. облисполкома, Брест. обкома КП(б)Б, 14 авг. 1944 г. // Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941–2008 гг. : док. и материалы / Нац. арх. Респ. Беларусь ; сост.: В. И. Адамушко [и др.] ; предисл. В. В. Шумского. – Минск, 2008. – С. 36–37.

9. Протоколы № 5–29 заседаний Бюро Витебского горкома КП(б)Б, 25 января – 29 декабря 1944 г. // Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 102-п. Оп. 3. Д. 4.

10. Протоколы заседаний Червенского райисполкома, 1944–1945 гг. // Государственный архив Минской области (ГАМО). – Ф. 1236. Оп. 1. Д. 7.

11. Решения Червенского райисполкома, 20.11.1945–28.12.1945 // Государственный архив Минской области (ГАМО). – Ф. 1236. Оп. 1. Д. 20.

12. Об ознаменовании победы и увековечении памяти воинов Красной Армии и партизан, погибших в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны Советского Союза : Закон БССР, 3 июля 1945 г. // Сборник законов Белорусской ССР и указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, 1938–1955 гг. – Минск, 1956. – С. 328.

13. О благоустройстве могил воинов Красной Армии и партизан и увековечении знаменательных мест и событий, связанных с Великой Отечественной войной на территории БССР : постановление Совета Министров БССР, ЦК КП(б)Б Белоруссии, 14 мая 1946 г., № 827-333/7 // Собр. постановлений и распоряжений Правительства БССР. – 1946. – № 2. – Ст. 19.

14. О благоустройстве могил воинов Советской Армии, партизан и советского населения, погибших в период Великой Отечественной войны на территории БССР, 1949 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 790. Оп. 1. Д. 152.

15. Протокол от 11 февраля 1949 г. № 3 заседания Малоритского райисполкома и документы к нему // Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф. 1084. Оп. 1. Д. 55.

16. Материалы по охране памятников архитектуры и увековечению павших во время Отечественной войны (приказы, обзоры, списки, переписка), 1945–1946 гг. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 903. Оп. 1. Д. 47.

17. О мерах улучшения охраны памятников культуры : постановление Совета Министров СССР, 14 окт. 1948 г., № 3898 // Советское законодательство о памятниках истории и культуры : сб. док. и материалов (1917–1972 гг.) / Белорус. добровол. об-во охраны памятников истории и культуры ; сост.: Ф. Б. Борисевич [и др.] ; под ред. И. Ф. Климова. – Минск, 1972. – С. 54–57.

18. Переписка с войсковыми частями, управлениями МГБ, МВД и Горвоенкоматом // Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 322. Оп. 5. Д. 46.

19. Поисковое дело по объекту № 11-П Витебская область, Витебский р-н, д. Вымно, 23 янв. 2009 г. – 16 июля 2009 г. // Текущий архив Управления по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Мин-ва обороны Республики Беларусь. – Д. 77.

20. Об утверждении списков археологических и исторических памятников на территории БССР : постановление Совета Министров БССР, 19 дек. 1950 г., № 1629 // Советское законодательство о памятниках истории и культуры : сб. док. и материалов

(1917–1972 гг.) / Беларус. добровол. об-во охраны памятников истории и культуры ; сост.: Ф. Б. Борисевич [и др.] ; под ред. И. Ф. Климова. – Минск, 1972. – С. 120–160.

21. Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область / АН БССР, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора ; редкол.: С. В. Марцелев (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларус. Совет. Энцикл., 1990. – 421 с.

22. Чернатов, В. М. Памятники военной истории и боевой славы / В. М. Чернатов ; Беларус. добровол. об-во охраны памятников истории и культуры, Респ. совет. – Минск : Польша, 1990. – 33 с.

23. Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей : постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, 29 июня 1956 г., № 898-490с // Краснояр. об-во Мемориал [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/560629.htm>. – Дата доступа: 02.08.2010.

24. Бешанов, В. В. Брестская крепость / В. В. Бешанов. – Минск : Беларусь, 2004. – 158 с.

25. О благоустройстве мест захоронения воинов Советской Армии, партизан и мирного населения, погибших в 1941–1945 гг., и об увековечении знаменательных мест и событий, связанных с Великой Отечественной войной на территории Белорусской ССР : постановление Совета Министров БССР, 8 апр. 1959 г., № 248 // Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941–2008 гг. : док. и материалы / Нац. арх. Респ. Беларусь ; сост.: В. И. Адамушко [и др.] ; предисл. В. В. Шумского. – Минск, 2008. – С. 116–117.

26. Переписка с партийными, советскими и профсоюзными организациями о проведении мероприятий по пропаганде решений январского пленума ЦК КПСС, подготовке к XXII съезду КПСС и 100-летию со дня смерти Т. Г. Шевченко, благоустройству массовых захоронений погибших воинов Советской Армии и увековечению знаменательных мест и событий, связанных с Великой Отечественной войной в республике, 1961 г. // НАРБ. – Ф. 974. Оп. 2. Д. 53.

27. Докладная записка Министерства культуры БССР в Совет Министров БССР об итогах выполнения постановления Совета Министров БССР от 8 апреля 1959 г. № 248 «О благоустройстве мест захоронения воинов Советской Армии, партизан и мирного населения, погибших в 1941–1945 гг., и об увековечении знаменательных мест и событий, связанных с Великой Отечественной войной на территории БССР» : 7 авг. 1961 г. // Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941–2008 гг. : док. и материалы / Нац. арх. Респ. Беларусь ; сост.: В. И. Адамушко [и др.] ; предисл. В. В. Шумского. – Минск, 2008. – С. 128–131.

28. Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941–2008 гг. : док. и материалы / Нац. арх. Респ. Беларусь ; сост.: В. И. Адамушко [и др.] ; предисл. В. В. Шумского. – Минск : НАРБ, 2008. – 302 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2015

Savchuk T.P. State Policy in the Perpetuation of the Memory of Events of the Great Patriotic War in BSSR in the 1940-s – the beginning of 1960-s

The article analyses the activity of party and state bodies in the perpetuation of events of the Great Patriotic War in BSSR in the 1940-s – the beginning of 1960-s. The author has revealed the main directions, conditions, dynamics, and peculiarities of the memorialization process in the defined period; problems of realization of the perpetuation policy have been defined. The presented material is primarily based on the data of the National Archives of the Republic of Belarus, the State Archives of Brest region, the State Archives of Vitebsk region, the State Archives of Minsk region.

sУДК 37.013+159.928

М.П. Жигалова¹, Н.И. Наумчик²¹ д-р пед. наук (РФ), действительный член

Академии педагогических и социальных наук Российской Федерации,

Заслуженный учитель Беларуси, доц. каф. педагогики

Брестского государственного университета имени А.С.Пушкина

² учитель-методист, заместитель директора по учебно-методической работе

Малоритской районной гимназии

**ВНЕДРЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ТЬЮТОРСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ
ОДАРЁННЫХ УЧАЩИХСЯ КАК СПОСОБ ПОСТРОЕНИЯ
ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ТРАЕКТОРИИ
(на примере промежуточных результатов инновационного проекта
Малоритской районной гимназии)**

В статье излагаются научные подходы к организации и внедрению технологии тьюторского сопровождения одарённых учащихся. На примере промежуточных результатов реализации инновационного проекта «Внедрение технологии тьюторского сопровождения одарённых учащихся как способ построения индивидуальной образовательной траектории», который проводится в Малоритской районной гимназии (консультант – заведующий кафедрой педагогики и менеджмента образования ГУО «Академия последипломного образования», доктор педагогических наук, профессор Т.А. Лопатик; руководитель проекта – директор ГУО «Малоритская районная гимназия» А.А. Закрутная), показаны способы, методика и пути построения учащимися индивидуальной образовательной траектории (принимали участие 33 учащихся и 10 педагогов), способствующей формированию творческой личности и самоопределению в профессии, в том числе и педагогической.

Введение

Актуальность и значимость инновации связана с решением основных задач учреждений общего среднего образования Республики Беларусь по формированию и развитию креативной личности обучающихся, по обеспечению одарённых детей продуктивным педагогическим сопровождением с целью дальнейшего их самоопределения и саморазвития, выстраивания целенаправленного процесса организации и стимулирования учебной деятельности обучающихся.

Перед школой сегодня стоит важная задача формирования креативной личности, умеющей самостоятельно организовать свою деятельность, свободно ориентироваться в информационном поликультурном пространстве. Личности, обладающей высокими коммуникативными способностями, потому что изменения, которые постоянно происходят в мире, так динамичны, что только мобильная и креативная личность может соответствовать требованиям времени, ибо тот, кто отстал сегодня на день, уже отстал навсегда. Неудивительно, что всё больше исследователей в мире обращаются к проблеме творчества и рассматривают его как феномен развития, формирования личности, как потенциал её будущей адаптации в социуме. В этой связи наибольший интерес в педагогической деятельности вызывает *способность* к творчеству и *способы развития* креативности в процессе педагогического сопровождения. Поскольку процесс развития креативности одарённых учащихся и педагогического их сопровождения начинается с начальной школы, то важно понять, что же такое креативность вообще.

Вслед за большинством психологов мы рассматриваем креативность как *способность порождать необычные идеи, отклоняться от традиционных схем мышления, быстро реагировать и разрешать проблемные ситуации*. А это значит, что она

охватываает как мыслительные, так и личностные качества, необходимые для становления и развития способности учащихся к творчеству. В раннем детстве, например, креативность проявляется в способности фантазировать, воображать, нестандартно мыслить. Позже – в самостоятельной постановке вопросов, поиску ответов на собственные вопросы, анализу несоответствий и противоречий. И при умелом педагогическом сопровождении это может даже вызвать у учащихся исследовательскую активность на раннем этапе формирования личности.

При выборе способов развития креативности у одарённых учащихся важно также учитывать тот факт, что с возрастом у детей может происходить их снижение. Правда, спад вербальной и образной креативности может происходить в разное время. По одним данным, это происходит в подростковом возрасте, по другим, – в юношеском. Отметим, что по данным ряда исследователей (Д. Богоявленская, В.Н. Дружинин, Р. Стернберг, Е.П. Торренс и др.) это снижение во многих случаях носит временный характер и потому учитель-тьютор должен делать всё, чтобы активизировать мысль учащихся и мотивировать их к выполнению исследования уже в начальных классах. При этом следует учитывать и *фазы креативности*. В.Н. Дружинин, например, выделил две фазы: «первичная» креативность (3–5 лет); «специализированная» креативность (подростковый и юношеский возраст), связанная с определённой сферой человеческой деятельности. По мнению же В.С. Юркевич, *креативность* ребёнка есть естественное состояние его развития. В дальнейшем у него происходит накопление интеллектуального опыта, сначала в большей или меньшей мере стихийно, потом уже в школе формируется целенаправленно и систематически.

Поэтому в процессе педагогического сопровождения любой вид творческой деятельности формируется благодаря тому, что учащийся получает, перерабатывает, систематизирует опыт восприятия, опыт мышления, опыт поведения. Теперь для творчества уже необходимо активное преодоление стереотипов. Появляется принципиально другая по своему механизму креативность – *зрелая, культурная креативность*, в которой сплавляются познавательная потребность и когнитивная деятельность. Так возникает творческая личность, составляющая основу новой *культурной креативности*. Это «результат особого познавательного и личностного развития, в котором задача усвоения и адаптации уступает место потребности в творческой деятельности, а, значит, и преодоления сложившихся стереотипов мышления» [2, с. 138]. И потому так важно учителю искать эффективные способы развития креативности учащихся, особенно у одарённых. А значит, при определённой системе обучения и воспитания, при грамотном педагогическом сопровождении учащихся на уроках, внеклассных мероприятиях, а позже и в ходе выполнения учебно-исследовательской работы, эта проблема может быть успешно решена. Заметим, что в развитии креативности важную роль играет как школьная микросреда и личность учителя, так и семья, которая может как активно развивать творческий потенциал ребёнка, так и уничтожить его. Это зависит от выбора отношений, на которые указывают многие учёные: «гармоничность – дисгармоничность отношений в учительском коллективе и семье; между родителями и детьми; творческая – нетворческая личность родителя и учителя как образец для идентификации; общность в сфере интеллектуальных интересов или её отсутствие; ожидание достижений через подчинение или через независимость» [1, с. 10–11]. Подчёркивается учёными (Д. Саймонтон, Р. Альберт, М. Рунко и др.) и тот факт, что для креативного развития ребёнка необходимо, чтобы среди близких людей был творческий человек как образец для подражания. Это может быть и идеальный герой прочитанных книг. Вместе с тем М. Воллах и Н. Коган, например, установили, что положительно на развитие креатив-

ности влияют такие факторы, как отсутствие критики, отсутствие ситуации оценивания и отсутствие стрессов. Сторонники гуманистической теории считают, что для выявления и развития внутренних возможностей человека необходимо создание определённых условий, таких как обеспечение психологической безопасности (уважение к ребёнку как личности, отсутствие внешних оценок, перевод на самостоятельную оценку продуктивности своей деятельности, выход на реакцию «мне нравится» вместо оценки «это плохо»), обеспечение психологической свободы (свободы выражения своих чувств и переживаний, в том числе и отрицательных), открытость личности новому опыту; внутреннее оценивание своего творчества; возможность оперировать (играть) образами и понятиями.

Опираясь на научные данные в реализации инновационного проекта «Внедрение технологии тьюторского сопровождения одарённых учащихся как способ построения индивидуальной образовательной траектории», который проводился Малоритской районной гимназией (консультант – заведующий кафедрой педагогики и менеджмента образования ГУО «Академия последиplomного образования», доктор педагогических наук, профессор Т.А. Лопатик; руководитель проекта – директор ГУО «Малоритская районная гимназия» А.А. Закрутная), мы покажем способы, методику и пути построения учащимися индивидуальной образовательной траектории, способствующей формированию творческой личности и самоопределению в профессии, в том числе и педагогической (принимали участие 33 учащихся и 10 педагогов).

Выделив из выше обозначенных специфических особенностей формирования творчества только педагогическую среду и личность учителя-тьютора, мы покажем на отдельных фрагментах, как это происходит в процессе сопровождения учащихся на учебных занятиях и при выполнении учебно-исследовательской работы, которая не регламентирует деятельность ребёнка, является безоценочной и при этом направлена на развитие и реализацию всех его личностных качеств.

Творческий взрослый (в данном случае учитель-тьютор), уважающий личность и интересы ребёнка, умеющий поддерживать, а не критиковать первые ростки его творчества, показывающий пример креативного поведения и чуткий к индивидуальным особенностям личности ребёнка, к его личным эмоциональным проблемам, может стать главным внешним фактором в становлении креативной личности, которая в условиях рыночной экономики и мультикультурного пространства должна обладать многими компетенциями. Следует заметить, что использование в современной педагогической литературе терминов «компетентность»¹ и «компетенция»² тесно связано с процессом переориентации образования, в том числе и белорусского, со «знаниевого» на компетентностный подход (Р.М. Баскаев, Ю.А. Володина, Д.И. Иванов, А.В. Хуторской), что является необходимым условием модернизации и приведения его результатов в соответствие с международными стандартами. Особенно это важно сегодня в связи со вступлением Беларуси в 2015 г. в Болонскую систему образования. Ещё в 2006 г. во время симпозиума Совета Европы «Ключевые компетенции для Европы» был определён такой примерный перечень ключевых компетенций, которые обозначены как важные «во многих жизненных сферах и служащие залогом жизненного успеха и эффективного функционирования общества» [3, с. 7–8]: 1) *изучать: уметь извлекать пользу из опыта; организовывать взаимосвязь своих знаний и упорядочивать их; организовывать*

¹ Компетентность – владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности.

² Компетенция – круг вопросов, в которых человек хорошо осведомлён, обладает познаниями, опытом.

свои собственные приёмы изучения; уметь решать проблемы; самостоятельно заниматься своим обучением; 2) **искать**: запрашивать различные базы данных; опрашивать окружение; консультироваться у эксперта; получать информацию; уметь работать с документами и классифицировать их; 3) **думать**: организовывать взаимосвязь прошлых и настоящих событий; критически относиться к тому или иному аспекту развития наших обществ; уметь противостоять неуверенности и сложности; занимать позицию в дискуссиях и высказывать своё собственное мнение; видеть важность политического и экономического окружения, в котором проходит обучение и работа; оценивать социальные привычки, связанные со здоровьем, потреблением, а также с состоянием окружающей среды; уметь оценивать произведения искусства и литературы; 4) **приниматься за дело**: включаться в проект; нести ответственность; входить в группу или коллектив и вносить свой вклад; доказывать солидарность; уметь организовывать свою работу; уметь пользоваться вычислительными и моделирующими приборами; 5) **адаптироваться**: уметь использовать новые технологии информации и коммуникации; доказывать гибкость перед лицом быстрых изменений; показывать стойкость перед трудностями; уметь находить новые решения.

Поэтому сегодня в условиях создания единого образовательного пространства для белорусского образования актуальны следующие группы ключевых компетенций, на которые указывает А.В. Хуторской [4, с. 184]: ценностно-смысловые; общекультурные; учебно-познавательные; информационные; коммуникативные; социально-трудовые компетенции, в том числе и умение анализировать ситуацию на рынке труда, оценивать собственные профессиональные возможности; компетенции личностного самосовершенствования. Это значит, что перед педагогами сегодня по-новому ставится задача принятия гражданской ответственности за уровень социальной зрелости учащихся и формирование общественного запроса на профориентационную работу с целью их эффективного самоопределения в будущей профессии, в том числе и педагогической.

Актуальность и значимость выполнения инновационного проекта связана с решением основных задач учреждений общего среднего образования Республики Беларусь по формированию и развитию креативной личности обучающихся, по обеспечению одарённых детей продуктивным сопровождением педагогом с целью дальнейшего их самоопределения и саморазвития, целенаправленного процесса организации и стимулирования учебной деятельности обучающихся. В связи с этим традиционные подходы в образовании, направленные только на усвоение школьниками определенной суммы знаний и умений, являются недостаточными. Важно формировать индивидуальную познавательную активность, самостоятельность, способность к успешной социализации, будущей адаптации на рынке труда и самореализации в жизни. Поэтому перед учителем-тьютором стоит задача пробудить в детях личную заинтересованность в приобретаемых практико-ориентированных знаниях, которые будут востребованы в их дальнейшей жизни. Этим и определяется востребованность данного проекта, в котором на первый план выходит процесс педагогического сопровождения одарённых учащихся как способ построения индивидуальной образовательной траектории.

Так как технология тьюторского сопровождения одарённых учащихся основывается на признании права ребёнка на самостоятельность и индивидуальность, то позиция тьютора отличается от традиционной учительской позиции взаимодействием тьютора и ученика: тьютор сопровождает и поддерживает образовательную деятельность, которую самостоятельно осуществляет ученик, определяя свои цели и задачи. Тьютор помогает учащемуся осуществить рефлексию образовательной деятельности, её успехи или неудачи, эффективность используемых средств, проанализировать результаты и появи-

вшиеся личностные новообразования, важные для использования в будущем. Основной принцип работы тьютора – расширение образовательного пространства каждого обучающегося до преобразования этого образовательного пространства в открытое. Причём, это предоставляет учащемуся выбор своего образа и выбор своего пути. Открытое образовательное пространство не формирует заранее заданный образ, а имеет целью дать опыт самоопределения.

Тьюторское сопровождение предполагает переход на индивидуальные учебные планы обучения, определяющие индивидуальную образовательную траекторию для каждого обучающегося. Такие планы были составлены в районной гимназии г. Малорита. В них каждый учитель-тьютор определил дальнейшие профессиональные интересы каждого ученика-тьюторанта и выявил его образовательные возможности. При этом в составлении собственного учебного плана и индивидуальной образовательной программы у гимназиста была сформирована культура выбора.

Цель инновационного проекта – теоретическое обоснование и разработка модели внедрения технологии тьюторского сопровождения одаренных учащихся.

На данном (практическом) этапе внедрения образовательной модели в педагогическую практику учреждением образования решались следующие **задачи**:

- 1) обосновать организационно-управленческие механизмы внедрения технологии тьюторского сопровождения одаренных учащихся;
- 2) разработать и апробировать модель тьюторского сопровождения одаренных учащихся на основе построения индивидуальной образовательной траектории;
- 3) разработать методическое обеспечение тьюторского сопровождения одаренных учащихся;
- 4) оценить эффективность внедрения в деятельность учреждений общего среднего образования технологии тьюторского сопровождения одаренных учащихся.

Система управления реализацией инновационного проекта

В условиях инновационного этапа развития ГУО «Малоритская районная гимназия» целью работы педагогического коллектива является создание инновационной образовательной среды, способствующей эффективному и качественному процессу воспитания, обучения, развития учащихся с учетом их возрастных, индивидуальных, творческих особенностей. Ведущими принципами в организации управленческой деятельности стали принципы гуманизации, демократизации, дифференциации, связи с жизнью, а также ориентация на обеспечение конечных целей, полнота цикла управления проектом, поэтапность инновационных процессов и процессов управления, многовариативность при выработке управленческих решений, системность, комплексность, ресурсное и технологическое обеспечение. Были использованы деятельностный, компетентностный, индивидуальный, дифференцированный, проблемно-деятельностный подходы. Три педагога-участника инновационной деятельности осуществляют руководство гимназическими и районными методическими объединениями, что способствует активизации личной заинтересованности членов педагогического коллектива в успешной реализации проекта, а также позволяет объективно констатировать факт реализации на практике принципов коллегиальности, делегирования управленческих полномочий всем участникам инновационной деятельности.

В районной гимназии была создана управленческая команда, которая обеспечила разработку системы и механизмов эффективного взаимодействия участников инновационной деятельности. Грамотное распределение функциональных обязанностей между членами инновационной команды, постановка целей перед каждым из них как важ-

нейшее условие успешного начала и продолжения инновационной деятельности было закреплено приказом директора. В нём обозначена структурно-функциональная и содержательная система работы, определён состав участников инновационного проекта. Мотивами деятельности для педагогического коллектива стало чёткое видение и разъяснение идеи инновационного проекта, прозрачность деятельности, творческая обстановка и постоянное ощущение успеха. Вопросы реализации инновационной деятельности заслушивались на педагогических и методических советах. Это позволило скоординировать усилия всех участников инновационной деятельности. Управленческой командой совместно с консультантом была скорректирована программа, календарный план работы по реализации инновационного проекта, темы индивидуальных исследований, что обеспечило повышение их эффективности, реалистичности и выполнимости.

Были разработаны и распределены функциональные обязанности участников инновационной деятельности и локальная нормативная база: положение о творческой группе учителей по внедрению инновационного проекта, план оказания методической помощи участникам инновационного проекта, календарный план работы заместителя директора по УМР, обеспечивающего организационно-методическое сопровождение реализации инновационного проекта, памятка учителю-инноватору. Организация внутригимназического контроля строилась с учетом анализа промежуточных результатов, коррекции, регулирования инновационного процесса. Результаты, полученные в ходе контроля, оформлялись в виде аналитических справок, заслушивались на различных уровнях (педагогический совет, совещание при директоре, методический совет, родительские собрания). В Малоритской районной гимназии была создана система управления реализацией инновационного проекта. Механизмом управления инновационной деятельностью выступают формы профессиональной коммуникации педагогов-инноваторов, формы обучения и взаимообучения участников проекта. Таким образом, механизмом управления инновацией, оценки эффективности и развития проекта являются формы совместной самоорганизующейся деятельности. Под руководством управленческой команды гимназии весь педагогический коллектив был включен в процесс поиска путей решения поставленных задач. Это позволило педагогам приобрести опыт педагогической деятельности с учащимися в определении содержания работы, в поиске эффективных средств, форм, методов и приёмов по его реализации, повысить уровень аналитической культуры.

Готовность коллектива к реализации инновационного проекта подтверждалась ресурсным обеспечением, мотивацией педагогов к инновационной деятельности, имеющимся опытом. Важно было выявить степень готовности педагогического коллектива работать в инновационном режиме. Для этого проведено анкетирование учителей-инноваторов с целью выявления отношения к инновации и факторов, стимулирующих и препятствующих развитию и саморазвитию педагогического коллектива.

Анализ данных позволяет констатировать, что произошло существенное изменение мотивации педагогов. На основном этапе для всех педагогов, участвующих в реализации инновационного проекта, характерны высокий уровень восприимчивости к инновационной работе, постоянный поиск себя в этом новом, потребность в создании новых образовательных продуктов. Почти половина педагогического коллектива была изначально готова к освоению новшеств. Это подтверждают результаты анкетирования (май 2014 г.). На вопрос «Есть ли у Вас интерес к инновациям в педагогической деятельности?» «Да» ответили 72%, «Нет» – 0,8%, «Частично» – 29,5%. «Готовы ли к освоению новшеств?»: «Да» – 50%, «Нет» – 1%, «Частично» – 49%. Поэтому можно су-

дить о достаточно высокой степени заинтересованности педагогов районной гимназии в обновлении педагогической деятельности.

О повышении компетентности педагогов районной гимназии в реализации инновационного проекта свидетельствуют результаты диагностики (таблица 1), проведённой в январе 2015 г. Она обусловлена тем, что с целью формирования и развития управленческой, исследовательской, рефлексивной, коммуникативной, презентационной компетентности и аналитической культуры педагога были включены в график повышение квалификации педагогов через разнообразные формы работы внешнего и внутреннего консалтинга.

Таблица 1. – Инновационная компетентность педагогов Малоритской гимназии

Составляющие	Критерии	Показатели, %
Мотивационно-целевая	Наличие субъектной позиции реализатора инновации	94
Теоретико-содержательная	Владение теоретико-методологическими знаниями	85
Организационно-деятельностная	Сформированность комплекса умений работать в режиме инноватики	88

Анализ анкетирования, проведения собеседований, практических форм работы (открытые мероприятия, семинары и т.д.) показывает, что в совершенствовании мотивационно-целевой, теоретико-содержательной и организационно-деятельностной как составляющих исследовательской компетентности педагогов имеется положительная динамика, что определяет перспективы работы в этом направлении.

Во многом в решении обозначенных выше проблем по формированию ключевых компетенций у учащихся содействует сотрудничество университета и гимназии по организации и сопровождению учебно-исследовательской работы учащихся. На примере такого сотрудничества УО «БрГУ имени А.С. Пушкина» и ГУО «Малоритская районная гимназия» покажем, как в ходе реализации инновационного проекта «Внедрение технологии тьюторского сопровождения одарённых учащихся как способ построения индивидуальной образовательной траектории (2014/15 учебный год)» через педагогическое сопровождение научно-исследовательской работы учащихся можно формировать креативную личность, способную самоопределиваться в профессии с целью дальнейшей адаптации в современном образовательном пространстве и социуме.

Для учащихся 9–11 классов ГУО «Малоритская районная гимназия» был организован в рамках инновационного проекта научно-консультационный семинар «Учебно-исследовательская работа учащихся как способ профессионального самоопределения». Семинар носил обучающий и консультационный характер и способствовал осознанию и осмыслению учащимися мотивации к учебно-исследовательской деятельности. Цель, которую мы ставили, заключалась в том, чтобы создать учащимся условия для овладения компетенциями в области мотивации, выбора, проектирования и выполнения учебно-исследовательских работ, формирования целостной системы знаний учащихся по подготовке и проведению исследований учебно-просветительского и практико-ориентированного характера. В рамках данного семинара учащиеся под руководством доцента кафедры педагогики УО «БрГУ имени А.С. Пушкина» постигали специфику и разнообразные формы учебно-исследовательской деятельности, выполняемой как по отдельному предмету, так и по написанию исследований междисциплинарного характера, что содействовало их креативному развитию и профессиональному самооп-

ределению. В ходе семинара было обеспечено освоение учащимися теоретических знаний о подготовке и проведении исследования на уровне понимания гипотезы, предмета и объекта исследования, осознанного воспроизведения алгоритма реализации исследования на практике, обоснования областей применения. Были также созданы условия для применения освоенных знаний о содержании и организации исследования в процессе решения учебных задач и моделирования учебных ситуаций. Содержание семинара способствовало актуализации потребности учащихся в самообразовании и самоопределении в профессии через овладение опытом выбора темы и проектирования исследования, проведения эксперимента, написания и защиты учебно-исследовательской работы. Вместе с тем это помогало расширению путей и способов использования учебно-исследовательских работ в саморазвитии и самосовершенствовании личности обучаемого, содействовало освоению опыта взаимоэкспертизы и взаимооценки учащимися эффективности выполнения своих учебно-исследовательских работ.

С целью активизации интереса педагогов к организации и сопровождению исследовательской деятельности одарённых учащихся был организован постоянно действующий научно-консультативный семинар «Научно-исследовательская работа школьников как средство подготовки обучающихся к профессиональному самоопределению», который проводился доцентом кафедры педагогики УО «БрГУ имени А.С. Пушкина». Работа семинара была нацелена на осознание и осмысление слушателями мотивации обучающихся к научно-исследовательской деятельности с целью ориентации и самоопределения их в профессии. Содержание постоянно действующего семинара направлено на постижение учителем специфики и разнообразных форм учебно-исследовательской деятельности учащихся, выполняемых и по отдельному предмету, и в работах междисциплинарного характера, которые бы содействовали их профессиональному самоопределению. Программа семинара способствует дальнейшему самообразованию учителя, развивает его представление о возможных путях собственной исследовательской и творческой работы, о создании авторских программ по учебным предметам и исследовательской работе учащихся с целью ориентации школьников на осмысленный выбор профессии, в том числе и педагогической.

Эти два семинара для учащихся и учителей составили целостную научно-педагогическую систему взаимодействия тьюторов и тьюторантов.

Для оценки деятельности педагогов, осуществляющих реализацию инновационного проекта, была составлена критериальная база оценки деятельности педагога-тьютора, которая охватывала не только теоретические, но и практико-ориентированные аспекты. Оценивались три направления деятельности педагогов: 1) повышение уровня заинтересованности научно-исследовательской деятельностью; 2) овладение компьютерными технологиями; 3) перспективы дальнейших собственных научных исследований.

С целью совершенствования исследовательских и аналитических умений в рамках проекта его участники ведут исследования по утверждённым темам (таблица 2).

Таблица 2. – Программы исследований учителей – участников инновационного проекта

№	Ф.И.О. учителя	Категория	Тема исследования
1	Заместитель директора по УМР	Учитель-методист	Педагогический дневник как форма развития педагогической компетенции педагогов, участвующих в реализации инновационного проекта
2	Учитель биологии	Высшая	Система работы с одаренными учащимися в условиях тьюторского сопровождения
3	Учитель истории и обществоведения	Высшая	Формы и методы учебной работы в условиях тьюторского сопровождения учащихся

Окончание таблицы 2

4	Учитель физики	Высшая	Тьюторское сопровождение одарённых учащихся как средство достижения нового качества среднего образования
5	Учитель математики	Высшая	Тьюторское сопровождение как особый тип педагогического сопровождения
6	Учитель химии	Первая	Тьюторское сопровождение формирования готовности к самоопределению
7	Учитель-методист, учитель русской литературы	Учитель-методист	Саморазвитие читателя в современном мультикультурном пространстве в процессе реализации тьюторского сопровождения
8	Учитель русского языка и литературы	Высшая	Развитие одарённых учащихся как субъектов собственной деятельности в процессе реализации тьюторского сопровождения
9	Учитель информатики	Высшая	Специфика дистанционного образования в процессе тьюторского сопровождения одарённых учащихся
10	Педагог-психолог	Высшая	Психолого-педагогическое сопровождение одарённых учащихся в процессе реализации тьюторского сопровождения одарённых учащихся

В учебном году изучался теоретический материал, передовой педагогический опыт по избранному вопросу, шла подготовка и издание методических рекомендаций, брошюр для пользования учителями районной гимназии по темам исследований.

На промежуточном этапе реализации инновационного проекта была проведена следующая работа:

- 1) обоснованы организационно-управленческие механизмы внедрения технологии;
- 2) разработана и апробирована модель тьюторского сопровождения в системе работы учителя-тьютора;
- 3) каждым тьютором выстроена индивидуальная образовательная траектория для тьюторантов, по которой велось индивидуальное педагогическое сопровождение и дистанционное консультирование;
- 4) разработаны каждым тьютором методические рекомендации по обеспечению педагогического сопровождения;
- 5) на педсовете (27.03.2015, протокол № 4) заслушан вопрос об эффективности практики внедрения технологии тьюторского сопровождения одарённых учащихся;
- 6) на основании промежуточного отчёта каждого тьютора была оценена его практика сопровождения.

Эффективность условий реализации инновационного проекта

Для эффективной реализации инновационного проекта в Малоритской районной гимназии были созданы необходимые условия (кадровое, научное, информационно-методическое, психолого-педагогическое, материально-техническое обеспечение).

Для качественной реализации проекта в этом учреждении образования имеется хороший кадровый потенциал: два педагога имеют категорию «Учитель-методист» (2,6%), 34 педагога имеют высшую квалификационную категорию (44,3%), 26 – первую (33,7%). Качественный анализ кадрового обеспечения свидетельствует о достаточном уровне профессиональной подготовки и педагогического мастерства участников инновационной деятельности. Педагогический коллектив гимназии, педагоги – участники инновационной деятельности имеют необходимое нормативное правовое и информационно-методическое обеспечение осуществляемого инновационного процесса, включа-

ющее нормативные правовые документы Министерства образования Республики Беларусь, локальные акты, методические сборники и пособия, собственные разработки.

Для реализации инновационной деятельности создана солидная материально-техническая база: имеются 20 ЖК-телевизоров, 2 компьютерных класса, 4 медиапроектора, библиотечно-информационный центр, методический кабинет, Интернет-сеть, сайт гимназии, локальная сеть. Все участники инновационного проекта имеют свободный доступ к Интернет-ресурсам и средствам глобальной коммуникации, к электронным учебникам и профессиональной литературе, к современным обучающим материалам и дополнительной информации. Проект обеспечивается психолого-педагогическим сопровождением в соответствии с прогнозируемыми результатами.

Для обеспечения научно-методического сопровождения инновационной деятельности на сайте Малоритской районной гимназии функционирует страница «Инновационная деятельность», а в методическом кабинете – уголок «В помощь педагогу-инноватору» и стенд «Инновационный меридиан». Кроме этого, в библиотеке оформлена постоянно действующая выставка «Тьюторство в уроке», оформлено портфолио достижений учащихся, включённых в реализацию инновационного проекта.

Информационно-методическое обеспечение реализации инновационного проекта представлено разнообразными формами:

- 1) информирование педагогического коллектива о ходе проекта (осуществляется на педагогических и методических советах);
- 2) информирование учащихся-тьюторантов и их родителей об особенностях организации образовательного процесса в условиях инновационной деятельности;
- 3) выпуск газеты «Исследователь» (№№ 1–3), посвященной достижениям учащихся – участников инновационного проекта;
- 4) размещение информации на сайте учреждения образования о достижениях учителей-тьюторов и учащихся-тьюторантов, которые стали победителями районных, областных, республиканских олимпиад, участников конференций и конкурсов.

Система работы по методическому обеспечению предполагала формирование и развитие профессиональных компетенций и инновационной культуры каждого педагога в соответствии с поставленными задачами и темой педагогического исследования в рамках реализации проекта. Научно-методическое обеспечение реализации проекта осуществлял научный руководитель. Оно было направлено на формирование инновационного мышления, развитие инновационной компетентности, на решение проблемы повышения уровня профессионально-педагогической культуры учителей, их профессиональных и коммуникативных компетенций.

В течение года было проведено пять заседаний творческой группы учителей – участников проекта, на которых изучались нормативные и правовые акты Министерства образования Республики Беларусь в сфере инновационной политики, разрабатывались локальные акты, рассматривались вопросы организации инновационной деятельности, анализа проводимой работы, ведения документации. Также были разработаны рекомендации, памятки, буклеты по организации тьюторского сопровождения одарённых учащихся. Совместно с руководителем проекта определены темы педагогических исследований участников проекта, организовано постоянно действующее дистанционное консультирование с руководителем проекта по вопросам управления, способам реализации проекта, проведения индивидуальных педагогических исследований, рефлексивной деятельности.

С целью научно-методического обеспечения было налажено сотрудничество с кафедрой педагогики Брестского государственного университета имени А.С. Пушкин-

на. В реализацию проекта включена доктор педагогических наук, доцент кафедры педагогики, учитель-методист, Заслуженный учитель Беларуси.

В гимназии организована целенаправленная работа по развитию профессиональной и инновационной культуры участников проекта. Работает научно-практический семинар «Эффективный урок: проблемы, поиски, находки», регулярно проводятся консультации, мастер-классы и тренинги для участников инновационной работы. Для повышения интереса педагогов-тьюторов к инновационной деятельности дополнительно к плану было предложено организовать ежемесячные заседания круглого стола на тему «Тьюторство: современное состояние и перспектив», на которых руководство проекта и учителя-предметники обменивались мнениями о ходе его реализации.

В Малоритской районной гимназии были проведены:

- 1) инструктивно-методическое совещание «Выработка стратегии и тактики работы над реализацией проекта»;
- 2) два методических практикума;
- 3) четыре занятия постоянно действующего семинара «Эффективный урок: проблемы, поиски, находки»;
- 4) четыре заседания консультационного пункта для педагогов – участников инновационного проекта «Психолого-педагогическое сопровождение инновационного проекта»;
- 5) два плановых круглых стола для учителей по специфике учебно-методической работы и ведению документации участника инновации;
- 6) три заседания творческой группы педагогов – участников инновации;
- 7) психолого-педагогический практикум «Рефлексивная деятельность педагога на уроке»;
- 8) два совещания при директоре, посвящённые учебно-методической работе «Организация методической работы, обеспечивающая проектирование эффективного урока»;
- 9) психологические тренинги с педагогами-тьюторами и учащимися;
- 10) 11 открытых занятий, 2 мастер-класса педагогов-тьюторов по теме инновации;
- 11) родительский всеобуч «Одарённый ребёнок»;
- 12) консультации для педагогов по реализации тем по самообразованию.

Учителя-тьюторы – участники проекта принимали активное участие в районных семинарах, заседаниях районных методических объединений, являлись членами районных предметных творческих групп.

Психолого-педагогическое сопровождение инновационной деятельности осуществлялось педагогом-психологом гимназии в соответствии с годовым учебным планом. Оно было представлено комплексом мероприятий диагностического, обучающего, исследовательского характера (проведение диагностических мероприятий с учащимися по разработанному плану; составление заключений и разработка рекомендаций педагогам-тьюторам на основе полученных результатов психодиагностики; психологическое консультирование и просвещение участников проекта; оказание целенаправленного влияния на формирование у учащихся позитивной Я-концепции, навыков саморегуляции, коммуникативных навыков, коррекционная работа; содействие осознанному профессиональному самоопределению обучающихся, профориентация, проведение практических занятий с элементами тренинга, связанные с развитием навыков общения, самоконтроля и самопознания, активизацией творческого потенциала участников инновационного проекта). Практические занятия с учащимися были также направлены на развитие интеллектуальных качеств, уделялось внимание формированию умения взаимодействовать с партнёрами. Совместные практические занятия педагогов и учащихся были

направлены на формирование навыков командной творческой работы. Педагогом-психологом проведён тренинг личностного роста педагога, составлена *диагностическая карта «Оценка готовности учителя к участию в инновационной деятельности»*, представленная в виде таблицы 3.

Таблица 3. – **ДИАГНОСТИЧЕСКАЯ КАРТА «Оценка готовности учителя к участию в инновационной деятельности»**

Инструкция: Уважаемые коллеги! Оцените, пожалуйста, предложенные критерии своей готовности по 5-балльной шкале.

№	Критерии	1	2	3	4	5
<u>I. Мотивационно-творческая направленность личности</u>						
1	Заинтересованность в творческой деятельности				+	
2	Стремление к творческим достижениям				+	
3	Стремление к лидерству			+		
4	Стремление к получению высокой оценки деятельности со стороны администрации			+		
5	Личная значимость творческой деятельности					+
6	Стремление к самосовершенствованию					+
Всего:		24				
<u>II. Креативность педагога</u>						
7	Способность отказаться от стереотипов в педагогической деятельности, преодолеть инерцию мышления				+	
8	Стремление к риску		+			
9	Критичность мышления, способность к оценочным суждениям				+	
10	Способность к самоанализу, рефлексии					+
Всего:		15				
<u>III. Профессиональные способности учителя к осуществлению инновационной деятельности</u>						
11	Владение методами педагогического исследования				+	
12	Способность к планированию экспериментальной работы				+	
13	Способность к созданию авторской концепции			+		
14	Способность к организации эксперимента				+	
15	Способность к коррекции своей деятельности				+	
16	Способность использовать опыт творческой деятельности других педагогов					+
17	Способность к сотрудничеству				+	
18	Способность творчески разрешать конфликты				+	
Всего:		35				
<u>IV. Индивидуальные особенности личности учителя</u>						
19	Работоспособность в творческой деятельности					+
20	Уверенность в себе					+
21	Ответственность					+
Всего:		15				
Всего баллов:		89				

Обработка результатов

На основе полученных результатов делаются выводы о высоком уровне готовности педагога к участию в инновационной деятельности (набрано от 105 до 75 баллов); среднем уровне (от 74 до 55 баллов); низком уровне (менее 55 баллов). В анкетировании приняли участие 60 педагогов (75%). Анкета была анонимной. Общий балл удовлетворенности – 4,05 балла. Он свидетельствует о том, что педагоги Малоритской

районной гимназии скорее удовлетворены психологическим климатом коллектива. Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том, что в коллективе преобладает бодрый, жизнерадостный тон, доброжелательность в отношениях, взаимная симпатия, сбалансированность в отношениях с руководством. Членам коллектива нравится вместе проводить время, участвовать в совместной деятельности. Коллектив активен, полон энергии, доброжелательно относится к новым членам, переживает успехи и неудачи товарищей, прислушивается к мнению друг друга.

Психолого-педагогическое сопровождение инновационного процесса определялось необходимостью формирования и развития инновационной культуры педагогических работников, сопровождения интеллектуального и личностного развития учащихся, осуществления функций анализа, оценки, рефлексии осуществляемой инновационной деятельности и включало следующие направления: выступление на методических объединениях на тему «Психологические знания учителя и овладение психолого-педагогическими приемами профессиональной деятельности»; проведение семинаров-тренингов, направленных на развитие психологической культуры педагогов, развитие педагогической рефлексии и выработку эффективных способов взаимодействия с учащимися; индивидуальные консультации для учителей по вопросам поиска форм и методов работы с учащимися, исходя из особенностей их индивидуального и личностного развития; посещение уроков, занятий с целью психологического анализа эффективности применяемых педагогических технологий, оценки организации деятельности учащихся на уроке, способов развития мотивации учащихся, стиля проведения урока, оценки работы учащихся; проведение психолого-педагогических исследований согласно календарному плану инновационной деятельности.

На первом этапе реализации инновационного проекта целью работы педагога-психолога являлось оказание помощи в формировании психологической готовности коллектива гимназии к инновационной деятельности (посредством использования комплекса психологических исследований и наблюдений). На данном этапе внедрения инновационного проекта необходимо было реализовать следующие задачи психолого-педагогического сопровождения:

- 1) оценить ресурсы гимназии для реализации инновационного проекта;
- 2) развивать психологическую готовность (потребности, мотивы) педагогов к инновационной деятельности;
- 3) создать творческую атмосферу в гимназии, мотивацию интереса коллектива педагогов к новшествам.

Решая поставленные задачи, педагог-психолог использовала комплекс психологических исследований (диагностик), наблюдение, проводила обучающие и развивающие мероприятия для педагогов.

Основными ресурсами гимназии при реализации инновационного проекта является психологический климат в педагогическом коллективе и психологические, возрастные возможности, готовность учащихся для развития и повышения их уровня коммуникативной компетенции, наличие заинтересованности и навыков активного использования в межличностном и межкультурном общении современных информационно-коммуникационных технологий.

В сентябре 2014 г. было проведено *анкетирование педагогов «Психологический климат в коллективе»*. Анкетирование проводилось с целью выявления проблем в педагогическом коллективе (таблица 4). Оно показало, что в гимназии сформировался положительный, благоприятный психологический климат, который способствует раскрытию творческого потенциала каждого педагога.

Таблица 4. – Анкета «Психологический климат в коллективе»

№	В какой степени вы удовлетворены...	Оценка
1	Вашей работой в школе?	5
2	Вашими взаимоотношениями с коллегами (дружбой с товарищами)?	4
3	Заботой администрации об удовлетворении Ваших нужд?	4
4	Готовностью коллег оказать помощь в работе?	4
5	Настроением в коллективе (его жизнерадостью, оптимизмом)?	5
6	Культурной и интеллектуальной атмосферой в коллективе?	4
7	Тем, в какой мере администрация прислушивается к Вашим замечаниям и предложениям, касающимся работы школы?	4
8	Культурно-массовыми мероприятиями, совместным отдыхом?	4
9	Тем, насколько доброжелательно и объективно оценивается Ваша работа?	4
10	Отношением коллектива к работе?	4
11	Организованностью и порядком в работе школы?	4
12	Творческой атмосферой в коллективе?	3
13	Вашими взаимоотношениями с руководителями?	4
14	Согласованностью и единством действий педагогов?	4
15	Отношением учащихся к учебе?	4
16	Дисциплинированностью учащихся?	5
17	Тем, насколько рационально используются Ваши силы и время на работе?	4
18	Учебно-материальной базой школы?	4
19	Отсутствием «показухи» и формализма в работе?	4
20	Заработной платой?	3
Всего		4,05

Примечание: 5 – полностью удовлетворен; 4 – скорее удовлетворен; 3 – трудно сказать (и да, и нет); 2 – скорее неудовлетворен; 1 – совершенно неудовлетворен.

Педагогическая готовность учителя к инновационной деятельности в современных условиях – важнейшее качество профессионального педагога, без которого невозможно достичь высокого уровня педагогического мастерства. Педагогическая готовность учителя к инновационной деятельности определяется по наличию мотива включения в инновационную деятельность; по комплексу знаний о современных требованиях к результатам школьного образования, инновационных моделях и технологиях образования, о том, что определяет потребности и возможности развития существующей педагогической практики; по общей компетентности в области педагогических инноваций.

Выполнение программы и плана реализации инновационного проекта

Реализация инновационного проекта осуществлялась через интеграцию учебной и воспитательной работы, взаимодействие с семьёй, институтами социума с целью поддержки и развития человеческих ресурсов участников гимназического сообщества согласно комплексно-целевой программе и календарному плану инновационной деятельности на текущий учебный год.

Организационно-административная деятельность включала мероприятия по организации деятельности педагогического коллектива, направленной на реализацию инновационного проекта: разработка необходимого нормативного правового сопровождения, организация образовательного процесса, анализ промежуточных результатов, коррекция, регулирование инновационного процесса. Практическая реализация проекта основывалась на системной работе учителей-тьюторов, проводилась фиксация результатов деятельности в дневнике педагогических наблюдений.

В качестве критериев и показателей эффективности инновационной деятельности были определены здоровье, результативность образовательного процесса, профессиональное мастерство педагогов, инновационная культура администрации гимназии. Также проведена диагностика удовлетворённости педагогов и учащихся результатами реализации инновационного проекта. Уровень удовлетворенности можно считать высоким, если общий индекс удовлетворенности равен 70% и выше; средним, если общий индекс удовлетворенности от 50% до 70%; низким, если общий индекс удовлетворенности ниже 50%.

Результаты анкетирования

Результаты анализа уровня удовлетворенности учащихся различными сторонами образовательного процесса в ГУО «Малоритская районная гимназия» (9–10 апреля 2015 г.) показали, что общий уровень удовлетворенности учащихся различными сторонами образовательного процесса – 89,3%, а родителей – 89%. Это показатель высокого общего уровня удовлетворенности (таблица 5).

Таблица 5. – Индекс удовлетворенности учащихся образовательным процессом, %

Класс	Общий индекс удовлетворенности образовательным процессом				Групповой индекс удовлетворенности образовательным процессом
	Деятельностная сторона	Организационная сторона	Социально-психологическая сторона	Административная сторона	
9	95	92	86	96	92,25
10	80	87	91	89	86,75
11	92	84	88	92	89
В целом	89	87,6	88,3	92,3	89,3

89% учащихся удовлетворены *деятельностной стороной образовательного процесса*. Им нравится учиться в гимназии, уроки для них увлекательны и интересны, они считают, что учителя доступно и эмоционально объясняют даже трудный материал, справедливо оценивают результаты ученического труда. Объем домашних заданий соответствует возможностям ученика, на уроках не бывает скучно и утомительно. В Малоритской районной гимназии учат взаимодействовать с другими людьми, жить в обществе. Есть возможность проявить свои способности.

Социально-психологической стороной образовательного процесса удовлетворены 88,3% учащихся. Они считают, что педагоги относятся к ученикам так, как они того заслуживают. По их мнению, большинство учителей относятся к ученикам с уважением и пониманием, когда возникают трудности, педагоги помогают. Ученики могут высказывать своё мнение, когда в районной гимназии принимают решение; не испытывают боязни и страха, когда учитель вызывает к доске, хорошо себя чувствуют среди сверстников, отношения с некоторыми учителями можно назвать доверительными. Большинство учителей районной гимназии вызывают у них симпатию и доверие. У учащихся хорошие отношения друг с другом, в классе они ощущают свою ценность и значимость. В гимназии у них много друзей, с которыми приятно встречаться и радостно общаться. Конфликтов с родителями из-за районной гимназии, как правило, не бывает.

Административной стороной образовательного процесса удовлетворены 92,3% учащихся. Они считают, что учителя в районной гимназии интересуются мнением ребят, учащиеся могут свободно высказывать своё собственное мнение, если надо, обращаются за помощью к завучу, директору. Замечают, что в районной гимназии происходят изменения в лучшую сторону.

87,6% учащихся удовлетворены *организационной стороной образовательного процесса*, а именно считают, что расписание уроков удобное, учебная нагрузка распределяется равномерно в течение недели, в гимназии уютно, красиво, чисто, их устраивает организация питания. Жизнь в районной гимназии кажется насыщенной и интересной: здесь проходит много интересных мероприятий. Распорядок дня в гимназии целесообразен и хорошо продуман.

Результаты анализа уровня удовлетворенности родителей различными сторонами образовательного процесса в ГУО «Малоритская районная гимназия» (1–2 апреля 2015 г.). Анкетирование проводилось с целью выявить уровень удовлетворенности *родителей* учащихся 9–11-х классов (n = 21) деятельностной, организационной, социально-психологической, административной сторонами образовательного процесса (таблица 6).

Таблица 6. – Индекс удовлетворенности родителей образовательным процессом, %

Деятельностная сторона	Общий индекс удовлетворенности			Групповой индекс удовлетворенности образовательным процессом
	Организационная сторона	Социально-психологическая сторона	Административная сторона	
92	77	96	94	89

Общий индекс удовлетворенности различными сторонами образовательного процесса родителей – 89%, что свидетельствует о *высоком уровне* удовлетворенности. Высокий уровень удовлетворенности выявлен у всех опрошенных родителей.

Более всего *родители* удовлетворены *социально-психологической стороной образовательного процесса (96%)*. Они считают, что учителя относятся к ребёнку так, как он того заслуживает, прислушиваются к мнению родителей и учитывают его. При решении гимназических (классных) вопросов у родителей есть возможность взаимодействовать с другими родителями. Приятно и интересно бывать на родительских собраниях; у ребёнка в основном хорошие взаимоотношения с одноклассниками и учителями. В районной гимназии доброжелательная психологическая атмосфера.

Административной стороной образовательного процесса удовлетворены 94% *родителей*. Они придерживаются мнения, что управление районной гимназией, которое осуществляет администрация, способствует улучшению образовательного процесса. В учреждении образования заботятся о здоровье детей, о предупреждении перегрузок. При принятии управленческих решений администрация считается с мнением детей и родителей, у администрации гимназии родители всегда могут получить ответы на интересующие их вопросы, касающиеся учёбы, личности ребёнка. Контроль за учебно-воспитательным процессом, осуществляемый администрацией, приносит пользу. Родителей в полной мере информируют о деятельности районной гимназии, об основных событиях в ней; родители всегда имеет возможность обратиться в учреждение образования за квалифицированным советом и консультацией. Деятельность администрации районной гимназии родители считают эффективно и довольны тем, что ребёнок обучается в этом учреждении образования.

Деятельностной стороной образовательного процесса удовлетворены 92% *родителей*. Они считают, что образовательный процесс в Малоритской районной гимназии ориентирован на развитие личности каждого ребёнка; методы обучения и воспитательного воздействия по отношению к ребёнку обычно приводят к хорошему результату; ребёнок редко жалуется на недомогание и плохое самочувствие во время уроков; результаты учёбы ребенка учителя оценивают объективно и справедливо, учитывая его

индивидуальные особенности. Родители согласны с содержанием воспитательного процесса в этом учреждении образования.

77% *родителей* удовлетворены **организационной стороной образовательного процесса**, а именно считают, что в гимназии уютно, красиво, чисто, проводятся интересные мероприятия. Организацию питания считают удовлетворительной. Для решения задач обучения и воспитания гимназия сотрудничает с другими организациями. Здесь проводится эффективная работа с родителями. 23% родителей хотели бы, чтобы в Малоритской районной гимназии проводили больше совместных мероприятий для родителей и детей, что позволило бы детям интереснее проводить свободное время.

Все участники реализации инновационного проекта являются сертифицированными пользователями информационных технологий в образовании. Реализация проекта дала толчок для профессионально-личностного роста педагогов: активное использование современных образовательных технологий в работе с детьми, участие в исследовательской деятельности (2012/13 учебный год – 5 педагогов; в 2014/15 учебный год – 17 педагогов).

В течение учебного года с целью определения динамики результатов инновационной деятельности согласно разработанным критериям выполнен ряд исследований, в ходе которых получены положительные результаты. У тьюторов развились учебные компетенции, сократилось время усвоения предметного материала, повысилась эмоциональная сторона организации процесса. Результатом мероприятий по внедрению проекта стала активная интеллектуальная, познавательная деятельность учащихся. Повысилось качество образовательной деятельности. У 2 учащихся качество знаний за III четверть в сравнении со II четвертью снизилось на 0,1, у 12 учащихся осталось на том же уровне, повысилось – у 19 учащихся. У 10 учащихся качество знаний за III четверть в сравнении с I четвертью осталось на том же уровне, повысилось – у 23 учащихся. Вместе с тем ни у одного учащегося качество знаний за этот период не понизилось. Уровень обученности в III четверти в сравнении с I у 6 тьюторов остался на том же уровне, у 9 – незначительно понизился, у 18 – повысился. Это свидетельствует о результативной работе в рамках инновации.

Совместная работа участников инновационного проекта привела к росту числа побед на предметных олимпиадах. На II этапе этот показатель увеличился с 27 дипломов в 2014 г. до 43 дипломов (рост 62,7%) в 2015 г. (11 дипломов I степени; 16 – II степени, 16 – III степени). Улучшились показатели выступления и на III этапе предметных олимпиад: в 2014 г. учащиеся районной гимназии завоевали 4 диплома III степени, в 2015 г. – 3 диплома II степени и 2 диплома III степени.

Совершенствование ключевых компетенций учащихся, активизация исследовательской деятельности в 2014/15 учебном году была достигнута через деятельность гимназического научного общества «Эврика». Показателем эффективности данного вида деятельности стало повышение результативности участия школьников в исследовательской деятельности областного и республиканского этапов (с 1 человека до 4 – рост 25%). Научное общество включает пять секций: физико-математическая, естественно-научная, социально-гуманитарная, филологическая и начальных классов. Гимназисты приняли участие в VII районной научно-исследовательской конференции учеников начальных классов «Я исследователь» (1 диплом I степени), в X районной научно-исследовательской конференции «Дети. Творчество. Интеллект» (4 работы награждены дипломами I степени, 1 – дипломом III степени), в областной научно-практической конференции «С наукой в будущее» (1 работа награждена дипломом I степени, 1 – III степени), в республиканском конкурсе работ исследовательского характера (конференции)

в секции «Лингвистика» (работа награждена дипломом III степени). Два учащихся 10 класса стали победителями I тура олимпиады по программированию для школьников, которую проводил Брестский государственный технический университет и Брестская областная организация РОО «Белая Русь». Один учащийся получил диплом III степени на олимпиаде по программированию для школьников.

Участниками гимназического научного общества «Эврика» проведено 5 заседаний Совета, проведена гимназическая конференция исследовательских работ гимназистов, где принял участие 31 учащийся. Учащиеся гимназии – участники инновационного проекта – принимают участие в различных конкурсах и соревнованиях. Например, Ангелина Ярмошук, учащаяся 10 «Б» класса, стала победителем конкурса (декабрь 2014 г. – январь 2015 г.) на лучшее сочинение «Горизонты сегодняшнего – ориентиры на будущее», который проводился по инициативе Владимира Пузыревского, председателя Постоянной комиссии по жилищной политике и строительству Палаты Представителей Национального собрания Республики Беларусь.

Команда «Фортуна» Малоритской районной гимназии по интеллектуальным играм «Что? Где? Когда?», в состав которой входит 6 человек (трое из них являются учащимися-тьюторантами), III место по игре «Медиа-Азбука» в VIII Открытом международном турнире по интеллектуальным играм «Большая перемена – 2014» (8–9 сентября 2014 г., Гомель), I место в третьем отборочном этапе XXII Республиканского чемпионата по интеллектуальным играм (25 января 2015 г.), а также приняла участие в I Международном турнире «Национальный Кубок Республики Беларусь по интеллектуальным играм среди школьников» (21–22 февраля 2015 г., Жодино).

Команда КВН «Мегаполис» Малоритской гимназии (4 её члена – учащиеся-тьюторанты) заняла I место в районной игре осеннего сезона школьных команд КВН (22 ноября 2014 г.) и приняла участие в фестивале областной лиги КВН (19 марта 2015 г.).

Таким образом, у тьюторантов сформирована ясно выраженная положительная мотивация в получении знаний, развивается умение ориентироваться в предлагаемых образовательных возможностях. Учащиеся имеют достаточный уровень осознания собственных интересов и перспектив. Организация обучения по индивидуальным учебным планам действительно способствует определению условий максимального содействия развитию академических и творческих способностей каждого учащегося для его успешной самореализации в жизни.

Система управления в гимназии представляет собой слаженный механизм. Так, эффективность планирования подтверждалась качеством проводимых методических мероприятий, высокой рефлексивной оценкой педагогов. Деятельность педагогов характеризуется результативным участием в научно-практических семинарах и конкурсах различного уровня, организацией проектной деятельности педагогов и учащихся, высокими показателями учащихся в предметных олимпиадах, конкурсах, конференциях и фестивалях разного уровня. В районной гимназии созданы условия для повышения педагогами своего образовательного потенциала посредством участия в работе методических объединений, самообразования, повышения квалификации на курсах. В соответствии с планом повышения квалификации педагогических работников гимназии 7 педагогов-тьюторов (77,8%) прошли курсы повышения квалификации на базе Брестского областного института развития образования и Академии последипломного образования по темам, связанным с инновационным проектом.

В ходе реализации второго этапа инновационного проекта совершенствовалась информационно-методическая база районной гимназии: созданы электронная база дан-

ных педагогических кадров, электронный банк образовательных технологий, нормативной и правовой информации, банк электронных средств обучения.

Таким образом, результаты исследований подтверждают рост всех контролируемых параметров инновационной деятельности. Осуществление проекта создаёт высокотехнологичную образовательную среду, оказывает позитивное влияние на повышение качества образовательного процесса, совершенствование уровня педагогического мастерства учителя, его эрудиции и компетентности посредством использования информационно-технологического сервиса.

На всех этапах реализации проекта проводились социологические мониторинговые исследования по следующим темам: «Уровень профессиональной квалификации педагогов», «Изучение проблем профессиональной деятельности в современных условиях», «Эффективность педагогической деятельности». Результаты исследований позволили получить актуальные данные, подтверждающие наличие потребностей педагогов гимназии в профессиональном саморазвитии, положительное отношение к освоению новых педагогических технологий. На основании анализа результатов исследований осуществлялась корректировка годового плана инновационной деятельности и индивидуальных программ профессионального саморазвития педагогов – участников инновационной группы. Одним из показателей динамичности данного процесса является участие педагогов в разноуровневых научно-практических конференциях, а также трансляция накопленного опыта через педагогические и методические издания. Опыт реализации инновационного проекта был представлен на заседании Малоритского районного методического совета.

Демонстрация и трансляция инновационного опыта

В 2013/14 и 2014/15 учебных годах был обобщён опыт работы педагогов-тьюторов: Н.И. Наумчика («Тэставы кантроль на ўроках беларускай мовы і літаратуры ў 5–7 класах як сродак павышэння якасці адукацыі»), А.Н. Гриценко («Тематический коррекционно-тренировочный комплекс как средство повышения грамотности учащихся старших классов»); Е.А. Некрашевой («Психолого-педагогическое сопровождение учащихся – участников инновационного проекта “Внедрение технологии тьюторского сопровождения одарённых учащихся как способ построения индивидуальной образовательной траектории” как необходимое условие перспективы личностного роста и повышения результативности реализации инновации»).

С целью формирования эффективной педагогической практики использования современных образовательных технологий и электронных средств обучения на уроках и факультативных занятиях в течение учебного года проводилась предметные недели, где свое мастерство продемонстрировали учителя-тьюторы высшей квалификационной категории Татьяна Сергеевна Мармолюк (математика), Нелли Андреевна Шпетная (биология), Светлана Михайловна Путина (физика), Алла Николаевна Гриценко (русский язык и литература), Игорь Викторович Гордынец (информатика), Ирина Ивановна Сацюк (история, обществоведение), учитель-тьютор первой квалификационной категории Инна Петровна Андрейчук (химия). Педагоги делились опытом работы, выступая на конференциях, семинарах районного, областного, республиканского уровней.

Заклучение

Изученные теоретические основы тьюторского сопровождения одарённых учащихся способствовали поиску и внедрению наиболее эффективных моделей сопровождения одарённых учащихся на основе построения индивидуальных образовательных

траекторий. Тьюторы овладели отдельными способами построения индивидуальных образовательных программ одарённых учащихся. Анализ критериев и показателей эффективности реализации проекта даёт основания говорить о количественном и качественном росте профессионального мастерства педагогов. Осуществлённая инновационная деятельность соответствовала концептуальным положениям инновационного проекта, которые заключались в реализации содержания, приёмов, способов, форм и методов. Результатом работы стало проведение участниками инновационного проекта всех запланированных мероприятий, было обеспечено единство целевых и содержательных компонентов программы.

Комплекс проведенных в ходе внедрения проекта мероприятий и исследований позволяет сделать следующие выводы: деятельность педколлектива Малоритской районной гимназии и творческой группы по внедрению технологии тьюторского сопровождения одарённых учащихся как способ построения индивидуальной образовательной траектории соответствует требованиям, предъявляемым к инновационной деятельности в соответствии с Кодексом Республики Беларусь об образовании и Инструкцией о порядке осуществления экспериментальной и инновационной деятельности, утверждённой Министерством образования Республики Беларусь. Погружение в выбранный индивидуальный план обучения даёт возможность учащемуся оценить правильность целевых установок, осуществить под руководством педагогов их коррекцию. Система управления образовательным учреждением на инновационном этапе развития ориентирована на методическое обеспечение и психологическую поддержку ориентации педагогов на цели и ценности личностно-развивающего образования, ведущие из которых связаны с развитием личностно-творческого потенциала и индивидуальности выпускников гимназии. Созданная инновационная образовательная среда районной гимназии направлена на выявление, поддержку и реализацию личностного потенциала учащихся. Полученные результаты реализации инновационного проекта подтверждают его главную идею – необходимость повышения коммуникативных компетенций учащихся, их мотивации к овладению культурой, образованием, служат осознанному поиску собственных смыслов и ценностей, что в определенной степени оказывает влияние на качество обучения, воспитания и самоопределения творческой личности учащихся.

На основании полученных результатов мониторинга инновационной деятельности по внедрению модели внутригимназического обучения и развития педагогов по созданию полистилевого образовательного пространства можно сделать вывод: в Малоритской районной гимназии создана система внутригимназического обучения и развития педагогов; расширены возможности для обмена опытом, сотрудничества и распространения передового педагогического опыта через организацию семинаров, мастер-классов, конференций; успешно используются в образовательном процессе различные модели и технологии дистанционного консультирования.

Ход реализации проекта и его промежуточные результаты подтверждают актуальность данной модели для системы образования Республики Беларусь. Перспективы такой работы видятся в решении проблем социализации учащихся, формировании коммуникативной культуры всех субъектов образовательного процесса; расширении диапазона изучения современных образовательных технологий педагогами и тем самым углубления работы по формированию индивидуального стиля педагогической деятельности учителя. Важно будет расширить способы выявления и учёта интересов учащихся, потребностей взаимодействия участников педагогического процесса при организации совместной деятельности и общения. Продолжить дальнейший поиск эффективных форм, приёмов, методов организации учебной деятельности с одарёнными учащимися

по развитию лингвокультурологических и информационных умений, исследовательских компетенций учащихся. Расширить спектр ситуаций проявления инициативы, организаторских способностей учащихся в общественной деятельности. Содействовать формированию гуманных, доброжелательных, уважительных отношений между субъектами образовательной деятельности. Повышать уровень профессионально-педагогической культуры учителей. Следует обратить внимание и на удовлетворение образовательных запросов учащихся через расширение сети и спектра факультативных занятий. Кроме того, актуальной является задача окончательного формирования профессионального выбора учащихся через продолжение сотрудничества с вузами и предприятиями города в области профориентации.

Таким образом, технология тьюторского сопровождения подтверждает свою эффективность и в работе с одарёнными учащимися. Поскольку, кроме увеличения академической успешности, способствует реализации самоопределения, осмысленного и ответственного отношения формирующейся личности к собственной жизни, своему будущему, к личностному и профессиональному самоопределению, оказывает позитивное влияние на повышение качества образовательного процесса, совершенствование уровня педагогического мастерства учителя, его эрудицию и компетентность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиева, Е. Р. Творческая одарённость и условия её развития / Е. Р. Алиева / Психологический анализ учебной деятельности. – М. : ИП РАН, 1991. – С. 10–11.
2. Юркевич, В. С. О «наивной» и «культурной» креативности / В. С. Юркевич // Основные современные концепции творчества и одарённости / под ред. Д. Б. Богоявленской. – М. : Молодая гвардия, 1997. – С. 138.
3. Хуторской, А. В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты / А. В. Хуторской // Интернет-журнал «Эйдос». – 2006. – 23 апр. – С. 7–8.
4. Хуторской А. В. Дидактическая эвристика. Теория и технология креативного обучения / А. В. Хуторской. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – С. 184.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 17.10.2015

Zhigalova M.P., Naumchik N.I. Introduction of Technology of Tutor Support of Gifted Pupils as the way of Construction of the Individual Educational Way (on the example of Intermediate Results of the Innovative Project Malorita district gymnasium)

In the article scientific approaches to the organization and technology introduction of tutor supports of gifted pupils are stated. On the example of intermediate results of realisation of the innovative project «technology Introduction of tutor support of gifted pupils as a way of construction of individual educational trajectory» which is carried out in a regional grammar school of Malorita, (the adviser – the head of chair of pedagogics and education management of the «Academy postgraduate education», the doctor of pedagogical sciences, the professor T.A Lopatik; the supervisor of the project –the director «Maloritsky regional grammar school» A.A. Zakrutnaja) the methods, techniques and ways of construction by pupils (33 pupils and 10 teachers took part) of the individual educational trajectory promoting the formation of the creative person and self-determination in profession including pedagogical, are shown.

УДК 37.376

М.С. Ковалевич

канд. пед. наук, доц., доц. каф. дошкольнага образования
Брестскаго государственнаго университета имени А.С. Пушкина

ГЕРОНТООБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНЫЕ СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ

В статье раскрываются теоретико-методологические основания, содержание и способы осуществления геронтообразования. Проблема демографического старения населения представлена в общевропейском контексте. Обобщен белорусский и международный опыт включения пожилых людей в систему непрерывного образования. Представлены различные модели университетов третьего возраста, анализируется зарубежный опыт их создания и функционирования. Предложены возможные способы повышения эффективности геронтообразования. В качестве методологических оснований исследования выступают системно-синергетический и акмеологический подходы.

Введение

Стремительно изменяющаяся и постоянно совершенствующаяся социокультурная информативная среда актуализировала проблему непрерывного образования человека в течение всей его жизни. В соответствии с этим геронтообразование как одна из форм реабилитации и поддержки социальной активности пожилых людей находит широкое распространение во всем мире. В настоящее время во многих странах (Беларусь, Россия, США, Япония, Китай, Франция и др.) открыты учебные центры, народные университеты третьего возраста или специальные факультеты, осуществляющие обучение пожилых людей.

Кардинальные перемены в государственно-политическом устройстве, социально-экономической жизни, а также устойчивый рост доли пожилых в структуре населения страны требуют формирования новых представлений о геронтокультуре общества, роли пожилых людей в социальном развитии.

Геронтокультура – это философия жизни и старения, которая помогает человеку сохранить определенный жизненный тонус и оптимизм, уверенность в разумности, личной и общественной полезности своих действий. Геронтообразование должно сформировать новый облик старости – продуктивной, компетентной, деятельной, наполненной жизненной энергией и смыслом.

Старение населения в современном мире – массовое явление. Все большее число людей вступают в период старости (75 лет и более). Каждый день около 200 тыс. человек на планете преодолевают 60-летний рубеж. Таким образом, проблема старения и старости становится одной из важнейших проблем нынешнего века. Общество, затронутое процессом старения, подвергается изменениям не только демографического, но и экономического, социального, психологического характера. Тенденция увеличения количества пожилых людей в мире, которая в настоящее время приобрела широкие масштабы, характеризуется учеными-социологами как *процесс демографического старения населения*.

Статистические данные неумолимо свидетельствуют о том, что количество жителей Беларуси, достигших 65-летнего возраста, растет и сегодня выше порога, определенного Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) [1]. Тенденцией, вызывающей справедливые опасения, является то, что доля пожилых людей в общей структуре населения Беларуси растет быстрее, чем какой-либо другой возрастной группы. По об-

щемировой классификации, население страны считается «старым», если количество граждан старше 65 лет превышает 7% от общего числа жителей страны. По данным управления демографической статистики Национального статистического комитета, в Беларуси более 2,3 млн человек старше трудоспособного возраста, а каждый седьмой житель республики старше 65 лет, что составляет 14% от общего количества проживающих в стране [2]. В республике по состоянию на 1 июля 2014 г. проживало 557 человек, достигших 100 и более лет, из них 8 человек старше 110 лет (больше всего долгожителей в Гродненской области – 111) [3]. По прогнозам экспертов, к 2050 г. на Земле будет жить более 3 млн человек старше 100 лет, в то время как на сегодняшний день их насчитывается немногим более 300 тыс.

Наша страна не является в этом смысле уникальной. Старение населения – это общемировая тенденция: в мире каждую секунду 2 человека отмечают свое 60-летие. В целом за последние 30 лет население планеты старше 60 лет удвоилось, а к 2050 г. вырастет еще в два раза. Согласно прогнозам, доля лиц старше трудоспособного возраста уже в 2025 г. составит более 28%, а доля детей – всего 17%.

В целом количество пожилых людей растет благодаря таким факторам, как улучшение качества здравоохранения, развитие медицинской диагностики, улучшение структуры питания, доступности образования и рост общего экономического благополучия. Вместе с тем увеличивающееся количество пенсионеров создает дополнительную нагрузку на бюджет страны. В частности, пенсионные расходы в Беларуси составляют около 10 процентов ВВП (более 5 трлн. руб. ежемесячно). В США, например, данные расходы «съедают» те же 10% их валового внутреннего продукта, а в странах Евросоюза – 13% ВВП. На выплату пенсий в 2015 г. уйдет примерно 76% расходов Фонда социальной защиты населения (ФСЗН) [4].

Сегодня в Беларуси на 1 пенсионера приходится примерно 2 человека трудоспособного возраста (на 1 000 работающих приходится более 570 пенсионеров), т.е. этот показатель хуже, чем в странах Европы, где на каждого европейского пенсионера приходится по 4 человека трудоспособного возраста. Аналитики прогнозируют, что к середине столетия соотношение пенсионер/работник в европейском регионе может составить пропорцию 1 к 2. Данная ситуация может привести к тому, что пенсионные фонды будут испытывать проблемы с формированием и последующими выплатами. В нашей же стране просто не останется полноценных источников для формирования пенсионного фонда, что будет иметь серьезные социально-экономические последствия.

К проблеме стареющего населения и уменьшающегося количества трудоспособных лиц добавляется кризисное состояние мировой экономики, которое весьма существенно влияет на отечественные реалии. Хотя в белорусской модели хозяйствования и преобладают государственные предприятия, которые стараются сохранить текущую занятость, процессы сокращения численности персонала по-прежнему демонстрируют положительную динамику [5].

В условиях сложной демографической ситуации в Беларуси проблеме привлечения старшего поколения к активной экономической, социальной, семейной жизнедеятельности, укрепления и сохранения здоровья уделяется особое внимание. Это подтверждается прежде всего принятой «Национальной программой демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 гг.».

Наша *цель* – показать общественную и индивидуальную пользу от привлечения старшего поколения к активной социальной, семейной жизнедеятельности, выявить тенденции и процессы, происходящие в системе образования пожилых людей.

Задачи исследования:

1. Конкретизировать сущность и назначение геронтообразования.
2. Обобщить белорусский и зарубежный опыт в области работы с пожилыми людьми.
3. Выявить характерные особенности международных моделей существования геронтообразования.
4. Предложить возможные способы повышения эффективности геронтообразования.

Теоретико-методологические основания исследования

Теоретическую основу исследования составили концепции социальной геронтологии, представленные И.Г. Беленькой, Г.П. Медведевой, Р.С. Яцемирской, и психологии старости и старения, предложенных О.В. Красновой и А.Г. Лидерсом, социальной психологии старения Т.Д. Марцинковской.

Методологической основой исследования явились: геронтологический подход, позволяющий целостно рассматривать пожилого человека как объекта и субъекта социально-культурной деятельности (А.А. Богомолец, И.И. Мечников, В.В. Фролькис); акмеологический подход, позволяющий рассматривать старость как период развития зрелого человека и выступающий альтернативой сложившемуся в науке и практике финалистскому представлению о том, что человек исчерпывает своё развитие по достижении пожилого возраста (Б.Г. Ананьев, А.А. Бодалёв, А.А. Деркач, Н.А. Рыбников,); системно-синергетический подход, позволяющий рассматривать образовательную и социокультурную деятельность как целостную систему, функционирование которой является результатом всех её компонентов и уровней (В.Г. Афанасьев, А.И. Берг, Л. Берталанфи, Э.Г. Юдин).

Исследования по проблемам образования и социокультурной деятельности пожилых определяют теоретические и методологические основы андрагогики, технологии образования взрослых, управленческие и организационные аспекты проектирования образовательного процесса (Б.М. Бим-Бад, С.Г. Вершловский, Б.З. Вульф, М.Т. Громкова, Ю.Н. Кулюткин и др.).

Научную и практическую значимость в организации обучения пожилых людей имеет *теория мотивационного управления* [6]. Эмпирически подмечена закономерность, связывающая увеличение согласованности участников информационного взаимодействия с уменьшением силы управляющего воздействия. *Эффективность организации обучения пожилых зависит не столько от силы (величины, интенсивности, длительности) педагогического влияния, сколько от его соответствия внутренним тенденциям развития личности обучающегося и своевременности применения: чем более широкий общий спектр интегрирования внешнего педагогического воздействия с внутренними тенденциями развития личности, тем более сильный их синергетический и педагогический эффект.* Решающую роль в этом процессе играет не борьба за существование, а взаимопомощь, согласованность, сотрудничество, совместные усилия педагога и обучающегося в построении и осуществлении жизненной перспективы.

В связи с этим таким сложным синергетическим системам, как личность пожилого человека, нельзя навязывать способы их развития. Всякая «навязанная» сверху программа поведения может привести к непосредственным и более отдаленным негативным результатам. Поэтому единственный способ руководства процессом развития через включение во внутреннюю сферу личности, воздействие на ее мотивы, установ-

ки, ценности, зная о которых можно обойти многочисленные «зигзаги эволюции», ускорить ее. В нелинейном процессе личностного развития небольшие, но точные и своевременные педагогические воздействия могут привести к очень сильным эффектам, несоразмерным по амплитуде с исходным воздействием, а большие – к абсолютно незначительным. Такое обучение называют резонансным.

Механизмы резонанса основаны на процессах фасцинации. Само слово фасцинация представляет собой кальку с английского *fascination* – обаяние, очарование, прелесть [6]. Авторы разграничивают понятия информации и фасцинации. Фасцинация – это не содержание, но свойство формы сообщения, вызывающее готовность адресата воспринимать содержание этого сообщения. Если информацию позволительно сравнить с содержимым сосуда, то фасцинацию надо сопоставлять с формой сосуда, с его внешним оформлением. Сообщение несет информацию, но обладает фасцинацией. В этом контексте способ взаимодействия специалистов по социальной работе, педагогов и обучающегося пожилого человека можно определить как нелинейную ситуацию открытого диалога, прямой и обратной связи, ситуацию пробуждения собственных сил и способностей обучающегося. Знание не просто накладывается на структуру личности или навязывается ей. Синергетическое образование действует подспудно. *Синергетический подход к обучающемуся заключается в стимулирующем, или пробуждающем образовании, образовании как открытии себя или сотрудничестве с самим собой* [7].

В идеях синергетического подхода к управлению образованием получают также отражение естественные тенденции развития пожилого человека, приобретая гармонизирующий с его внутренними побуждениями характер. Наиболее адекватным в синергетической парадигме обучения является *управление перспективного косвенного типа*, позволяющее обучающемуся вести достаточно свободную творческую самоуправляющую деятельность. Сотворчество, партнерское взаимодействие участников образовательного процесса обеспечивает развитие и саморазвитие творческой личности.

Обучающая геронтология: цели-задачи, содержание, международный опыт

Необходимость сохранения активной жизни пожилых людей посредством их обучения – одна из актуальных тем современных научных исследований в области геронтологии, андрагогики и социального обучения взрослых. Начало теоретического осмысления сущности и роли обучения пожилых людей было положено в середине 70-х годов XX в. Первый университет для пожилых был основан в 1973 г. в Тулузе профессором Пьером Велла. В России традиции неформального образования развиваются в контексте благотворительности с середины XIX в. В 1855 г. известный врач и педагог Н.И. Пирогов открыл первую бесплатную школу для взрослых.

Первый в Беларуси Институт третьего возраста открылся в Бресте в 2010 г. Это совместный социальный проект Территориального центра социального обслуживания населения Ленинского района г. Бреста и социально-педагогического факультета Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина. В настоящее время образовательные программы для людей третьего возраста получили широкое распространение во всем мире.

Образование взрослых в пенсионном возрасте не преследует в виде основной цели получение профессии и дальнейшего трудоустройства. Данный вид социального обучения относится к так называемому неформальному образованию, имеющему цель персонального развития, социальной адаптации, сохранению активной позиции пожилых людей. Общение и получение новых знаний позволяет людям пенсионного возраста

та реализовать свои способности, оставаться самостоятельными и быть менее подверженными стрессовым состояниям в кризисный период. В университетах для пожилых людей выделяются несколько образовательных целей обучения:

1. Расширение знаний посредством вовлечения слушателей в процесс постоянного образования.
2. Подготовка к общественной деятельности – участие в общественных акциях, группах взаимопомощи под девизом: «Работая для себя, стань полезным для других».
3. Предупреждение старости – преодоление негативных признаков старения при помощи пропаганды психической и физической активности.
4. Подготовка к пенсии – изменение мировосприятия, установление качественно новых контактов с окружением.

На сегодняшний день во многих странах открыты специальные курсы, учебные центры, народные университеты и факультеты для пожилых людей. Учебные программы для данной категории граждан составляются на основе психологических и социологических исследований с учетом их жизненного опыта и разносторонних интересов. Круг изучаемых дисциплин достаточно широк: медицина, право, психология, экономика, экология, иностранные языки, садоводство, краеведение и многое другое. Особенностью обучения является привнесение богатого жизненного опыта пожилых людей в учебный процесс, их высокая мотивация, так как обучение строится без обязательных программ. Для реализации образовательных целей используются различные формы и способы обучения людей пенсионного возраста: лекции, семинары с группами по интересам, группы самообучения и взаимопомощи (для тех, кто по состоянию здоровья не может присутствовать на занятиях), экскурсии [8]. Таким образом, организация образовательных программ для людей третьего возраста поднимает уровень социального благополучия пожилых людей, играя важную роль в профилактике негативных последствий кризисного периода, повышая их адаптивные возможности к внутренним и внешним изменениям.

Одной из актуальных проблем пожилых людей является возможность получения разностороннего образования. Для нашей страны научный и практический интерес представляет международный опыт включения пожилых людей в систему непрерывного образования. Как уже было сказано, первый университет для пожилых основал в 1973 г. во Франции профессор Пьер Велла. В данном университете помимо непосредственно обучения людей третьего возраста, велись научные исследования по их образованию. Появление университетов третьего возраста было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, введение в университеты пожилых людей могло оказаться стабилизирующим фактором в разгар массовых молодежных протестов. Другой причиной, которая поспособствовала открытию высших учебных заведений для пожилых студентов, был факт занятости в высших учебных заведениях слишком большого числа профессоров. И, разумеется, одной из основных причин появления университетов третьего возраста был рост популяции пожилых.

В Германии и скандинавских странах (*Швеция, Финляндия, Дания, Норвегия*) разработана целая образовательная система для лиц третьего возраста. Образовательная инфраструктура для пожилых людей в этих странах включает в себя общественные, государственные, частные методы и формы обучения, разнородные и по составу, и по программам обучения. Наравне с уже имеющимися центрами образования взрослых, различными курсами созданы качественно новые организационные формы обучения, например, на базе высших учебных заведений. И не только в форме институтов и фа-

культетов повышения квалификации, но и центров непрерывного образования, народных университетов.

В Нидерландах реализуется проект «Пенсия в перспективе». Целью этого проекта является обеспечение возможности получить образование работникам пенсионного возраста. Длительность курсов – от 5 до 7 дней. Они проводятся в голландских центрах просвещения. Их цель – помочь людям научиться переживать личностные кризисы, связанные с достижением пенсионного возраста.

Новая форма образовательных учреждений для людей «третьего возраста» возникла в Великобритании. Обнаружилось, что пожилые люди могут самостоятельно организовывать занятия, если они имеют связь с применением на практике их знаний и опыта. В 1983 г. в Великобритании было основано «Общество третьего возраста». В 1995 г. в его состав вошли 266 университетов из Англии, Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии. Термин «обучение» в данном случае трактуется в самом широком смысле. Оно включает в себя занятия спортом, а также активную общественно-полезную деятельность. Британский университет третьего возраста является некоммерческой организацией и не имеет дополнительного финансирования, поэтому студенты должны быть готовы самостоятельно решать проблемы своего учреждения.

В Италии, согласно приказу министерства просвещения, организованы занятия для пожилых граждан на базе начальной и средней школы. Они действуют непостоянно и не могут охватить большого количества учащихся. Их основная задача – восполнение пробелов в образовании. Однако в Италии существуют любительские хоры и театральные труппы, состоящие из пожилых людей [9].

В Германии разработана целая образовательная система для лиц третьего возраста. В связи с развитием рыночных отношений и увеличением спроса на продукт «образование» образуется множество различных организаций, работающих в сфере образовательных услуг, как частного, так и государственного характера. Принцип самостоятельной организации, опирающийся на потенциал пожилых людей, обсуждается как центральный составляющий момент образовательных учреждений для пожилых людей. Взаимодействие самоорганизованных образовательных инициатив действует как последовательное движение участников образовательного процесса от их роли учащихся в образовательном процессе до их повышения к руководящим должностям в организации.

В 1980-е гг. начинает развиваться рынок образовательных предложений, и наряду с традиционными образовательными учреждениями появляется ряд коммерческих предприятий, предлагающих свои услуги в области обучения.

Наряду с определенными организациями, такими как народные школы и приюты для пожилых людей, М. Коли выделяет также группы провайдеров, отличающихся своими предложениями. Под различными образовательными учреждениями он объединяет учреждения дополнительного образования для взрослых, образовательные предприятия или фирмы, культурные центры, клубы и сервисные центры для пожилых, кружки и объединения пожилых людей [10, с. 159].

Таким образом, в Германии сфера образования пожилых людей включает в себя государственные, общественные, частные формы обучения, разнообразные как по структуре, так и по программам обучения. Также стоит принять во внимание привлечение коммерческих и общественных организаций к созданию смешанных государственно-общественных и государственно-частных форм образования пожилых на условиях социального партнерства. В Германии обучающие организации имеются при церквях, партиях, различных союзах и объединениях пожилых людей.

В Польше обучение пожилых людей предоставлено под ведомство университетов третьего возраста. Первый университет третьего возраста был основан в 1975 г. Халиной Шварц при Медицинском центре постдипломного образования. На сегодняшний день в Польше действует 22 университета третьего возраста. В польских институтах реализуются следующие цели:

- 1) профилактика старения;
- 2) постоянное самосовершенствование и самообразование;
- 3) подготовка к пенсии (танцы, укрепляющая гимнастика, проведение семинаров по психологии и философии);
- 4) подготовка к общественной деятельности (участие в благотворительных акциях) [11].

Среди азиатских стран, устойчиво демонстрирующих заинтересованность в развитии идеи геронтообразования, следует выделить *Китай* как страну, в которой масштабы обучения пожилых впечатляют. В Китае в настоящее время насчитывается 6 тысяч университетов третьего возраста, а количество обучающихся приближается к цифре 1 млн человек [12, с. 79].

В *Японии* специальные занятия для пожилых начали создавать в 1960-х гг. Организации, действующие в рамках японской системы просвещения, предлагали разнообразные программы, начиная с коммунальных проблем и заканчивая обучением женщин, матерей в период ухода за ребенком. В 1965 г. правительство поручило местным властям разработать систему дальнейшего образования для пожилых. С 1980 г. эта система стала регулярной.

Подобные университеты осуществляют свою деятельность уже более чем в 40 регионах *России*. Цель их деятельности – улучшение качества жизни людей пенсионного возраста путём приобщения их к образовательным программам (лекции и семинары в различных областях науки – медицины, экологии, культуры и искусства, техники, экономики, психологии и политологии), изучение иностранных языков, обучение принципам культурного общественного сожительства, интеграция стариков в современное общество. В Российской Федерации востребованность обучения пожилых людей как формы передачи актуальных знаний также является неоспоримым фактом, несмотря на то, что система геронтообразования в России только входит в фазу формирования. На сегодняшний день в России только 0,1% пожилых людей задействовано в обучении, в то время как в европейских странах данный показатель достигает 40%. Понимание необходимости изменения сложившейся ситуации является стимулом для создания единой концепции развития образования пожилых, осуществления целого ряда образовательных проектов, открытия специальных учебных заведений, групп для пожилых (высшие народные школы для пожилых людей, центры образования взрослых, университеты третьего возраста, лектории, клубы при музеях и библиотеках и другие) [13, с. 22].

Геронтообразование в России функционирует как часть непрерывного образования в виде многоуровневой системы. На первом уровне – это подготовка всех возрастных групп к началу старости, которая может осуществляться уже на дошкольной, школьной, вузовской и иных ступенях формального и неформального образования. Чем больше молодые люди узнают о старости, тем четче они будут понимать, что необходимо для активной и продуктивной старости и как возможно исключить факторы риска для достижения долголетия. На втором уровне осуществляется подготовка людей предпенсионного возраста к выходу на пенсию, предполагается доступность для пожилых к системе повышения квалификации, подготовки и переподготовки кадров, получения

новой спецыяльнасці ў сістэме формальнага адукацыі. Трэці ўзровень – для пажылых людзей, вышедшых на пенсію, імаючых рэсурсы для развіцця і самаразвіцця. Чэцвёрты – для людзей с агранічэннымі магчымасцямі як па ўзросту, так і ў сувязі с разлічнымі забалеваннямі, для каторых іспользуюцца разлічныя спецыфічныя фармы і метады учебы [13, с. 23].

Такім абразам, можна сказаць, што за рубежом сістэма адукацыі для лїц трэцяга ўзросту развіта і напавлена на рэалїзацыю сацыяльнай суб'ектнасці пажылага чалавека, што ў цэлым спосабствуе ўзвельчэнню прадолжытэльнасці актывнай жыцця.

Опыт работы университетов третьего возраста в Республике Беларусь

Аналіз імаючыхся істочнікаў, а такжэ опыта работы ўніверсітэтаў трэцяга ўзросту ў Рэспубліцы Беларусь пазваляюць ўтвэрждаць, што адным з актывна работаючых с пажылымі людзьмі аб'яднаеннем яўляецца «Deutscher Volkshochschul-Verband eV» (DVV international) – Немецкая асацыяцыя народных ўніверсітэтаў. Прадстаўніцтва DVV international ў Рэспубліцы Беларусь зарэгістравана Міністэрствам інастранных дэлаў Рэспубліцы Беларусь 11 аўгуста 2009 г. і началю актывную дэятэльнасць с сентабра 2009 г. DVV international яўляецца адінствэнным ў міре спецыялізаваным ааентствам па тэме «Адукацыя вэрслых і развіцце» і асацвешчаюць праектную дэятэльнасць балее чэм ў 40 странах міра.

В нашэй рэспубліцы DVV international рэалїзуе праект «TOLLAS – К актывнаму ааацтву ў лубоўм ўзросте». Асновныя цэлы праекта: даць магчымасць людзям пажылага ўзросту іграць актывную ролю ў сваёй ааацтве; усільчы магчымасці государствэнных і негосударствэнных стравураў ў прадстаўленні адукацыйных услуг пажылым людзям с ўчэтам іх патрэбнасцяў і інтэрасаў. Цэлевыя групы – спецыялісты, прадстаўнічы государствэнных і негосударствэнных арганїзацыяў сацыяльнага, культурнага напавленій дэятэльнасці, работаючых с пажылымі людзьмі (людзі ў ўзросте 55 лет і балее) із Мінскай і Брэстскай абласцяў.

В рамках праекта для спецыялістаў із *Брэста і Брэстскай абласці* было арганїзавана 4 семінара: «Методы актывізацыі і мавівацыі пажылых людзей для ўчаствія ў жыцці ааацтва»; «Как паддэржаць дыялаг мееду пакаленнямі»; «Участвіе ў месцном развіцці і прыняціі рэшэній»; «Праектная дэятэльнасць для работы с пажылымі людзьмі».

Адным із ўчаствнікаў і паведітэляў канкурса міні-праектаў «TOLLAS» стал «Тэрытарыяльны цэнтр сацыяльнага абслужыванія населенія Ленінскага раёна г. Брэста», дзе с 2010 г. работае Інстытут трэцяга ўзросту, арганїзаванны на базе аддэля сацыяльнай аааптацыі і рэабілітацыі. Інстытут трэцяга ўзросту – гэто інавацыянная мадэль сацыяльнай работы с гражданамі пажылага ўзросту. В плане работы Інстытута трэцяга ўзросту выдэлены слэдуючыя напавленія:

- 1) адукацыйнае (тэматычныя лекцыі; семінары, дыскуссіі, ізучыне камп'ютера і Інтэрнета; аааільскі, немецкі, польскі языкі для начынаючых);
- 2) рэдактарскае (журналістыка для начынаючых, міні-тыпаграфія; фотэ- і вїдэааэла);
- 3) нраваствэнна-духавнае (асновы праваславія; групы вэаїмапамааці; група лїчностнага рэста; волонтэрскай клуб);
- 4) фізїчэскай актывнасці (аздэравітэльная гімнастыка с элемэнтамі йогі; аздэравітэльнае плаваніе; двїжэнія пад музыку; велотурызм; спартывныя ігры);

- 5) творческие мастерские (креативное рукоделие; вязание; изобразительное творчество);
- 6) культурно-досуговое (литературная гостиная; караоке; организация активного досуга);
- 7) историко-краеведческое (краеведение; генеалогия);
- 8) эстетического здоровья (школа долголетия; мода и стиль);
- 9) музыкально-театральное (хоровое пение; театральная студия) [14].

В столице работает *Минский городской университет третьего возраста*. В университете работает 4 факультета: информатики, журналистики, иностранных языков, основ психологии и социальной работы. Курс обучения практически по всем дисциплинам длится 1 год. Занятия проходят в Территориальном центре социального обслуживания населения (ТЦСОН) Первомайского района и на базе некоторых столичных университетов, например, в Государственном институте управления и социальных технологий БГУ. Преподают в университете волонтеры – студенты минских вузов и сотрудники столичных организаций.

Университет третьего возраста – это социальный проект, который дает пожилым людям возможность получить дополнительное бесплатное образование. Реализуется он Белорусской ассоциацией социальных работников при финансовой поддержке международного общественного объединения «Взаимопонимание» и фонда «Память, ответственность, будущее».

Инициаторами создания *Университета золотого века (УЗВ) в Гродно* стали члены общественного объединения Центр «Третий сектор». Как свидетельствует анализ информационных материалов, с октября 2011 г. проект «Университет золотого века» реализуется в рамках программы «Место встречи – диалог» при финансовой поддержке Фонда «Память, ответственность и будущее» в сотрудничестве с Международным общественным объединением «Взаимопонимание». Принципы деятельности Университета золотого века в Гродно – активность, позитивность, самопомощь, политическая и религиозная нейтральность. УЗВ позиционирует себя следующим образом: «это интересные встречи с интересными людьми, возможность научиться тому, на что раньше не хватало времени, развиваться интеллектуально, физически и духовно, быть полезными другим людям». Слушатели «Университета Золотого Века» два раза в месяц посещают общие тематические встречи (посвящены истории, здоровью, экологии, психологии и т.д.); участвуют в работе разных секций по интересам (изучают белорусский, английский, польский языки); вместе путешествуют по городу («Путешествия в пространстве времени»); рисуют в «Академии искусств Золотого Века»; поют и изучают народные праздники и традиции; обучаются компьютерной грамотности; делятся друг с другом секретами садоводства («Сад моей мечты»). В рамках УЗВ работает «Школа добрых дел». Ее участники планируют акции, направленные на помощь другим людям, на пользу обществу. Слушатели собирают одежду для бездомных людей, книги для библиотеки гродненской тюрьмы, посадили аллею деревьев в гродненском парке. Набор слушателей УЗВ на новый академический год проводится в сентябре. Занятия в рамках программы проводятся с октября по апрель.

Очевидно, что направления работы подобных центров многообразны. В качестве процессно-технологических моделей предлагается использовать: ракурсную, основанную на использовании биографического подхода; адаптационно-компенсационную; компетентностную; эволюционную, предполагающую специализированное обучение для участия в общественно-политической деятельности, самоорганизованного обуче-

ния, интергенерационного (или межпоколенческого) обучения; коммуникативную; квалификационно-ролевою и другие, обеспечивающие специфические цели образования.

Образовательные учреждения геронтообразования могут быть следующих видов: академии, народные школы, народные университеты третьего возраста, дискуссионные клубы, агентства, проектные группы, «разговорные кафе», центры геронтообразования, курсы, консультативные учреждения, творческие мастерские, технические, спортивные, оздоровительные, реабилитационные, компьютерные центры, лектории, специализированные институты повышения квалификации, переподготовки для пожилых сотрудников и другие.

Образовательные программы могут реализовывать вузы, средние специальные учебные заведения, городские и сельские школы, ветеранские организации, культурно-просветительные учреждения и организации, благотворительные фонды, СМИ. Указанный перечень не является исчерпывающим и может быть дополнен исходя из потребностей и интересов участников образовательного процесса.

Учреждения геронтообразования должны быть доступны и приближены к месту жительства пожилых граждан, оснащены специальным оборудованием с учетом физических, психологических и других возрастных особенностей.

Немаловажным фактором успешного функционирования института геронтообразования является наличие квалифицированных кадров, в том числе из самих пожилых людей. С этой целью необходима система подготовки и переподготовки мультипликаторов, модераторов, тьюторов, герагогов, менеджеров, постоянный обмен опытом их работы, обобщение практики, проведение научных исследований. Эти задачи решают национальный или межрегиональные ресурсные центры, корпорации по геронтообразованию.

Широкое распространение должны иметь конкурсы образовательных проектов, реализуемые организациями, осуществляющими образовательные программы в Беларуси и за рубежом.

С целью расширения образовательного пространства для пожилых граждан требуется устранение сдерживающих факторов (блокираторов) развития образовательной активности пожилых граждан, связанных с ухудшением их здоровья, снижением двигательной активности, депрессией, негативным опытом обучения в прошлом, отсутствием уверенности продолжать обучение, непониманием цели обучения и его положительного воздействия на личность. Для этого необходима мягкая политика убеждения образовательной стратегии представителям геронтогруппы путем разъяснения смысла обучения, характера положительных изменений, происходящих с обучающимся пожилым человеком. Возможными мероприятиями могли бы стать национальные дни, недели геронтообразования, фестивали, «Диалог поколений», конкурсы «мудрейших», слеты, форумы, конференции, летние лагеря, акции общественной экспертизы деятельности органов власти и местного управления в интересах пожилых граждан, самостоятельно издаваемые печатные и электронные издания поддержки геронтообразования и др.

Заклучение

Необходимо отметить, что любое высокоразвитое общество с прогрессивной экономикой не может обойтись без такого ценного ресурса, как пожилые люди. В соответствии с этим геронтообразование как одна из форм реабилитации и поддержки социальной активности пожилых людей находит широкое распространение во всем мире. Геронтообразование должно сформировать новый облик старости – продуктивной,

компетентной, деятельной, наполненной жизненной энергией и смыслом. В условиях сложной демографической ситуации в Беларуси проблеме привлечения старшего поколения к активной экономической, социальной, семейной жизнедеятельности, укрепления и сохранения здоровья уделяется особое внимание. Это подтверждается прежде всего принятой «Национальной программой демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 гг.».

Для нашей страны научный и практический интерес представляет международный опыт включения пожилых людей в систему непрерывного образования. За рубежом система образования для лиц третьего возраста развита и направлена на реализацию социальной субъектности пожилого человека, что в целом способствует увеличению продолжительности активной жизни. Решение проблем геронтообразования видится в рациональном и всестороннем подходе к разработке мер по активному, а главное – продуктивному включению пожилых людей в жизнь белорусской нации.

Главной целью геронтообразования является социальное взаимодействие с личностью при подготовке ее к старости, выявление потенциальных ресурсов для развития и саморазвития, социализации, интеграции в общественную жизнь для активной, продуктивной компетентной деятельности в интересах личности, общества и государства. Геронтообразование должно являться институтом формирования гражданских качеств и геронтокультуры на основе новых знаний с использованием прошлого опыта, мудрости, современных информационных технологий. Необходимо стимулировать пенсионеров к экономической и социальной активности. Создать условия для открытия пенсионерами своего дела, а также сформировать систему стимулов для предприятий, которые нанимают пенсионеров на работу; использовать богатый жизненный опыт людей пенсионного возраста в построении гражданского общества. Другими словами, важно включить пенсионеров в общественную жизнь страны посредством их участия в общественных и благотворительных организациях.

Анализ мировой практики обучения пожилых людей позволяет утверждать, что в данный момент белорусская система геронтообразования переживает бурный этап становления и поднимается на тот уровень, когда возможным становится гармоничное сочетание теории и практики, формирование инновационного методического инструментария организации работы с гражданами пожилого возраста.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беларусь достигла «демографической старости» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax.by/article/103824>. – Дата доступа: 20.03. 2015.
2. В Беларуси 14% жителей старше 65 лет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://finatica.by/news/>. – Дата доступа: 02.05. 2015.
3. Совершенствование системы социальной адресной помощи ветеранам и пожилым людям в Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dompressy.by/>. – Дата доступа: 02.05. 2015.
4. С 2015 года средняя пенсия – Вр 2 миллиона 883 тысячи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sb.by/v-belarusi>. – Дата доступа: 02.05. 2015.
5. Старение населения Беларуси как угроза экономической безопасности страны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bsblog.info>. – Дата доступа: 23.01. 2015.

6. Мусхелишвили, Н. П. Информация и фасцинация в прямой и непрямой коммуникации / Н. П. Мусхелишвили, Ю. А. Шрейдер // Науч.-тех. информация. Сер. 2. – 1997. – № 8. – С. 1–7.
7. Князева, Е. Н. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – СПб. : Алетей, 2002. – 414 с.
8. Анисимова, О. П. Обучение пожилых людей как перспективное направление обучения взрослых / О. П. Анисимова. – М. : СевКавГТУ, 2006. – 85 с.
9. Обучающая геронтология [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.znanie.org/jornal/n3/st_obuch_geront.html. – Дата доступа: 02.05. 2015.
10. Высоцкая, И. В. Самостоятельная организация как образовательное учреждение в сфере образования пожилых людей в Германии / И. В. Высоцкая // Сибир. пед. журнал. – 2012. – № 6. – С. 159–162.
11. Университеты третьего возраста в Польше [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.znanie.org/jornal/n3/st_obuch_geront.htm. – Дата доступа: 02.05. 2015.
12. Васильева, А. В. Международный опыт организационно-административной работы в системе социальных служб, учреждений и организаций / А. В. Васильева. – М. : Изд-во МГУ. – 2013. – С. 79–81.
13. Кононыгина, Т. М. Концепция геронтообразования в Российской Федерации / Т. М. Кононыгина. – Орел : Орловская обл. обществ. организация об-ва «Знание» России, 2001. – 32 с.
14. Образование взрослых. Развитие сотрудничества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dvv.international.by/ru>. – Дата доступа: 28.04 2015.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 31.08.2015

Kovalevich M.S. The Problems of Gerontological Education and their Possible Solutions

The article describes the theoretical and methodological bases, the contents and methods of gerontological education. The problem of the demographic aging of the population is represented in the European context. Belarusian and international experience of involvement of older people in lifelong education is summarized. Various models of Universities of the Third Age are presented, international experience of their creation and operation is analyzed. The methodological basis of the research is the synergy-gerontological approach.

УДК 376:616.896

Е.Ф. Сивашинская*канд. пед наук, доц., доц. каф. педагогікі**Брэстскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна***ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ
С ДВОЙНОЙ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬЮ**

В статье рассматриваются некоторые теоретические и практические аспекты образования детей с двойной исключительностью. Уточняется понятие двойной исключительности. Раскрываются особенности образования детей, обладающих двойной исключительностью: одаренных детей с нарушениями аутистического спектра и с синдромом дефицита внимания с гиперактивностью. Приводятся основные правила взаимодействия педагогов с такими учащимися в процессе их обучения и воспитания. Обосновывается необходимость психолого-педагогической поддержки детей с двойной исключительностью в учреждениях образования.

Введение

Общепризнанно, что основным капиталом современного общества является человеческий капитал, включающий не только уровень образования и квалификацию, но и способности, таланты специалистов. В связи с этим создание условий, обеспечивающих выявление, обучение и воспитание детей с признаками одаренности, реализацию их интеллектуального и творческого потенциала, является одной из приоритетных целей и стратегических линий государственной образовательной политики во многих странах, в том числе в Республике Беларусь.

Наличие социального заказа способствует росту научных исследований в данной области и выделению работы с одаренными учащимися в одно из направлений деятельности учреждений общего среднего образования. В настоящее время существует несколько десятков научных концепций одаренности, ее признаков, структуры, факторов, видов, диагностики и т.д. Отсутствие однозначного понимания данного феномена обуславливает невозможность выработки общих подходов, стандартов и педагогических средств развития всех проявлений одаренности. В образовательной практике это приводит, по крайней мере, к двум негативным последствиям. Во-первых, в традиционной школе, где уровень развития и проявления способностей учащихся обычно оценивается по результатам их учебной деятельности, «одаренные дети часто оказываются в положении изгоев, поскольку их интеллектуальное поведение самым драматическим образом не вписывается в рамки школьных правил и представлений учителя о «хорошем ученике» [1]. Во-вторых, нередко работа с одаренными учащимися в учреждениях общего среднего образования сводится к проведению предметных олимпиад, соревнований, конкурсов и т.п. Вместе с тем многим детям с признаками одаренности в силу их эмоционально-личностных и иных особенностей или ограниченных возможностей здоровья (ОВЗ) не удается достойно проявить свои способности в сложных и жестких условиях соревнования.

Обычно по отношению к одаренному ребенку у педагогов и родителей формируются определенные ожидания, продиктованные его неординарными способностями. Однако ребенок, имеющий особенности развития или ограниченные возможности здоровья, не в состоянии соответствовать этим ожиданиям. Сочетание признаков одаренности с особенностями психофизического развития сравнительно недавно в психологической науке стали обозначать термином «двойная исключительность», а носителей та-

кого интегративного свойства называть детьми с двойной исключительностью или дважды исключительными (особыми) детьми. Эффективная организация обучения и воспитания учащихся с двойной исключительностью предполагает наличие соответствующей компетентности у педагогов, а также у специалистов социально-педагогической и психологической службы учреждений образования. Вместе с тем приходится констатировать, что большинство педагогов и специалистов поверхностно знакомы с особенностями организации образовательного процесса, отвечающего особым потребностям детей с двойной исключительностью, не владеют специальными методами обучения и воспитания такой категории учащихся, не подготовлены к созданию подходящей для них образовательной среды.

В связи с вышесказанным проблема развития компетентности педагогов в области образования одаренных детей с особенностями психофизического развития (ОПФР) приобретает особую актуальность. Цель данной статьи – раскрыть некоторые теоретические и практические аспекты образования детей с двойной исключительностью на примере детей с нарушениями аутистического спектра (НАС) или синдромом дефицита внимания с гиперактивностью (СДВГ).

Понятие о двойной исключительности детей в психологии и педагогике

В 20-е гг. прошлого века российский ученый-дефектолог В.П. Кашенко в своих научных трудах по коррекционной педагогике употреблял термины «исключительные дети», «исключительное детство». При этом он рассматривал исключительность как особенности в поведении, в отношениях с окружающей средой, в восприятии социальной информации и связывал данное явление с избыточностью проявления той или иной особенности организма или личности. В.П. Кашенко пришел к выводу, что «исключительные дети довольно часто требуют индивидуализации педагогического подхода к себе, они требуют вдумчивого понимания проявлений своего поведения» [2, с. 194].

В зарубежной, прежде всего англоязычной, психолого-педагогической литературе термин «исключительные дети» (англ. *exceptional children*) применяется к детям, «которые с педагогической, социальной, а иногда и медицинской точек зрения характеризуются как имеющие особые потребности» [3, с. 358]. При этом под исключительностью понимают значительное отклонение от нормы в когнитивном, социально-эмоциональном или физическом плане», и она может проявляться либо в более эффективном, либо в недостаточном функционировании [3].

Нетрудно заметить, что в таком контексте исключительность имеет два параметра: с одной стороны, способности высокого уровня развития, одаренность, с другой – наличие нарушений способностей. По мнению американского психолога Г. Лефрансуа, исключительность может быть обнаружена в каждой из трех основных областей человеческой жизнедеятельности – когнитивной, физической и социально-эмоциональной. Например, на позитивном конце социально-эмоциональной исключительности находятся дети, которые лучше социально адаптированы, лучше приспосабливаются и менее восприимчивы к стрессам и напряжению жизни, чем это бывает обычно. На противоположном – те, к кому применяют термины «дети с поведенческими или эмоциональными расстройствами», «социально неадаптированные» и др. По аналогии к «интеллектуально исключительным» относятся, с одной стороны, одаренные или талантливые дети, а с другой – дети с нарушениями умственных способностей и дети с нарушением способности к обучению.

В целом в зарубежной психологии и педагогике исключительные дети характеризуются как дети «с нарушениями» (англ. *handicapped children*): эмоциональными или аутистическими нарушениями, одаренные дети с дисгармоничным типом развития, с акцентуациями характера, с девиантным поведением и др. [4]. Подобный подход прослеживается также в российской педагогике. Так, в педагогическом энциклопедическом словаре (Б.М. Бим-Бад, 2002) указывается, что термин «исключительные дети» применяется рядом специалистов для обозначения одаренных детей или детей с нарушениями в психофизическом развитии.

Проводимые в последние десятилетия научные исследования позволили опровергнуть мифы и стереотипы в представлениях об одаренности как высокой и всесторонней успешности и доказать необходимость психолого-педагогической поддержки одаренным детям в выявлении и реализации их потенциала. Среди одаренных немало детей с дисгармоничным типом развития, которые не могут или не умеют продемонстрировать свой высокий творческий потенциал и испытывают значительные трудности в реализации этого потенциала, особенно в условиях массовых учебных заведений.

Сравнительно недавно в психолого-педагогических источниках появился термин «дети с двойной исключительностью» («дважды особенные»), которым характеризуются одаренные или талантливые, но проблемные дети, например, с нарушениями внимания, гиперактивностью, трудностями в обучении и т.п. Сочетание же одаренности с указанными и иными нарушениями развития называют «двойной исключительностью». По нашему мнению, о «двойной исключительности» можно говорить и в случае сочетания у ребенка признаков одаренности с аутистическими нарушениями, в том числе с синдромом Аспергера (СА). Тип дважды исключительного ребенка образно описала Е.И. Щепланова. По ее мнению, одаренный ребенок может казаться обладающим многими возрастами сразу. Ему может быть 8 лет при езде на велосипеде, 12 лет при игре в шахматы, 15 лет при изучении алгебры, 10 лет при сборе окаменелостей и 2 года, когда ему надо разделить сладости со своей сестрой [5].

Сочетание признаков одаренности с трудностями в обучении, общении и поведении как проявление двойной исключительности у детей

Дети с двойной исключительностью, как показано выше, – это группа одаренных детей с дисгармоничным типом развития. Ученые, изучающие одаренность данного типа (М.Е. Богоявленская, А.И. Савенков и др.), пришли к выводу, что она может быть следствием диссинхронии (неравномерности) развития, которая в свою очередь является результатом неравномерности морфологического созревания или развития функциональных систем головного мозга в условиях среды. В целом неравномерность в развитии одаренных детей выражается в заметном несоответствии между их высоким потенциалом и трудностями его практической реализации, между темпами развития интеллектуальной, аффективной и моторной сфер.

Как подчеркивают российские ученые (Д.Б. Богоявленская, А.В. Брушлинский, Н.С. Лейтес, В.С. Юркевич и др.) в разработанной ими «Рабочей концепции одаренности» (2003), проявление феномена детской одаренности с дисгармоничным типом развития сопровождается трудностями в общении, поведении и обучении. В частности, учеными-психологами (М.Е. Богоявленской, Г.Б. Мониной, Е.И. Щеплановой и др.) исследовались трудности, возникающие у одаренных учащихся в процессе обучения.

Многие из трудностей в обучении одаренных детей специфичны, поскольку обусловлены не только слабыми, но и в значительной степени сильными сторонами их

развития, которые при этом могут взаимно маскировать друг друга. Наиболее часто одаренность детей недооценивается окружающими, если они недостаточно хорошо успевают в школе. Однако известно, что одаренность и высокая успеваемость не всегда совпадают. Вместе с тем исследование, проведенное Всемирным Советом по одаренным детям в 32-х центрах и университетах 17-ти стран Европы, Азии, Австралии, Северной и Южной Америки, показало, что на практике одаренность школьников по-прежнему чаще всего определяют по их достижениям в усвоении определенных знаний, умений и навыков. Поэтому, если у одаренного ребенка возникают проблемы в области академической успешности (испытывает трудности при овладении письмом и чтением, не способен написать и вовремя сдать контрольную работу, быстро ответить на поставленный вопрос и др.), педагоги, как правило, игнорируют его одаренность.

Дети, обладающие «двойной исключительностью», часто испытывают трудности в освоении базовых умений и навыков (чтения, письма, счета), родного или иностранных языков, математики или других областей знания, а также имеют эмоциональные и поведенческие проблемы. У них, как показывают результаты исследований и образовательная практика, признаки одаренности могут сочетаться с признаками неспособности к учению. Приведем примеры. Большинству одаренных детей свойственна блестящая долговременная память, позволяющая им овладевать большой по объему и достаточно сложной информацией. В то же время они могут иметь слабую кратковременную память, из-за чего им трудно повторить только что сказанное. Недостатки кратковременной и оперативной памяти могут быть связаны также и с тем, что ученику требуется время, чтобы осмыслить, привести в систему, связать новое с уже имеющимся опытом, а механическое запоминание происходит у него с трудом.

Превосходное понимание смысла текста, прочитанного другими людьми, может сочетаться у дважды особых детей с трудностями в декодировании букв и слов. Им легче уловить суть сложной абстрактной концепции на слух, чем справиться с фонетическим и буквенным анализом. Развитую речь и богатый словарный запас такие учащиеся проявляют нередко только в устной речи. Их письменная речь менее развита и отстает не только от устной, но даже и от письменной речи менее способных сверстников. Кроме того, неразборчивый почерк для части одаренных детей становится препятствием в успешном выполнении письменных работ.

Одаренные дети обычно хорошо рассуждают, но вследствие захлестывающих их эмоций от желания высказать свои идеи они теряют нить рассуждений или нужные слова. В результате их речь кажется сумбурной и непродуманной. Нередко им трудно сформулировать свои интересные и творческие идеи для других из-за присущего им эгоцентризма. Превосходное математическое мышление может сопровождаться трудностями в выполнении несложных вычислений. Например, одаренным детям нередко требуются большие усилия, чтобы выучить таблицу умножения или формулы, при этом им легче еще раз вывести эти формулы, чем запомнить наизусть.

Сообразительность, активность, способность к длительной и интенсивной деятельности у одаренных детей могут сочетаться с неорганизованностью, трудностями в выполнении заданий, ограниченных во времени (тесты, контрольные работы и т.п.). Они лучше справляются со сложной и напряженной работой, предъявляющей вызов их способностям, чем с рутинной деятельностью, суть которой составляют простое запоминание, упражнения на повторение, по шаблону и т.п. Будучи очень любознательными, одаренные учащиеся часто с трудом осваивают легкий, но неинтересный для них материал. Восприимчивость, наблюдательность и развитое воображение, свойственные

детям с признаками одаренности, нередко уживаются с невнимательностью на уроках, слабой слуховой памятью, неумением слушать и невнимательностью к деталям.

Следует подчеркнуть, что диссинхрония психологического и социального развития одаренных детей может иметь преходящий характер, исчезая с возрастом, может достигать особой остроты на одних возрастных этапах и сглаживаться на других, может оставаться относительно постоянной характеристикой индивида в течение всей жизни. Ряд психологов соглашаются с тем, что диссинхрония характеризует реальные условия, в которых развивается большинство детей, существенно опережающих своих сверстников в умственном развитии. Отдельные проявления диссинхронии возникают у одаренных учащихся также из-за того, что в учреждениях образования не создаются условия воспитания и обучения, адаптированные к их высокому потенциалу.

Особенности образования одаренных детей с трудностями в обучении

Ученые, изучающие «дважды особых» детей, пришли к выводу, что одновременное обладание способностями высокого уровня развития и трудностями в учении обуславливает особые образовательные потребности данной группы детей. В связи с этим зарубежными специалистами были предложены обогащающие образовательные программы и технологии, позволяющие индивидуализировать их обучение. Как подчеркивает Е.И. Щебланова, данные программы и технологии ориентированы на высокий уровень умственного развития рассматриваемой группы учащихся, максимальное раскрытие их одаренности и включают по мере необходимости специальную коррекционную деятельность, направленную на устранение или компенсацию нарушений в освоении тех или иных базовых умений и познавательных стратегий. В частности, в подобных индивидуальных образовательных программах предлагается согласовывать четыре взаимосвязанных аспекта обучения: высокий уровень обучения в области опережающего развития; развивающее обучение в областях развития, соответствующих возрастной норме; коррекционное обучение в области имеющихся трудностей; адаптивное обучение, позволяющее временно или постоянно обходить имеющиеся препятствия для достижения успеха в значимых для развития одаренности областях [6]. В идеале индивидуальные программы обучения должны создаваться единой командой в составе: учителей, специалистов по диагностике и обучению одаренных детей, специалистов по диагностике и коррекции школьной неуспеваемости, родителей, самого ребенка. По понятным причинам данное требование трудно выполнимо на практике, но, тем не менее, в процессе обучения все эти точки зрения должны приниматься во внимание.

Практика доказала, что наилучшие результаты в образовании одаренных детей с трудностями в обучении дает стратегия, предусматривающая освоение детьми тех или иных знаний и учебных умений не в ходе изолированной специальной тренировки, а в контексте обогащенной деятельности, соответствующей возрасту, интересам и мотивации детей. Этим обеспечивается, с одной стороны, развитие высокого уровня мыслительной активности, а с другой – преодоление имеющихся у ребенка нарушений в рамках занятий в интересующей его области. Кроме того, в процессе образования одаренных детей с трудностями в обучении специалисты рекомендуют использовать все доступные средства, помогающие устранить или уменьшить существующие ограничения в коммуникации. Для этого они, например, советуют разрешать детям применять различные вспомогательные средства (схема, алгоритм, диктофон, калькулятор, компьютер и др.), если их трудности касаются учебных умений и навыков в области чтения, письма и счета, а не собственно умственного развития. Важным признается использова-

ние и развитие в обучении не только словесных, но и визуальных, образных, пространственных способов мышления, общения и сообщения. В целом обучение должно ориентироваться на высокий уровень абстрактного и проблемного мышления, творческой активности; обеспечивать индивидуальную скорость продвижения как в областях, связанных с одаренностью, так и в проблемных областях; включать стимулирующую активность повышенного уровня, активное исследование, экспериментирование и дискуссии; в полной мере учитывать интересы и увлечения детей.

Необходимо также поддерживать уверенность дважды особых учащихся в успехе, помогать развитию их позитивной Я-концепции, создавать условия, в которых они могут использовать свои преимущества и предпочитаемые способы учения (познания), а также свои интеллектуальные возможности для того, чтобы развивать стратегии преодоления недостатков. Рекомендуется обсуждать с детьми их способности и трудности, привлекать их к взаимодействию с другими участниками образовательного процесса в атмосфере принятия и уважения. Установлено, что одаренные учащиеся, понимающие свои слабые и сильные стороны, способны лучше планировать свои действия и принимать ответственность за свою учебную деятельность.

Общие психофизические особенности и образовательные потребности детей с двойной исключительностью, охарактеризованные выше, свойственны и одаренным детям с СДВГ или СА как ярким представителям детей данной группы. Рассмотрим специфические особенности организации обучения одаренных учащихся с синдромом Аспергера, которые как минимум в 75% случаев демонстрируют черты учебного профиля детей с дефицитом внимания с гиперактивностью или без неё [7].

Особенности детей с синдромом Аспергера как дважды исключительных и педагогические условия их образования

Охарактеризуем кратко те когнитивные и поведенческие особенности развития детей с СА, которые вызывают трудности в обучении этой группы особых детей и так или иначе препятствуют развитию имеющихся у них способностей. В частности, к таким особенностям относятся нарушения различных свойств (объема, устойчивости, распределения, переключения) внимания, исполнительской функции (способности к организации и планированию; подавление и контроль импульсов; управление временем и др.), а также возможные проявления гиперактивности [7].

В научной литературе описаны проблемы одаренных детей с различными нарушениями внимания, в том числе и с медицинским диагнозом СДВГ. Вместе с тем феномен связи одаренности с СА или с СДВГ изучен недостаточно, поэтому сведения о распространенности данных нарушений среди одаренных детей противоречивы или вообще отсутствуют. Как указывает Г.Б. Мони́на, изучающая проблему «двойной исключительности», одаренность маскируется трудностями в обучении, которые свойственны учащимся с СДВГ [8]. Наш опыт работы показывает, что подобное утверждение верно и для одаренных учащихся с синдромом Аспергера. В этом случае они производят впечатление не одаренных, а посредственных учеников. Не всякий педагог, испытывая трудности в общении и обучении ребенка с СА или с СДВГ, может оценить имеющиеся у него способности к тому или иному виду деятельности или области знаний. Существенно и то, что учащимся с рассматриваемой «двойной исключительностью» не подходят учебные программы для одаренных учащихся, направленные только на ускорение или интенсификацию. Анализ образовательной практики также показывает, что по сравнению с обычными сверстниками одаренные дети с нарушениями внимания чаще

и эффективнее используют метакогнитивные стратегии: группировку по категориям, мнемонические приемы, отдаленные ассоциации, что позволяет им иногда добиваться выдающихся результатов. Но, владея этими стратегиями, они часто забывают их применять, и тогда качество их работы резко снижается.

В целом эта группа детей с двойной исключительностью, по сравнению с одаренными сверстниками без СА или СДВГ, имеет более выраженную диссинхронию познавательного, социального и эмоционального развития. Они менее способны к последовательному и индуктивному мышлению, адекватному использованию оперативной памяти, имеют трудности с разделением существенных и несущественных признаков, части и целого, причины и следствия, часто не успевают вовремя закончить работу и т.п. Такие учащиеся испытывают трудности в совместной работе с другими детьми даже со сходным уровнем умственного развития. В то же время, когда они сами выбирают содержание и способы своей учебно-познавательной деятельности, то могут погружаться в длительную и напряженную работу без внешнего подкрепления.

Экспериментально установлено (М.Е. Богоявленская, Г.Б. Мони́на, Е.И. Щепла́нова), что если у одаренных детей с нарушениями внимания отсутствует возможность обучения в соответствии с их познавательными потребностями и интересами, то у них хуже развиваются способности к сосредоточению и поддержанию внимания, формируются неконструктивные способы работы, теряется интерес к учению и достижению успеха и, как следствие, развиваются поведенческие и эмоциональные проблемы. Напротив, если одаренные учащиеся с СА или СДВГ заинтересованы деятельностью, педагоги предлагают им задачи, обеспечивающие вызов их способностям, а подкрепление следует непосредственно за выполнением работы, то они регулируют внимание даже лучше, чем обычные дети.

Таким образом, дети с рассматриваемой двойной исключительностью обладают достаточно высокими компенсаторными возможностями, но для их реализации необходимо наличие определенных психолого-педагогических условий. Прежде всего, данная группа детей нуждается в ранней и точной диагностике их когнитивных и психологических особенностей, в долгосрочном психолого-педагогическом сопровождении в семье и учреждениях образования. Эффективной стратегией обучения таких учащихся является индивидуализация учебного плана, обогащение учебных программ с одновременным учетом сильных и слабых сторон конкретного ребенка. Основным акцент необходимо делать на развитии эмоциональной сферы, формирование адекватной самооценки, коммуникативных и социальных умений, а также умений саморегуляции.

Организуя учебную деятельность одаренных учащихся с СА, важно избегать преобладания в ней мало стимулирующих, неинтересных для них заданий и задач (повторение пройденного материала, заучивание отдельных правил и параграфов, изучение не интересующих детей тем и т.п.) с отсроченным поощрением. Следует учесть также, что они предпочитают сложные, вызывающие интерес задания, поэтому предъявление более коротких и простых заданий может увеличивать фрустрацию (раздражительность, тревога и т.п.) у некоторых из них. Обычно такие учащиеся предпочитают практическую деятельность, компьютерное обучение, интересное содержание занятий и индивидуальное внимание педагога.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что для развития и обучения одаренных детей с СА или с СДВГ необходима образовательная среда, которая, с одной стороны, ориентирована на их способности и интересы, а с другой – позволяет корректировать имеющиеся у них нарушения развития. Наряду с этим педагогическими условиями об-

разования данной категории учащихся являются: содействие интеграции детей в микросоциум (класс, учреждение образования и др.); оказание им помощи в решении эмоциональных, личностных и иных проблем; предоставление образцов конструктивного поведения; формирование умений саморегуляции; реализация во взаимодействии с детьми позитивной модели поведения, «мягкого руководства» (частая похвала, избегание категорических запретов и т.п.); выявление индивидуального стиля и успешных стратегий учебной деятельности; установление партнерских отношений с учащимися и обсуждение возникающих у них трудностей в учебной деятельности; поощрение проявления познавательной активности и креативности; создание обогащенной, индивидуализированной и вариативной образовательной среды; применение технологий развивающего, проблемного, проектного обучения, игровых технологий и др.

Заклучение

Обобщение результатов психолого-педагогических исследований в области образования детей с двойной исключительностью и наш собственный опыт работы в данном направлении позволили разработать общие рекомендации педагогам по организации взаимодействия с дважды особенными учащимися в процессе их обучения и воспитания. Данные рекомендации подчеркивают необходимость признания и развития сильных сторон детей с двойной исключительностью и ориентируют педагогов в ходе их обучения и воспитания придерживаться следующих правил:

- планировать и проводить содержательные, интересные для учащихся уроки;
- использовать методы и приемы, способствующие развитию самостоятельности мышления, инициативности и творчества;
- заботиться о том, чтобы деятельность учащихся имела не рутинный характер, была связана с открытием нового знания, обнаружением в себе новых возможностей;
- помнить о важности укрепления положительной самооценки учащихся, повышения уровня их притязаний, уверенности в себе;
- развивать как конвергентное, так и дивергентное (творческое) мышление;
- развивать познавательные функции (память, внимание и др.);
- стремиться организовать учебно-познавательную деятельность учащихся в зоне оптимальной трудности, на пределе их возможностей, так как только такая деятельность ведет за собой развитие их способностей, одаренности в целом;
- воспитывать настойчивость, трудолюбие, развивать умения и потребность в систематическом труде;
- формировать общеучебные умения, в том числе умение организовывать свою деятельность, распределять внимание и т.п.;
- организовывать ситуации эмоционально подкрепляемого успеха, которые должны преобладать над ситуациями неудач;
- реализовывать принципы индивидуализации и дифференциации обучения;
- не требовать от одаренных учащихся уравнительного распределения сил и одинаковой успешности по всем учебным предметам;
- помнить, что существует жесткая зависимость между определившейся одаренностью и проявлением интереса, увлеченности, трудолюбия, активности в целом;
- проявлять уважение к индивидуальности одаренного ученика, в том числе к «оборотным» сторонам одаренности;

- заботиться о сохранении физического и психического здоровья детей, в том числе о полноценном функционировании нервной системы, соблюдении режима умственного труда и отдыха, достаточной физической активности;
- создавать ситуации продуктивного и эмоционально благоприятного взаимодействия, общения с одноклассниками, другими детьми и взрослыми;
- заботиться об организации развивающей образовательной среды, стимулирующей любознательность, интересы ребенка и обеспечивающей возможности их удовлетворения.

Следует отметить, что соблюдение вышеизложенных правил в работе с одаренными детьми, в том числе обладающими двойной исключительностью (сочетание признаков одаренности с СА, СДВГ, трудностями в обучении) требует командного подхода, объединяющего специалистов, компетентных и в области психологии одаренности, и в области коррекции тех или иных особенностей развития детей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Холодная, М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования / М. А. Холодная. – 2-е изд., доп. и перераб. – СПб. : Питер, 2002. – 272 с.
2. Кащенко, В. П. Педагогическая коррекция: исправление недостатков характера у детей и подростков / В. П. Кащенко. – М. : Просвещение, 1994. – 223 с.
3. Лефрансуа, Г. Прикладная педагогическая психология / Г. Лефрансуа – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – 576 с.
4. Heward, W. L. Exceptional Children. An introduction to Special Education / W. L. Heward. – Prentice Hall, 2005. – 768 с.
5. Щепланова, Е. И. Неравномерность развития одаренных детей. Школьные трудности при нарушениях внимания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psy.1september.ru/view_article.php?id=200801804. – Дата доступа: 25.10.2015.
6. Щепланова, Е. И. Трудности в учении одаренных школьников / Е. И. Щепланова // Вопросы психологии. – 2003. – № 3. – С. 132–145.
7. Сивашинская, Е. Ф. Дети с синдромом Аспергера. Взаимодействие в семье и школе / Е. Ф. Сивашинская. – Брест : Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2012. – 99 с.
8. Моница, Г. Б. Одаренность и синдром дефицита внимания с гиперактивностью. Двойная исключительность / Г. Б. Моница // Психология и школа. – 2008. – № 4. – С. 102–121.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 27.10.2015

Sivashinskaya E.F. The Peculiarities of Education for Children with Double Exclusiveness

The article reveals some theoretical and practical aspects of education for children with a double exclusiveness. The notion of double exclusiveness is clarified. The article covers the peculiarities of education for children with double exclusiveness: gifted children with autistic spectrum disorders or attention deficit disorder with hyperactivity. The basic rules of teachers' interaction with such students in their learning and education are listed. The article explains the necessity of psychological and educational support for children with a double exclusiveness in educational institutions.

УДК 378.016

Г.И. Займист¹, Е.Н. Григорович²¹ канд. филос. наук, доц., доц. каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина² канд. социол. наук, доц., декан юридического факультета
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина**АКАДЕМИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ
(из опыта юридического факультета БрГУ имени А.С. Пушкина)**

На основании мониторинга иностранных студентов выявляются трудности их академической адаптации. В частности, выделяются трудности, связанные с низким уровнем владения русским языком, низким уровнем представлений о требованиях к учебной дисциплине и академической аттестации студентов, низким уровнем самоорганизации и мотивации на результат обучения. В статье приводятся отдельные примеры организации работы по академической адаптации иностранных студентов на юридическом факультете Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина.

Введение

В педагогике высшей школы выделяются несколько фаз развития академической (учебной) адаптации студентов, среди которых можно обозначить собственно учебную, или учебно-академическую (на младших курсах), учебно-профессиональную (на средних курсах) и учебно-производственную (на выпускном курсе). Предметом нашего исследования являются проблемы учебно-академической адаптации иностранных студентов на примере опыта юридического факультета Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина.

Трудности академической адаптации испытывают почти все студенты младших курсов, в т.ч. и из числа иностранных граждан, факт, который констатируется не только эмпирическими наблюдениями в процессе обучения, но и специальными социологическими исследованиями [1]. Они связаны с приспособлением вчерашних школьников к новым методикам и формам обучения и контроля знаний, с необходимостью выработки эффективных навыков самостоятельной работы, что в значительной степени вытекает из существующих различий в методах и формах школьного и вузовского обучения.

Проблема здесь в том, что новые методы и формы обучения в высшей школе, в особенности методы самостоятельной работы, требуют от вчерашних школьников новых академических компетенций, которым, к сожалению, не обучают (или слабо обучают) в школе. Ученые отмечают эту проблему как дефицитность академических компетенций современных студентов [2]. Прежде всего, речь идет о таких академических компетенциях, как читательская, информационная (навыки работы с информацией и информационно-компьютерная компетентность), компетенции академического чтения и письма, а также о таких формах мышления, как междисциплинарное и трансдисциплинарное, медиакомпетентное, методологическое и логическое, диалогическое и эвристическое, контекстное и т.п. На первых этапах адаптации иностранных студентов особо важна, на наш взгляд, его медиакомпетентность.

В педагогической практике высшей школы используются две стратегии формирования у студентов академических компетенций. Одна из них основана на интегративно-модульном подходе, вытекающем из основного признака компетенций любого вида – интегративности и системности, когда на раннем этапе профессионализации формиро-

вание академических компетенций интегрируется и осуществляется в предметно-дисциплинарных рамках в процессе специальной теоретической и практической подготовки будущего специалиста. Другая стратегия, которая, как представляется, все больше стала практиковаться в вузах, предполагает организацию специального теоретического и практического обучения студентов младших курсов умениям учиться в рамках как специальных курсов вузовского компонента, так и дисциплин по выбору студента или факультативов [3]. Значительная часть трудностей академической адаптации преодолевается большинством студентов к концу I курса, а некоторые трудности остаются актуальными и на II. Число таких студентов сложно определить, но, по мнению специалистов, их почти четверть.

В нашей стране в последние годы экспорт образовательных услуг, особенно в сфере высшего образования, приобретает все большее значение, о чем подчеркивалось на заседании коллегии Министерства образования Республики Беларусь в январе 2014 г., где, в частности, Министр образования подчеркнул исключительную важность обсуждения и изучения тем в контексте задач Совета Министров Республики Беларусь по наращиванию в ближайшие годы общего объема экспорта услуг, а также повышению качества образования, индикатором чего является экспортный потенциал учреждений образования страны [4]. Отечественные и зарубежные ученые подтверждают возможность проектирования среды для решения поставленных задач и, соответственно, полагают, что можно этого добиться посредством оптимизации среды учебного заведения, в частности, создания необходимых условий для эффективной академической адаптации иностранных студентов [5].

В Брестском государственном университете имени А.С. Пушкина обучаются около 500 иностранных студентов [6] (примерно 30% из них на юридическом факультете). В целом в университете, на юридическом факультете в частности, сложилась и функционирует система адаптации студентов, в т.ч. и иностранных, к образовательному пространству университета, которая реализуется программой всесторонних мероприятий, имеющих целью, в первую очередь, академическую адаптацию обучающихся. На факультете ежегодно проводится мониторинг адаптации иностранных студентов к учебной среде университета.

Результаты мониторинга (а также других исследований [7]) активно обсуждаются на заседаниях Совета и Учебно-методической комиссии факультета, на учебно-методических семинарах, заседаниях кафедр, на собраниях с иностранными студентами, принимаются соответствующие решения и формулируются рекомендации кафедрам и преподавателям, самим студентам. Одним из таких решений Совета факультета было введение иностранным обучающимся в учебные планы предвузовской подготовки [8] дисциплин по основам университетоведения и организации учебного процесса в высшей школе, «Введение в специальность», а на первом курсе факультатива «Методология учебной и научно-исследовательской деятельности студента», целью которых является ознакомление обучающихся с современными требованиями и особенностями учебной и научно-исследовательской деятельности студентов в высшем учебном заведении, с системой высшего образования, с образовательным стандартом и структурой учебного плана выбранной специальности, с требованиями к специалисту и структурой его компетенций, в особенности с академическими компетенциями студента университета, с современными стратегиями академического чтения и письма. Иностранные обучающиеся высоко ценят значение таких дисциплин для их академической адаптации: почти

все опрашиваемые утверждают, что они помогли им «увидеть» и в некоторой степени построить траекторию своей учебной деятельности на весь период обучения.

Учебно-методическая комиссия факультета регулярно проводит обучающие мероприятия (учебные семинары, практикумы) с преподавателями, работающими с иностранными обучающимися, где обсуждаются среди прочих и вопросы академической адаптации иностранных студентов, например, «Особенности адаптации иностранных студентов к учебной среде университета», «Требования и реализация профессионально-практической составляющей в обучении иностранных студентов», «Способы реализации индивидуального подхода в образовательном процессе с иностранными обучающимися», «Методическое обеспечение процесса обучения иностранных обучающихся».

Кафедрами факультета подготовлены учебно-методические издания, адаптированные для иностранных обучающихся, ряд методических разработок содержат разделы с рекомендациями специально для студентов-инофонов, подготовлены русско-туркменские словари по отдельным специальным дисциплинам. Преподаватели практикуют дополнительные групповые и индивидуальные консультации с иностранными студентами, однако опыт показывает, что и у преподавателей, и у самих иностранных студентов низка мотивация к такому виду деятельности. На наш взгляд, было бы целесообразно заложить «в бюджет времени» преподавателя соответствующее количество часов на дополнительные консультации иностранных обучающихся за счет включения этих затрат в сформированную стоимость обучения.

Особое значение в академической адаптации иностранных студентов имеют воспитательные мероприятия (соборания, индивидуальные беседы, контакты с родителями и родственниками), а также материальное (снижение оплаты за обучение) и моральное стимулирование и поощрения (благодарственные письма родителям и др.). Это позволяет повысить их мотивацию и заметно скорректировать их индивидуальные ценности.

Результаты мониторинга позволили выделить трудности академической адаптации иностранных студентов, которые в определенной степени коррелируют с результатами других подобных исследований.

1. Недостаточный уровень знания русского языка у большинства иностранных первокурсников приводит к тому, что они непродуктивно работают на лекциях: низкий уровень устного восприятия информации и, как следствие, трудности при конспектировании отмечает в опросах почти каждый иностранный студент; это же отмечают и преподаватели. Указанный факт следует рассматривать как одну из причин дезадапционного их поведения, непосещение лекций, что отрицательно сказывается на эффективности самостоятельной подготовки по дисциплине, ведь известно, что по большинству дисциплин отсутствуют учебники, полностью соответствующие программе учебного курса, а работать с большим количеством разных источников студенты-иностранцы не умеют, да и «отечественные» студенты испытывают трудности такого рода. В связи с этим стратегия на разработку и издание учебных и методических материалов, адаптированных для иностранных студентов, остается актуальной.

2. Отсутствие у иностранных студентов четкого представления о предъявляемых к ним требованиях со стороны преподавателя и непонятные им критерии оценки знаний. Они не всегда знают, как надо готовиться и что делать на семинарских, практических и лабораторных занятиях; почти не включаются в рейтинговую систему аттестации знаний по дисциплинам. Тревожным индикатором явилось то, что значительная часть иностранных студентов, в особенности первокурсники, не воспринимают промежуточный контроль освоения студентами содержания образовательных программ выс-

шого образования первой ступени как обязательную форму и важный этап итоговой академической аттестации.

3. Особенной трудностью в процессе адаптации иностранных студентов к условиям учебы в университете является сессия. По мнению самих иностранных студентов, во время сессии они испытывают сильный эмоциональный стресс. Наши наблюдения показывают, что значительная часть иностранных студентов только после II курса вырабатывает адекватную модель поведения на экзаменах, на сессии в целом. Результат их неадекватной самооценки – непонимание, почему они получают на экзаменах неудовлетворительные оценки.

4. Нерациональное использование времени, неумение самостоятельно его планировать и распределять. На наш взгляд, на это влияют завышенная самооценка и низкая мотивация на результаты обучения, о чем говорилось выше. Низкая самоорганизация проявляется в плохой посещаемости занятий, опозданиях, невыполнении учебных заданий в срок, неявке на зачеты, экзамены, неумение разделять уважительные причины пропуска занятий от неуважительных и т.п.

5. Нами выявлены и другие трудности адаптации иностранных студентов, которые не относятся непосредственно к академической адаптации, но являются важным условием её успешного прохождения. Например, формальная адаптация, или трудности познавательно-информационного приспособления к новой социальной среде (в их понимании сложно и непривычно организованы занятия, слабое представление об учебной дисциплине и учебных обязанностях, незнание структуры факультета и основных подразделений университета). Сюда же можно отнести трудности инкультурации, трудности профессиональной адаптации, которые чаще всего предопределены случайными факторами выбора специальности, трудности социально-бытовой и социально-психологической адаптации.

На наш взгляд, в контексте результатов нашего мониторинга содержится и требование к преподавателю, работающему в аудитории с интернациональным составом студентов, требование к его поликультурной компетентности. Она определяется как совокупность знаний о социокультурных особенностях обучающихся и включает в себя знание особенностей образовательных систем, социализации, социально-демографических, паралингвистических, невербальных средств и даже кинетических особенностей общения, а также умений практически их применять в поликультурной среде обучающихся. В целях оптимизации процесса обучения иностранных студентов поликультурная компетентность преподавателя представляется важным условием успешной адаптации обучающихся в целом и академической адаптации в частности.

Заключение

С учетом вышеизложенного, оптимальным фактором, обеспечивающим успешность адаптации (прежде всего академической) иностранных студентов к условиям образовательной среды высших учебных заведений нашей страны, может стать тьюторское сопровождение. Тьютор – это сопровождающий, наставник, в образовательной деятельности организатор условий для складывания и реализации индивидуальной образовательной траектории обучающегося [9, с. 57]. Введение в нашей стране тьюторского сопровождения в образовании осуществляется пока избирательно. Имеются успешные примеры внедрения тьюторского сопровождения в отдельных регионах Республики Беларусь, в т.ч. и в Брестской области, в работе с одаренной и талантливой молодежью.

Тьюторское сопровождение как ресурс и способ успешной адаптации иностранных студентов нуждается в дальнейшей разработке с разных точек зрения: нормативно-правовой, финансовой, методологической и методической. Однако с учетом заложенного в образовательные стандарты Республики Беларусь получения высшего образования принципа расширения удельного веса самостоятельной работы студента, повышения его ответственности за результаты своего обучения представляется перспективным внедрение тьюторского сопровождения не только для иностранных, но и для белорусских студентов.

В контексте педагогической адаптации академическую адаптацию следует рассматривать как совокупность специфических способов приспособления иностранных студентов к незнакомой новой системе обучения, необходимости усвоения ими современных методик работы с большим объемом информации, формирования у них навыков работы с различными видами научных текстов и исследовательских компетенций по созданию собственных научных текстов. Академическая адаптация предусматривает также поиск такого содержания, таких форм и методов организации учебного процесса, с помощью которых преподаватели вузов могли бы предупреждать, смягчать и устранять отрицательные последствия дезадаптации, ускорять процесс прежде всего академической адаптации иностранных студентов, что позволит активизировать их учебную деятельность, повысить результативность и степень их удовлетворенности учебной деятельностью.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорович, Е. Н. Адаптация студентов 1 курса к образовательному пространству университета / Е. Н. Григорович // Философские проблемы образования и воспитания студенческой молодежи : материалы респ. науч.-практ. конф. (Брест, 22–23 апр. 2009 г.) / М-во образования Респ. Беларусь, Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, каф. философии ; под ред. В. А. Степановича, П. П. Круся, А. В. Климович. – Брест : Альтернатива, 2009. – С. 117–122; Щелкова, Т. В. Трудности адаптации студентов младших курсов к условиям УВО / Т. В. Щелкова // Вышэйшая школа. – 2014. – № 1. – С. 50–54.
2. Краснова, Т. И. Культура академической учебы студентов: дефициты и запросы [Электронный ресурс] / Т. И. Краснова. – Режим доступа: <http://dialog.bspu.by/wp-content/uploads/2013/10/%25d0%259a%25d1%2580>. – Дата доступа: 19.09.2015.
3. Займист, Г. И. Обучение будущих юристов академическим компетенциям / Г. И. Займист, Е. Н. Григорович // Вучон. запіскі Брэсц. дзярж. ун-та імя А. С. Пушкіна. – 2015. – Т. 10, ч. 1. – С. 55–60; Мариненко, О. П. О роли спецкурса «Адаптация иностранных студентов к обучению в Республике Беларусь» в повышении качества подготовки иностранных специалистов / О. П. Мариненко, М. В. Мишина // Вышэйшая школа. – 2013. – № 1. – С. 21–23.
4. О совершенствовании международного сотрудничества учреждений образования в целях обеспечения роста экспорта услуг // Вышэйшая школа. – 2014. – № 1. – С. 3–4.
5. Мариненко, О. П. Повышение качества подготовки иностранных специалистов в контексте устойчивого развития регионов [Электронный ресурс] / О. П. Мариненко. – Режим доступа: <http://libr.msu.mogilev.by/bitstream/123456789/2558/1/%25D0%25BC%25D0%>. – Дата доступа: 20.09.2015.

6. Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина. Общие сведения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.brsu.by/univer/obshchie-svedeniya>. – Дата доступа: 20.09.2015.

7. Васильев, А. С. Оценка качества педагогической поддержки иностранных студентов / А. С. Васильев [и др.] // Высэйшая школа. – 2010. – № 6. – С. 63–66; Щелкова, Т. В. Трудности адаптации студентов младших курсов к условиям УВО / Т. В. Щелкова // Высэйшая школа. – 2014. – № 1. – С. 50–54.

8. Мариненко, О. П. О педагогической поддержке иностранных студентов на этапе предвузовской подготовки / О. П. Мариненко // Высэйшая школа. – 2010. – № 1. – С. 56–58.

9. Гринберг, А. С. Педагог и тьютор – новые реальности и парадигма / А. С. Гринберг, В. Н. Курбацкий // Высэйшая школа. – 2010. – № 6. – С. 57–58.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 20.10.2015

Zaymist G. I., Grigorovich E.N. Academic Adaptation of Foreign Students (from the experience of the Faculty of Law of BrSU named after A.S. Pushkin)

The problem of academic adaptation of foreign students on the example of Law Faculty of Brest State University named after A.S. Pushkin is considered in the article. Based on the monitoring of foreign students their difficulties in academic adaption are revealed. In particular, the problems associated with low proficiency in Russian, a low level of knowledge of the requirements for subject matter and academic assessment of students, low self-motivation and learning outcomes are highlighted. The article gives some examples of the organization of work in academic adaptation of foreign students at the Faculty of Law of Brest State University named after A.S. Pushkin.

УДК 378.016:81'243

В.Н. Карташова¹, Л.М. Максимук²¹ д-р пед наук, проф., директор Інститута філологіі
Елецкаго дзяржаўнага ўніверсітэта імя І.А. Буніна (Россія)² канд. пед. наук, доц., зав. каф. іностранных языков
Брэстскаго дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна**ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТА:
СИСТЕМА УПРАЖНЕНИЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ УМЕНИЙ
РЕФЕРИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА**

Умение читать специализированную литературу в оригинале с целью извлечения необходимой информации становится все более актуальным в современном обществе. Основным требованием программы изучения иностранных языков студентами непрофильных специальностей является достижение практического владения языком, что позволяет свободно читать и понимать литературу на языке оригинала в соответствующей области знаний и вести дискуссию в области определенной тематики. В статье рассматриваются задачи обучения иностранному языку в высшей школе Республики Беларусь и Российской Федерации. Единство подходов к решению этих задач требует, чтобы современный конкурентоспособный специалист мог не только получать информацию, но и качественно ее обрабатывать. Поэтому одним из направлений преподавания иностранных языков на непрофильных специальностях в вузах наших стран мы видим развитие умений у студентов реферировать иноязычный текст.

Введение

Одной из важнейших задач современного высшего образования есть подготовка высококвалифицированных специалистов, обладающих необходимыми общекультурными и профессиональными компетенциями. Образовательная программа высшего образования, обеспечивающая получение квалификации специалиста (бакалавра) является первой ступенью в системе высшего профессионального образования и предполагает получение профессиональных знаний, умений и навыков на базе углубленной фундаментальной подготовки.

В подготовке будущего специалиста (бакалавра) в полной мере реализован компетентностный подход. Это находит отражение в следующем:

1) требование к результатам освоения основной образовательной программы в системе общекультурных, профессиональных компетенций детализировано в спектрах компетенций учебных модулей, учебных дисциплин, педагогической, научно-педагогической и научно-исследовательской практик, итоговой государственной аттестации;

2) в учебных программах дисциплин, практик установлено соответствие формируемых компетенций и содержание учебной деятельности студентов;

3) в каждой компетенции выделены базовые дескрипторы как средства формирования и диагностирования в содержании учебной дисциплины;

4) в планировании учебных занятий на содержание конкретной темы спроектирован процесс формирования компетенций через виды и средства деятельности, формы проведения;

5) содержание промежуточной и итоговой аттестации определено процедурой измерения сформированности определенных компетенций.

Единство целей обучения иностранному языку на непрофильных специальностях высшей школы Республики Беларусь и Российской Федерации

Действующие в Республике Беларусь образовательные стандарты, разработанные на базе компетентного подхода, определяют четкие требования к компетентности специалиста, к формированию социально-личностных и профессиональных компетенций будущего специалиста. В высших учебных заведениях Республики Беларусь изучение иностранного языка организуется с учетом профессиональной специфики, направленности языка на реализацию задач будущей профессиональной деятельности [3].

Российские федеральные государственные образовательные стандарты третьего поколения (ФГОС) признают знание иностранного языка частью общей компетенции выпускника бакалавриата по различным направлениям подготовки. Так, в ряде ФГОС для неязыковых направлений указывается такая общая компетенция, как «способность свободно пользоваться русским и иностранным языками как средством делового общения» или «свободное владение иностранным языком как средством профессионального общения». Согласно требованиям современных образовательных стандартов, выпускник бакалавриата должен уметь использовать иностранный язык в профессиональной и межличностной коммуникации [4]. Основной целью дисциплины «Иностранный язык» для студентов непрофильных направлений является достижение практического владения иностранным языком, позволяющего использовать его в будущей профессиональной деятельности и научной работе, и в повседневном, и деловом общении. В условиях функционирования высшей школы как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации в процессе изучения иностранного языка предусматривается выравнивание уровня иноязычной компетенции будущих бакалавров; овладение общеязыковой лексикой, а также терминологией по основной специальности, определенной лексикой научного стиля; совершенствование грамматических умений и навыков, необходимых для профессионально-ориентированной коммуникации. Кроме того, обеспечивается развитие и совершенствование коммуникативной компетенции выпускника, а также прочих аспектов его общекультурной компетенции, предусмотренных образовательными стандартами высшего профессионального образования. Таким образом, иностранный язык становится обязательной дисциплиной в подготовке специалистов (бакалавров) на большинстве неязыковых специальностей. Это требует разработки нового содержания учебных программ обучения иностранному языку.

Одной из важных задач изучения иностранного языка в вузе является обучение студентов реферированию оригинальной литературы по выбранному направлению подготовки. В связи с этим актуальным является вопрос о разработке системного комплекса способов формирования умений и навыков реферирования иноязычного сообщения. Нами был разработан курс по выбору «Аннотирование и реферирование профессионально направленных иноязычных научных текстов». Цель преподавания данной дисциплины – совершенствование иноязычной коммуникативной компетенции будущих специалистов в сфере иноязычного профессионального общения. В качестве основных задач изучения дисциплины выступают такие:

- 1) расширить теоретические представления студентов об аннотировании и реферировании профессионально-ориентированных иноязычных текстов;
- 2) сформировать у студентов следующие умения и навыки: вдумчивого прочтения текста профессиональной тематики, осмысления его идейной и эстетической ценности; использования всех видов чтения (просмотрового, поискового, ознакомительного, изучающего) для извлечения профессионально значимой информации из оригиналь-

ных текстов по специальности; анализирования первичного текстового материала из аутентичных информационных носителей и синтезирования вторичного текста, тождественного по информационной насыщенности исходному;

3) развивать у студентов профессионально-методическое мышление, способность к творческому применению своих знаний в процессе решения профессиональных задач.

Дисциплина относится к вариативной части профессионального цикла учебного плана. В результате освоения дисциплины обучающийся должен:

а) знать: схему реферирования и аннотирования текста профессиональной тематики, речевые клише, подходы к оценке изложенных фактов (характер реализации авторского замысла);

б) уметь: использовать все виды чтения (просмотровое, поисковое, ознакомительное, изучающее) для извлечения профессионально значимой информации из оригинальных текстов по специальности, осуществлять анализ первичного текстового материала из аутентичных информационных носителей и синтезировать вторичный текст, тождественный по информационной насыщенности исходному тексту;

в) владеть: методикой составления рецензии и аннотации к прочитанному материалу, навыками определенных речевых действий (определенные типы высказывания: согласие, несогласие, предположение, уверенность и т.п.), техникой переработки извлеченной практической информации.

Системный подход к разработке упражнений для развития умений реферирования иноязычного текста

Стремление осуществить системный подход при исследовании объекта характерно для многих направлений современной науки. Лингвистика усматривает в языке систему отношений, «автономную общность с внутренними зависимостями», связывающими его элементы и уровни. Весьма плодотворным является понятие системы применительно к явлениям, интересующим методику обучения иностранным языкам. Системный подход должен быть осуществлен в отношении различных аспектов образовательного процесса. Как и в лингвистике, здесь различные подсистемы сливаются в единое целое благодаря своей иерархической подчиненности и функциональному взаимодействию. В настоящее время в методике обучения иностранным языкам не существует единого системного подхода, методики поэтапного формирования механизмов, позволяющих осуществить процесс реферирования иноязычного текста по оптимальным параметрам. На наш взгляд, разрозненные упражнения и методические приемы, пусть даже удачные и эффективные, не смогут оптимально решить задачу обучения реферированию иноязычного текста, если их не привести в систему.

Процесс реферирования – сложный речемыслительный акт, и с методической точки зрения необходимость составления системы упражнений диктуется тем, что отсутствие или недостаточный объем упражнений приводит к тому, что в процессе реферирования сознание обучающегося не может охватить весь комплекс возникающих трудностей. Сказанное свидетельствует о целесообразности использования системного подхода в исследовании проблемы разработки упражнений, направленных на развитие у обучающихся умения реферировать иноязычный текст.

Системный подход считается одной из фундаментальных стратегий научного исследования, исторически вызванной необходимостью изучения сложно организованных систем. Как показали исследования, высокую эффективность имеет системный анализ, позволяющий получить знание об изучаемом объекте как о целостном, развива-

ющемся объекте. «Система» (греч. *systema* – составленное из частей, соединенное) – это совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях между собой и образующих определенную целостность, единство [2, с. 427]. По сути дела, системой является всякое сложное явление. В системном исследовании анализируемый объект рассматривается как определенное множество элементов, взаимосвязь которых обуславливают целостные свойства этого множества.

Системный анализ предполагает: 1) раскрытие объекта действительности как системы; 2) определение состава, структуры и организации элементов и частей системы, обнаружение ведущих взаимодействий; 3) выявление внешних связей системы, выделение из них главной; 4) определение функций системы и ее роли среди других систем; 5) анализ диалектики структуры и функций системы; 6) обнаружение на этой основе закономерностей и тенденций развития системы. Приведенную схему условно можно разделить на две части, характеризующие внутреннюю и внешнюю организацию исследуемого объекта. Обобщенной характеристикой системного подхода выступает динамическая система, состоящая из 3-х плоскостей рассмотрения объекта: предметной, функциональной и исторической [1, с. 22]. Предметная плоскость содействует выявлению структурных связей. Основой структуры системного объекта выступают его внутренние и внешние связи. Внутренние структурные связи характеризуют состав и внутреннюю организацию системы, а внешние дают представление о взаимосвязи с аналогичными объектами и месте данного объекта в более сложной системе.

Система упражнений по формированию умений реферирования в целом должна быть направлена на формирование определенной модели речевой деятельности как некоей комплексной единицы, системы, состоящей из отдельных уровней, каждый из которых, в свою очередь, представляет собой единство, разложимое на некоторые составляющие его элементы.

В основе описываемой нами деятельности лежит процесс смыслового восприятия, заключающийся в одновременном восприятии языковой формы и понимания содержания. Иными словами, восприятие идет на двух уровнях одновременно: 1) неосознанное восприятие языковой формы и одновременная переработка текста, ведущая к его языковому сжатию, и 2) непосредственное понимание смысла. Наличие этих двух оперативных уровней формируемой деятельности обуславливает деление системы упражнений на две серии: информационно-операционные, основной задачей которых является формирование умений и навыков восприятия языковой формы с ее одновременной переработкой, т.е. закрепление необходимой информации и операций с ней, и специальные реферативные, направленные на выработку умений и навыков непосредственного понимания и смысловой переработки воспринимаемой информации.

Наличие двух уровней восприятия состоит из определенного набора механизмов, обеспечивающих функционирование деятельности на данном уровне. В соответствии с этим каждая серия упражнений имеет свой набор упражнений, состоящий из нескольких групп, которые, в свою очередь, не являются конечными структурными единицами системы упражнений, а делятся на более мелкие единицы – подгруппы. Это обусловлено тем, что функционирование некоторых механизмов требует выполнения не одной, а нескольких операций, и, следовательно, формирование их в процессе обучения предполагает формирование не одного, а нескольких умений. Упражнения каждой подгруппы направлены на выработку только одного умения. В связи с тем, что даже одноплановые умения могут быть в то же время разноуровневыми (например, умение выделить главное реализуется на разных уровнях отдельного предложения, абзаца, текста),

некоторые из подгрупп включают в себя разделы. Все упражнения каждого структурного элемента системы упражнений располагаются в определенной последовательности в соответствии с дидактическим принципом поступательного характера трудностей.

Методическая схема развития умений реферирования иноязычного текста

Для эффективного процесса восприятия текста на уровне языковой формы необходимо владение определенными знаниями языкового материала, приемами его обработки, ведущими к его сжатию, и приемами анализа текста по формальным признакам. Поэтому первая серия упражнений (информационно-операционных) состоит из трех групп.

Первая группа упражнений направлена на повторение и активизацию языковых явлений, наиболее частотных и трудных для восприятия и воспроизведения.

Вторая группа упражнений данной серии направлена на формирование механизма переработки языковой формы текста, ведущей к его сжатию. Приведем примеры формулировок заданий: «Замените каждую из приведенных ниже группы слов одним обобщающим словом»; «Используйте термин (из группы терминов, данных в скобках) для обозначения каждого из этих процессов»; «Найдите синонимы этих слов в тексте».

Упражнения третьей группы направлены на формирование реляционного анализа текста по формальным признакам: «Подчеркните в данном отрывке все средства формальной связи»; «Подчеркните формальные средства, с помощью которых выражены причинно-следственные отношения в данном отрывке»; «Найдите отрывок, связывающий данные предложения»; «Найдите в данном отрывке текста слова, отражающие логику рассуждения автора»; «Какие из группы данных выражений могут служить для аргументации, добавочного рассуждения, конкретизации вышесказанного, перехода к новой подтеме изложения».

Вторая серия упражнений (специальных реферативных) состоит из двух групп. Цель упражнений первой группы – овладение основными приемами ориентации в тексте. Данная группа состоит из семи подгрупп.

Первая подгруппа включает упражнения на выработку умения установить информативную ценность источника, определить тему сообщения. Во вторую подгруппу включены упражнения, направленные на выработку умения выделить требуемую информацию. Могут быть рекомендованы следующие задания: «Ответьте на вопросы к тексту»; «Основываясь на содержании текста, закончите данные предложения»; «Найдите в тексте отрывок, содержание которого соответствует предлагаемой иллюстрации».

Упражнения третьей подгруппы направлены на выработку умений разделить текст на смысловые отрезки; упражнения четвертой подгруппы – на умение соотносить отдельные фрагменты текста, установить логическую последовательность: «Выделите структурно-смысловые блоки в тексте» (напечатанном без красных строк); «Разделите текст на смысловые отрывки, озаглавьте их»; «Объедините материал тематически»; «Поставьте вопросы к тексту в строгой логической последовательности»; «Установите в тексте нелогическую последовательность и упорядочите текст»; «Из ряда схем и иллюстраций выберите к каждой части текста соответствующую».

Упражнения пятой подгруппы направлены на выработку умений определить тип логико-смысловой структуры на уровне отдельного предложения, структурно-смыслового блока и текста в целом. Кроме этого предусматриваются упражнения, направленные на выработку умения логико-смыслового анализа на уровне структурно-смыслового блока: «Прочитайте предлагаемые структурно-смысловые блоки, отметьте номера

блоков с параллельной структурой»; «Определите тип предикативной структуры данного блока; «Изобразите схематически тип логико-смысловой структуры данного блока».

Упражнения шестой подгруппы имеют целью выработку умений выделить главное: «Установить смысловой центр предложения»; «Отметить предложения, несущие наибольшую информативную нагрузку»; «Установить, совпадает ли предлагаемое теоретическое положение с основной идеей текста».

Упражнения седьмой подгруппы направлены на выработку умений обобщить информацию: «Прочтите отрывок и подберите к нему заголовок»; «Обобщите содержание данного отрывка одним предложением»; «Закончите данный отрывок итоговым предложением».

Упражнения второй группы направлены на выработку умения критически осмыслить материал, вывести на основе предлагаемых фактов свое суждение. Это упражнения типа: «Опираясь на содержание текста, докажите, что данное высказывание не соответствует истине»; «Констатируйте цель исследования, определите степень его новизны»; «Сгруппируйте сходные точки зрения из числа приведенных в тексте, укажите, какого мнения Вы придерживаетесь»; «Укажите в данном сообщении моменты, которые кажутся Вам спорными, аргументируйте свой вывод».

После выполнения двух серий упражнений в результате повторного, многократного выполнения всей серии операций вырабатывается определенная схема, перечень узловых моментов, пунктов, которые могут служить внешней опорой будущей модели речевой деятельности. Эта схема непременно должна войти в реферат, составление которого является заключительным этапом обучения реферированию. Перед выполнением этого упражнения студентов следует знакомить с образцами рефератов, взятых из реферативных журналов по специальности, а также дать им предметную схему реферата, то есть перечень пунктов, которые обязательно должны войти в реферат.

Целесообразно также составить учебную операционную схему осуществления данной деятельности, поскольку предполагается, что она будет внешней опорой для формирования некоторой модели, способной предвосхитить параметры будущих результатов и сличить в конце действия это предсказание с параметрами истинных результатов. Без включения подобной модели немыслима целесообразная деятельность, в том числе и речевая. В процессе многократного выполнения формируемой деятельности на базе оперативной схемы у субъекта происходит выработка и упрочение ассоциативных связей, соответствующих отдельным операциям, входящим в схему. Эти связи в результате повторного решения проблемы начинают актуализироваться автоматически, что ведет к формализации мыслительных операций и, в конечном счете, оптимизирует обрабатываемые механизмы. При составлении операционной схемы мы, с учетом теории формирования умственных действий (П.Я. Гальперин), искусственно выделили (в учебных целях) отдельные операции речевой деятельности, которые в процессе ее реального осуществления должны выполняться в свернутой форме. Предлагаемая нами схема имеет два варианта.

Первый вариант соотносится в определенной степени с этапом формирования действия с помощью внешних опор. Он включает следующие операции:

- 1) чтение и понимание текста;
- 2) разделение прочитанного сообщения на структурно-смысловые блоки и выделение их границы;
- 3) выделение главной мысли на уровне каждого блока (с выписыванием из текста предложений, отражающих ее);

4) языковое и смысловое сжатие выписанных предложений; перекодировка их в более емкие по содержанию, компактные структуры;

5) перевод на русский язык трансформированных таким образом предложений.

Второй вариант может быть соотнесён с этапом формирования действия без помощи внешних опор. Вся обработанная часть переводится в план внутренней речи. Иными словами, студент читает, понимает, трансформирует сообщение в уме, затем записывает сокращенные варианты, отражающие основное смысловое содержание текста, на родном языке. Оба варианта включают также следующую операцию: определение смысловых аспектов из выделенного набора, которые соответствуют предметной схеме реферата. При выполнении этого пункта операционной схемы студент должен провести сопоставление выделенного набора предложений с заданной ему предметной схемой, провести вторичное сжатие и реконструкцию материала.

Заклучение

Отметим, что предлагаемая система упражнений представляет методическую схему, каркас для обучения реферированию иноязычного текста. Ее содержательное наполнение, использование отдельных видов упражнений зависят от конкретного языкового материала. Кроме того, отдельные виды упражнений могут варьироваться в пределах системы в зависимости от реальных условий обучения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каган, М. С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа) / М. С. Каган. – М. : Политиздат, 1974. – С. 22.

2. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1987. – С. 427.

3. Образовательный стандарт высшего образования Республики Беларусь: Высшее образование. Первая ступень. Специальность 1-86 01 01-2013 Социальная работа (по направлениям) : ОСРБ 1-86 01 01-2013. – Введ. 30.08.2013. – Минск : М-во образования Респ. Беларусь, РИВШ, 2013. – 67 с.

4. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 050100. Педагогическое образование (уровень бакалавриата) : приказ Минобрнауки, 22 дек. 2009 г., № 788.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2015

Kartaschova V.N., Maksimuk L.M. A Foreign Language in Professional Training: A Series of Exercises to Develop Foreign Text Summarizing Skills

One aspect of teaching a foreign language to non-majors at university is the ability to summarize a text in a foreign language. The authors propose a system of exercises to teach the summarizing skill. The ability to read specialized literature in the original in order to extract the necessary information is becoming increasingly important in today's society. The main requirement of the program for students studying foreign languages of non-majors is to achieve practical language skills that allow them to freely read and understand literature in the original language in the field of knowledge and lead the discussion in a particular subject. The article deals with the problem of foreign language teaching in higher education of the Republic of Belarus and the Russian Federation. The unity of approaches to the solution of these problems requires that a modern competitive specialist should not only receive information, but also work with it properly. In this, one of the areas of teaching foreign languages in non-majors at the universities of our countries is the development of skills to summarize foreign text.

УДК 37:796.077.4-043.865

Славомир Былина

ксёндз, доктор, ад'юнкт Щецинскага ўніверсітэта
(Сельдце, Рэспубліка Польша)

АВТОРИТЕТ ТРЕНЕРА КАК ВОСПИТАТЕЛЯ В ОЦЕНКЕ МОЛОДЁЖИ, ЗАНИМАЮЩЕЙСЯ ТАЭКВОНДО (МФТ)

В статье рассматривается роль и авторитет тренера в формировании нравственной позиции молодежи. Показан процесс воспитания молодежи с разными аспектами общественной жизни. Получены данные исследования, которые свидетельствуют, что через физическое воспитание повышается духовное мастерство у занимающихся таэквондо.

Введение

В настоящее время из-за снижения авторитетов молодой человек находится в поисках истины отношений, мотивации и мотивов поведения. Любая инкультурность затемняет ясную картину действий и отвлекает из намеченной цели. Именно поэтому каждый, кто своим действием, направленным к добру, сумеет привлечь внимание молодёжи, является лицом достойным внимания и рассмотрения, в каком направлении он стремится и какими методами он пользуется. Чтобы направление подражания было верным, особо важным является аспект религиозной и нравственной жизни.

Вопрос авторитета остаётся постоянно актуальным. Ясной личностью в этом плане был и остаётся блаженный Иоанн Павел II, который, ввиду функции, которую он выполнял, был институциональным авторитетом, основанном на нравственном начале. Римский папа сам по себе был также неформальным авторитетом, так как своей персональной обращал внимание на достоинство другого человека, что пробуждало доверие и заставляло следовать за его проповедям, основанным на Благой Вести. Сам он, высказываясь на тему образцов для подражания, указывал на воспитателей, среди которых отмечал: «Воспитатель ... должен осознавать окончательную цель, так как в искусстве воспитания цели выполняют решающую функцию. Их неполное или ошибочное видение либо забвение является доказательством отсутствия компетенций и служит причиной одностороннего подхода и искажений» [30, п. 16].

Иоанн Павел II подчёркивал, что воспитание ребёнка является долгом и задачей родителей, которых должны поддерживать созданные для этой цели организации, коллективы и лица, понимающие важность этой задачи и готовые оказывать помощь. В Апостольском послании о задачах христианской семьи *Familiaris consortio* понтифик обратил внимание на родительскую любовь и формирование сущностных ценностей человеческой жизни как направления воспитательной деятельности. Эта деятельность включает в себя такие ценности, как воспитание свободы по отношению к материальному, чувства справедливости, уважения личного достоинства каждого человека, любви как основы искренней заботы и бескорыстного служения другим [29, п. 36–37].

Как отмечается в специальной литературе по теме исследования, на физическое развитие детей и молодёжи оказывают влияние индивидуальные особенности, т.е. двигательное развитие ребёнка, влияние окружающей среды и воспитательные факторы [49, s. 203]. В данной статье мы попытаемся раскрыть вышеуказанные факторы, которые имеют значение при воспитании молодого человека, укажем на заинтересованность участия молодёжи в формировании физкультуры и охарактеризуем роль, которую должен играть воспитатель-тренер, согласно мнению участников секции по таэк-

вондо в г. Бяла Подляска. Стоит отметить, что таэквондо – это вид боевого искусства, который был основан 11 апреля 1955 г. генералом южнокорейской армии Хои Хонг Хи. Именно он предложил это название для корейского национального искусства рукопашного боя. С этого момента началось распространение таэквондо почти по всему миру. В 1966 г. была зарегистрирована Международная федерация таэквондо (*International Taekwondo Federation*), которая сегодня объединяет более ста национальных ассоциаций. В 1970-ых годах таэквондо появилось в Польше, где по сегодняшний день продолжает развиваться [8, s. 102–11; 12].

Индивидуальные и объективные условия развития физической культуры

Исконный вопрос человека – это найти правильную цель и своё место в мире. Поиски цели действий и мотивация, которая ориентирует человека на реализацию намерений, сопровождает нас на всех этапах жизни. Тема «Мотивация в спорте» раскрыта в работах [13; 31; 36; 50]. Дальневосточные виды боевых искусств рассматривались в исследованиях [19; 38; 40; 41]. Однако исследований, посвящённых спортивной мотивации среди лиц, занимающихся исключительно таэквондо, не проводилось.

Мотивация определяется как гипотетическое состояние организма, которое побуждает и ориентирует его активность [55, t. 1, s. 110]. Рассматривая мотивацию молодёжи, следует отметить, что важную роль играет её деление на внутреннюю и внешнюю. Внешне мотивирует нас выражение одобрения от окружающих, а внутренне – мы сами. Внутренние мотивы – это стремление субъекта предпринимать и продолжать действия, учитывая самую суть этой активности, например: возбуждение, радость, страсти к действию, и также возможность показать и улучшить свои умения. О внешней мотивации мы говорим тогда, когда действие реализуется ввиду внешних по отношению к нему факторов и выражается в виде преимуществ и нематериальных выгод, таких как слава или положение в обществе [33, s. 89; 55, t. 2, s. 457].

Католическая церковь высказывается на тему шансов, надежд и угроз в спорте. Она пропагандирует реализацию таких ценностей, как дружба, братство, солидарность и мирное сосуществование народов при соблюдении человеческого достоинства. Костёл противится фальши, лжи, обману, чрезмерной коммерциализации, допингу и любому поведению, нарушающему человеческое достоинство, а также отношению к спортсмену как к инструменту и средству для достижения искажённых целей [51, s. 19–20]. В связи с этим важно найти причины мотивации приобщения к занятию спортом, а также выражение согласия соблюдать правила, которые данная дисциплина предлагает.

Существенной составляющей реализации индивидуальных намерений, вызванных соответствующей мотивацией, является эффективное распоряжение временем. Спорт как действие, связанное также с организацией досуга, является очень хорошим способом поиска занятий для молодого человека. К полезному распоряжению досугом побуждает нас Пастырская Конституция Католической церкви в современном мире: «Пусть свободное время будет использовано для душевного развлечения и укрепления психического и физического здоровья посредством свободных занятий, путешествий в другие края (туризм), благодаря чему облагораживается характер человека, а люди внутренне обогащаются, знакомясь друг с другом. То же относится и к спортивным упражнениям и выступлениям, способствующим поддержанию душевного равновесия, а также установлению братских отношений между людьми любого социального положения из любой страны, какой бы национальности они ни были» [33, p. 61].

Правильный подход к созданию воспитательной среды оказывает существенное влияние на формирование и развитие положительного отношения молодёжи к культуре и физической культуре в частности. К объективным факторам относятся любые социально-экономические факторы, в том числе климатические условия и географическое положение. Обеспечение необходимых условий для организации двигательной активности, надлежащий спортивный инвентарь и необходимые материальные средства оказывают влияние на создание основополагающих возможностей развития физической активности.

Наряду с экономическими факторами существенную роль играют социальные факторы. Приведём лишь основные, такие как уровень урбанизации, образование, социальный статус родителей (для детей и молодёжи), ближайшее окружение (дом, семья, школа, храм) [44, s. 381–383; 49, s. 23]. Также роль учителей и воспитателей, которые создают воспитательную среду школы; соответствующие методы и воспитательные формы должны мотивировать молодого человека к участию в школьном коллективе, что влияет на физическое развитие молодого человека [24, s. 414].

Воспитание как путь к всестороннему развитию молодого человека

Воспитание понимается и трактуется в разных отраслях научного знания по-разному. С социологической точки зрения оно понимается как «общественная деятельность, предметом которой является индивидуум, кандидат в члены общественной группы, и задачей которой, обуславливающей её задачи и методы, является подготовка такого индивидуума к статусу полноправного члена» [63, s. 6].

Воспитание как понятие употребляется в узком и широком смыслах и является предметом интереса психологии воспитания [27, s. 10–28; 34; 47]. Это понятие развивалось в двух основных направлениях: как удовлетворение практических потребностей [22] и как стремление к выделению собственного предмета познания и исследования [26]. Воспитание – это сложная система действий, предпринимаемых личностью согласно социально прописанной роли воспитателя по отношению к другой личности, согласно социально прописанной роли воспитанника либо его окружения с намерением произвести изменения в принятой программе [37, s. 277–291; 57].

В основе воспитания лежит выбор соответствующей концепции и цели воспитания. Поэтому важны намерения и направление в воспитании: должно ли оно стремиться к таким ценностям, как коллективизм или индивидуализм и, наконец, их взаимоотношение (interdependence) [58, s. 1–21].

К основным моделям воспитания, опирающимся на психологически различные концепции человека, относятся:

- концепция изменения системы поведения, в которой воспитание направлено на формирование богатого и дифференцированного набора умений и навыков;
- концепция изменения познавательных структур, в которой воспитание направлено на построение системы знаний о мире и о себе, а также на развитие интеллектуальных способностей, связанных с получением и переработкой информации;
- концепция изменения личности, в которой смыслом воспитания является создание условий, направленных на самореализацию личности и стремление к психическому здоровью, что ведёт к полной ответственности за самого себя;
- концепция изменения отношений между личностью и её окружением, где наивысшей ценностью является сотрудничество с другими, что приносит пользу не только отдельной личности, но и группе [3, s. 195–218].

Виды воспитательного взаимодействия:

- Квзисубъектная модель: учитель направлен на быстрое и точное определение потребностей своего подопечного, т.е. это действия реактивным способом. Учитель выступает в роли инструмента, удовлетворяющего потребности своего воспитанника.
- Предметная модель: учитель выполняет роль передатчика воспитательного предложения, а ученик выступает как получатель без возможности творческого участия в передаче содержания программы.
- Субъектная модель: важную роль выполняет как учитель, так и ученик. Совместные действия как общее действие, открытое для диалога и сотрудничества, обмена знаниями и опытом. Субъектный характер взаимодействия «учитель – ученик» переходит на уровень «учитель – учитель, ученик – ученик», что приводит к созданию общественной среды обучения [2, s. 31–40].

Воспитание как отдых охватывает комплексные действия в:

- познавательной (интеллектуальной) сфере: осознание значения движения для общей жизненной активности;
- эмоциональной (аффективной) сфере: выработка позитивного подхода к отдыху;
- моторной (двигательной) сфере: формирование моторных умений и навыков, активного проведения досуга [59, s. 11–12].

Существенное значение в воспитании молодого человека, который окончательно сам выберет свой жизненный путь, имеют ближайшее окружение и авторитет воспитателя-тренера, который должен делать воспитанника более восприимчивым также к вопросам моральной и духовной жизни [9, s. 121–128; 10, s. 43–51].

Роль тренера в формировании нравственной позиции молодёжи

Вопрос профессиональной роли тренера и наставника (мастера) восточных боевых искусств был в центре многих научных исследований [15; 20; 42; 52; 54]. Во многих работах поднимаются вопросы, касающиеся моторных (двигательных) способностей [5; 53, s. 135–145]. Нами были проведены индивидуальные беседы с тренерами. Мы хотим также поделиться собственным опытом инструктора таэквондо.

Мастер-учитель – продукт и произведение боевого искусства. Ученик подражает мастеру, ибо, повторяя его движения, подвергается личному влиянию учителя, который имеет неоспоримый авторитет. Поэтому учитель, наряду с технической стороной боевого искусства, берёт на себя также ответственность за вопросы воспитания (в том числе нравственного) человека [14, s. 44–50].

Как утверждает В. Цынарский, «современное будо является гуманизированной и гуманной адаптацией воинского опыта, этимологически истолкованных как пути нападения. Акцентируется их моральная сторона и воспитательная функция. Путь воина XXI века как тропа благородных стремлений к правде и высших ценностей не обусловлена никакой религиозной традицией; она также может хорошо сходиться и с христианской практикой, и дзен-буддизмом» [19, s. 61]. А это, как отмечает автор, имеет разные цели и предпосылки к существующему миру.

В процессе формирования нравственных позиций очень важную роль играет соблюдение определённых правил, которые относятся к лицам, участвующим в воспитании. Главный принцип – это сохранение авторитета учителя (тренера, инструктора) и единство принципов воспитательного воздействия лиц, которые образуют воспитательную среду в спорте. Здесь речь идёт о тренере, судье, спортивном функционере, враче, даже журналисте, который формирует картину спорта в обществе. Следующие

принципы относятся к поведению самих спортсменов, а именно: уважение к противнику, интеграция в группе, социализация и сотрудничество, опирающиеся на партнёрство и субъектное отношение к участнику соревнований (спортсмену), проявляя заботу о его человеческом достоинстве [64, s. 121].

В литературе представлены 4 метода, на основании которых формируются нравственные позиции спортсменов. Они применяются также среди участников секции таэквондо в Бялой Подляске:

1. Метод личного влияния тренера – воспитателя. В достижении цели в процессе нравственного созревания коллектива и личности важное значение имеет авторитет воспитателя. Он путём суггестивного воздействия или уговоров умело использует аргументы на благо воспитанника. Молодёжь, которая высказывается за справедливость, ценит одобрение достойного поведения и не приветствует и отвергает негативное поведение. Очередная задача воспитателя и других взрослых является старый проверенный метод личного примера. Этот метод оказывает большое воздействие, но требует авто-рефлексии и контроля собственного поведения.

2. Ситуационный метод влияния. Он заключается в индивидуальном позитивном информировании (инструктировании) конкретного спортсмена. В нём используется также личное поощрение и наказание воспитанников, основанных на успехах и провинности воспитанника. Применяется метод распределения ролей и функций, что находит широкое применение в спортивной группе, в частности, в коллективных играх.

3. Метод создания воспитательной среды в спорте. Успех его применения зависит в значительной мере от руководителя группы и его подготовки к этой роли. Зависит также и от неформальной структуры самой группы и стиля управления.

4. Метод воспитания, переходящего в самовоспитание. Данный метод должен присутствовать во всех трёх предыдущих. Заключается он в усвоении спортсменами идеалов и намерений, предопределяющих и стимулирующих работу над собой [4, s. 25–26; 64, s. 121–124].

В проповедании Католической церкви в Польше в последние годы подчёркивается необходимость смены акцентов в нравственном воспитании от нравственности, основанной на ритуально-культурных обязанностях, их индивидуальном характера, где преобладают требования и запреты, к нравственности, основанной на евангельских идеалах с упором на общественное измерение веры и общественное и социальное измерение человеческой личности [43, s. 182].

Таким образом в жизни молодого человека происходит формирование спортивного духа. Для совершенствования человека используются ценности, относящиеся к сфере профанной, чтобы сосредоточить его внимание на Божью реальность. Ибо главной целью каждого человека, а в особенности людей, которые занимаются христианским воспитанием, а также спортом являются освящение и спасение [25, s. 15].

Материалы и методы исследований

Исследования проводились в группе 111 человек из пяти клубов таэквондо, действующих в г. Бяла Подляска. В основном это была молодёжь мужского пола (87,7%), городские жители (76,5%). Возраст опрошенных 15–25 лет, большинство составляли мужчины в возрасте от 19–21 лет (57,7%). Исследования проводились с использованием диагностического метода анкетирования (техника аудиторной анкеты). Основным первоисточником по религиозной позиции исследуемой молодёжи, занимающейся та-

эквондо в Бялой Подляске, был опросный лист, включавший в себя 58 вопросов. Из 115 анкет пригодными оказались 111, которые и рассматривались [7, s. 71–98].

Результаты исследований

Анализ позиций и возможностей формирования поведений среди участников секции таэквондо в Бялой Подляске начнём с мотивов занятия спортом. Мотивация – важный элемент, которым руководствуются респонденты при выборе именно этого вида боевого искусства. Подавляющее большинство респондентов указали на внутренние мотивы как решающие при выборе спортивных занятий. К ним относятся необходимость стать более развитым физически (более ловким, гибким, подвижным) – 31,7%, стремление к развитию своей личности – 27,4% и желание научиться самообороне – 24,5%. Указывается также и внешняя мотивация при выборе спортивных занятий: влияние тренера – 3,6%, влияние друзей и подруг и желание стать членом определённой группы – по 2% респондентов, а также возможность демонстрации другим своих умений и достижений, желание тренироваться – 1,6%. Любопытной является такая мотивация, как желание познать духовные ценности – 5,6% опрошенных. М. Ярвис отмечает, что специфика восточных боевых искусств путём иерархической системы уровней, выражающейся обычно цветом пояса, может оказать влияние на рост эффективности внешних мотивов [33, s. 90].

Важным фактором в выборе данного занятия является умение управлять собственным временем, и поэтому респондентам был обращён вопрос, как они проводят досуг. Общепольские исследования показывают, что молодёжь в подавляющем большинстве основную часть досуга посвящает культурным массовым мероприятиям, «раскрученным» средствами массовой информации. Молодёжь избегает активности и усилий как интеллектуальных, так и физических [23; 24]. Однако, при опросе лиц, занимающихся таэквондо, были получены абсолютно другие результаты: 29,1% активно занимаются спортом, и это является любимым занятием участников секции таэквондо; 17,8% опрошенных отметили, что досуг – это время, проведённое вместе с друзьями; пассивный отдых в виде сна выбрали 11,6%; посещение дискотек – 10,4% респондентов. Остальные ответы распределились следующим образом: время за компьютере проводят 7%, на отсутствие занятия указывают 2,7%, кино предпочитают 2,2%, религиозные книги любят 1,1%, молятся 0,7% опрошенных. Кроме того, встречались ответы типа «прогулки с любимым человеком» (3,1% респондентов). Это свидетельствует об активном способе проведения досуга. Как показывают результаты, широко понимаемая физическая культура может служить развитию человеческой личности и оказывать положительное влияние на формирование молодого человека [56, s. 123–124].

Значимым фактором, мотивирующим к занятию определённым видом спорта, является мотивация самого тренера. Очень часто мы встречаем людей, которые своим поведением и образом жизни способны увлечь другого человека спортивными занятиями. Достаточно, чтобы наши естественные способности и энергию направить на такую личность, которая достойна доверия, которая может использовать их на достижение соответствующих целей. Внушение, однако, нельзя подменять манипуляцией. Манипулирует тот, кто склоняет людей делать то, что выгодно ему самому. Зато вдохновляет тот, кто ставит цели, интересные всем, а затем очень осторожно, обдуманно и эффективно эти цели достигает. Делиться приобретёнными умениями с другими – это также искусство. Часто бывает так, что, достигнув самых вершин, человек убирает за собой «лестницу» и не умеет, не хочет признать интересов другого человека, а к каждому подопеч-

ному относиться как к сопернику. Такие люди судорожно держатся за свои позиции как можно дольше и вместо воспитания будущих чемпионов упорно борются с конкуренцией [1, s. 97–98].

Следующим вопросом была оценка тренера, его поведения на занятиях, методов проведения занятий, религиозно-нравственной позиции, какую он представляет. На вопрос «Каков твой тренер на занятиях таэквондо?» молодёжь констатировала, что тренер охотно отвечает на вопросы, показывает, как правильно выполнять упражнения (42%), а 33,6% респондентов считают, что их тренер является очень решительной личностью. По мнению 18,5% опрошенных, тренер очень хорошо знает своих спортсменов; 4,2% опрошенных считают, что тренер часто разрешает перерывы и выполнение любимых упражнений на секции по таэквондо. Такого мнения были участники двух из пяти групп. Лишь два респондента отметили, что тренера мало интересует, какие трудности имеют спортсмены на занятиях.

Заботу тренера о соответствующем уровне демонстрации достигнутых умений требует желание со стороны обучающегося, а также профессиональной подготовки самого тренера. Роль руководителя тренировочного процесса оказывает огромное влияние на результаты и спортивные достижения спортсменов [1, s. 95]. В настоящее время нужно быть выдающейся личностью, чтобы без соответствующей базы достичь значительных спортивных успехов. Поэтому открытость, особенно тренера, по отношению к другим становится неотъемлемой чертой коммуникации [60, s. 330–339].

Участники секции таэквондо также оценили способ проведения занятий. Среди опрошенных самую многочисленную группу составляют те, кого занятия по таэквондо, проводимые их тренерами, очень устраивают (83,8% опрошенных). Гораздо меньшее число молодёжи оценивает свои тренировки как интересные, но и только. Так считают 16,2% респондентов. Никто из опрошенных не выразил отрицательного мнения о занятиях таэквондо. Такие результаты свидетельствуют об очень серьёзном отношении тренеров к занятиям и положительном восприятии их профессионализма спортсменами.

Какие черты личности, или какие ценности должны быть присущи тренеру? Одни и те же черты и особенности, что присущи самым выдающимся тренерам. Тренеры – это люди энергичные, полные страсти, активные, деятельные, настойчивые, предприимчивые, инициативные, увлечённые. В то же самое время это люди, нуждающиеся в признании достижений, сильно мотивированные на успех. Тренеры обладают также такими чертами, как уверенность в себе и вера в собственные силы. Стремясь к совершенствованию техники, они отличаются трудолюбием и ответственностью.

Тренеры применяют разные методы воздействия на подопечных. Можно выделить здесь два противоположных метода: властная (диктаторская) система и демократическая (система сотрудничества). Золотая середина – это умелое применение разных средств, чтобы совместить вопрос авторитета и уважения к тренеру с сохранением одобрения тренирующегося лица [1, s. 96; 21, s. 118].

Последний вопрос отражает мнение участников секции таэквондо по оценке религиозно-нравственных позиций тренеров [31, s. 385–406; 32]. Анализ показал, что наибольшее число опрошенных (87,4%) указывают на позитивно мотивирующий моральный облик тренера. Следует здесь заметить целостность моральной оценки, ибо никто из опрошенных не указал на отрицательные черты, присущие аморальному человеку. Существует, однако, большое расхождение в оценке нравственной и религиозной позиций тренеров. Отметим некоторые сомнения опрошиваемых по вопросу религиозности тренера. Только для трёх респондентов (2,7% ответов) тренер является образцом рели-

гиозного человека. Зато по 4,5% респондентов сомневаются относительно веры своего тренера либо считают его человеком равнодушным к религии. Следует здесь также заметить, что такая оценка относится не ко всем тренерам, ведущим занятия по таэквондо.

Заклучение

Роль воспитателей, в том числе и тренеров, должна характеризоваться не только содержательной стороной воспитательного процесса, но его направлением. Учитывая то, как молодёжь погружена в массовую культуру, потребительское её поведение, стоит глубоко задуматься над своим опытом и нравственной позицией [24, s. 415].

Анализируя результаты исследований, можно констатировать, что у опрошенных имеется довольно конкретная картина будущего своих тренировок. Они желают реализоваться физически (60,3% опрошенных), хотят приобрести умение эффективной самообороны (54,9%), но также желают всесторонне развивать свою личность (59,4%). Досуг они проводят на спортивных занятиях, что считают правильным 29,1% опрошенных. Они очень положительно оценивают своих тренеров: 42% опрошенных считают, что тренер служит образцом, отвечает на поставленные вопросы и помогает при выборе соответствующих приёмов по выполнению упражнений; 18,5% респондентов утверждают, что их тренер хорошо знает своих спортсменов; 33,6% опрошенных считают, что он решительный человек. Молодых людей устраивает уровень проводимых занятий (83,8%). Тренеры по таэквондо пользуются также нравственным авторитетом среди подопечных, так утверждает 87,5% опрошенных, однако это не совпадает с оценкой религиозности ведущих занятия. Вышеуказанный факт подтверждает гипотезу, что тренер имеет большое влияние на формирование личностных позиций молодёжи.

Согласно исследованиям, проведённым американским институтом *Christian Research Institute*, целью которых было изучение и определение соотношений между боевыми искусствами и учением Евангелия, результаты не исключают всех видов боевых искусств, которыми можно заниматься для «славы Божьей». Однако, что необходимо подчеркнуть, авторы вышеуказанных исследований констатируют, что христиане должны избегать определённых видов боевых искусств, в частности, индонезийских стилей и тех, которые в своей философии содержат смесь анимизма, шаманизма, оккультизма, индуизма, буддизма, суфизма и т.п. [28]. Многие вопросы, взятые из таких философских течений, не могут совпасть с учением и доктриной Католической церкви. Примером тому могут служить пантеизм, монизм, релятивизм, содержащийся в движении *New Age*, и прочие формы обращения к языческим культам, магии либо экологизму [10, s. 190–192; 18, s. 201; 39, s. 73; 62, s. 203–212].

Как утверждают американские авторы De Castro, B.J. Oropeza, R. Rhodes, самым лучшим учителем (для христианина, начинающего занятия боевыми искусствами) будет христианин [11; 17, s. 382–383]. В. Цынарски в своих исследованиях подтверждает, что в европейской среде учителей боевых искусств небольшое количество занимающихся, в том числе инструкторов и экспертов по боевым искусствам, внедряют принципы преподавания, содержащиеся в Евангелии, что находит своё отражение, как он утверждает, в незрелости к духовному мастерству [16, s. 96–106].

Процесс воспитания включает в себе разные аспекты общественной жизни. Чтобы достичь цели формирования человека, нужно обдуманно и общими силами объединить воспитание в семье, школе и в других общественных группах. Как утверждает R. Peters, при нравственном развитии ученика следует обратить внимание, если «он не зависим от светлого, прямого обучения правилам, поддерживаемым соответствующими»

щим подкрепляющим стимулом, но в большой мере зависит от взаимодействия с социальной средой, усиливаемого или ослабляемого познавательной стимуляцией (cognitive stimulation) со стороны родителей, учителей и ровесников, облегчающих ребёнку восприятие и понимание среды желаемым образом» [45, s. 13–17].

Широко понимаемая физическая культура выполнит свою надлежащую роль, если она будет соблюдать права и значение лиц, принимающих в ней участие. Это зависит от всех, кто принимает непосредственное участие в воспитании тренеров, деятелей, и самих спортсменов. Обучение надо начинать задолго до стадиона, чтобы на начальном этапе обучения молодой человек имел надлежащим образом сформированный характер, основанный на нравственных принципах, которые помогут ему принимать правильные решения [46, s. 340–345].

В заключение хотим привести слова Кардинала Стефана Вышинского: «Основанием для каждого здорового воспитания, т.е. предрасположения к выполнению всех жизненных задач, должно быть хорошее отношение к самому себе. Надо, стало быть, отдавать себе отчёт в том, кто я, какова моя природа и к чему я стремлюсь. ...Следовательно, мне надо свое тело сделать способным к его земным задачам – через физкультуру, чтобы избежать хилости и жизненного бессилия. Мне необходимо совершенствовать свою духовную власть: разум, волю, сердце, – приспособить к тем задачам, путём умственного духовного и религиозного воспитания. ...Так воспитанный человек уберётся от надругательства над собой, заставит уважать ближних и не будет унижать других» [61, s. 109–110].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Berdel, B. Relacje interpersonalne w kulturze fizycznej. Trener – zawodnik / B. Berdel, A. Kawalec // W. J. Cynarski, K. Obodyński (red.), op. cit. – 2003. – S. 96.
2. Brzezińska, A. Czym może być aktywne uczestnictwo ucznia i nauczyciela? / A. Brzezińska // Uczyć inaczej / G. Lutowski (red.). – Poznań, 1994. – S. 31–40.
3. Brzezińska, A. Model edukacji dla obywatelskiej współpracy: interwencja edukacyjna wspomagająca społeczność lokalną / A. Brzezińska // Podmiotowość społeczności lokalnych: praktyczne programy wspomagania rozwoju / R. Cichocki (red.). – Poznań, 1996. – S. 195–218.
4. Bujak, Z. Teoretyczne i praktyczne podstawy treningu sportowego Taekwon-do. Skrypt dla ćwiczących Taekwon-do ITF / Z. Bujak. – Biała Podlaska, 1993. – S. 25–26.
5. Bujak, Z. Różnice w poziomie wybranych elementów koordynacji ruchowej u zawodników taekwon-do na poziomie uczniowskim i mistrzowskim / Z. Bujak, A. Litwinuk // Streszczenia z Międzynar. konf. nauk. «Zdolności koordynacyjne w grach zespołowych i sportach walki». – Biała Podlaska, 1998. – S. 26.
6. Bylina, S. Postawy moralne w świadomości młodzieży / S. Bylina // Wiadomości Diecezjalne Siedleckie. – 2008. – № 1. – S. 43–51.
7. Bylina, S. Postawy religijno-moralne młodzieży uprawiającej taekwon-do w Białej Podlaskiej / S. Bylina. – Warszawa, 2006. – S. 71–98.
8. Bylina, S. Zarys historii sztuki walki taekwon-do / S. Bylina // Polish Journal of Sport and Tourism. – 2008. – T. 3. – S. 102–111.
9. Bylina, S. Świadomość moralna z punktu widzenia kościoła katolickiego i cechy osobowości młodzieży uprawiającej taekwon-do / S. Bylina // Polish Journal of Sport and Tourism. – 2009. – T. 6. – S. 121–128.

10. Bylina, S. Postawy religijne młodzieży uprawiającej taekwon-do ITF w świetle społecznej nauki Kościoła katolickiego / S. Bylina // *Kultura fizyczna a globalizacja* / Z. Dziubiński, P. Rymarczyk (red.). – Warszawa, 2010. – S. 190–192.
11. Castro, E. Enter the Dragon? Wrestling with the martial Arts Phenomenon, A Christian Assessment / E. Castro, B. J. Oropeza, R. Rhodes // *Christian Research Journal*. – 1994. – Part 2. – P. 24.
12. Choi Hong Hi. *Encyclopedia of Taekwon-do : 15 Volumes* / Choi Hong Hi ; International Taekwon-do Federation, Canada. – 1983.
13. Cox, R. *Sport psychology, concepts and applicants* / R. Cox. – Boston, 1998.
14. Cynarski, W. J. *Sztuki walki budo w kulturze Zachodu* / W. J. Cynarski. – Rzeszów. – 2000. – S. 44–50.
15. Cynarski, W. J. *Ontogeneza mistrza budo. Rozwój progresywny na drodze sztuk walki* / W. J. Cynarski // *Czynności zawodowe trenera i problemy badawcze w sportach walki* / S. Sterkowicz (red.) // *Zeszyty Naukowe*. – 2001. – № 83. – S. 33–35.
16. Cynarski, W. J. *Mistrzostwo w dalekowschodnich sztukach walki* / W. J. Cynarski // *Sport wyczynowy*. – 2002. – № 1–2. – S. 96–106.
17. Cynarski, W. J. *W kierunku antropologii sztuk walki* / W. J. Cynarski // *Antropologia sportu* / Z. Dziubiński (red.). – Warszawa, 2002. – S. 382–383.
18. Cynarski, W. J. *Teoria i praktyka dalekowschodnich sztuk walki w perspektywie europejskiej* / W. J. Cynarski. – Rzeszów, 2004. – S. 201.
19. Cynarski, W. J. (2006), *Recepcja i internalizacja etosu dalekowschodnich sztuk walki przez osoby ćwiczące*, Rzeszów.
20. Cynarski, W. J. *Warsztat pracy instruktora sztuk walki jako nauczyciela kultury fizycznej* / W. J. Cynarski, B. Berdel // *Ido – Ruch dla Kultury*, 2000. – T. I. – S. 128–131.
21. Czajkowski, Z. *Psychologia sprzymierzeńcem trenera* / Z. Czajkowski. – Warszawa, 1996. – S. 118.
22. Dembo, M. H. *Stosowana psychologia wychowawcza* / M. H. Dembo. – Warszawa, 1997.
23. Derbich, J. *Czas wolny gimnazjalistów a sposób jego zagospodarowania* / J. Derbich // *Hotelarstwo, gastronomia, turystyka i rekreacja w procesie integracji europejskiej* / W. Siwiński, R. D. Tauber (red.). – Poznań, 2004.
24. Derbich, J. *Uczestnictwo młodzieży gimnazjalnej w kulturze i kulturze fizycznej* / J. Derbich // *Sport jako kulturowa rzeczywistość* / Z. Dziubiński (red.). – Warszawa, 2005. – S. 419.
25. Dziubiński, Z. *Filozoficzno-teologiczne podstawy salezjańskiego sportu wychowawczego* / Z. Dziubiński // *Sport i wychowanie* / Z. Dziubiński (red.). – Warszawa, 1992. – S. 15.
26. Gurycka, A. *Struktura i dynamika procesu wychowawczego* / A. Gurycka. – Warszawa, 1979.
27. Gurycka, A. *Psychologiczne problemy wychowania* / A. Gurycka // *Stosowana psychologia wychowawcza* / A. Gurycka (red.). – Warszawa, 1980. – S. 10–28.
28. Holzer, J. W. *Martial Arts in the Name of GOD?* / J. W. Holzer // *Inside Kung-Fu*. – 1987. – № 3. – P. 71.
29. Jan Paweł II. *Adhortacja Apostolska Familiaris consortio*. – 1981, n. 36–37.
30. Jan Paweł II. *List Juvenum patris w setną rocznicę śmierci św. Jana Bosko* / Jan Paweł II // *Jan Paweł II. Do wychowawców, katechetów i rodziców*. – Kraków, 1988. – № 16.
31. Jarvis, M. *Psychologia sportu* / M. Jarvis. – Gdańsk, 2003. – S. 90.

32. Kaplan, P. S. Educational psychology for tomorrow's / P. S. Kaplan. – St. Paul, 1990.
33. Konstytucja duszpasterska o Kościele w świecie współczesnym *Gaudium et spes* // Sobór Watykański II. Dekrety. Deklaracje. – Poznań, 1965. – P. 61.
34. Kowalczyk, S. Elementy filozofii i teologii sportu / S. Kowalczyk. – Lublin, 2002. – S. 187.
35. Kowalik, S. Szkic o koncepcjach socjalizacji / S. Kowalik // Edukacja wobec zmiany społecznej / J. Brzeziński, L. Witkowski (red.). – Poznań, 1994. – S. 277–291.
36. Królikowska, B. Karate jako forma aktywności rekreacyjnej / B. Królikowska // W. J. Cynarski, K. Obodyński (red.), op. cit. – 2003. – S. 213–219.
37. Kuczyński, J. Wstęp do uniwersalizmu. Ogrodnicy świata / J. Kuczyński. – Warszawa, 1998. – T. I. – S. 73.
38. Liszkiewicz, Z. Motywy kierowania dzieci do uprawiania ju-jutsu w Staromiejskim Centrum Kultury Młodzieży w Krakowie / Z. Liszkiewicz // W. J. Cynarski, K. Obodyński (red.), op. cit. – 2003. – S. 90–93.
39. Litwiniuk, A. Wychowawcze i utylitarne wartości uprawiania sportów i sztuk walki / A. Litwiniuk, W. J. Cynarski // W. J. Cynarski, K. Obodyński (red.), op. cit. – 2003. – S. 123–128.
40. Litwiniuk, A. Istotne zagadnienia medycyny sztuk walki / A. Litwiniuk, W. J. Cynarski // *Ido – Ruch dla Kultury*. – 2001. – T. 2. – S. 211–215.
41. Mariański, J. Religia i moralność w opinii maturzystów / J. Mariański // *Roczniki Nauk Społecznych*. – Lublin, 1996. – T. XXIV. – S. 182.
42. Maszorek-Szymala, A. Aktywność ruchowa dzieci i młodzieży w czasie wolnym: teoretyczne podstawy i praktyczne implikacje / A. Maszorek-Szymala // *Kultura fizyczna a globalizacja* / Z. Dziubiński, P. Rymarczyk (red.). – Warszawa, 2010. – S. 381–383.
43. Muszkieta, R. Wychowawcze znaczenie zabaw i gier ruchowych / R. Muszkieta, M. Bronikowski // *Wychowanie na co dzień*. – 2002. – № 2–3. – S. 13–17.
44. Niewęglowski, J. Sport i wychowanie / J. Niewęglowski // Z. Dziubiński (red.), op. cit. – 2003. – S. 340–345.
45. Przetacznik-Gerowska, M. Psychologia wychowawcza / M. Przetacznik-Gerowska, Z. Włodarski. – Warszawa, 1994.
46. Przewęda, R. Uwarunkowania sprawności fizycznej polskiej młodzieży szkolnej / R. Przewęda. – Warszawa, 1999. – S. 203.
47. Sas-Nowosielska, K. Wychowanie do aktywności fizycznej / K. Sas-Nowosielska. – Katowice, 2003. – S. 23.
48. Saul, H. Dying swans? / H. Saul // *Scientific American* December. – Boston, 1993. – № 25. – S. 7.
49. Słowo Episkopatu Polski o wychowawczych wartościach sportu // *Wiadomości Kai*. – 2004. – № 26 (640). – S. 19–20.
50. Sozański, H. O trenerze, jego kształceniu, osobowości i pracy / H. Sozański // *Społeczno-pedagogiczne problemy kształcenia w uczelniach wychowania fizycznego* / H. Grabowski [i in.] (red.). – Kraków, 1993. – S. 29–43.
51. Starosta, W. Poziom wybranych zdolności koordynacyjnych u czołowych zawodników karate tradycyjnego i innych sportów walki / W. Starosta, T. Starosta-Pawłowska // *IRK-MC*. – 2004. – T. IV. – S. 135–145.
52. Sterkowicz, S. Czynności zawodowe trenera w sportach walki / S. Sterkowicz. – Kraków, 1999.

53. Strelau, J. Psychologia : podręcznik akademicki / J. Strelau. – Gdańsk, 2008. – T. 1. – S. 110.
54. Szlaga, B. Wychowanie przez sport jako współczesna forma ewangelizacji młodych / B. Szlaga // Aksjologia sportu / Z. Dziubiński (red.). – Warszawa, 2001. – S. 123–124.
55. Tillmann, K. J. Teorie socjalizacji. Społeczność, instytucja, upodmiotowienie. – K. J. Tillmann. – Warszawa, 1996.
56. Waterman, A. Indywidualizm i współzależność / A. Waterman // Nowiny psychologiczne. – 1982. – T. 3. – S. 1–21.
57. Wiza, A. Formalna i nieformalna edukacja do aktywności rekreacyjnej / A. Wiza // Aktywność ruchowa ludzi w różnym wieku / D. Umiastowska (red.). – Szczecin, 2004. – T. 8. – S. 11–12.
58. Wójciak, T. Społeczny wymiar sportu – refleksja teologiczno-moralna / T. Wójciak // Społeczny wymiar sportu / Z. Dziubiński (red.). – Warszawa, 2003. – S. 330–339.
59. Wyszyński, S. Miłość i sprawiedliwość społeczna / S. Wyszyński // Rozważania społeczne. – Poznań, 1993. – S. 109–110.
60. Zachariasz, A. L. Kulturozofia / A. L. Zachariasz. – Rzeszów, 2000. – S. 203–212.
61. Znaniecki, F. Socjologia wychowania / F. Znaniecki. – Warszawa, 1973. – S. 6.
62. Żukowska, Z. Proces i metody kształtowania postaw moralnych w sporcie / Z. Żukowska // Chrześcijańska etyka sportu / Z. Dziubiński (red.). – Warszawa, 1993. – S. 121.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 14.02.2015

Bylina Slavomir. Coach's Authority as an Educator in Estimation of Young People Going in for Taekwondo

The article discusses the role and authority of the coach in the formation of a moral position of youth. The process of education of young people with different aspects of social life is shown. Research data are obtained which show that through physical training spiritual skills increases in young people going in for taekwondo.

УДК 159.9:368.08:005.966

И.П. Лотова

*д-р психол. наук, зав. Центром семьи и семейной политики
Института изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования*

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРЬЕРА УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ: ЭТАПЫ И ТИПЫ РАЗВИТИЯ

В статье дается сущностно-содержательная характеристика этапов развития профессиональной карьеры государственных служащих и критериев её успешности, детерминированных уровнем мотивации; описывается 6 типов развития профессиональной карьеры ассоциативного ряда в зависимости от таких личностных особенностей государственных служащих, как самооценка, уровень притязаний и locus контроля.

Динамичные изменения, произошедшие в России за последние десять лет, потребовали существенного повышения роли системы управления. Все более очевидной становится зависимость успешности социально-экономических преобразований, стабильности развития и функционирования общественной системы не только от оптимизации самого механизма управления, но и от повышения эффективности деятельности кадров государственного аппарата. Во многих случаях такое повышение эффективности связано с личностно-профессиональным развитием управленческих кадров, осуществляемым в процессе их кадрового роста и карьерного движения. В последние годы в отечественной печати все чаще стали появляться различные публикации по вопросам управления карьерой. Большинство из них базируются на материалах западных авторов, которые отражают практику кадрового менеджмента в области предпринимательства. В то же время проблемы карьеры в системе государственной службы привлекают внимание ученых крайне незначительно и в основном в ракурсе административного управления должностным продвижением персонала. Сегодня такой подход не может быть достаточным. Очевидна необходимость научного осмысления карьеры как сложнейшего психологического феномена в жизнедеятельности человека и организации, к сожалению, воспринимаемого на обыденном уровне до сих пор в негативном отношении. С учетом актуальности обозначенных проблем, высокой практической значимости и недостаточности их научной проработки, а также перспективных тенденций развития науки проведен цикл исследований, в рамках которых в том числе выделены и описаны основные этапы и типы развития профессиональной карьеры управленческих кадров.

Этапы развития профессиональной карьеры управленческих кадров

Первый этап профессиональной карьеры сопряжен с осознанным выбором карьеры, поиском своего места в жизни, профессиональным самоопределением и получением профессионального образования. Профессиональная карьера в данном случае выступает как эмоционально насыщенный, но слабо структурированный образ и нередко конкретизируется в «значимом другом». В этой роли могут выступать руководитель ведомства, родители, сверстники, политические деятели.

Второй этап профессиональной карьеры, связанный с вхождением в должность и профессиональной адаптацией, характеризуется установлением отношения человека к профессии. Необходимыми предпосылками являются устойчивый психический склад системы регуляции поведения, интерес к различным проявлениям жизнедеятельности, первичные трудовые ориентации, степень сформированности мотивационно-потребностной, когнитивной, эмоционально-волевой и других сфер личности, формирование ин-формационных основ моральной, социальной и профессиональной направленности.

Ведущий психологический механизм на данном этапе – это идентификация. Он характеризуется зарождением потребности в новой роли и формированием восприятия

социальной роли как образа желаемого результата, определением намерений и притязаний, а также принятием государственным служащим на себя ответственности за не предпринятый заранее исход своих действий, т.е. проявлением себя как субъекта предстоящего действия.

К.А. Абульханова-Славская рассматривает ответственность субъекта как усвоение личностью внешней необходимости и превращение ее во внутреннюю. К. Муздыбаев для операционализации понятия «ответственность» использует введенное Д. Роттером понятие о локусе контроля. При этом он отмечает, что успешности саморегуляции субъектом своей деятельности препятствуют как атрибуция ответственности за исход всех жизненных событий целиком интернальным факторам, так и приписывание ответственности только внешним условиям. Применительно к профессиональной карьере государственных служащих мы рассматриваем *интернальный локус контроля* как один из наиболее существенных личностных факторов, обеспечивающих ее успешное осуществление.

На первой стадии второго этапа идет освоение пространственно-временной структуры образа будущей профессиональной карьеры. К концу второго этапа на первый план выходят механизмы самооценивания, что связано с деперсонализацией профессиональной карьеры. Точность образа будущей карьеры нарастает в течение первых двух-трех лет профессиональной деятельности на государственной службе и достигает предельных значений по их завершению.

Третий этап профессиональной карьеры, соответствующий этапу становления в должности, характеризуется овладением ролью, формированием ролевых умений и навыков прогнозировать социальные ожидания, связанные с данной профессиональной деятельностью. Третий этап связан с целеполаганием. Человек тогда является субъектом своей карьеры, когда сам определяет для себя цель профессионального и должностного продвижения. Цель карьеры может меняться с возрастом по мере накопления профессиональных, квалификационных или личностных изменений. При этом невозможно стать субъектом карьеры раз и навсегда, и человеку приходится возрождать себя в этом качестве в каждом своем новом действии. Б.Г. Ананьев считает образование субъекта деятельности перманентным процессом, относящимся к любому возрасту человека, пока он дееспособен. Формирование целей карьеры – также постоянный процесс.

На третьем этапе развития профессиональной карьеры расширяется круг интересов и изменяется система потребностей, актуализируются мотивы достижения, возрастает потребность в самореализации и саморазвитии, повышается активность личности. Основной (внутренний) уровень мотивации на этом этапе достигается тогда, когда потребность чиновника «находит» себя в предмете, которым является сама профессиональная деятельность, профессиональная карьера. Такая «опредмеченная потребность» становится внутренним мотивом государственного служащего в его деятельности. Увеличивается опыт, повышается квалификация и компетентность, развиваются и расширяются умения и навыки, осваиваются новые алгоритмы решения профессиональных задач, повышается креативность деятельности. Развиваются сложные частные способности, личностно-деловые и профессионально важные качества, определяемые спецификой профессиональной деятельности. Повышается психологическая готовность к деятельности в различных, в том числе сложных, непрогнозируемых ситуациях. Развиваются акмеологические инварианты профессионализма.

Госслужащий становится организатором, источником многих стратегий и способов осуществления профессиональной карьеры на всем ее протяжении. Это он выбирает стратегию, субъективно наиболее привлекательную, не обязательно легкую, результативно оптимальную. На основе саморегуляции он обеспечивает определенное (в соответствии с объективными и субъективными критериями) качество выполнения про-

фессиональной деятельности (например, в соответствии с притязаниями на трудность), ставит и решает наиболее сложные профессиональные задачи, а не ограничивается текущими. Человек в той мере является субъектом своей карьеры, в какой он видит возможные варианты, альтернативы своего продвижения, самостоятельно и осознанно выбирает те или иные модели карьеры. Госслужащий ограничен рамками своего статуса, этических норм поведения и отношений, высоких стандартов деятельности и профессиональных достижений. Но как субъект не только профессиональной деятельности, но и жизни вообще госслужащий в этих жестких рамках остается свободным в реализации своего творческого потенциала и в целом стратегии своей жизни.

Четвертый этап характеризуется оцениванием государственным служащим результата профессиональной карьеры как лично значимого новообразования, детерминированного собственной активностью, т.е. проявлением себя как субъекта состоявшегося действия. Если у человека не происходит подобного осмысления и оценки профессионального и должностного продвижения, а карьера тем не менее осуществлена, то, по образному выражению А.С. Огнева, «карьера забрала его жизнь».

Типы развития профессиональной карьеры ассоциативного ряда

Результаты исследования позволили осуществить типологизацию профессиональной карьеры управленческих кадров, выделив 6 типов развития профессиональной карьеры ассоциативного ряда в зависимости от таких личностных особенностей государственных служащих, как самооценка, уровень притязаний и локус контроля.

«Скалолаз» (высокая самооценка, высокий уровень притязаний, внутренний локус контроля). Государственный служащий делает карьеру сознательно, с полной внутренней отдачей. Как правило, он профессионал своего дела, пользуется заслуженным авторитетом у коллег и руководства, проходит последовательно все ступени карьерной иерархии в организации, снизу доверху.

«Имитатор» (высокая самооценка, высокий уровень притязаний, внешний локус контроля). Государственный служащий стремится к карьерным высотам и уверен в своих возможностях, но склонен в большей степени использовать благоприятные внешние обстоятельства. Мастер «видимостей», он предпочитает «казаться» в большей степени, чем «быть». Легко усваивает внешние признаки имиджа успешного человека и хорошо умеет их эксплуатировать. Склонен общаться с нужными и успешными в карьерном смысле сотрудниками. Умело организует работу других и может в лучшем свете представить даже незначительные успехи.

«Мастер» (высокая самооценка, низкий уровень притязаний, внутренний локус контроля). Государственному служащему интересно осваивать новые области в своей профессии, нередко сопряженные со смежными профессиями, решать нестандартные сверхсложные профессиональные задачи. Достигнув намеченного, он может потерять интерес к этой работе. Продвижение по карьерной лестнице его мало интересует. Главное для него – это ощущение движения вперед, а не вверх. Может принять неожиданное для окружающих решение об уходе или смене профессиональной деятельности.

«Муравей» (низкая самооценка, низкий уровень притязаний, внешний локус контроля). Государственный служащий работает строго по заданию, которое должно быть конкретно и четко сформулировано. Отличается трудолюбием, работоспособностью и повышенной ответственностью. Как исполнитель очень ценен. Нуждается во внешней поддержке со стороны руководства. Для него важно не столько продвижение по иерархической лестнице, сколько признание его заслуг со стороны руководства или авторитетных для него людей.

«Вечный студент» (низкая самооценка, высокий уровень притязаний, внешний локус контроля). Такой чиновник хочет достичь карьерных вершин, но испытывает по-

стоянную неуверенность в себе, безынициативен, с осторожностью берется за новую работу. Он склонен к обучению на курсах повышения квалификации, получению не одного образования, а при выработке индивидуальной карьерной стратегии он больше опирается на позицию руководителя или специалиста кадровой службы организации.

«Организатор» (низкая самооценка, высокий уровень притязаний, внутренний локус контроля). Такой госслужащий надеется в жизни в основном на себя, движется по карьерной лестнице, подгоняемый самолюбием, но не стремлением реализовать себя в профессиональной деятельности. Недоверие к коллегам и склонность к самоугрызению ему очень мешают. Берет на себя ответственность за все, что происходит в организации. Успешно работает в стабильной ситуации, умеет принимать управленческие решения, но доведением дел до конечного результата должны, по его мнению, заниматься подчиненные. В условиях сверхсложных, близких к экстремальным, решения принимает хаотично, порой ошибочно.

Таким образом, можно выделить *акмеологические критерии успешности профессиональной карьеры государственных служащих*, детерминированные уровнем мотивации:

1) *начальный (внешний) уровень мотивации* (потребность в карьере побуждается внешними социальными факторами (эталонами) или такими личностными мотивами, как должностные обязанности);

2) *основной (внутренний) уровень мотивации* (потребность госслужащего «находит» себя в предмете, которым является сама профессиональная деятельность и профессиональная карьера как ее результат);

3) *высший (внутренний) уровень мотивации* (потребность в самореализации за счет вовлечения своего карьерного потенциала).

Критерии успешности профессиональной карьеры госслужащих:

1) *на общественном уровне*: социальная успешность (неуспешность), востребованность (невостребованность), положительный (отрицательный) имидж;

2) *на уровне личности*: профессионализм личности, ее конкурентоспособность; статус в группе, организации; возможность самореализации и развития;

3) *на уровне результатов профессиональной деятельности*: профессионализм, владение конкретными технологиями и техниками; умение видеть не только и не столько проблему, а «проблемное поле» (причинно-следственные связи и взаимозависимости) и пути их решения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская, К. А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. – М. : Мысль, 1991. – 299 с.

2. Лотова, И. П. Профессиональная карьера государственных служащих: теория, методология, практика : монография / И. П. Лотова. – М., 2008. – С. 168–175.

3. Лотова, И. П. Зарубежные теории выбора и развития карьеры / И. П. Лотова // Персонал-профу: Новые технологии в психологии труда и управлении персоналом. – 2001. – № 2. – С. 19–40.

4. Муздыбаев, К. Психология ответственности / К. Муздыбаев. – Л. : Наука, 1983. – 240 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 14.10.2015

Lotova I.P. Professional Career of Administrative Staff: Stages and Types of Development

In the article the author gives in content description of the stages of development of professional career of civil servants and the criteria of his/her success, determined by the level of motivation; describes 6 types of development of professional career of an associative row depending on such personality features of civil servants, as self-appraisal, level of claims and locus of control.

УДК 398.3

І.А. Швед*д-р філал. навук, праф., праф. каф. беларускага літаратуразнаўства
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна***ВЯНЧАННЕ ЯК ЧЫННІК БЕЛАРУСКАГА ТРАДЫЦЫЙНАГА ВЯСЕЛЛЯ¹**

Артыкул прысвечаны вызначэнню месца царкоўнага вянчання ў беларускім традыцыйным вяселлі. Фалькларыстычны аналіз матэрыялу надпарадкаваны задачам семантычна-функцыянальнай рэканструкцыі традыцыйнай вясельна-шлюбнай сімволікі, звязанай з вянчаннем. Разглядаюцца асаблівасці абрадавага шляху да вянца, вызначаюцца месца і роля сімволікі шлюбных заповедзяў у народным абрадзе, а таксама міфасемантыка вянчання ў кантэксце народных рытуалаў і вясельных песень.

Уводзіны

Рознааспектнаму даследаванню беларускага народнага традыцыйнага вяселля прысвечана значная колькасць прац як манаграфічнага характару, так і асобных раздзелаў у кнігах ды артыкулаў прадстаўнікоў розных дысцыплін: этнографіі, фалькларыстыкі, музыказнаўства, тэатразнаўства, культуралогіі. Аднак, разнастайнымі з'яўляюцца і вектары яго вывучэння: ад вызначэння месца і ролі вясельнага абраду ў народнай традыцыі беларусаў, выяўлення арэальнай, рэгіянальнай спецыфікі вяселля да асэнсавання беларускага традыцыйнага вяселля як народнай оперы, тэатру з адпаведнымі ролямі, формамі кадзіравання зместу, сімволікай (працы Е.Р. Раманава, М.Я. Нікіфароўскага, М.В. Доўнар-Запольскага, Р.Р. Шырмы, Н.С. Гілевіча, К.П. Кабашнікава, А.С. Фядосіка, Л.А. Малаш, І.К. Цішчанкі, А.С. Ліса, А.С. Янкоўскага, М.Д. Мацюха і інш.). Шырокі агляд матэрыялаў па вясельнай абраднасці беларусаў прадстаўлены ў працах В.К. Бандарчыка «Гісторыя беларускай этнаграфіі. Пачатак XX ст.» (Мінск, 1970) і «Гісторыя беларускай савецкай этнаграфіі» (Мінск, 1972), уступным артыкуле К.А. Цвіркы да тома БНТ «Вяселле. Абрад» [1, с. 4–36] і інш. Разам з тым далёка не ўсе яе бакі асэнсаваны ці перассэнсаваны ў адпаведнасці з сучаснымі навуковымі ўяўленнямі пра адметнасці абрадавага працэсу як у семантычна-функцыянальных, так і гісторыка-генетычных адносінах. Некаторыя элементы вяселля пры яго разглядзе ўвогуле маглі выключыцца «з ходу абраднасці», у прыватнасці вянчанне, якое звычайна трактавалася як «штучнае новаўвядзенне».

Думка пра неабходнасць арганізацыі сям'і па вобразу саюза Хрыста і Царквы, як вядома, узнікла яшчэ ў апостальскія часы, але яе прызнанне расцягнулася на стагоддзі ў абставінах сур'ёзных спрэчак унутры Царквы пра бязгрэшнасць ці грахоўнасць шлюбу [2, с. 47]. Пашыранасць нявенчаных шлюбаў, як і свабода разводаў, узыходзяць да дахрысціянскай эпохі і трактуюцца як спрадвечны народны звычай. Гэта, паводле назіранняў Ю. Бардаха, пацвярджаецца найдаўнейшымі помнікамі рускай царкоўнай літаратуры. Мітрапаліт Кіеўскі Іаан на схіле XV ст. сцвярджаў, што стасункі, якія тычацца шлюбу, застаюцца пад язычніцкімі ўплывамі. Шлюбы заключаліся без удзелу царквы, а ў сферы разводаў існавала вялікая свабода, як сведчыць наступны пасаж ягонага «Паслання» пра сучасных яму русінаў: «Иже поимаются без благославения, с[о]чета-

¹ Даследаванне выканана ў межах тэмы «Структурно-типологические параметры кодов мифопоэтической картины мира белорусов (по фольклорным записям XIX – нач. XXI вв.)» па Дзяржаўнай праграме навуковых даследаванняў «История, культура, общество, государство 1.4.07» на 2011–2015 гг. («Народное творчество в социокультурных условиях современной Беларуси: региональное многообразие и межславянские связи фольклора и постфольклора», № дзяржрэгістрацыі 20140200 ад 14.03.2014 г.).

ють ся и жены отметають ся и свое жены пуцают и прилепляются инем». Ён жа пісаў, што шлюб без удзелу царквы («тайнопоимание») быў правілам у простых людзей. Хрысціянскія шлюбы ў той час намагаліся ўводзіць толькі сярод князёў і баяр [3]. Рускае права, працягваючы прызнаваць шлюбы, якія заключаліся без удзелу святара (што супярэчыла пастановам візантыйскага права), ужо з канца XII ст. пачынала абараняць жонку, шлюб з якой браўся праз царкву, жадаючы такім чынам узняць аўтарытэт шлюбу, заключанага перад абліччам царквы. Яшчэ ў XV ст. праваслаўная царква мусіла прызнаваць шлюбы без вянчання *de facto*, хоць *de jure* сцвярджала іх несапраўднасць. Супярэчнасць, якая вынікала з сутыкнення гэтых двух прынцыпаў, выявілася ў пастанове, якая дазваляла святарам бесперашкодна даваць развод «нявенчаным» суджонкам, якія пра гэта папросяць, як асобам, якія жывуць у граху. Гэтакім чынам царкоўныя ўлады імкнуліся да ліквідацыі шлюбаў, заключаных без удзелу святара [3]. Пазней пазіцыі царкоўнага шлюбу ўмацаваліся, як піша Ю. Бардах, перш на Маскоўскай Русі, бо там праваслаўная царква, як пануючая і адзіна прызнаная, атрымала наймацнейшую падтрымку дзяржаўнай улады, – але на Літоўскай Русі яны аказаліся слабейшымі. Таму яшчэ ў XV–XVII ст. тут зафіксаваны шматлікія выпадкі, калі бакі, распачынаючы трывалае сужыццё, не лічылі патрэбным санкцыянаваць яго царкоўным шлюбам. Жонка, не злучаная з мужам перад абліччам царквы, звалася нявенчанаю жонкаю. У процілегласць да яе тая, шлюб з якою быў узяты паводле царкоўных правілаў, называлася жонкаю венчанаю, шлюбнаю. Гэтыя тэрміны выкарыстоўваліся яшчэ ў XVI ст. статутамі Вялікага Княства Літоўскага, што сведчыць аб паўсюднасці і жыццёвасці нявенчаных шлюбаў. Іх масавы характар даводзіць і цыркуляр Жыгімонта I ад 10.II.1509 да войтаў, бурмістраў і радных усіх местаў у Вялікім Княстве, дзе чытаем: «Многи люди, Русь, въ тых местах незаконне мешкають, жоны поймующи не венчаються, а детей крестити не хотят» [3].

У XVI ст. вырашальнае значэнне мела не столькі вянчанне, колькі спалучанае з пакладзінамі вяселле, якое адбывалася ў прызначаны тэрмін. З гэтай прычыны бакі, якія праводзілі змовіны (а імі былі, як правіла, бацькі або апекуны нявесты і жаніх у суправаджэнні сваякоў і сяброў) лічылі неабходным, незалежна ад вянчання, якое адбылося, гарантаваць выніковасць змовінаў грашовым закладам, які называўся зарукай. Яна мела характар закладнога штрафу на той выпадак, калі шлюб, ужо асвечаны царквою, не здзейсніцца, г.зн. не адбудзецца вяселле. Другасная роля царкоўнага шлюбу тлумачыцца тым, што ён з’явіўся тады, калі звычайная свецкая форма шлюбу (змовіны – вяселле) ужо цалкам склалася [3]. Пазней вянчанне ў царкве (адзіны абрад, які выконваўся за межамі хаты) працягвала ўспрымацца носьбітамі народнай традыцыі як этап вясельнага цыклу, безумоўна, істотны, але недастатковы для надання законнасці шлюбу. Неабходнасць дапаўнення вянчання вяселлем віцебскія беларусы тлумачылі так: «Божый дом вянец даець, а святэй сулука сулучаець» (сулука – апякун вяселля, Кузьма-Дзям’ян) [2, с. 146].

У XVIII ст. царкоўны шлюб у вясельным абрадзе таксама яшчэ не адыгрываў такой значнай ролі, як у наступным стагоддзі. Пры ўзяцці шлюбу маладыя мяняліся пярсцёнкамі, якія толькі ўваходзілі ў моду. Прычым заручальныя пярсцёнкі перш пашырыліся сярод сялян, шляхта ж даўжэй трымалася «карон» і «вянкоў» [4, с. 276]. Вянок заставаўся часткай галаўнога ўбору шляхціцкі-нявесты да XVIII ст. «Кароны» рабіліся з серабра, золата, брыльянтаў і «сімвалізавалі вечнасць». Шлюбная «карона», якую жаніх дарыў нявесце, захоўвалася ў сям’і як рэліквія [4, с. 278]. Шлюбныя пярсцёнкі не былі залатымі, дарагімі: «Ну тагда толькі што было – прастыя кольца адзевалі, не было

такіх пазалот» (Целяханы, Івацэвіцкі р-н²). Матыў абмену пярсцёнкамі як знак заключэння шлюбу – частотны ў вясельных песнях, прыкладам: «*Ой тыпэр Васічка вэльмы рад, // Шчо з Ганночкою шлюб узяв, // На білому ручнычковы постояв, // На білому ручнычковы постояв, // За правую ручэньку подырэжав, // Золотога пярсцёночка помыняв*» (Трыліскі, Іванаўскі р-н). Што да матэрыялаў XX ст. адносна ўспрымання вячаньня, то ацэнкі яго важнасці значна вагаюцца ад «*В царкві венчалісь абезацельна, тада не было такой, чтоб не повенчацца. Был пазор, штоб не повенчалісь ў царкві*» (Целяханы, Івацэвіцкі р-н) да «*– А вы вячаліся ў царкве? – Нет. Ны було колы мні*» (Тэльмы, Брэсцкі р-н). У сувязі са сказаным відавочна, што адназначна і абагульнена, без уліку канкрэтных фальклорна-этнаграфічных фактаў, гаварыць пра месца і ролю царкоўнага шлюбу ў беларускім традыцыйным вяселлі складана і практычна немажліва, прычым гэта датычыць як дыяхраніі, так і сінхраніі.

Традыцыйна сцвярджаецца, што «усе народныя святы і абрады, якія склаліся на працягу стагоддзяў, хрысціянства вельмі ўдала і хітра перарабляла на свой лад. Калі ў адносінах да каляндарнай абраднасці гэта яму ўдавалася параўнальна лёгка, то з вясельнымі звычаямі і абрадамі было не так. Царкве давялося з цяжкасцю прыстасоўваць іх да сваіх догматаў таму, што яна доўгі час выступала супраць самога шлюбу. Толькі пасля таго, як хрысціянская царква ўсё ж прызнала шлюб, ёй удалося дапоўніць народны вясельны абрад сваім элементам – царкоўным вячаннем... Але і тады, калі царкоўнае вячанне ўкаранілася ў побыт, яно насіла толькі фармальны характар. Як сведчаць многія запісы вясельнай абраднасці, царкоўнае вячанне не прызнавалася ў народзе за акт, які замацоўваў бы шлюб. Пасля «вянца» маладыя яшчэ не лічыліся мужам і жонкай. Першая шлюбная ноч дапускалася толькі пад канец вяселля, уплятаючыся ў яго «кампазіцыю» як адзін з элементаў. Звычайнае права, такім чынам, аказалася мацнейшым за ўсе штучныя новаўвядзенні» [1, с. 16]. Такія заключэнні пра царкоўны шлюб як штучнае новаўвядзенне патрабуюць карэкціроўкі з улікам найноўшых напрацовак у адпаведнай галіне і абгрунтавання на канкрэтным фальклорна-этнаграфічным матэрыяле, звязаным са шлюбным пераходам. Можна меркаваць, што падобныя канстатацыі з'яўляюцца не зусім канкрэтнымі, бо роля вячальнай сімволікі ў шлюбным пераходзе даволі вялікая. Нягледзячы на тое, што царкоўная форма заключэння шлюбу не хутка прыжылася на Русі (грамадская свядомасць якой успрымала шлюб як свецкую ўмову), з вячаннем звязана вельмі шырокае кола народных уяўленняў і магільных практык. Між тым, спецыяльнага даследавання вячальнай сімволікі ў беларускім традыцыйным вясельным абрадзе не было праведзена.

Мэта гэтага артыкула – зыходзячы з семантычна-функцыянальных і гісторыка-генетычных прынцыпаў ахарактарызаваць вячанне як чынік беларускага традыцыйнага вясельнага абраду, вызначыць семантыку і функцыянальнасць звязаных з вячаннем рэалій у традыцыйным вяселлі.

Сімволіка заповедзяў у народным вяселлі

Метафізіка таінства кахання засноўваецца на чатырох шлюбных заповедзях: цнота жаніха і нявесты, іх злучэнне ў «адзіную плоць» (у адзінства цела, душы і духа), ахвярнасць (цнатлівасць) і выключнасць (непаўторнасць) шлюбу. Усходнеславянскія матэрыялы XVIII – пачатку XX ст. сведчаць пра тое, што на традыцыйнае вяселле

² Калі не ўказана іншая крыніца фальклорных матэрыялаў, значыць, яны захоўваюцца ў Фальклорна-этнаграфічным архіве вучэбнай фальклорна-краязнаўчай лабараторыі БрДУ імя А.С. Пушкіна.

больш за ўсё паўздзейнічала сімволіка запаведзяў дзявоцтва і ахвярнасці = цнатлівасці шлюбу, якая непасрэдна ці апасродкавана абумовіла яго структуру, эмацыйны фон, абраднасць і паводзіны галоўных удзельнікаў [2, с. 145]. Да непасрэднага ўздзеяння запаведзі дзявоцтва адносіцца правядзенне вячання на пачатку другога этапу рытуалу – вяселля, якое пачыналася з «законнага шлюбу». Сукупнасць жа традыцыйных вясельных абрадаў афармляла фізічны (полавы) і сацыяльны бакі шлюбнага пераходу, санкцыянавала ўключэнне маладых у родавытворчы калектыў (групу) грамады, што ва ўзроставым аспекце пазначала пераход на стадыю старасці. Пераходныя абрады адбываліся ў хаце маладога ці падзяляліся на дзве часткі паміж дамамі маладых [2, с. 146].

У беларускіх рэгіёнах царкоўны і народны шлюбныя абрады не заўсёды ўяўлялі з сябе адзіны комплекс аднаго дня, парадак якога – пераезд у той самы дзень маладой да мужа і вясельная ўрачыстасць – адпавядаў утварэнню на вячанні «адзінай плоці». Суадносіны вяселля з вячаннем характарызаваліся значнай рэгіянальнай варыяцыйнасцю: вячанне магло адбывацца пасля заручынаў, за некалькі дзён ці нават тыдняў да вясельнага застолля і да першай шлюбнай ночы, у выніку чаго пераход маладых у новы стан адкладваўся. Калі ў гэты прамежак часу адзін з шлюбнай пары паміраў, то другі не лічыўся ўдовым [5, с. 164], г.зн. уяўленне пра набытае падчас вячання «адзінства плоці» не актуалізавалася ў народнай традыцыі. Забаранялася вячацца «ў дзень свайго ангела – няшчасце прыдзе» (Рамель, Столінскі р-н). Бліжэй да нашага часу вячанне стала адбывацца пераважна ў дзень уласна вяселля, перад апрапаннем нявесце жаночага галаўнога ўбору, якое пазначала змену яе статусу.

Ад'езд да вячання быў абстаўлены цэлай сістэмай народных рытуалаў. Перад ад'ездам нявеста, плачучы, развітнаецца з сваёй хатай, прысутнымі і маладыя атрымліваюць благаслаўненне бацькоў (звесткі пра гэта, сярод іншага, адносяцца да XVIII ст.). Гучаць развітальныя песні, часта ад імені нявесты, прыкладам: *«Ні гнівайся, маты, на мэнэ – // Нэ всё от тэбэ забэру. // Покыдаю слізайку по двору // І голасочку по бору, // І солов'я в садочку, // Шоб голоснэйко шчэбытав, // Шоб батька дочку вспоминав»* (Талочна, Маларыцкі р-н). Лакальныя варыянты абраду развітання могуць неістотна адрознівацца, звычайна прысутнічае трохразовы абыход па сонцу стала нявестай і іншымі вясельнікамі, выкарыстанне хлеба і іконы пры благаслаўненні нявесты (і жаніха, калі ён прыязджаў па маладую) бацькамі ды сваякамі. У Кобрынскім раёне старэйшы брат тройчы абводзіў сястру вакол стала, на якім ляжаў хлеб, маладая тройчы цалавала хлеб, а бацькі ў гэты час вымаўлялі словы благаслаўнення. Маладую магла благаслаўляць маці на парозе свайго дома, тройчы абводзячы вакол яе галавы іконай [6, с. 314]. *«Едут до венца. Машын не было – лошадымі ездзілі, как в нашей деревне, за семь кілометраў ездзілі венцацца. Когда да венца сабіраюцца, нада абыйці кругом стала тры рызы, только па сходу сонца тры разы абыйці, пацалаваць ікону. Ікону давалі маладой у рукі і оні с гэтай іконай ехалі ў церкавь»* (Целяханы, Івацэвіцкі р-н). Бацькі маглі благаслаўляць маладых той іконай, з якой яны калісьці вячаліся (Прылукі, Брэсцкі р-н). У залежнасці ад лакальных традыцый маладым маглі даваць адну ці дзве іконы. Характэрны ўказанні рэспандэнтаў з Берасцейшчыны на тое, што здавён у іх мясцовасці была адна ікона – Божай Маці, і яе давалі нявесце: *«Нявесце давалі ікону Багародзіцы (гэта было ішэ, як я замуж выходзіла), а зараз женіху – Ніколая Чудотворца, а невесце – Багародзіца»* (Нівы, Бярозаўскі р-н); *«Ікона у мэнэ – булы іконы ў молодзі, а у молодого – не»* (Пескі, Бярозаўскі р-н); *«Ікона ў нас была Божай Маці. У нас не куплялы Ніколая. Ніколая хлопцёвы куплялы. Но в нас тут нэ было гэтаго. Это в Росіі такая була мода. Всё равно куплялы большынство дівчыні ікону одну. І вона з тэю іконэю вынчалась»*.

І так вона з тэю іконой оставалась. І вісыць ешчэ до сіх пор. Ікона вісыць ешчэ і свічка стоіць – ёго і мая, і воны тонэнькі посла войны булы – свічэчкы» (Лышчыцы, Брэсцкі р-н). Падчас вячання «прысваха пылновала ікону тую. І выводыла напырод маладых. І маладыя выходылы за ёю з цэрквы» (Лышчыцы, Брэсцкі р-н).

Непасрэднае ўздзеянне сімволікі заповедзяў дзявоцтва і ахвярнасці = цнатліва-сці шлюбу на традыцыйнае вяселле выявілася ў перадвянчальным звычай правяраць маладых на цнатліва-сць: «чэсныя» перад тым як скочыць на воз, станавіліся на дзяжу [6, с. 315]. У выпадках «нячэснасці», у першую чаргу нявесты, вячання магло не адбыцца. Беларускія сяляне баяліся вячанням «завянчаць» (узмацніць) нечысціню маладой ці маладога, бо яна магла стаць пагрозай гаспадарцы: у такой маладзіцы, паводле запісаў Е. Раманава, сем гадоў не будзе ўраджаю ільну, а ў маладога – ураджаю пшаніцы [1, с. 374]. Асцерагаліся таксама «завянчаць» хваробу, калі яна непакоіла кагосьці з маладых. Калі поезд рушыў з двара, маці нявесты хутка зачыняла вароты і лічыла тых, хто застаўся на двары: калі цотны лік людзей – дачка доўга будзе жыць з мужам, а калі няцотны – застанеца ўдавою.

Песні, якімі праводзілі маладую да вянца, па сэнсе і функцыянальнасці блізкія да тых, якімі выпраўлялі жаніха да нявесты. Але, паколькі шлях вясельнікаў скіроўваўся да храма, актуалізаваліся вобразы, звязаныя з ім, абмалёўваліся карціны вячання («цэркаўка святая на гары крутой», «званы звонкія», «галасы громкія», «свечкі яркія», «кнігі», «слёзы жалкія», «дзяк», «бацюшка», «поп», «ксёндз»), прыкладам: «Кулу гуры крутэі, // Кулу цэрквы святэі, // То там ійхала карета, // Шчырым золотом обыта, // А в туй кареты Олечка. // Гукнула вуна на конів, // Пляснула вуна в далоні: // – Ступайтэ, коны, шырока, // Шэ ду цэрквы далэко (2 р.), // – Ступайтэ, коны, вузэйко (2 р.), // Вжэ ду цэрквы блізэйко» (Пажэжын, Маларыцкі р-н); «Да давай, мамко, шубу, // Повэ-зэм дочку до шлюбу, // До шлюбу шлюбоватыса, // У цэркоўку вэнчатыса. // – Яко то-бі, мая мамочка, // Шчо ты мэнэ ўродыла // Умною да разомною, // Удалою да хоро-шою, // Шчо на мэнэ попы-дзячкі // Прыдывылі горны очкі, // Шчо на мэнэ прыдывыліса, // У кнігах помоліліса, // Всі кнігі счыталі // Покуль мэнэ звынчалі» (Лышча, Пінскі р-н). У песнях, якія выконваліся падчас выезду да вячання, сцвярджаецца высокі сакральны статус, святасць царквы і яе атрыбутаў. Разам з тым у шэрагу тэкстаў абыгрываюцца ў зніжаным, гумарыстычным плане вобразы службыцеляў культу: «Ой, заржалы сівы коныкы, заржалы, // Ой, як мулудэі на вінчане сядалы. // Ой, ні ржытэ, сівы коныкы, ні ржытэ, // Мы напасэм вас у концы сяла ў жыты, // Напоімо ў пуповому курыты. // Дэсь ныма пупа дома, // Ну пуіхав у ліс пу дрова // Кубэлкаю слыпяю» (Сварынь, Драгічынскі р-н). Тая ж характарыстыка можа быць дадзена і адносна песень, што гучалі па дарозе з вянца, да таго ж у іх з'яўляецца матыў «бацюшку ашукалі – маладых танна звянчалі», прыкладам, «Ой, мы батюшку ошукалы, // Шчо за шлюб мало далы, // Оно далы поўзлото, // За Павлка за молодого» (Церабяжоў, Столінскі р-н).

Абрадавы шлях да вянца ў традыцыйным вяселлі

Усе госці (ці іх частка) суправаджалі нявесту і жаніха ў храм. Родныя бацькі маладых у царкву не ездзілі, «заставаліся ў парозе» – у Касцюковіцкім раёне дружка пасля бацькоўскага благаславення гаварыў: «Ну, ацец і маці, станьце ў парозе, а мы ўжо ў дарозе» [7, с. 263]. Масавыя не ўдзельнічалі ў вячання і моладзь, за выключэннем дружка жаніха і нявесты. З халастой моладзю, з дзявоцкай і маладзецкай воляй нявеста ды жаніх ужо развіталіся на папярэдніх этапах вяселля. Падчас вячання маладыя разрывалі сацыяльныя і крэўныя сувязі, часова паміралі, каб увайсці ў новае жыццё ў но-

вым статусе. І гэта адбывалася без бацькоў, месца якіх у абрадзе займаюць дружкі жаніха і сяброўкі нявесты, сваты і свахі, падобна да таго, як навароджанага нясуць хрысціць не родныя, а хросныя бацькі і павітуха [5, с. 168]. Маладыя ў храм ехалі паасобку, раней – на вазах: «*Коньмы ездылі ў царкву, цвэты прышпілялі до коней*» (Арэхава, Маларыцкі р-н). «Дружко» («старшы маршалак») ці «закоснікі» ехалі паперадзе, маладая з дзяўчатамі – за імі. Нявеста, сеўшы, кланялася на ўсе бакі, а падчас руху поезда – усім сустрэтым [1, с. 78]. Калі жаніх па дарозе ў храм заязджаў па нявесту, ён ехаў у царкву з хросным бацькам і шаферам на першай павозцы, нявеста з хроснай маці і шаферкай – на другой [7, с. 263]. Рассаджвацца маглі і па-іншаму, але захаванне вызначанага парадку руху вясельнага поезда да храма, як і тады, калі дружнына скіроўвалася пасля вянца дахаты, павінна было забяспечыць парадак, дабрабыт у новаўтворанай сям’і. Лічылі, што калі па дарозе надломіцца дуга, распражэцца конь, зламаецца ці перакуліцца воз, маладыя не будуць шчаслівымі, разлучацца. У Любанскім раёне знянацку надломаная дуга над маладымі ці распрэжаны конь лічыліся настолькі дрэнным знакам для будучага жыцця маладой пары, што «*вяселье супынялі і маладыя разыходзіліся. Гаварылі: “Дуга паламалася – не доўгая доля дасталася”*» [8, с. 483]. У сувязі з гэтым уяўленнем цікавыя палескія песні, якія выконваюцца ў хаце нявесты перад яе ад’ездам да шлюбу, – у іх гучаць просьбы да Бога «каб дуга паламалася, а Ганначка нам засталася». Дарэчы, на Гродзеншчыне менавіта да дугі (якая мае форму аркі і, адпаведна, сімваліку пераходу і злучэння) чаплялі стужкі, калі маладыя былі цнатлівымі [9, с. 268]. Вясельныя ўпрыгожанні з дугі надзяліліся гаючай сілай: «Да вясельля дзеўкі таксама ўбіралі дугу, перад тым, як ехаць да маладой. З этай дугі жэншчыны, у каторых дзеці, рвалі цвяточкі і купалі дзяцей маленькіх, гэта палезна было. Стараліся, штоб абізацельна сарваць еты цвяточкі» [10, с. 158].

З абрадавым шляхам да вянца звязаны шматлікія іншыя прыкметы. Лічылі, што нешчаслівае будучае чакае маладых, калі коні ідуць да царквы спакойна, апусціўшы галовы. Фырканне жывёл у дарозе трактавалася як добры знак. Лёсавызначальны сэнс набывалі сустрэчы вясельнага поезда з некім (нечым). Дурной прыкметай лічылася сустрэча поезда з «бабай» [11, с. 355] ці папом – каб пазбегнуць няшчасця, выкідалі з воза жменю саломы, шпільку ці намітку [12, с. 61]. Сустрэча на шляху да вянца з пахавальнай працэсіяй пагражае, паводле вераванняў жыхароў Віцебшчыны, смерцю першаму дзіцяці маладых, а на адваротным шляху – смерцю абодвум маладым [12, с. 59–60]. Небяспечнай, у прыватнасці ў Палессі, Цэнтральнай Беларусі, лічылася сустрэча дзвюх вясельляў, бо гэта нібыта дрэнна паўздзейнічае на будучыя роды абедзвюх нявест і на здароўе іх дзяцей. Такая сустрэча магла прадказваць няшчасце ўвогуле [12, с. 59–61]. Калі вясельныя дружныны былі суседзямі, знаёмымі між сабой, то яны маглі пачаставацца наўзаем і мірна раз’ехацца. Калі ж сустрэліся «*чужыя, дык петушыліся, не хацелі адзін аднаму дарогу саступаць*» [8, с. 485]. У Брэсцкім Палессі два вясельныя паязды, якія ехалі адзін аднаму насустрач, часта мірна віталі адзін аднаго, маладая цалавалася з маладой, малады – з маладым, а старэйшыя іх благаслаўлялі [6, с. 317]. У Нясвіжскім раёне на выпадак сустрэчы вясельных паяздоў нявеста мела спецыяльную хусцінку, якую першай старалася разарваць, калі заўважала іншую вясельную дружныну. І сёння нярэка апавядаюць пра тое, як калісьці каля храма сустрэліся два вясельныя паязды і не хацелі саступіць адзін аднаму дарогу. На сакральнай тэрыторыі паміж вясельнымі дружнымі адбываецца спрэчка, бойка, што заканчваецца трагічна для абодвух бакоў: чудоўным чынам утвараецца «правалішча» і ўсе вясельнікі знікаюць у бездані. Калі бойка мае месца на мосце, маладыя са сваёй дружнай падаюць у ваду (адкуль пазней можа вырас-

таць каменны крыж). Дарэчы, бойка нярэдка была рытуальнай формай паводзін вясельнікаў. У в. Навасёлкі апавядаюць, што раней спецыяльна наймалі хлопцаў, каб яны на вяселлі справакавалі невялікую бойку, і тады можна было сказаць, што сапраўды было весела, свята адбылося (Камянецкі р-н). У разгледаным аспекце паказальныя тэксты розных жанраў фальклору, у прыватнасці жартаў, прыкладам, «— Ну як, кумэ, было на высілли? // — А як то на высілли, ныкепсько. То ж ны робыты... // — А быліся? // — Не, ны быліся... // — Э, кумэ, а што ж то за высілле, колы ныхто ны побывся!». Вось таксама народнае тлумачэнне сну: «Свадьба — спор якісь, чы в сылені, чы коло суседов» (Арэхава, Маларыцкі р-н).

Падчас ад'езду і руху вясельнага поезда да царквы, як і пры іншых перамяшчэннях, выконваліся розныя дзеянні кантактнай і імітатыўнай магіі, каб забяспечыць шчасце, дабрабыт, здароўе маладым, а таксама ўзяцце шлюбу іншай халастой моладзю. Каб жыццё маладых было шчаслівым, выводзіць з двара жаніховага каня даручалі двум малым хлопчыкам [11, с. 354], такім чынам, магчыма, праграмаваўся і працяг роду па мужчынскай лініі. У Акцябрскім раёне за два метры ад пярэдняга воза сцялілі ручнік, праз які «вся шарэнга далжны пераехаць. А дзеўкі ўжо стаяць напагатове. А тады ж дзевак багата было, і вот дзеўкі стараліся схапіць тый ручнік і пабегці паперадзе, перагнаць каней, штоб замуж пашла» [13, с. 544]. Калі поезд да вянца рушыў з месца, нявеста адразу не садзілася, каб пакланіцца ўсім (= папрасіць прабачэння), і, каб сяброўкі ў дзеўках не заседзіліся, выкідала клубок (катушку) нітак, трымаючы канец ніткі ў руках, і прыгаворвала: «Каціцеся, дзеўкі, усе за мною!». Дзяўчаты маглі самі прывязваць нітку да воза, у якім ехала нявеста, «каб нитка тягнулася і тягнулася, каб і дівкі хутко тягнулися за нывестой, выходылы замуж» [6, с. 315]. У Астравецкім раёне кідалі ўгору шапкі, каб хлопцы жаніліся [11, с. 353]. З мэтай забеспячэння далейшых шлюбаў, як і падчас сватання, дзяўчаты, «шаферкі», раскідвалі сена з воза [11, с. 353]. Да вянца звычайна ехалі з караваем ці з іншым хлебам, які спецыяльна для гэтага моманту выпякалі. Перад ад'ездам нявеста «на хаду кідае каравай дзяўчатам. Каторая зловіць, тая замуж пойдзе» [11, с. 353]. Калі на ад'ездзе маладая кідала дзяўчатам каравайчык, яны маглі пытацца ў яе: «Дзе ключы?» Яна адказвала: «У аўсе, ідзіце за мною ўсе» [1, с. 516]. Каб не мець нарываў, у Мазырскім Палессі нявеста па дарозе кідала сушаныя грушы, а дзецям і іншым сустрэтым раздавалі дробнае печыва, салодкае [12, с. 63]. Магічныя акты маглі быць скіраваны і на забеспячэнне актыўнасці, жыццёвай сілы нявесты і жыніха ды іншых членаў грамады. Так, на Брэстчыне яна раскідвае булачкі (шарыкі з каравайнага цеста — «дремы»), якія ловяць дзеці, «чтобы дремы не было» [14, с. 346].

Канчатковая страта (смерць) папярэдняга статусу і адсутнасць новага, прамежкавага часовага стану, пазбаўленасць атрыбутаў «нармальнага» чалавека, якія забяспечваюць яго «сацыяльную абароненасць», робяць жаніха і нявесту ва ўспрыманні традыцыйнай свядомасці вельмі ўразлівымі з боку нядобрых людзей, розных уплываў негатыўнай магіі. Адсюль шлях да вянца — самы небяспечны момант шлюбнай абраднасці [15]. Гэтымі абставінамі ў многім вызначаецца роля «дружыны» ў вяселлі, якая ўвесь час акаляе-ахоўвае жаніха і нявесту. Імкненне вясельнікаў кантраляваць сітуацыю (не дапускаць поўнага адыходу галоўных персанажаў рытуалу, сацыяльны статус якіх быў парушаны, з свету людзей) вымушае асабліва пільна перасцерагацца [16, с. 75], здзяйсняць акты ахоўнай магіі: нявесту апаясваюць чырвонай ніткай ці поясам са словамі малітвы, чапляюць ёй булаўку, соль, загорнутую ў тканіну, і т.п. На Полаччыне, калі нявеста наведвала людныя мясціны, ад сурокаў мела пры сабе пялюшку байструка [17, с. 96]. На нявесту маглі апранаць некалькі хвартухоў, верхняе адзенне нават у цёплую пару

года, яна магла спаць у поўным касцюме і абутку. На Гродзеншчыне, Міншчыне з мэтай абярогу жаніх нават летам мог не здымаць на працягу ўсяго вяселля футравую шапку. У выніку нявеста і жаніх аказваліся звышапранутымі. На функцыянальную блізкасць звышапранутасці і распранутасці ўказаў А. Байбурын: знаходжанне галоўных персанажаў па-за соцыумам маніфестуецца ці поўнай адсутнасцю вопраткі, ці, наадварот, максімальнай апранутасцю (якая можа мець характар «царскага» касцюма). І ў адным, і ў другім выглядзе маладыя знаходзяцца нядоўга. «Царскае» адзенне з'яўляецца для іх часовым, чужым [16, с. 75], асаблівае значэнне яно набывае падчас вячання.

З верай у схільнасць маладых да ўздзеяння злых сілаў, сурокаў, злога чаравання звязаны розныя забароны, прадпісанні і практыка пераадолення небяспечных месцаў з дапамогай замоваў, захрэшчвання і інш. Пашыраны апаведы пра скамяненне вясельнікаў, пярэваратніцтва ў ваўкалакаў: «*Булы і такія колдуны, якія хотілы гуляты на всіх вэсіллях. І колы яго нэ прыгласалы, то він міг всіх гостэй робыты вовкамы*» (Вулька Сіманавічская, Драгічынскі р-н). Апавядаюць таксама аб псаванні вясельнага пезда з дапамогай стручка гароху (з дзевяццю гарошынамі) – калі яго кінуць пад ногі коням і сказаць: «Дзевяць гарошын, дзясця нявіста, штоб тваі коні не сышлі з места», яны нібыта не пойдучь далей [13, с. 567]. У разгледаным кантэксце характэрны спыненне, адсутнасць руху, сядзенне як негатыўны вобраз адзіноцтва, знак няўдачы ў замужжы пры падслухоўванні пад вокнамі: «Калі гаварылі ўсё пра саджэнне, тады замуж не пойдзе, а калі – “паехалі”, пойдзеш замуж» (Ардашы, Сморгонскі р-н), пры сплаўленні па вадзе прадметаў падчас матрыманіяльных варожбаў; гл. таксама адмоўнае асэнсаванне «фазы сядзення» ў выразе «заседзеца ў дзеўках» і пад. У Віцебскай губерні лічылі, што калі ўстаць каля варотаў на лазневы венік ці пакласці перад коньмі на дарогу блыху са звязанымі лапкамі, то поезд да вянца не скранецца з месца, і, наадварот, коні пакачуць, як шалёныя, калі блыху кінуць у воз маладым. Каб навесці псоту, у Цэнтральнай Беларусі перад коньмі вясельнага пезда разбівалі гаршчок [12, с. 60–61]. Да вянца паўсюдна забаранялася ехаць на тым кані, на якім везлі нябожчыка. Маладым, якія ехалі да царквы ці вярталіся з яе, не пераходзілі дарогу: «*Нэ можна молодым пэрэходзіці дарогу. Колі едут на вэнэц і колі вжэ повэнчаюцца, нэ можна. Потом будут казаці, шо тая і тая пэрэшла молодым дарогу, погэтому ў іх і нэ сложылось*» (Сакалова, Бярозаўскі р-н).

Пераход дарогі маладым, кіданне на яе надзеленых адмоўным значэннем прадметаў успрымаліся як акты негатыўнай магіі. Прыкладам, жыхарка в. Здзітава апавядае: «*Гэто ў Агародніках було. Хлопец хадзіў да дзеўчыны, ну вон ее бэрэ вжэ замуж. А раней у яго друга була, але вон ее покінув. Але гэта, шо вон покінув, набрала дэркачу, гэто з веніка. І ехалі тые у цэркву венчатыса, а тая ведала тую дарогу, дэ воны ехацімут, і вона набрала тых дэркачоў і перасыпала імі дарогу. Ну і до старосці той хлопец нэ дожыв, помёр молодым і з жонкою хутко развёвса*» (Бярозаўскі р-н). Адпаведна ў песнях актыўна гучаў зварот да носьбітаў зла не пераходзіць дарогу. Перайсці дарогу з «шчасцем-доляй» павінны «Бог з неба», бацька, маці, радзіна. Яшчэ калі бацькі маладых тройчы абыходзілі вазы з галоўнымі персанажамі вяселля і іншымі ўдзельнікамі цырымоніі, якія выпраўляліся з дому ў дарогу, гучалі песні тыпу: «*Ой набок, набок, ворогі, // Ой набок, набок, ворогі, // А нэ пырыходьтэ дарогі. // Да нехай перейдэ Господь Бог, // А за Господь Богом батько мой, // А за моім батьком вэсь мой род*» (Дубае, Пінскі р-н); «*Оступетэса, ворогі, // Да нэ перэходьтэ дарогі. // Да нэхай перейдэ Господь Бог, // А за Господём батько мой // З яснэнькімі свецамі, // З вернэнькімі слоўцамі*» (Лагішын, Пінскі р-н). З мэтай перасцярогі бацькі маладых захрэшчвалі дарогу, па якой па-

вінен рухацца вясельны поезд, маліліся, чыталі «Ойча наш...», а ў песнях супакойвалі нявесту і жаніха, што іх «дарога з Богам» і што яна акультурана-асвоена – засцелена «палаценцам», а бор – «белым радзенцам».

Адметнасць шляху да царквы – рух пад крутую гару, што абумоўлена не толькі ландшафтнымі рэаліямі: храмы будаваліся на ўзвышшах, бліжэй да «святога неба», але і неабходнасцю падкрэсліць сакральнасць самога шляху: *«Тупу, конікі, тупу, // Тупу, конікі, тупу, // Под гороньку круту, // Под тую крутую, // Под цэрковку святую, // Под цэрковку святую. // Над цэркваю хмара, // Над цэркваю хмара, // А в цэрквы дыток пара. // Обое румнюсенькі, // Як дэнь белюсенькій, // Як дэнь белюсенькій»* (Навасёлкі, Камянецкі р-н). «Гара крутая» і «цэркаўка святая» ўтвараюць сімвалічны комплекс, выступаюць локусам, праз які праходзіць абрадавы шлях. І ў пераадоленні яго (перавозе нявесты) жаніх просіць дапамогі «перавознічкаў», аб'ектам звароту выступаюць і коні: *«Ек йіхалы до цэрквы коньмы, то спывалы (у жаніха): “– Давайтэ, коньмы, сылом, // Под тую гору сыву, // Под звоны голосны, // Под свэчонькі ясны. // Йідымо мы сылом, колёса рызоюця, // Сычыкоўцы [назва жыхароў вёскі Сычы] дывоюця. // – Вытэ, сычыкоўцы, ны дэвуйтэ, // Но своїх годуйтэ. // Ёго маты годовала, // Семсот ныч ны доспала, // Семсот свічок спалыла, // Пока сына ожыныла”»* (Вельямовічы, Брэсцкі р-н). Масты, якія павінен пераадолець вясельны поезд, едучы ў храм, могуць выяўляцца як жалезныя: *«Ой, бягуць-бягуць // Вараныя коні да вады, // А на іх шумяць // Шаўковыя павады. // – Ды напраўцеса ж, // Вараныя коні, // Бо яшчэ ехаць // Чатыры мілі дарогі. // А пятая – жалезнымі мастамі, // Каб мы папа // Ў цэркві засталі»* (Будча, Ганцавіцкі р-н). Мостам да «Божого дому» можа служыць ссечанае сакральна вылучанае дрэва, што з'яўляецца даволі архаічным вобразам, звязаным з міфалагемай Сусветнага дрэва: *«Рубайтэ бэрозоньку, // Стэлетэ дарожэньку // Нашому молодому // Аж до Божого дому, // Там ёму ручкі звязжуть, // Вернэ слоўцо скажуть, // Маруську покажуть»* (Малеч, Бярозаўскі р-н). Па дарозе да вячання і ад яго асоба маркіраваліся могілкі, каля іх трэба было спыніцца, і калі не зайсці, каб паведаміць «радзіцелям» пра вяселле, то мінуць пехатой: *«На другі дэнь вяселля, з самага ранэчку, маладыя выпраўляліся ў царкву. От калі па дарозе булі могілкі, дык маладыя злазілі з возу і шлі пешам, покуль тыя могілкі не скончацца. То такі буў парадак. А пасля ўжо, калі яны абвянчаліся, усе госьцікі варочаліся назад. Ну, а яшчэ, мо, у маладога ці ў маладой хтосьці з родных адышоў на той свет, то па дарозе з царквы, як мае быць, заязджалі да іх паздароўкацца і паведаць аб сваім шчасці»* (Міхалкі, Бярозаўскі р-н).

Хата і храм (яго апазіт – карчма, у якую маглі заязджаць па дарозе з вячання і ў якой адбываўся пераход ад святасці і цноты вячання да язычніцтва вясельных абрадаў шлюбнай ночы [2, с. 148]) – галоўныя пункты ў прасторавай структуры традыцыйнага вяселля. І адрэзак абрадавага шляху паміж імі павінен быць пераадолены вясельным поездом (у абодвух кірунках) як мага хутчэй, перамяшчэнню нішто не павінна перашкаджаць. У гэтым плане важна падкрэсліць, што благаслаўляўся не толькі шлюб увогуле, але і спецыяльна шлях да вянца, што дадаткова ўказвае на значнасць і небяспеку гэтага шляху, неабходнасць «добра заіхаты». Перад выездам прадстаўнікі роду нявесты прасілі: *«Благословы, Божэ, батько і маты, // Своёму дытаты до шлюб заіхаты»*. *«Як йіхалы до цэрквы, спывалы: “Кропы, тато, конь, // Просы Бога долы // Свійму дытаты, // До шлюб заіхаты”»* (Вельямовічы, Брэсцкі р-н). Вясельны поезд, такім чынам, намагаўся рухацца з мажліва большай хуткасцю (для гэтага коней спецыяльна адкормлівалі цэлы тыдзень і давалі выпіць ім гарэлкі), не саступаць нікому дарогі, а нявеста спрабавала абагнаць жаніха, каб узяць над ім верх на ўсё жыццё. З ідэяй аддзя-

лення, развітання-разрыву з мінулым, звязаныя забароны азірацца, заходзіць у хату пасля таго, як нявеста выйдзе адтуль, каб ехаць да вянца [11, с. 353] *«Говорят, нельзя оборачиваться. Ты начинаешь новую жизнь, новую семейную жизнь, то есть смотришь только вперед»* (Прылукі, Брэсцкі р-н). Забаранялася таксама спыняцца па дарозе да царквы (і сёння вераць, што калі супрацоўнікі ДАІ спыняць вясельны картэж, маладым не пашчасціць). Між тым па дарозе да вянца, як і падчас пераадолення іншых адрэзкаў абрадавага шляху, калі прадпісвалася стаянне і нават вяртанне, спецыяльна магло мадэлявацца пэўнае «здарэнне», у «выпраўленні» дрэнных наступстваў якога абавязкова задзейнічалі нявесту – яна давала адмысловы выкуп за магчымасць працягу руху да храма. Так, у в. Смаляніца Пружанскага раёна апавядаюць: *«Ехалі, ехалі, сэрэд дарогі коні станут – і супоня “порвэцца”. Трэба, каб молодая дала шо зв’язаті супоню: дають або полотенца, або ленту»* [6, с. 317].

Рух поезда звычайна суправаджаўся благаславеннямі сустрэтых людзей, музыкай, спевамі. Зрэдку малады перад вячаннем не заязджаў да маладой, а яны сустракаліся толькі каля храма. *«I мулудая ут сыбэ йідэ ду цэрквы, а мулудэй ут сыбэ. Мулудэй ны прыйжджае за йею, він ййі тыко вжэ в цэрквы встрычае»* (Падомша, Камянецкі р-н). *«Жэніх первым ехал до цэрквы і ждал там молодую. Людї говорылы: “Жэніх прыйіхав, значіт, скоро невеста будэ”. В цэркві невеста стоіт со своїмі. Після іх подводят одын до другога і до батюшкі – он іх вэнчае. Після вэнчанія садятся на подвозкі і йідут. Все спывают пэсні»* (Лышчыцы, Брэсцкі р-н). Паколькі вяселлі звычайна ладзілі ў святочныя, вольныя ад працы перыяды (на Троіцу, Каляды, Пакровы), ля храмаў падчас вячання было шматлюдна [6, с. 319]. Кожная пара, што прыезджала да храма, мела свайго музыканта, які іграў у дарозе і мог весці маладых да вянца, пакуль не «перайме» бацюшка (ксэндз).

Як падчас язды да вянца быў строга рэгламентаваны парадак руху поезда, так і ўваход у храм вясельнікі здзяйснялі паводле вызначанага пэўнай традыцыяй парадку. У храм маладыя маглі заходзіць разам, але – важна падкрэсліць – не ўзяўшыся за рукі. *«Перад шлюбом ніхто не п’е, пасля начынаецца вяселле. Па дароге музыканты іграюць, па сёлах дзеці выбягаюць на дарогу – вяселье, і бягуць у цэркву паглядзець вячання. Як прыехалі пад касцёл, злазяць з вазоў, становяцца на парам, шафер з шаферкаю толькі ў першай пары ідуць. Шафера вядуць маладую, за ёю малады, а ў канцэ сват са свахаю. I так ідуць да самага алтара, укленчаць, перахрысцяцца ўсе. Устаюць тады маладыя...»* (Новая Мыш, Баранавіцкі р-н).

Як у хатах нявесты і жаніха, так і ў царкве рытуальна пазначаны межы, якія пераадоляюць маладыя (у шэрагу выпадкаў – і астатнія ўдзельнікі абраду): пераступанне парога, наступанне на разасланы ручнік, абыход вакол алтара, аналоя ці самой царквы. Маладыя не наступалі на царкоўны парог (на Палессі – каб не сварыцца) ці нявеста намагалася першай уступіць у храм, прычым з правай нагі (каб муж да яе добра ставіўся, былі лёгкімі роды і дзеці здаровымі) [11, с. 356]. Калі ехалі да царквы, у песнях прасілі, каб Бог сустрэў вясельнікаў «на першым порозі»: *«Устрічай нас, Божэ, // Устрічай нас, Божэ, // На першым порозі, // На шырокім гостыньцу, // Бо мы едзім до віньцу. // Устрічай нас, Божэ, // Устрічай нас, Божэ, // На першым порозі, // На шырокім гостыньцу, // Бо мы едзім до віньцу, // Бо мы едзім до віньцу. // Перша квітонька – // Молодая Нінуля. // Устрічай нас, Божэ, // Устрічай нас, Божэ, // На першым порозі, // На шырокум гостыньцу, // Бо мы едзім до віньцу, // Бо мы едзім до віньцу. // Друга квітонька – // Молоды Коленька. // Ой, едзім мы сылом, // Ой, едзім мы сылом, // Всім людям весело – // У нас коны вороньі, // Мы самі молодыі, // Мы самі молодыі»* (Навасёлкі,

Камянецкі р-н). Увогуле пераход праз парог (як субстытут цэлага памяшкання) у вясельным абрадзе трактуецца ў катэгорыях уключэння адпаведнай асобы ў пэўную групу (дружыну, род, дом), надання ёй вызначанага статусу, у сітуацыі вячання ў царкве – сакральнага, «царскага». Царскім называецца вянец і ў абрадавых песнях тыпу: «...*Ой, естя ж у мэнэ старэнькі отец, // Вун мэнэ поставыв пуд царскій вэнэць*» (Спорава, Бярозаўскі р-н).

Міфасемантыка вячання

У вясельных песнях вячання набывае боскі і касмічны характар: адбываецца ў св. Духа, на Іардані, нявеста падпаясана «сонечком», вароты адкрывае Бог, св. Кузьма-Дзям'ян куе вянец ці яго пляце Божая Маці, вячае маладых св. Спас, а Бог, анёлы надзяляюць іх доляй. Вячання як лімінальная фаза «пераходу» характарызуецца «несязоннасцю», зняццем проціпастаўлення лета (сімвал дзясвочасці) і зімы (сімвал шлюбу). Жаніх едзе вячацца на кані, якога ён паіў з Дуная, замерзлага летам, на Пятроў дзень, а нявеста вячаецца ў вянку з ружы, якая расцвіла на Раство Хрыстова [14, с. 698]. Кветкі, што сімвалізуюць нявесту адзначаны прыкметай несязоннасці ў шматлікіх песнях – ружу як сімвал дзясвоцтва нявеста сее, каб яе «зламалі на зіму» (Олтуш, Маларыцкі р-н). Паводле іншай песні, на Ражджаство расцвітае каліна – сімвал дзясвочасці, цноты і даспеласці дзяўчыны да шлюбу; калі ж маладая замужніца пераязджае жыць да свёкраў, каліна ўжо не цвіце, а спее – яе ягады загароджваюць дарогу да роднай хаты: «*Ой, зацвыла да калынонька ў Роздві, // Ой, бувай, бувай, моя мамочка, в пэрэзві. // – Ой, як жэ мні, моё дзіцятко, буваты, // Колы до тэбэ да дорожэнькі нэ знаты. // Ох, травкою, муравкою заросла, // Чырвоною калыною завісла. // Волю тобі травку-муравку топтаты, // А чырвоную да калыноньку да ломаты*» (Паўтаранавічы, Пінскі р-н).

Асаблівы характар абраду, як шырока адзначаецца ў літаратуры пытання, збліжае вячання з пахаваннем, што выяўляецца ў адмысловай ізаляцыі маладых – у забароне датыкацца да іх, у іх маўчанні, нерухомасці, аддзяленні ад знешняга свету (пакроў нявесты). Паводле песень, маладая пасля вячання не прамаўляе ні слова: «*Спувалы, як прыезжалы з вэнца: “Прыіхало дытя з венца, // Не промовыть слоўца, // Поясок жыботок тысне, // Слоўца не промышлюе”*» (Дабраслаўка, Пінскі р-н). Пасля вячання і выправы нявесты ў хату жаніха яна «мярцвее» для свайго роду. У песнях, што выконваюцца пасля перавозу нявесты да жаніха, гэтае яе «змярцвенне-знікненне» для свайго роду, адрыў ад яго, пазначаецца праз акцэнтаванне ўвагі на тым, што дачка не вітаецца з бацькамі, не пытаецца пра здароўе, яна пазбаўленая волі, магчымасці рухацца, бо яе прапілі родныя ці ўкралі і зачынілі ў каморы сваты. У вясельнай песні, што выконвалася падчас застолля ў хаце жаніха, маладую так і называюць – «нябожца»: «*Свякроўка гудзіць, нябожцу будзіць...*» [7, с. 290].

З вячання пачыналася другая частка вяселля, арыентаваная на вяртанне галоўных персанажаў рытуалу ў свет людзей, іх стварэнне і надзяленне прыкметамі новага статусу [16, с. 76], больш высокага – з вячання бацькі сустракалі маладых словамі: «*Дзе мае дзеці, што параслі у свеце*» (Міхнавічы, Івацэвіцкі р-н). Прычым маладыя не толькі «параслі», але і папрыгажэлі пасля вячання: «*Хуруша краса Зосенька наша, // Як з вэнцю прыхала, // Похурішчала, покраснійшала. // Еі матюнка, еі рідная // На еі поглядае: // – Дэсь ты, дочэнька, калыною ўмывалась, // Розою втыралась? // – Я калыною нэ ўмывалась, // Розою нэ ўтыралась, // Я вудыцёю ўмывалась, // Ручнычком втыралась, // Я такая, як муй батэнько, // На пусаг удалась*» (Плоска, Брэсцкі р-н). Пасля вячання, якое ўспрымалася як сакральны акт дараабмену паміж вышэйшымі сферамі

і людзьмі («шлюб узялі..., за шлюб далі»), да пахарашэлых і падросшых маладых «паступова “вярталася” здольнасць гаварыць, бачыць, дзейнічаць» [15, с. 530]. Невеста, як адзінадушна падкрэсліваюць даследчыкі традыцыйнага вяселля, пад вянцом займала памежнае становішча паміж тым і гэтым светам, паміж родам жаніха, у які яшчэ не інтэгралася, і сваёй сям’ёй, з якой ужо адышла. Адпаведна былыя сацыяльныя сувязі былі ўжо страчаны нявестай, а новыя – яшчэ не ўстаноўлены. Пасля вячання ад нявесты канчаткова аддзяляецца яе дзявоцтва і вяртаецца назад, «да вытокаў», у бацькоўскую хату (дзе падростаюць сёстры нявесты, якім перадалі яе каснікі – знакі дзявоцтва). Нездарма пасля прыезду маладых з царквы спяваюць: «*Ступы, ступы, дочэчка, у лужок, // Поклоныса матёнцы до ножок // Нызэнько, // Бо твое дывоцтво блызэнько, // Бо твое дывоцтво вжэ мынае // І в матёнцы за століком сядзе*» (Олтуш, Маларыцкі р-н).

Пачынаючы з вячання як аднаго з кульмінацыйных момантаў вясельнага абраду, калі маладыя атрымліваюць рытуальнае абнаўленне і новы статус, узрастае значэнне семантыкі новага, першага, пачатковага. Кожны ўчынак жаніха і нявесты становіцца высока сяміячным менавіта таму, што ён першы і тым самым вызначае ўвесь насупны ланцуг падзей у новым жыцці [16, с. 76]. З магіяй пачатку звязаны наступныя абставіны вячання: вячаюцца ў першы дзень тыдня – нядзелю (радзей у пятніцу – Вілейскі р-н) у новым адзенні. Вераць, што жаніх не павінен да вянца бачыць шлюбны касцюм нявесты (Брэст). Лёсавызначальнай, як адзначалася вышэй, лічыцца першая сустрэча маладых з кім-небудзь каля царквы (калі гэта будзе памешчык – да багатага жыцця, жабрак – да беднага, дрэннага (гродзенск.)). Не менш важным з’яўляецца першае віншаванне. На Міншчыне для шчасця (багацця) у шлюбе на зваротным шляху першым маладых віншуе яўрэй [17, с. 327, 331, 329]. Пад вянцом нявеста, паводле адных перакананняў, яшчэ павінна была плакаць, каб не прыйшлося плакаць у будучым. Між тым, існавала матываванае «магіяй першага» прадпісанне спынення плачу – вячаннем распачынаецца сямейнае жыццё маладых.

Вячання адбывалася па праваслаўных або каталіцкіх канонах. Рэспандэнт каталіцкага веравызнання апісвае вячання наступным чынам: «*Сват і старшы шафер, шаферка, сведзецелі ідуць зарэгістраванацца ў закрысты. І выходзяць. Прыкленкнулі, усталі. І стаіць уся дружына. Тады зазвоніць званочак, выходзіць святар са сваім памошнікам (у царкві называюць памошнікаў саломічыкам, а ў нас закрыстыянам, альбо хто прыслужвае з хлапчукоў, гэта міністрант, ён адзяе тожэ белу комжсу), падходзіць да маладых, бярэ ад іх кольца на тарэлачку і паставіць там на століку гдзе в старане. Ксёндз, як выходзіць адзеты ў адёжу на рытуал, шлюб ці другія, называецца капа, а на шыі в віде шарфа, унізу крестыкі – гэта стула. Ксёндз бярэ адзін канец стулы і закручвая рукі. Спачатку гаворыць маладым: “Падайце друг другу руку правую”, а потым как будта связываает. І гаворыць да маладых такія слава, святар гаворыць, а яны паўтараюць за ім: “Я, Іван, бяру цябе, Анну, у жоны. І прысягаю табе веру, любоў і давер’е супружаскае, ешчо то, што цябе не пакіну аж да смерці, в труднасці, балезні, пры любых абстаяцельствах. Та мне дапамажы, Госпадзі, і ўсе святыя”. – “Я, Анна, бяру цябе, Івана, в муж’я. І прысягаю табе веру, любоў і давер’е...” А тады свенціць кольца і дае маладому, каб адзеў нявесці на средні паяц і гаворыць гэтыя словы: “Анна, прымі вась гэтае кальцо ў знак дружбы і сагласія”. “Іван, прымі вась гэтае кальцо ў знак дружбы і сагласія”. Тады прачытвае малітву і благазавіць іх, свенціць усіх, жагнаю, і ўходзіць. После маладыя ідуць у закрыстыю святара, дзякуюць за шлюб, ён іх паздраўляя. Выходзяць, ідуць перад аўтар, кленкаюць, усе паварачываюцца і выходзяць.*

Дружба раступаецца, яны праходзяць пасрэдзіне, малады вядзе праваю рукою пад руку маладую, а дружына за ім з касцёла. А на крыльце ілі далей адышоўшы начынаецца паздраўлення, аддаюць букеты пасле вячання і паздраўлення. Маладых голымі рукамі не паздравлялі, у рукавічках (перчатках) ілі же через платочек, клалі сабе на руку платочек і гэдак віталіся» (Новая Мыш, Баранавіцкі р-н). Некаторыя аповеды будуюцца як параўнанні вячання ў царкве і касцёле: «(У каталікоў) жених с невестой – они не стоят службу. Ну, то есть, тоже, служба идёт, и они не стоят, как у православных людей. Над нами не держат корону. У нас есть четыре стула. Посередине, вот, все гости по бокам, то есть верующие, которые пришли помолиться. Первых два стула – для жениха с невестой, а вторые – для свидетелей. И у нас плечи покрывают, и у православных плечи покрывают платочками или болеро может быть. Свидетельница тоже покрывает, если открыта грудь, там, декольте, это всё надо прикрыть, потому что храм – это, ну, святое место. Как бы там, говорят, нельзя сильно открыто и вызывающе. Вот, и в течении службы молятся верующие, молятся прихожане, батюшка молится, у нас молится ксёндз» (Прылуки, Брэсцкі р-н). У праваслаўных хлопцы з дружыны жаніха («чашнікі», «свідзецелі») трымалі над галавамі маладых вянцы – «чашкі»: «Гэта ево чашнікі, молодого... у царкві держалі чашкі над головами, когда жэнілі іх. Бацюшка спэваў песні, молітвы, а оні ззаду держалі – чашнікі, четыре чашнікі. Рука заболит, то потом меняли» (Смаляніца, Пружанскі р-н); «Свідзецелі былі ў маладой і ў маладога. Венчацца – надо было ж дзержаць венки, ілі как он назывался, над галавой дзержаць обезательно» (Целяханы, Івацэвіцкі р-н).

Сувязь вячання з народнымі рытуаламі

Вячання ўключала шэраг народных рытуалаў, з ім звязваўся шэраг магічных уяўленняў: «После венчания тоже ксёндз может перевязать руки. Мы тоже там обмениваемся кольцами, которые уже посвечёные. Свечи зажигаем тоже, наши до сих пор хранятся. Вот, ну, там, как бы, и ручничок есть такой, ручник. Мы на колени становились на него, ну, многие сохраняют. Я сохранила, потому что бывают сложные минуты, говорят, это оберег такой, и помогает» (Прылуки, Брэсцкі р-н). Некаторыя з гэтых народных рытуалаў выконваліся і ў іншыя моманты вяселля – злучэнне маладых (звязванне рук, абмен пярсцёнкамі і іншымі прадметамі, злучэнне хлябоў (і частак хлябоў) маладых, асобнае частаванне і сумесная ежа ды піццё віна з адной чашы). Абводу маладых вакол аналя ці алтара ў царкве ў народным абрадзе адпавядае іх абвод (звычайна «па сонцу») вакол дзяжы (ці стала, печы, калодзежа, дуба, хаты і інш.) на вяселлі ў нявесты ці пасля прыезду да жаніха. Магчымая адсылка да нецаркоўнага вячання змяшчаецца ў вядомым: «Абвёў вакол елі, і чэрці ім пелі, абвёў вакол дуба, ды й няхай будзе любя». Вобраз сакральнага дрэва, вакол якога магло адбывацца вячання, прадстаўлены ў вясельных песнях, што адносяцца да абраду вячання. Уставаўню нявесты і жаніха на падножнік, пояс, ручнік перад алтаром адпавядае благаслаўленне бацькамі на кажусе ці на поясе, а шлюбным вяцям – вясельны вянок [17, с. 327–328]. Характэрна, што нявеста дарыла пояс (сімвал цнатлівасці) і дзяку, і музыканту – мужчынам з палярным статусам, але генетычна ідэнтычнай рытуальнай функцыяй. Падчас вячання, як і на іншых этапах вяселля, маладая магла яшчэ раз пацвярджаць сваю «непарушанасць» – калі бралі пярсцёнак, цнатлівая нявеста клала ксяндзу спецыяльна сплечены на дзявочым вечары вяночак [8, с. 485].

Як і падчас іншых вясельных абрадаў, пры вячання «планаваліся» наступныя шлюбны. Калі нявеста жадала «цягнуць за сабой» сябровак – пасля вянца ці кожны з трох

разоў, калі свяшчэннік абводзіў пару вакол аналоя, – маладая чапляла абцасам і цягнула нагою падасланы пад ногі ручнік (або палатно). Чым далей яна зацягвала падножнік за прастол, тым больш дзяўчат у хуткім часе выйдзе замуж [6, с. 318]. Невеста каля аналоя магла згадваць імя адной з сябровак і, рухаючыся, цягнула за сабой падножнік (дзяўчына з гэтым імем павінна ў хуткім часе ўзяць шлюб). Магічна стымуляваліся шлюбны і развязваннем шнуркоў на абутку: *«А ў царкві як вячаюць, як бацюшка водзіць тры разы наўкола стала, то маладая за кожным разам стараецца пацянуць за сабой гэты кавёрчык, развязвалі шнуркі ў туфлях, чаравіках, каб пацянуць за собою дзяўчат»* (Новая Мыш, Баранавіцкі р-н).

Пры дапамозе ручніка імкнуцца дасягнуць найважнейшай мэты (як вячання, так і іншых вясельных абрадаў ды вяселля ўвогуле) – злучыць жаніха і нявесту. Ручнік сімвалізуе злучэнне маладых, умацаванне шлюбнай сувязі, таму за яго канцы трымаюцца нявеста і жаніх, калі адпраўляюцца да вячання, уваходзяць у царкву. Святар абводзіць маладых вакол алтара за ручнік, якім звязаны іх рукі. Маладыя стаяць на адным разасланым ручніку-падножніку ці вытканым нявестай чырвоным поясе [17, с. 329]. Сімволіка разасланага ручніка (палатна) як сумеснага жыцёвага шляху павенчанай пары выявілася ў павер’і: той з маладых, хто першы ступіць на гэты ручнік, раней і памрэ, таму яны стараліся стаць адначасова [9, с. 268]. На Брэстчыне лічаць, што той, хто першым ступіць на ручнік-падножнік, будзе верхаводзіць у сям’і.

Як вынікае са сказанага, падчас вячання (падобна як і радзін, хрысцін) вызначаецца «новая» доля маладых, праграмуюцца іх шлюбнае жыццё і нават смерць. Таму выключна важнымі лічацца практычна ўсе з’явы, што адбываюцца ў гэты час, і спецыяльна вылучаюцца чыны, каб у царкве сачыць, *«шоб всё з імі (маладымі) вполадке было»: «Дывылыся всі, наблюдалы. Дружка стояла наблюдаты за молодэю, а помлодый – то стоіть, вэнэць трымае. Вэнці трымае помлодый, у нас дівчата нэ трымають. Вона (дружка) тіко дывыця за молодэю, за молодым, шоб всё з ім вполадке было. Всё прыказуе, шэпчэ, шоб колечко хорошо на долоні: “Накладайтэ осторожно, шоб нэ потеряты, шоб нэ злытіло”. І свічка, еслі погаснэ, то тожэ кепсько, нэдобрэ то, нэдобрэ. Трэба старатысь так, на свічку ны дыхаты вэльмы, а так мэши-більш, шоб свічка чуть горіла, но нэ гасла»* (Лышчыцы, Брэсцкі р-н) (помлодый – дружка ці памочнік дружкі з боку жаніха).

Каб мець уладу ў сям’і, кожны з маладых, як ужо адзначалася, не толькі намагаўся першым пераступіць праз царкоўны парог ці стаць на падножнік, але і наступіць другому на нагу [9, с. 268]. Лічаць таксама, што верхаводзіць у сям’і будзе той з маладых, хто больш адап’е з чашы прычасця (Брэст). На Віцебшчыне ў час вячання нявесце і жаніху забаранялася мець на сабе нацельныя крыжы і пацеркі, інакш жыццё іх будзе пакутлівым [17, с. 331]. Значнай колькасцю магічных актаў, звязаных з вячанням, прадстаўлены матывы плоднасці і багацця. На прадукаванне апошніх скіраваныя рассяпанне па храме жанчынамі зерня лубіну і ільну (заходняя Беларусь), падкладванне грошаў пад ногі маладым [9, с. 268]. *«Калі маладыя вячаюцца, то пад рушнік, на якім яны стаяць, ложаць грошы. Таксама ложаць грошы ў рушнік, якім абвязваюць рукі»* (Пінск). У Брэсцкім раёне кожны з трох разоў, калі нявеста зрушвае абцасам падножнік, абыходзячы вакол аналоя, вясельнікі папраўляюць ручнік і падкладаюць новыя грошы. Багацце, мноства розных дабротаў сімвалізуюць дробныя прадметы, якія цяжка злічыць (зерне, цукеркі, манеты), імі абсыпаюць маладых як у момант ад’езду да вячання, так і пры сустрэчы яго. Сэнс абсыпання можа раскрывацца ў адпаведных вербальных тэкстах: *«Абсыпай, маці, жытам і шчаслівым бытам, // Шчасцем, здароўем,*

добраю долею» (Рубель, Столінскі р-н). На Віцебшчыне маладыя падчас вячання мелі пры сабе два іржаныя каласкі, каб добрай была гаспадарка, а таксама грошы, каб яны не пераводзіліся і жыццё было заможным. Хлябец, які мог так і называцца – «доля», трымала нявеста за пазухай. Прадукавальнае і ахоўнае значэнне меў узгаданы вышэй звычай апранаць маладых, якія едуць да вянца, у футра [9, с. 267]. Асацыяцыя «голае-беднае» актуалізавалася ў забароне віншаваць маладых голай рукой, а маладым трымаць вячальныя свечкі непакрытай рукой. *«Свечку трымалі не голай рукой, а в платочке – дівчата робылы з білого матер'ялу, сітчык такі був тонэнькі – кручочком (і ниткі былы всякі: і білы, і розовенькі) обкідалы, і зубчыкі робылы... – на вэчорках»* (Лышчыцы, Брэсцкі р-н). Падчас вячання (ці ўсё вяселле) жаніх меў у правым боце манету, каб *«молодые не нуждались в деньгах»*, гэтую манету захоўвалі ўсё жыццё (Баранавічы).

Многія забароны, якіх прытрымлівалася нявеста, і магічныя акты, якія здзяйсняліся ёю (ці над ёю) падчас вячання, павінны былі адрэгуляваць нараджэнне нашчадкаў. На Брэсцчыне, каб нарадзіліся дзеці, нявеста, калі садзілася на воз, выпраўляючыся да вянца, не станаўлася на кола, ці, наадварот, станаўлася і загадвала: колькі спіць у коле, столькі будзе і дзяцей. А каб лёгка нараджаць, на Віцебшчыне маладая ўзбіраецца на воз і пакідае яго адным скокам [17, с. 329]. Каб не зацяжарыць на працягу пэўнага часу, маладая ў час вячання затыкае за пояс столькі пальцаў, колькі гадоў хоча застацца бяздзетнай [5, с. 176]. У Цэнтральнай Беларусі, каб пазбегнуць хуткай цяжарнасці, нявеста ў час вячання трымала за пазухай замкнёны замок, які клала потым пад падушку [9, с. 268]. У Гродзенскай губерні нявеста развязвала вузлы, каб лёгка нарадзіць, і расшпільвала сабе каўнер, каб не быць абмежаванай у жыцці, а ў Віцебскай губерні – развязвала ўсе паясныя вузлы, каб любіць муж [14, с. 320]. Хаця ў час вячання забаранялася мець на сабе металічныя ўпрыгожанні, звычай патрабаваў, каб нявеста трымала пад левымі грудзямі сярэбраную манету альбо іншую сярэбраную рэч: тады ў яе дзяцей будуць чыстыя галовы (не будзе скураных хвароб) [10, с. 267].

Народныя прыкметы, звязаныя з вячанням

Пра будучае жыццё маладой пары намагаліся даведацца праз розныя прыкметы. Як знакі лёсу трактаваліся «паводзіны» прыродна-астранамічных аб'ектаў. Дождж ці снег у дзень вячання (вяселля) абяцае шчасце і багацце маладым (Гяйлешы, Смаргонскі р-н; Ляхавічы, Іванаўскі р-н і інш.), хоць вядома асацыяцыя дажджу і слёз. Сонца, яснае надвор'е таксама можа быць як добрай, так і дрэннай прыкметай. На Гомельшчыне лічылі, што гром вяшчуе няшчасце, смерць аднаго з венчанай пары [17, с. 332]. На Віцебшчыне верылі, што калі коні ў час вячання стаяць смірна, сямейнае жыццё будзе ціхім і аднастайным, калі бодра – вясёлым [17, с. 331]. З'яўленне ластаўкі падчас вясельнай цырымоніі абяцае сямейны дабрабыт, багацце: *«Если ласточка кружит над головами молодых, то будут они жить долго в достатке и счастье»* (Сялец, Бярозаўскі р-н).

Паўсюдна асаблівае значэнне надаецца гарэнню вячальнай свечкі, якое прыпадабняецца да будучага жыцця маладой пары. Сама свечка асацыюецца з суджонкам, што характэрна для любоўнай магіі і матрыманіяльных варожбаў: *«По белой церковной свече гадают на любимого – на свече иголой нацарапывают имя любимого»* (Чарнаўчыцы, Брэсцкі р-н). Яркі агонь свечак у царкве вяшчуе шчаслівае, вясёлае жыццё ў шлюбе, траскучы – сваркі ў сям'і. У каго з маладых больш (ці менш) згарыць свечка (ці пагасне), той раней памрэ. Але часцей сустракаюцца вераванні, што ў каго вячальная свяча застанеца даўжэйшая, той пражыве больш (Рамель, Столінскі р-н і інш.). *«То снілось мне, то тупфі потерала, то кульцо потерала, то почернело кульцо, і мы вінчаліся»*

в церкве, то у меня свечкі, свечкі ж запаліваюць і гарат, то свечка пугасла. Там в церкві гаворілі: “О вмірэ, вмірэ...” А хто? Думала, я раньшэ помру, у мэнэ здравья тожэ слабое, я з малых лет работала, упушчэнне жылудка у меня вубшэ, і жыву. То мужык памёр» (Скокі, Брэсцкі р-н). Негатыўны прагноз намагаліся «нейтралізаваць», звяртаючыся да «рэабілітацыйнай» магіі, у прыватнасці шляхам вяртання зыходнай сітуацыі: калі ў жаніха гасла свечка і нявесце ўдавалася хутка падпаліць яе, «то жысь іх сложыцца» [6, с. 319].

Практычна любыя ўпаўшыя падчас вячання прадметы прадказвалі адмоўныя падзеі ў жыцці маладых, асацыяваліся са стратай партнёра. Калі ў нявесты ці ў жаніха ўпадзе вянец, адзін з іх хутка памрэ [17, с. 331]. Калі ў маладой у час вячання ўпала хусцінка, то быць ёй удавой (Рамель, Столінскі р-н). Смерць варажыла і свечка, упаўшая з рук кагосьці з маладых. Калі жаніх стаяў пад вянцом, яму забаранялася паднімаць упушчаную нявестай хусцінку – гэта пагражае яму хуткай смерцю [17, с. 331]. «При венчании, если что-нибудь роняет жених или невеста, поднимать эту вещь нельзя» (Белаазёрск, Бярозаўскі р-н). Асобае стаўленне да вячальных прадметаў як да адмысловага ўвасаблення «новай» долі маладых прасочваецца і ў прадпісаннях, актуальных у сучасны перыяд: «Если молодые венчаются, то букет невеста должна бросать другой, а этот можно засушить или потом спалить, но не выкидывать. И вообще те вещи, которые присутствовали при венчании, т.е. свечи, полотенца, ручники и др., давать никому нельзя!» (Брэст).

Сакральна-магічнае значэнне вячальных прадметаў

Вячальная вопратка і іншыя прадметы надзяляюцца сакральна-магічнай сілай, якая не знікае і пасля вячання ды можа быць скарыстаная з рознымі мэтамі. Гэтыя прадметы, з аднаго боку, падчас вячання выступаюць абярогамі і магічнымі сродкамі забеспячэння здароўя і дабрабыту маладых і іх дзяцей, а з іншага – у выніку вячання, функцыянавання ў сакральным хранатопе і судакранання з надзеленымі сакральным статусам маладымі самі прадметы набываюць моцную прадуквальную, вітальную, гаючую, апатрапейную магічную сілу і захоўваюць яе надалей. Таму вячальныя іконы вешаюць на покуці, а свечкі захоўваюць за іконай, каб добра жыць у шлюбе, прычым глядзяць: чыя свечка з часам сагнецца, той хутчэй памрэ ці ўсё жыццё будзе падпарадкаўца суджонку (Брэст). Вячальныя свечкі запальваюцца ў крызісных сітуацыях: пры цяжкіх родах і пры дзіцячым радзімцы, калі толькі пачынаецца прыпадак. У гэтых выпадках станоўчы вынік магчымы толькі тады, калі будуць карыстацца сваімі ўласнымі, а не пазычанымі свечкамі, апошнія хутчэй нашкодзяць, чым дапамогуць [10, с. 192].

Асабліва часта з магічнымі мэтамі выкарыстоўваліся элементы вячальнага касцюма. Так, ад укусу змяі адразу пасля яго моцна перавязваюць параненую частку цела вышэй, найлепш «вянчонай істужкай» (г. зн. стужкай са шлюбнага строю), каб стрымаць распаўсюджанне пухліны [10, с. 247]. Ад хваробы горла прыкладалі да яго шлюбную панчошу, напоўненую гарачым попелам [10, с. 505]. Любы пояс, які вакол чалавека ўтварае сімвалічнае кола-мяжу паміж цэлам і асяродзем, надзелены ахоўнай функцыяй, але асабліва магічная сіла надаецца вячальнаму поясу: «Як руку звихнеш, с краснаго пояса, толькі с вінчальнаго, из таго паяса нитку вытяни и руку эту перевяжеш» [10, с. 549]. Такім поясам у жніво абмотвалі рукі, каб не балелі [10, с. 538].

Выразна прасочваецца магічная сувязь вячальных атрыбутаў, у першую чаргу шлюбнага ўбору маці, з аховай жыцця і здароўя дзяцей: лічылі, што кража шлюбнага вянка нявесты прыносіла дабрабыт злодзею, а ёй пагражала тым, што дрэнна будуць

расці і выхоўвацца дзеці. Калі ў нявесты кароткі вэлюм, будуць хварэць або зусім не народзяцца дзеці (Брэст). Вэлюм надзяляўся здатнасцю ахоўваць іх: «*Вот, эту фату, в итоге, потом невесты сохраняют. А она считается как оберег для маленьких детей. Вешают над колясками, над кроватками. Вот, если ребёнок испугался, что-то вот, ну, сглазили, говорят, то набрасывают на кроватку*» (Прылуки, Брэсцкі р-н). У народнай медыцыне вячальная сукенка найчасцей ужывалася як сродак пазбаўлення ад сутараг («чорнай болезні»). У Палессі такое дзіця накрывалі «вінчаным платтям» і, як толькі ў дзіцяці пачынаўся прыпадак, запальвалі вячальныя свечкі [14, с. 763]. Ці маці знімае з хворага на эпілепсію дзіцяці кашулю, старанна вымярае яе суравой ніткай па ўсіх рубцах, адзначаючы мерку вузламі, абматвае кашулю гэтай ніткай і замест падушкі кладзе «ў галавешкі». На месца знятай кашулі яна надзявае ўласную вячальную кашулю ці такую ж кашулю, узятую ў блізкай сваячкі, калі ў той пакуль няма дзяцей [10, с. 389]. Ад падчай хваробы «крыюць дзеўчыну плаццем венчальным, то помогало» [10, с. 387]. Апрапанне на хворага шлюбнага ўбрання ці працягванне дзяцяці праз яго, як і праніманне праз хамут або іншую адтуліну ці прысаджванне на пакутніка голым азадкам, адпавядала яго перанараджэнню. «То пэрвы раз увидэш, вэнчэльным чорным костюмом, если нет – голым тилом садылись. “Чим тэбэ родила, тим тэбэ накрыла”» [10, с. 389]. Сурочанае дзіця тры разы праніамалі праз хамут ці праз шлюбную сукенку [10, с. 599]. На ўзгаданым вышэй збліжэнні вячання з пахаваннем грунтуецца наступная функцыянальнасць «вячальнай адзежыны»: «Кажуць, як балезнь чалавека дужа часта кідаць, вячальную адзежыну на яго і ён тады быстра памрэць. І мама казала» [10, с. 389].

Вялікае значэнне надавалася шлюбнаму пярсцёнку. На Брэстчыне маладым забаранялася даваць мераць каму-небудзь свае заручальныя пярсцёнкі, каб пазбегнуць разводу. Згублены шлюбны пярсцёнак прадказваў няшчаснае сямейнае жыццё, смерць аднаго з суджонкаў. У Палессі памерлага хавалі ў вячальным пярсцёнку, які нібыта дапамагае на шляху ў засветы і ўвогуле неабходны ў тагасветным існаванні. Між тым, вядомы ўяўленні, што пярсцёнак перашкаджае душы свабодна пакінуць цела – адсюль прадпісанні знімаць яго з нябожчыка. У сувязі з гэтай рытуальнай практыкай знаходзіцца і іншая: вячальны пярсцёнак павінен быць зняты з пальца парадзіхі падчас родаў [10, с. 197] – калі душа і цела немаўляці павінны «роздылытыся з мамой» (Брэст). Пры цяжкіх родах парадзіха піла ваду скрозь заручальны пярсцёнак [10, с. 192]. Вячальны пярсцёнак выкарыстоўваўся ў лекавай і ахоўнай магці. Прыкладам, каб спыніць прыпадак, хвораму «кольцэ давали в зубы венчальное»; каб хутка сышоў падцёк, трэба было правесці заручальным пярсцёнкам тры разы і сказаць: «Сяку, рассякаю і забараняю. Амын» [10, с. 389, 282].

Міфапаэтычная трактоўка вячання ў вясельных песнях

Злучаных вячанням маладых саджалі разам у адну павозку і пад музыку і спевы везлі да хаты нявесты ці жаніха. Пры гэтым выконваліся песні тыпу: «*Над цэркаўкаю хмара, // Там стаялі дзяткі пара. // Абоя раўнюсенькія, // Як папер бялюсенькія*» (Роўбіцк, Пружанскі р-н); «*Звенчалі Хведороньку, звенчалі // Дай додомоньку помчалі. // Звенчона, калінка, звенчона, // Ужэ наша Хведоронька обручона. // Звенчыны дубочок, звенчыны, // Ужэ наш Павэлочко обручыны*» (Церабяжоў, Столінскі р-н); «*Прыехала дочэнька з косцёла, // Пытае матэры, чы дома. // – Я, дочэнька, домую, // Я тобі сніданне готую*» (Церабяжоў, Столінскі р-н); «*Упаў грабянец под столэць, // Вязэм Танюску под вінец. // Ой, здымітэ грабянце з-пуд втульце, // Вязэм Танюску з-пуд вінце*»

(Сварынь, Драгічынскі р-н). У песнях, што выконваліся пасля вячання, абавязкова дзякавалі «Богу святому», «ксёндзу» ці «батюшку», «шо звэнчав нашу пару, нэдорого за шлюб узяў»: «Дякуймо попойковы, // Шэ й дзячэйковы, // Шо нашэ дiтiя звiнчав // I нымного грошы взяв» (Талочна, Маларыцкі р-н); «Подякуймо Господу Богу, // Камэ-нэцькому ксёндзу, // Шчо нашы дiткi звiнчав, // Ны дорого за шлюб взяв! // Ны за талер, но за штыры, // Но за штыры золоці, // За нашы молодці» (Угланы, Камянецкі р-н). «Идучы з вiнцiю, сiвалэ: “Дякуй Богу святому, // Тай батюшцэ нашому, // Шо нашу пару звiнчав, // Нымного за шлюб узяв: // Повтора золотого // З Иванка молодого”» (Стрыгава, Кобрынскі р-н). Нярэдка гучалі ўжо згаданыя вышэй гумарыстычныя песні кшталту: «Ой, обманулі мы попа – // Мы далі шышок мышок, // А вон думаў, што грашэй мышок» (Роўбіцк, Пружанскі р-н); «Подманулы мы попа, // Як добраго хлопа – // Далы ёму рублышчэ, // А вiн думав, шо тышчу» (Альха, Брэсцкі р-н); «Обманулі попа, // Як малога хлопа – // Далі ёму штыры грошы // Да за дiтi хоромы, // Далі ёму поўзолотого // За нашого молодого» (Лышча, Пiнскі р-н); «Ой, мы батюшку ошукалы, // Шчо за шлюб мало далы. // Оно далі поўзолотого // За Павэлка за молодого» (Церабяхожу, Столінскі р-н).

У шматлікіх песнях сцвярджалі змену статусу маладых: нявесту называлі «царыцай», якая «сыпле золата з рукаўца», выказвалі радасць, што яна ўжо «не ў касе», г.зн. змяніла статус: «– Моі ж вiтэ вiрогi, ны перэходтэ дорогi, // Ныхай перэйде Господь Бог, // А муй батынько найпiрiд, // А за батыньком матынька, // А за матынькою родына, // За родыною – хоч i всi, // Наша Явдоська вжэ ны в косi. // Зрубалы бырозу сырую, // Звiнчалы Явдоську сылою, // Ны так сылою – за грошы, // Бо вельмы Иванко хоромы, // Из шлюбy, Явдоська, iз шлюбy, // Завязала вiрогам губу...» (Угланы, Камянецкі р-н). Апявалі ўсталяванне новых стабільных сямейна-роднасных адносінаў: ад імені жаніха сцвярджалі, што ён цяпер цесцяў зяць і што ніколі больш «ны будэ Манечка дiвкою». Адпаведна ў песнях падкрэслівалася адлучэнне маладой ад свайго роду і далучэнне-«прыхіленне» да новай сям’і, маладога: «Ой, мамуйка муя, // Тапяр я ны твоя. // Тапяр я того пана, // З кем на вiнчанi стояла» (Сварынь, Драгічынскі р-н). Сакральная асвятчанаць «прыхілення» нявесты да жаніха сцвярджаецца тым, што падчас вячання ў Божым доме гэта зрабіла сама Божая Маці: «Була я, татку, у Божым доме, // У Божым доме // Прэчыстая, Прэчыстая Маты вынкi вiла, // Усiм дывунькам у ручкi дала, // А мнi, муладэнькуй, прышла // Да мынэ до Васiлька прыхылiла» (Вайская, Камянецкі р-н).

У рэлігійным сэнсе дарога з вянца была пачаткам новага жыццёвага шляху, звышмэтай якога выступаў рай пасля заканчэння шляху зямнога (Т. Бернштам). Надзелены сакральным статусам шлях з вячання ў песнях параўноўваецца з выхадам сонца (нявесты) з раю (царквы): «Соньчко з раю взыходэ, // Дiвонька з вiнчэння iдэ. // Батынько пэрышов, пытае: // – Дiтятко, дэ тэ бувало? // – Батынько, в цэрковцэ була, // Шлюб собi брала, // Попырод свiчэ горiлэ, // Позадi свiткэ стоялэ» (Сулiчава, Драгічынскі р-н) (у гэтай і іншых песнях вобраз сонца, акрамя ўсяго, выяўляе якасці эстэтычнага стэрэатыпа). Само ж вячанне iнтэрпрэтуецца як Страшны суд з прысяганнем Богу, «святому Юр’ю шчэ й святому Спасу» ў прысутнасці анёлаў і людзей, пасля якога чакаецца новае жыццё: «Мамочка, ужo ж я не твоя, родная, // Ужo я не твоя. // – Дочечка, не праўда твоя, родная, // Не праўда твоя. // – Ой мамочка, там люды булi, родная, там люды булi, // Як жэ мнi, молодой, шлюб далi. // Ангелы свечы держалi, // Як менэ, молоду, венчалi. // Да булi мы на шлюбy, // Да на Страшному суду, // Там Богу прысягалi, // На крэст ручкi клалi. // Ой мамочка моя, ой мамочка моя, // Да ўжэ ж я не твоя, //

Да ўжэ того пана, // З кім на шлюбую стояла, // Вжэ я того кавалера, // Да чья ручка бела» (Дубае, Пінскі р-н).

Вясельны поезд, едучы з царквы, як заўсёды, павінен рухацца хутка, што падкрэсліваецца ў адпаведных песнях: *«Звенчалі Хведороньку, звенчалі // Дай додомоньку помчалі. // Звенчона калінка, звенчона, // Ужэ наша Хведоронька обручона. // Звенчоны дубочок, звенчоны, // Ужэ наш Павэлочко обручоны» (Церабязоў, Столінскі р-н). Рух пры гэтым скіраваны ў бок, дзе не «сякуць-рубуюць», а дзе «граюць-спяваюць»: «З-пад зылёнага гаю, // З-пад зылёнага гаю // Сывый кінь выбыгае, // Сывый кінь выбыгае. // – Ны быжы туды, коню, // Ны быжы туды, коню, // Дэ секуць, дэ рубуюць, // Там же нас ны прымаюць. // А быжы туды, коню, // Дэ граюць, дэ співаюць, // Там же нас паджыдаюць, // Столыкі застылаюць. // Столыкі застылаюць, // Мёд-выно нальваюць, // Сюды-туды выбыгаюць, // Діток од венцу паджыдаюць» (Максімы, Брэсцкі р-н).*

Заклучэнне

Адзначым, што ў працэсе ўкладання царкоўнага парадку вячання і народнага вяселля відавочнае ўзаемаўздзеянне Царквы і традыцыі. Прычым гэтае ўзаемадзеянне нельга кваліфікаваць як штучнае – гэта датычыць не толькі каляндарных абмежаванняў шлюбнага пераходу, паслядоўнасці і зместу яго рытуалаў, але і ролі ды месца вячальнай сімволікі ў шлюбным пераходзе. У сувязі з успрыманнем вячання як адмысловага «пераломнага» моманту ўсяго вясельнага абраду паказальна, што ў некаторых мясцовасцях забаранялася спяваць вясельныя песні, «пока нэ повэнчаюць» [6, с. 301]. У в. Мікіцк Драгічынскага раёна толькі пасля выпраўлення маладых да вянца *«каравайніцы квяцілі каравай, сыпалі капейкі і жыта, спявалі “Старшая каравайніца...”*. І толькі пасля гэтага пачынаецца вяселле: *затанцоўвае бацька і маці*». Вызначэнне канкрэтных суадносін царкоўнага і народнага пластоў у беларускім традыцыйным вяселлі можа стаць мэтай спецыяльнага даследавання.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Вяселле. Абрад / уклад., уступ. арт. і камент. К. А. Цвіркi ; рэд. В. К. Бандарчык, А. С. Фядосік. – 2-е выд. – Мінск : Беларус. навука, 2004. – 683 с.
2. Бернштам, Т. А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян. Учение и опыт Церкви в народном христианстве / Т. А. Бернштам. – СПб. : Петерб. Востоковедение, 2000. – 400 с.
3. Бардах, Ю. Звычайнае шлюбнае права русінаў Вялікага Княства Літоўскага (XV–XVII ст.) [Электронны ресурс] / Ю. Бардах. – Рэжым доступу: <http://www.jivebelarus.net/society/family-at-mdl.html?page=2>. – Дата доступу: 10.07.2015.
4. Мальдзіс, А. В. Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі / А. В. Мальдзіс. – Мінск : Лімарыус, 2001. – 383 с.
5. Кабакова, Г. И. Антропология женского тела в славянской традиции / Г. И. Кабакова. – М. : Ладомир, 2001. – 335 с.
6. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. / агул. рэд. Т. Б. Варфаламеева. – Мінск : Беларус. навука, 2001–2013. – Т. 4 : Брэсцкае Палессе, кн. 1. – Мінск : Выш. шк., 2008. – 559 с.
7. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. / агул. рэд. Т. Б. Варфаламеева. – Мінск : Беларус. навука, 2001–2013. – Т. 1 : Магілёўскае Падняпроўе. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – 797 с.

8. Традиционная мастацкая культура беларусаў: у 6 т. / агул. рэд. Т. Б. Варфаламеева. – Мінск : Беларус. навука, 2001–2013. – Т. 5 : Цэнтральная Беларусь, кн. 1. – Мінск : Выш. шк., 2010. – 847 с.
9. Беларусы. Т. 5. Сям’я / В. К. Бандарчык [і інш.] ; рэдкал.: В. К. Бандарчык [і інш.] ; Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору НАН Беларусі. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – 375 с.
10. Народная медыцына. Рытуальна-магічная практыка / уклад. Т. В. Валодзінай ; навук. рэд. А. С. Ліс. – Мінск : Беларус. навука, 2007. – 776 с.
11. Традиционная мастацкая культура беларусаў: у 6 т. / агул. рэд. Т. Б. Варфаламеева. – Мінск : Беларус. навука, 2001–2013. – Т. 3 : Гродзенскае Панямонне, кн. 1. – Мінск : Выш. шк., 2006. – 608 с.
12. Гура, А. В. Ритуальный путь в славянском свадебном обряде / А. В. Гура // Пространство и время в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. – М. : Индрик, 2011. – С. 54–69.
13. Традиционная мастацкая культура беларусаў: у 6 т. / агул. рэд. Т. Б. Варфаламеева. – Мінск : Беларус. навука, 2001–2013. – Т. 6 : Гомельскае Палессе і Падняпроўе, кн. 1. – Мінск : Выш. шк., 2012. – 910 с.
14. Гура, А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика / А. В. Гура. – М. : Индрик, 2012. – 936 с.
15. Лобач, У. Шлюб / У. Лобач // Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўнік. – Мінск : Беларусь, 2011. – С. 529–531.
16. Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин ; РАН, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера). – СПб. : Наука, 1993. – 239 с.
17. Гура, А. В. Венчание / А. В. Гура // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 1995. – Т. 1. – С. 326–333.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 07.10.2015

Shved I.A. Church Wedding as an Element of Traditional Belarusian Wedding

The paper focuses on the definition of the place of church wedding in the Belarusian traditional wedding. Folklore analysis of the material is subject to problems of semantic and functional reconstruction of traditional wedding symbols that is associated with the church wedding. In the article the features of the ceremonial way are described, the role of marriage commandments in the folk ritual is defined, mythological semantics of church wedding in the context of folk rituals and wedding songs are characterized.

УДК 808.26-541.2

В.И. Сенкевич

д-р филол. наук, проф.,

проф. каф. белорусского и русского языков с методикой преподавания

Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

КОНЦЕПТ ПОЛЯ И КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКА

В контексте прагматической теории исследуется релевантность концепта поля в речевой деятельности. Понятие информационного поля противопоставляется представлению о коммуникативном пространстве языка. Доказывается необходимость отказаться от распространенного взгляда на язык как систему знаков и важнейшее средство человеческого общения. Культивирование знаковой природы языка приводит к образованию симулятивных знаний и схоластической грамматики, в которой повсеместно господствует форма и анализ. При таком подходе живое слово и действенная речь в науке о языке не ставятся во главу угла. В статье намечаются концептуальные контуры создания реальной (оказиональной) и канонической (номинальной) лингвистики, исходя из феноменологической теории и теории речевых актов. В названной лингвистике язык не определяется как семиотическое коммуникативное средство, а понимается и трактуется в качестве базовой культурной институции и главного идеологического института, обеспечивающего культурный рост и способствующего происходящим социальным переменам. Институциональный подход к языку открывает перспективы описания имманентных культурологических аспектов, регламентированных обычаями носителей языка, и прокладывает путь к исследованию трансцендентальных моментов, связанных с конструированием институциональной реальности правовыми субъектами.

Смерть и жизнь – во власти языка (Притч. 18, 21)

Введение

Поле – концепт имманентно-этического мироощущения. Им культивируется интуитивное восприятие подобного и не-подобного (иного). С отмеченным ощущением связывается осмысление добра и зла. Подобие реально. Абсолютное подобие трактуется как тождество.

На трансцендентальном этическом уровне реальное подобие как градуированная величина сменяется номинальной скалярной (*scalaris* – ступенчатый) величиной – тождеством, ср.: *градус* и *ступень*). На смену полю как концепту культуры приходит идеологическая категория, именуемая классом. С названной категорией связывается идея единого. Антитеза подобного и единого отмечается в следующих парах: уровень и ступень, рост и развитие, индивидуальное и личное, реальное и номинальное, словесное и именовое, душевное и духовное. Концептуализация реальности и категоризация мира не обходится без антитезы поля и класса.

Понятие поля заимствовано в гуманитарные науки из физики – теорий электрического и магнитного полей. Известно, что дефиниция названного понятия выработалась в трудах Фарадея, Максвелла и Герца. Позже концепт поля позаимствовали социологи, психологи и философы. Как «мысленное, духовное поле» понимает «реальную» философию Мераб Мамардашвили. Когда нечто «помыслено» (уловлена какая-то мысль), то оно истинно для всех, так как «философское поле у всех философов одно. Они просто по-разному, приходя к разным выводам из разных посылок и допущений, эксплицируют то, что мы назвали реальной философией» [1, с. 54].

Понятие поля находит опытное применение в гештальт-терапии [2, с. 175–215]. Не обходится без идеи поля и лингвокультурология – говорится об «информационном поле», «поле языковой культуры», «полевом подходе к исследованию языка». Концепт

поля вносит в гуманитарные науки фундаментальную парадигму и открывает перспективу исследования культуры восприятия мира человеком. При полевом подходе не выясняется, каким образом и почему что-то существует, однако ставится жизненный вопрос: «Как человек укоренен в жизненной реальности?». Непонимание модусов укоренения человеческих индивидов в жизнь и способов вписания людей в мир их бытия приводит к симуляции (означиванию) того, что не допускает знака, но допускает осмысливание и понимание через эмблему и символ. В результате человек оказывается отчужденным от культурной среды, а личность не позиционирует себя в институциональной социальной реальности.

1. Поле культуры и описательная грамматика

1.1. Релевантность концепта поля для культуры бесспорна. Культура и понимается в связи возделыванием поля. Глагол *культивировать* и его дериваты описывают и называют культуру земледелия: *посевные культуры, культурный пласт почвы* и т.п. Мотив поля варьируется в фольклорной русской и белорусской песенной культуре: рус. «*Полюшко, поле...*», «*Поле, русское поле...*», «*Во поле березонька стояла*», «*В чистом поле, поле под ракитой...*», «*Было в солдата два поли...*»; бел. «*Ой, у полі тры крынічанькі...*», «*Ой, у полі, полі бяроза стаяла...*», «*Ці я ў полі не калінка расла...*» и т.п. [3].

Информационное поле как категория культуры противопоставляется представлению о внешнем, механически упорядоченном коммуникативном пространстве. Подмена одного другим приводит к симулятивному искажению сущности языка. Само по себе в термине *симуляция* в его исконном смысле нет ничего предосудительного. Симуляции – понятие постмодернизма, «фиксирующее тотальную семиотизацию (означивание) бытия вплоть до обретения знаковой сферой статуса единственной и самодостаточной реальности» («замена реального знаками реального») [4, с. 901]. Платон термином *симуляция* (*simulo*) называл любое изображение, картинку. Позже симуляцией называли всякий семиотический знак. В отличие от символа, знак не имеет отношения к идее и к реальности. Знак обозначает не саму реалию, а соответствующий ей образ – видимое отражение, имеющее значение, но лишенное всякого здравого смысла.

Симуляция – это создание видимости для того, чего нет на самом деле. Другими словами, это притворство. Притворяться – значит делать какой-либо вид с целью обмануть. Можно притвориться больным, можно притвориться (показать себя) мертвым. Практически всем можно притвориться, кроме одного. Нельзя притвориться живым и здоровым. Бытие непритворно. Яблоня – это просто яблоня; она не может притвориться, что она груша. Человек же может притворяться, кем хочет. Симуляция – это определение и представление знаком того, что не может быть определено и представлено. Все может быть определено, кроме того, что не все. Это «не все», т.е. то, что находится между всего прочего и пребывает среди всех остальных, и есть бытие в его реальной и номинальной ипостаси. Оно и ускользает из тотально знакового языка, стремящегося все обозначить, всему придать форму, даже тому, сущность чего субстанциональная.

1.2. В 70-е годы XX в. профессор А.П. Журавлев с непониманием высказывался о том, сколько еще школа и вузы будут учить учеников и студентов разбирать слова и предложения, заниматься разного рода анализами [5, с. 53]. Это мертвое знание и не связанное с реальным опытом, никому не нужное умение. Это не реальное языковедение, а схоластика – знания, оторванные от фактов жизни и происходящих событий. В этих знаниях нет ни грамма позитива и конструктивности. Их просто нет. Они утопичны.

Язык, в котором присутствует только общее и который определяется как система знаков, – реализованная утопия. Его не только фактически не найти ни в каких координатах, но он нигде и никогда не пребывает; он не причастен к бытию (не факт – не осуществляется) и не позиционирует себя как событие – не происходит. В нем отчуждена собственность – он общий, а значит ничей.

Именно частную собственность Томас Мор рассматривал как главную причину всех социальных бедствий. Во второй части его книги речь идет о небывалом, идеальном обществе, где нет частной и личной собственности, где все принадлежит всем¹. Такая же картина и в общенародном литературном языке – важнейшем средстве человеческого общения. Грамматика этого языка – это описание идеального грамматического строя; она представляет собой разновидность полезного утопического знания. Элемент утопичности и идеализации, в принципе, заложен во всяком знании. Все познается в сравнении – по отношению к чему-то другому. Отношение – это пропорция, т.е. равенство или неравенство тел. Однако самого по себе равенства в реальности нет. В природе все индивидуализировано. Реально только подобие. На дереве нет двух равных листочков, подобных же – сколько угодно. Все можно познать в сравнении, кроме одного, – несравненного. Его нельзя сравнить, однако оно допускает уподобление.

Если мы сравниваем несравнимое и приписываем реальности несвойственные ей признаки, – это симуляция. Так, описательная грамматика утверждает, что глагол *умереть* имеет форму совершенного вида: – *Что сделал Иван?* – *Умер*. Однако Иван положительно ничего не делал. Его смерть – реальный факт, не принадлежащий миру причины и следствия. Какая грамматическая основа в предложении *Я тебя люблю?* – задает формальный вопрос описательная грамматика. Однако, во-первых, это не предложение, а высказывание. Предложение – «общее место», а высказывание индивидуализировано: оно непременно «чье»-высказывание. Во-вторых, его нельзя разбирать, т.е. анализировать. Однако оно допускает актуальное членение и инверсию: *Я тебя люблю – Я тебя люблю – Я тебя люблю; Тебя люблю я – Люблю я тебя*. Эта формула рассчитана не на знание, а на веру. Здесь ничего не утверждается и не отрицается, а, скорее, открывается сердце любимому человеку.

Аналитическая грамматика знает одни разборы и пытается разделить все на ряды. Например, сказуемое делится на простое и составное. В свою очередь, составное сказуемое делится на глагольное и именное и т.д. «Преобладание анализа, – пишет Н.Ф. Федоров, – связано с подсознательным и сознательным согласием на смерть. Сама смерть – главный и радикальный анализатор» [6, с. 16]. Все можно поделить, кроме одного, – неделимого (т.е. индивидуального, «чьего»). Склонность всё разложить по полочкам, дать всему характеристику, является, по всей видимости, пагубным последствием реализованной утопии под названием «социализм». «Социализм – обман, – пишет Н.Ф. Федоров; – родством, братством он называет товарищество людей, чуждых друг другу, связанных только внешними выгодами» [6, с. 41].

Вероятно, не существует более симулятивного и чуждого живому языку вузовского предмета, как «*Лингвистический анализ текста*». Анализ не совместим с текстом. Слово *текст* переводится как «ткань». Ткань бывает живая (органическая); ее суррогат – синтетическая ткань. Аналитической ткани не бывает. Текст – категория синтетическая. Текст – «чей».

¹ «Весьма полезная, а также и занимательная, поистине золотая книжечка о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия» (1516).

Поэтический текст не допускает анализа. Разве в строке «Я вас любил...» поэт сообщает читателю о своей любви? Здесь нет сообщения и, следовательно, свойства коммуникативности. Поэзия сугубо информативна; пробуждает эмоции и будит мысль. Поэт ничего никому не сообщает. Он оживляет (воскресает) в памяти то, что «угасло не совсем». Читатель знакомится с еще не угасшей любовью, ставшей поэтическим воспоминанием, соприкасается с интимной, не всем доступной виртуальной реальностью.

Лингвистика XIX в. начиная с В. фон Гумбольдта трактовала язык общения с его коммуникативной функцией как язык посторонний. Этого языка нет во внутреннем локусе «здесь», т.к. посторонним вход «сюда» воспрещен. Он всегда «там» – за горизонтом актуальности. Сущность языка в осмыслении мира и в независимом от общения становлении мысли. Вот гумбольдтовская формула: «Вовсе не касаясь нужды общения между людьми, язык был бы необходимым обстоятельством мышления для человека даже при всегдашнем его одиночестве» [7, с. 51].

В 1927 г. в предисловии к «Философии имени» выдающийся русский философ А.Ф. Лосев написал: «Приходится поражаться той безграмотностью, наивностью и пошлостью, которой полны всевозможные лингвистические курсы, все эти традиционные «Введения в языковедение» [8, с. 615]. Выход, как думает философ, в феноменологическом учении Гуссерля, которое и должно стать методологической базой реального языкознания.

Реально то, что мы переживаем в феноменальном опыте, т.е. ощущаем. Язык есть культурная институция («лоно культуры») и идеологический институт («дом бытия») (по Хайдеггеру). Выступая культурной институцией, язык комбинирует и легитимизирует индивидуальную реальность говорящих. Это его этическая интерактивная сущность. Будучи идеологическим институтом, язык конструирует и удостоверяет социальную реальность актантов речи. Это его эмическая трансактивная суть. Благодаря языку человек в жизни выступает в качестве великого комбинатора и не лишен шанса стать гениальным конструктором.

Язык есть путь нахождения (локализации) себя как индивида между всего прочего и способ позиционирования собственной личности (персоны) среди других. Житие «мое» и бытие «наше» – локализуется «между» и дислоцируется «среди». Оно есть внутренняя область и интимная зона – областное (узвальное) и зональное (каноническое). Все остальное, на что направлено предметное по природе сознание, – не «мое» и не «наше». Его нет, но оно может казаться привлекательным и располагающим, примерным и успешным. Оно увлекает, однако не притягивает, располагает, однако не принимает. Оно дает пример, однако за ним обычно не следуют и за образец не принимают. Оно хорошее или плохое, однако доброго и злого в нем нет. Тем не менее большинство самоубийственно живет и замечательно себя чувствует в мире, которого нет, и с успехом пользуется таким же небытийным общим языком.

2. Информативное поле и коммуникативное пространство языка

2.1. В отличие от поля, пространство не обладает главным качеством субстанции – протяженностью. Пространство не протянуто «от... и до...», но простирается вдаль. Сторона – основная характеристика пространства. Поле осматривается боковым зрением, т.е. косвенно, или смотрится «в упор». С отмеченными способами восприятия связаны антитеза горизонтальной ориентации и вертикальной организации поля. Говорится о *поле культуры* и выделяется *идеологическое поле* (ср.: *поле брани*).

Полю также не известно направление. Прагматическую релевантность здесь обретает ориентация. Найденные ориентиры и установленные вехи распознают и идентифицируют происходящее и осуществляющееся в нем, порождая ощущение годности «тутэйшых» и вселяя веру в тех, кто «вышел в люди». Благодаря культурному полю человек обладает генетической памятью, пребывая в поле идеологии, люди становятся вменяемыми. Гарантией годности и воли для крестьянина, занятого сельским хозяйством, всегда был «кут»: *Купіць зямлю, прыдбаць свой кут, Каб з панскіх выпутацца пунт, І там зажыць сабе нанова...* (Якуб Колас). Гарантом достоинства личности, по идее, должен выступать институт государства.

Поле не знает внешних границ, однако ему знакомы межи и пределы – смежность и сопредельность.

В математике пространство определяется как множество элементов. Элементы множества имеют положение – располагаются в определенных отношениях друг с другом, однако между собой не соприкасаются и никак не связаны. Пространственные отношения – равенство или неравенство. Пространство разделяет и сближает – дает представление об отдельном и общем, о соответствии и несоответствии, т.е. о форме.

Пространственная близость и разобщенность представляется в семантической оппозиции «своего» и «чужого». Пространство является внешним условием общения и общности. Однако пространство непроницаемо – два тела не могут вместе занимать одну и ту же его часть (аксиома непроницаемости пространства). С пространством не связано понятие субстанциональной целостности – неделимости (атом, индивид). Реальное бытие внепространственно.

Для сближения в пространстве прилагаются механические усилия – причинение. Однако нельзя причинить то, что находится в феноменальном поле культуры, то, что просто есть (ср. пол. *samo* – «*bez widocznej przyczyny*»). Именно к бытийному «есть» и причастна философия. «Философия начинается с удивления», – говорил М. Мамардашвили своим студентам. Но это не удивление тому, что чего-то нет, – нет справедливости, нет мира, нет любви. Это удивление тому, что есть [1, с. 70].

В самом деле, нет причин для любви, – а она есть. Невозможно причинить совесть, – а она есть. Степень возможности в пространстве не то, что доля вероятности в поле. Все может быть, кроме одного, – того, что с необходимостью (законно) есть или того, что допускает контурную (концептуальную) вероятность бытия. «Бытие свидетельствует только о том, что *оно есть*; меньше, беднее ничего нельзя сказать о предмете, как то, что он есть» [9, с. 150].

В феноменальном мире ничего не существует в определенной форме. Оно есть актуально (само по себе) или потенциально (в себе). Сказать о нем – значит лишить его бытия, перебросить в коммуникативное пространство. Мартин Хайдеггер создал учение о Бытии как о неопределимой, но всем причастной стихии мироздания. То, что находятся в феноменальном или ноуменальном поле бытия, не определяется как «такое» и как «это». Однако оно непременно выступает, как что-нибудь известное (славное чем-то) или что-то знакомое до мельчайших подробностей тем, кто к нему причастен или с ним актуально соприкасается.

В поле бытия не бывает бывшего и былого. Ср. пол.: *Co było, a nie jest, nie pisze się w rejestr*. «Было» – это практика, но не опыт; это история, но не легенда. Причастно бытию архаическое: не старое, однако древнее, давнее. Пережитое никуда не девается; оно способно многократно быть воскрешенным в памяти. Все, что было и прошло

(«быльем поросло»), не достойно памяти. О происходящем ходят слухи и рождаются легенды. О бывшем-бывалом сочиняют мифы, утопии, сказки, плетут сплетни.

2.1.1. Славянская культура – ведическая (от глагола *ведать*). *Знать* для ума, *ведать* – для души. Сравним: «*Я знаю...*» – я имею знание, но: «*Мне известно...*» – я владею информацией. Знание предметно и результативно: *знать что*. Информация – поток (процесс). Здесь нет «что», однако непременно проявляется позитивное «как»: «*Как известно... Как мне известно*». Парадокс в том, что можно ничего не знать, однако быть осведомленным – причастным к актуальной информации, знакомым с чем-кем-то. Этимон **vest* находим в культурно релевантных понятиях *благовест* (колокол), *совесть*, *навестить*, *невеста*, *вещать*, *буревестник* и т.п.

Парадокс также в том, что захотеть знать – не значит ощутить информационный голод и потянуться к свету. Знание привлекательно, однако оно лишено внутреннего притяжения (магнетизма), проявляющегося в информационном поле культуры. Парадоксально и то, что культура известна как область проявления невежества. «Это похоже на парадокс, – пишет Вальтер Кохан, профессор философии образования Университета Рио де Жанейро (Аргентина). – Относительно того, что мы знаем, мы нуждаемся, чтобы не знать это. Поскольку чем больше мы знаем, тем меньше думаем. Чем меньше мы знаем, тем больше мы задумываемся» [10, с. 12].

Культура есть уход от видимости знания во внутреннюю (интимную) область. Ухаживание (а не забота!) есть позитивное проявление культуры. Язык как феномен культуры зародился в период ухаживания и возник как модус проявления жизненных предпочтений, а не потому что «люди захотели что-то сказать друг другу» (Ф. Энгельс). В исконном состоянии язык феноменален.

Феномены поля культуры мотивированы нуждой выживания, а не страстями и внешними потребностями. Культура есть очеловечивание дикой и чуждой человеку природы. «*Pojęcie “natura” wywodzi się z terminu nasci. Wyraz ten określa to, co wzrosło, co powstało samo z siebie, bez naszego udziału, to, co pozostawiliśmy jego własnemu rozwojowi. Wówczas jest to coś czysto “naturalnego”. Kultura natomiast stanowi ogół tego, co “pielęgnujemy”. ...Płody kultury to te, które człowiek pielęgnuje, którym w przeciwieństwie do płodów natury nie pozwala na swobodny rozwój*» [11, с. 25].

Язык – поприще человеческой культуры; язык «есть орган внутреннего бытия, само это бытие, находящееся в процессе внутреннего самопознания и проявления» (В. фон Гумбольдт). Язык – неотъемлемый локус человека: «Язык есть вместе дом бытия и жилище человеческого существа» (Мартин Хайдеггер).

Локальный язык как культурная институция (идиолект, говор, диалект) – верительная грамота человека среди всего прочего. Язык, ставший наречием, – пароль людей, позиционирующих себя среди других. Есть язык контакта и язык единения людей, язык знакомых с делом и язык, посвященных в деятельность. Ему противопоставлена альтернатива – другой язык, определяемый как универсальное средство общения. Этот язык не принадлежит эксклюзивным социумам (братствам, «узищам») и инклюзивным институтам (государствам), а обслуживает социально дифференцированное общество.

2.1.2. «В XX в., – пишет Дж. Серл, – философы научились с величайшей осторожностью задавать вопросы в форме “*Что такое...?*”. “*Что такое истина?*”, “*Что такое справедливость?*”... Не спрашивайте, что такое истина, а спросите, в каких обстоятельствах мы говорим, что высказывание истинно» [12, с. 7]. В мире бытия не бывает случаев, когда надо «братъ быка за рога» и спрашивать «*Что такое...*», требуя при этом ответа по форме «*Истина – это...*», «*Любовь – это...*».

В «таком» нет позитивного «как» – качества. Только в актуально воспринимаемом поле культуры проявляется этическое «как»: *«И надо было видеть, как смотрела на него (Высоцкого) Марина Влади, когда он пел. Тоже чудо. То истинное восхищение Женщины, без которого всё, что мы делаем, бездушно, бессмысленно, – мертвит»* [13, с. 18].

Поле культуры лишено всякой рефлексии – оно пассивно-консервативное. «Культура – деятельность и способы деятельности, не являющиеся рефлексорными» (Алфред Луис Кребер, США, XX в.). Человек в какой-либо культуре обладает индивидуальной («моей») долей («Доля моя, доля!»), укоренен и живет в ней как в собственной предпосылке. В поле культуры проходят культурные акции, в идеологическом поле осуществляются институциональные акты, сменяющие актуальные гражданские состояния.

Производственно-потребительские отношения по форме «спрос – предложение» культуре не свойственны. Здесь ничего не спрашивают, однако нередко вопрошают про себя: *«Часто сижу я и думаю, как мне тебя называть, Добрую, славную милую, как мне тебя величать...»* (из песни). Вопрос снимается вещным по существу названием. Звать – не вопрос, зовут другие. Вопрос – как величать. Название-величание всегда «чье», рассчитано на эмоциональный отклик. Оно не предполагает обращения, однако несет в себе апелляцию. Обратиться – «не вопрос», обратиться может каждый. Вопрос, как найти контакт с кем-чем-л., познакомиться.

В коммуникативном «сказать» присутствует выбор. Где выбор, там и сомнение. В сомнениях человек теряет веру и руководствуется нелюбовью. В выборе не бывает интимной локализации под названием «Между». В поле не выбирают, но ищут и отдают предпочтение.

Поле культуры дескриптивное и концептуальное. То, что находится здесь, как-то проявляется или выдает себя. Оно замечается, к нему приклеивается этикетка (дескриптивная аппликация). В качестве этикетки применяется *метка* как замечание инаковому – тому, чем по обычаю не подобает заниматься. Оказиональный мир «без замечаний» с его святым «Ничего» и есть подлинное поле культуры, просветленное здравым смыслом. Оно было бы безмолвным, если бы не «болячки», для преодоления которых и вызвано к жизни Слово как орган власти над всем, что «не так», что чуждо живому человеческому существу. Поле культуры допускает нежесткие концептуальные контуры. В идеологическом поле концептуализация сменяется императивной категоризацией, сопряженной с феноменологической редукцией. Робкое имманентное «как бы» культуры сменяется краткостью и кротостью – составляющими духовно-идеологической сферы, из которой элиминированы вещные культурные феномены. Рыба как эмблема первичного христианского мира с его милосердием и благодатью сменяется кротким голубем – символом нисходящего Святого Духа. Дескриптивные эмблемы культуры (название, этикетка, наклейка, «мянушка») сменяются символическими номинативно-правовыми ярлыками; их формулы навешивают разум на феноменальный человеческий опыт.

Древние атомисты (Левкипп и Демокрит) видели в пространстве пустоту («пустое пространство»). Платон отождествлял пространство с внесущим видимым миром. Кант анализировал пространство как форму всех внешних чувственных явлений. По Канту, пространство – это формальное свойство отражения внешнего мира, благодаря чему только и возможны наши внешние наглядные представления. М. Хайдеггер считает, что пространство при определенных условиях имеет общее со всем, что существует как подручное [14]. То, что находится в поле культуры, локализовано «около»

и осмысливается как обстоятельство (ср.: бел. *акалічнасць*) жизни. Формула жизни: «Я есмь Я и мои обстоятельства» (Х. Ортега, «Размышления о “Дон Кихоте”»).

Современная психология устанавливает, что пространство как таковое никогда нам не дано; оно постоянно наполнено множеством систем отношений, к которым относятся различные предметы (интеллигибельный мир). Для отношений, совокупность которых может быть обозначена как пространство, характерна правильность, однако система отношений не выразительна и не транспарентна (не прозрачна).

Крупный немецкий гештальт-психолог Вольфганг Метцгер отмечает: «Кроме возможности быть заполненным, пространство не имеет никакого другого свойства; если же абстрагироваться от установления отдельного места и его наполнения, оно есть пустое и мертвое ничто» [14]. В отличие от пространства, поле не бывает пустым и наполненным. Поле находят вольным от всего, и даже пафосно-праздным: «*Лишь паутины тонкий волос блестит на праздной борозде*»; «*И льется чистая и теплая лазурь // На отдыхающее поле...*» (Ф. Тютчев). Святое место – вольное. Из него убрано все, что может иметь значение, однако не обладает смыслом. Священное место – праздное. Пословица *Свято место пусто не бывает* коррелирует с сентенцией *Природа не терпит пустоты*. Пустота для культуры – пустыня, полнота – плен и тьма. Сравним: «*Духовной жаждою томим, в пустыне мрачной я влачился...*» (А.С. Пушкин); *Глас вопиющего в пустыне*. Пустая душа – антипод культуры. Душа – «вакуумная упаковка» очеловеченной реальности, где не должно быть «пустых слов» и «пустых обещаний». Не должно быть, но бывает.

У слова *праздный* один этимон со словом *порожний*. Однако праздник – категория трансцендентальная. В культуре, как и в жизни, отмечается не священное (праздное), но то, что свято (вольное). «*А бывает ли он в жизни праздник-то?*» – *риторически вопрошает Егор Прокудин* (В. Шукшин, «Калина Красная»). В праздности нет рождения, однако есть «именины» и именитость. Имя собственное в отличие от названия – категория «праздная» (духовная), в которой нет ни грамма вещества.

Все характеристики пространства имеют отношение к основной функции языка – коммуникативной. Функционально-коммуникативное семантическое пространство языка противоречит статусно-ролевому культурно-идеологическому полю вербального дела и речевой деятельности. Без указанного противоречия не было бы культурного роста и идейного развития – как Света без тьмы, Сущего без не-сущего. Культура несет Крест всего, что ею не является и от чего она отрещивается как от своего антипода. Знамение культуры называется «Анти».

Культура локализуется между всего иного. Идеологическое же «быть» пребывает среди другого. «Быть» – для античности, значит находиться среди прочих вещей. А они существуют, опираясь друг на друга и складываясь в грандиозное здание вселенной. Личность всего одна из таких вещей, погруженных, по словам Данте, в «великое море бытия» [15, с. 216]. То, среди чего находится человек, и есть его культурная среда – Родина. Ее человек не выбирает. Выбор знаменует предательство человеческой сущности. Культуре известен только поиск.

Культура проявляется незаметно, робко («как бы»). Все замеченное идет в разрез с этической культурой и воспитанием: – *Хорошее воспитание не в том, что ты не прольешь соуса на скатерть, а в том, что ты не заметишь, если это сделает кто-нибудь*, – сказал Белокуров (А.П. Чехов, Дом с мезонином).

Применительно к языку культура проявляется в говорении (говоре). Говорящие между собой отмечают позитив («как»), хвалят его и в то же время замечают лишенный

культуры негатив («чернуху»), хулят ее. Хуление как антипод культуры составляет необходимое обстоятельство для укрепления самости культуры. Разговор не то, что говор. В разговоре человек другой. Разговаривают друг с другом. В разговоре нет собирательности (и соборности) – присутствует раздельность. Два человека разговаривают, а двое – говорят. Разговаривающие не едины, но «раздельны и половинны». Они имеют общее коммуникативное пространство. Общее их сближает, однако не роднит. Когда же они говорят между собой, то оказываются в поле притяжения или отталкивания – в культурном «междусобойчике» (но пока еще не пребывают в коллективном корпоративе).

У культуры есть только одно место. Дескриптивно оно называется *Поле*, цитатно – «Здесь». Пустое (общее) место, где теряется человеческое обличье (подобие) – место «не-здесь». Нездешний (дикий) мир, враждебный культуре, бесцеремонно (по-хамски) посягает на ее святость. У человека есть дилемма – продаться врагу, получить за это свои «серебряники» и попасть в невольное состояние или же спастись, – найдя волю в себе волю, не выходя за пределы имманентного (здешнего) мира. Выход знаменует «выход в люди» и обретение свободы, сопряженной с ответственностью. Культура – собирательная, идеология – соборная.

На сознательном уровне мифическое и страстно желанное большинством место «там» называется *утопией* (от греч. *и* – «не» и *topos* – «место»). Оно привлекательно, т.к. идеально устроено. В нем есть равное, однако нет подобного. В этом месте человек может горделиво считать себя богоравным и забывать при этом, что он существо богоподобное. Там у человека бывает положение. Там нет личности «Я», но присутствуют «значительные лица» – обремененные своей значимостью и пошлостью чиновники.

Казалось бы, нет ничего проще, чем находиться «здесь». Однако на поверку оказывается, что гамлетовский вопрос («*быть или не быть?*») есть вопрос проблемный. Для большинства он не снят. Большинство выбирает, место которого нет, т.е. утопическое небытие. Большинство не хочет рисковать. Быть – дело рискованное. У того, кто «здесь», а не «там», нет алиби. Быть – значит не иметь алиби (лат. *alibi* дословно означает «в другом месте»). Чтобы иметь алиби, надо присутствовать в другом месте. Здесь никто не может подтвердить алиби. Здесь люди заинтересованные (*одним миром маза-ны*). Подтвердить алиби может только другой. Однако другие в своем большинстве – это люди посторонние.

3. Языковая рефлексия и потенция слова

3.1. Сравним два глагола: *хватать* и *ловить*. Культурную позитивную релевантность обнаруживает глагол *ловить*. Глагол *хватать* обозначает целесообразное результативное действие, направленное на предмет.

Известно, что одним из первых безусловных рефлексов у новорожденного является хватательный рефлекс. Этот рефлекс направлен на достижение определенного результата. *Хватка* – это действия того, кто не отступит, пока не добьется своего. Междометие в функции сказуемого *хватать* употребляется для обозначения быстрого действия (*Хватать за волосы*). *Хватать на лету* – быстро усваивать. Однако *усваивать* не то, что *впитывать*. С питательной средой (полем) глагол *хватать* не связан.

Вне культурного поля основной причиной всякого движения и прогресса является *нехватка* чего-либо. Каждый хочет что-то иметь. Каждому может чего-то не хватать².

² Об этом в песни «Вечное движение» (поет Л. Лещенко): «А мне всегда чего-то не хватает, Зимой – лета, зимой – лета, зимой – лета, Осенью – весны».

Нескончаемыми потребностями обусловлены желания и страсти. Однако тому, кто не «каждый» в них нужды нет. В поле культуры безличное «надо», сменяется адресатным («нужно»). На поверку оказывается, что «надо» может быть или не быть, однако в нем не нуждаются. Бытие не знает потребностей; в нем управляет свободный от ограничений закон и правит добрая воля. Они проявляются в преодолении нужды и борьбе с природной необходимостью.

За глаголом *ловить* стоит реальность промысла. Этот глагол моделирует ситуацию (например, ситуацию рыбной ловли, охоты). Существенно то, что глагол *ловить* не обозначает действие, но называет процесс (ход). В нем доминирует не предметное «что» (*что ловить*), а процессуальное («ходовое») «как»; существенно то, *как ловить*. В позитивном «как» находится качество промысла, его технология и культура.

Антиподным по смыслу глаголу *ловить* является просторечный глагол *цапать* (*цапнуть*): *Коришун утенка цапнул, цапал*. Этот глагол обладает негативным смыслом: *цапнуть* – «зацепить», «поцарапать»: *Репейник цапает одежду. Вещи поцапались при перевозке*, т.е. поцарапались; *зацапанные вещи; стол весь поцапан, исцапан; цапина, цапинка, царапина, сапина* – ссадина (Даль). Рассматриваемый глагол известен также в области земледелия: *цапать грядки* (яросл.) *обрабатывать цапкою, киркой* (ср.: *тяпать грядки; тяпка*). костр. *цапела, чапела*, зап. твер. *цапельник (чапельник)* твер.-ржев. *цапальник влад* (Даль); ср.: рус. *цапля*, бел. *чапля* – болотная птица *чапура*; рус. *цеплять* – бел. *чапляць; зачапіць, чапаць* и др.

Цапкость – негативное («злое») качество. Выражением бел. *цапу-лапу* замечается стихийность и некачественность («абы як») бел.: *Спярыша сядзіць рукі склаўшы, а пасля ўжо цапу – лапу. Цапу-лапу – і сабралася. Бял. р., Кл. (Матэр. для сл.). Ты ж усё (заўсёды) так – цапу-лапу робіш. Хіба так што зробіш добра? Збіраецца – цапу-лапу. Што забудзе, што згубіць. Гл. р., Кл. (Ф. Янкоўскі, Беларуская фразеалогія. Фразеалагізмы, іх значэнне, ужыванне). У Даля: «Цап, цап-царап, однократное действие. Цап деньги со стола! Цап в карман – ан пусто! Цап его за ворот; цап его в ухо».*

Всякие промыслы («ловы») осуществляются в локусе – будь то поле, водоем, лес; отсюда бел. *паляваць, паляванне, паляўнічы; Кот палюе (прамышляе) мышэй; пол. myszliwiec*. Глагол *ловить*, как и другие «промысловые» глаголы, валентен на область (локус): где *ловить*, где *искать*, где *охотиться*. Действие по глаголу *хватать* подобной валентностью не обладает (не «где хватать», а, скорей, – *за что схватить*).

Различие *хватать* и *ловить* есть различие между прагматическим полем культуры и семантическим пространством не-культуры, между пониманием и знанием. Когда кто-нибудь занимается ловлей, то в итоге он поймает или не поймает. Итог – не результат, но улов, находка, сбор и т.п. Глагол *понять* в буквальном смысле *поймать* (*поймать; поимка*). В современном русском языке утрачен глагол *ять* (праслав. **ǰьтq: jęti*); ср. др.-русск., *възъати, възъмъ*. Отсюда *взять, снять, изъять* и другие приставочные глаголы на *-нять/-ять (-емлю)*.

Существенно то, что глагол *взять* обладает валентностью на самость. *Взять* способен (или не способен) кто-то *Сам*. Дает же Другой. Личностно ориентированный мир культуры не предусматривает и не допускает производственного «дать» и другого. Одним из заблуждений современного русского языка является выражение *дать понять*. Глагол *дать* соотносится с глаголом *брать* (ср.: *дают – бери*); *взять* же человека способен сам, уловив подходящий момент. Все, что не дается и не передается, – улавливается.

Культура открывается как особый тип бытия людей, свободного от человеческой рефлексии. Открытие свободы в мире природной и всякой иной необходимости и стало поводом обретения культуры – органической среды обитания, где индивид ощущает волю и свободу. Индивид свободен настолько, насколько он освободился от всего, что является случайным и преходящим. Это «всё» называется имуществом.

К числу имущества не принадлежат вещи. Вещи есть («Есть вещи...»). Мир вещей – мир материальной культуры. Вещь непредметна, вещь – не «что». К вещам применяется позитивное «как». Об имуществе спрашивают «Что это такое?» и дают определение в виде знака. Вещь не определяется, но становится нам известной благодаря имени (именная вещь) или ярлыку-дескрипции (индивидуальная вещь). Вещи как принадлежность бытия мы не определяем, но помечаем. К вещи ставим вопрос: «Как называется?». Пометка как аналог названия и архетип имени допустима только на собственном поле. Имущество поработает человека. Он делается богатым и многое может. Однако при этом для него перестает актуальным быть вопрос состояния и состоятельности.

Переходя в мир болезненной рефлексии, индивид перебрасывает себя за горизонт актуальности – из субъективной области «здесь» в объектную сферу «там». Он перестает *зреть* (смотреть), зато начинает *видеть*, перестает *слушать*, но начинает *слышать*. Голос «гнезда» культуры для него умолкает, привлекает шум цивилизованного города. Тишина становится звенящей. Он выброшен из собственной культурной среды (поля) в мир внешний, словно рыба из воды. Он попадает в возможный мир – мир человеческих желаний и ожидания их исполнения, в котором нет места упованию и чаяниям. Этот мир не причастен к бытию – его нет. Он утопия.

Стоит поменять предметное «что» на позитивное «как», и сразу же оказываемся в феноменальном поле культуры. И сразу языкознание становится реальным. И уже нет образования, но есть просвещение. И уже нет знаний, умений и навыков – есть грамотность и компетентность. Нет производства и потребления – есть промысел и предпринимательство. Большинство живет в мире, которого нет. Мы пытаемся жить в мире, которого на самом деле не существует, мире, «который устроен так, в котором я знаю, что будет, или я ожидаю, что если я сделаю то-то, то будет то-то и то-то». В мире ожиданий. Но реальность – иная, и не согласуется с нашими желаниями. Если мы пытаемся ее не замечать, она врывается в привычную жизнь. И никуда от неё деться, потому что она есть [1, с. 78].

Человеку привыкать к чуждому ему миру, подменяя обычаи культуры полезными или вредными привычками. Вместо контакта с подобной ему средой, он выбирает общение со своим окружением. Его знак круг – знак вечного движения. Он изменяется, превращается в другого, и с ним перестают происходить перемены. Его уже ничего не касается, однако ко многому он имеет отношение. Ему ничего не интересно, однако ко многому он относится со вниманием и считать для себя важным. Он перестает вдыхать свежий аромат воли, его начинают волновать запахи этого мира. Человек теряет причастность к бытию – ощущение «Азъ есмь». Он не пребывает, но только присутствует в этом ограниченном условностями и обращенном вовне мире. Культура понимает такую трансформацию как оборотничество. Современный человек привык к собственной «выверности наизнанку».

Миссия культуры спасительная. Влияние людей, обладающих в культуре уровнем и рангом, непременно освободительное. Ибо столь велика их собственная свобода,

столько аккумулярована в них внутренняя энергия, что соприкосновение с ними заряжает тех, в ком жизненные силы угасают, а энергия бытия на исходе.

«Не имейте, но будьте!» (Ян Павел II) – главный лозунг бытия и неотъемлемого от бытия дела культуры и идеологической деятельности.

Заклучение

Исследование языка в контексте жизни не обходится без концепта поля. Концепт поля вносит в гуманитарные науки фундаментальную парадигму исследования культуры человека. При полевом подходе не выясняется, каким образом что-то существует, однако актуализируется жизненный вопрос, как человек укоренен и моделирует себя в реальности. Идея класса ставит вопрос о том, как люди вписаны в мир и позиционируют себя в нем.

Непонимание модусов укоренения человеческих индивидов в реальность жизни и способов вписания личности в мир приводит к симуляции – означиванию того, что должно быть названо, и спекуляции – привнесение в номинальное (символическое) феноменов реальности. В результате человек оказывается отчужденным от культурной среды и потерянным «в этом падшем мире», а люди не обретают способов личного совершенствования. Симмулятивные акции и спекулятивные акты не могут не проявиться в базовой культурной институции и главном идеологическом институте – языке.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Склярэнко, Е. Мераб Мамардашвили за 90 минут / Е. Склярэнко. – М. – СПб., 2006.
2. Булюбаш, И. Д. Руководство по гештальт-терапии / И. Д. Булюбаш. – М., 2004.
3. Вянок беларускіх народных песен / Запіс У. Раговіча. – Минск, 1988.
4. Новейший философский словарь. – Минск, 2003.
5. Замдеева, З. Н. К вопросу о языковой культуре и путях ее сохранения // Котляревские чтения – 2013: актуальные вопросы развития филологической культуры в современной России и методики преподавания филологических дисциплин : материалы I Всерос. науч.-практ. конф. 12 нояб. 2013 г. / гл. ред. М. П. Нечаев. – Чебоксары : Эксперт.-метод. центр, 2013. – С. 51–54.
6. Федоров, Н. Ф. Философия общего дела : в 2 т. / Н. Ф. Федоров. – М., 2003.
7. Гумбольдт, В. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человечества / В. Гумбольдт. – СПб., 1859.
8. Лосев, А. Бытие. Имя. Космос / А. Лосев. – М., 1993.
9. Герцен, А. И. Греческая философия / А. И. Герцен // Изб. филос. произведения ; под ред. Е. Любомиловой. – Л., 1948. – Т. 1.
10. Кохан, Е. Есть ли место философии в деятельности учителя? / Е. Кохан // Учитель наедине с собой. – СПб., 2014.
11. Rickert, H. Człowiek i kultura / H. Rickert // Antropologia kultury. Część 1 : Zagadnienia i wybór tekstów. – Warszawa, 2001.
12. Серл, Дж. Что такое институт / Дж. Серл // Вопр. экономики. – 2007. – № 8. – С. 5–27.
13. Высоцкий, В. С. Я не люблю... / В. С. Высоцкий // Песни, стихотворения. – М., 1998.

14. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.onlinedics.ru/slovar/fil/p/prostranstvo.html>. – Дата доступа: 12.01.2015.
15. Ортега-и-Гассет, Х. Эстетика. Философия. Культура / Х. Ортега-и-Гассет. – М., 1991.
16. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mowaznaustwa.ru/2011/10/15/f-yankoyski-belaruskaya-frazealogiya-frazealogizmy-ix-znachenne-uzhyvanne-22/>. – Дата доступа: 12.03.2015.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 05.10.2015

Siankevich V.I. Concept of Margin and Communicative Space of Language

The definition of language, as a semiotic system and the most important communicative mean, does not reveal its humanity and person-centered nature. Indigenously language plays the role of a base cultural institution, and then acquires the status of a central ideological institution. The institutional language approach opens the prospect of studying its essence in two contexts – an extensional (life) and an intensional (ideological). A life-giving ethical word is in dichotomy with the power of an emic name in essence. The pointed out dichotomy stands for the basics of language as the instrument of thinking and the method of ideological formation of its native speakers. The language of «common spaces» plays no role in the humanization of natural world and does not contribute to the formation and development of personality.

УДК 81'373:811.161.3:82-70

А.Я. Леванюк

канд. філал. навук, дац.,

дац. каф. беларускага і рускага языкоў з metodyкай выкладання

Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

**ЛЕКСІКА-ГРАМАТЫЧНЫЯ СРОДКІ СТВАРЭННЯ ЭКСПРЭСІЎНАСЦІ
Ў АФАРЫСТЫЧНЫХ ВЫСЛОЎЯХ**

У артыкуле разглядаюцца пытанні ўжывання ў афарыстычных выслоўях пэўных лексіка-граматычных сродкаў з мэтай надання экспрэсіўнасці афарыстычным тэкстам. Вызначаецца, што афарыстыка – гэта асобы літаратурны жанр, які змяшчае спецыфічнае для таго ці іншага народа светабачанне, погляды, стэрэатыпы, эталоны, маральныя ідэалы. Сярод іншых прымет афарыстычнага выслоўя выдзяляецца экспрэсіўнасць, якая дасягаецца аўтарамі праз ужыванне фразеалагічных і прыказковых цытат, рыфмы і іншых лінгвістычных і рытарычных прыёмаў набудовы афарыстычных мікратэксаў. Даследаванне гэтых прыёмаў мае істотнае значэнне для далейшай распрацоўкі праблем лінгвістыкі і ідыяматыкі беларускай мовы.

Уводзіны

Афарыстыка – гэта асобы літаратурны жанр, які змяшчае спецыфічнае для таго ці іншага народа светабачанне, погляды, стэрэатыпы, эталоны, маральныя ідэалы. Адлюстроўваючы менталітэт нацыі, яе псіхалогію, культуралагічныя каштоўнасці, афарыстыка вядомая як адзін з найбольш «культураносных» пластоў мовы. На думку шматлікіх лінгвістаў, афарыстыка ўключае афарызмы, цытаты, максімы, сентэнцыі. Іншыя даследчыкі ўключаюць у афарыстыку таксама прыказкі і прымаўкі, называючы іх моўнымі афарызмамі. Як адзначае Прохараў, «афарызмы – гэта агульнаўжывальныя прыказкі, прымаўкі, крылатыя выразы, заклікі, якія прадстаўлены ў складзе носьбітаў мовы і ў лаканічнай форме выражаюць сутнасць з’яў, што характэрныя для вызначанага моўнага калектыву. У гэтым аспекце афарызмы з’яўляюцца родавымі паняццямі ў адносінах да ўсіх вышэйпералічаных намінаўных адзінак». Афарыстычныя выслоўі валодаюць шэрагам прыкмет: па змесце – філасофскай глыбінёй, дыдактычнасцю, імкненнем да праўдзівасці; па форме – лаканічнасцю, завершанасцю, структураваннем ў выглядзе сказа; па функцыі – аўтасемантычнасцю, цытатнасцю, шырокай ужывальнасцю. Але вельмі важнай характарыстыкай з’яўляецца экспрэсіўнасць, без якой выказванне нельга лічыць афарыстычным. Лексіка-семантычныя і лексіка-граматычныя асаблівасці афарыстычных выслоўяў накіраваныя на наданне афарызму пэўнай экспрэсіўнасці і эмацыянальнай афарбоўкі, выразнасці думкі, якая ў іх змяшчаецца, сведчаць пра тое, што афарызм не толькі знешне з’яўляецца экспрэсіўнай і эмацыянальна афарбаванай адзінкай. Унутраная яго структура таксама дазваляе гаварыць пра афарыстычнае выслоўе як пра спецыфічную адзінку ідыяматыкі беларускай мовы.

Роля лексіка-граматычных сродкаў стварэння экспрэсіўнасці ў афарыстычных выслоўях

Вельмі часта ў афарыстычных выслоўях можна сустрэць фразеалагізмы, прыказкі ў аўтарскім выкладанні. Экспрэсіўны характар, вобразнасць фразеалагізмаў робіць іх адным з найбольш эфектыўных выразных сродкаў мовы. У самім значэнні фразеалагізма цэнтральнае становішча займаюць семы эматыўнай ацэнкі, стылістычныя прыметы і асацыятыўна-метафарычныя сувязі. Пад фразеалагічным складам мовы мы разумеем тыя трапныя, ужывальныя, устойлівыя ў сэнсе парадку слоў выразы, якія бытуюць у мо-

ве і знаходзяць у мастацкіх творах самае разнастайнае выкарыстанне. Таму ў такіх сферах маўленчай дзейнасці, дзе больш важным з'яўляецца не столькі сама інфармацыя, якая перадаецца, колькі ўздзеянне на адрасата (бытавыя зносіны, мастацкае маўленне, публіцыстыка), фразеалагізмы сустракаюцца даволі часта. Выкарыстанне фразеалагізма робіць выказванне больш яскравым, афарбаваным, нестандартным, а значыць, і больш эфектыўным.

Фразеалагічныя звароты шырока выкарыстоўваюцца ва ўсіх моўных стылях, але ў рознай функцыі: калі ў навуковым і афіцыйна-справавым маўленні ўжываюцца, як правіла, агульналітаратурныя, міжстылёвыя ўстойлівыя звароты, якія выступаюць у намінацыйнай функцыі, то ў мастацкай літаратуры, у публіцыстычных творах, у размоўным маўленні на першы план часта вылучаецца экспрэсіўна-стылістычны бок фразеалагізмаў кніжнага і размоўна-бытавога характару з іх больш выразнымі магчымасцямі. Асабліва разнастайныя прыёмы ўжывання фразеалагічных зваротаў у мастацкай літаратуры. Письменнікі выкарыстоўваюць фразеалогію не толькі ў тым выглядзе, як яна існуе ў мове, але і ў змененым стане, абнаўляючы семантыку, структуру і экспрэсіўна-стылістычныя якасці фразеалагізмаў. Ствараюцца новыя сэнсавыя адценні, з'яўляюцца новыя мастацкія якасці фразеалагізмаў, узбагачаюцца сувязі слоў, таму што «фразеалагічная творчасць письменнікаў выражаецца перш за ўсё ў абнаўленні звыклых для слоў кантэкстаў, у якіх гэтыя словы звычайна выступаюць» [1, с. 193].

Прыёмы аўтарскай апрацоўкі фразеалагічных зваротаў, надання ім новых адценняў, свежай афарбоўкі вельмі разнастайныя. Сюды адносіцца абнаўленне семантыкі, змяненне ці пашырэнне лексічнага складу, выкарыстанне ў якасці свабоднага спалучэння слоў ці ўжыванне адначасова і як фразеалагічнага, і як свабоднага спалучэння, індывідуальнае ўтварэнне зваротаў па аналогіі з існуючымі ў мове фразеалагізмамі і г.д. Вельмі часта ў афарыстычных выслоўях фразеалагізмы выкарыстоўваюцца ў трансфармаваным выглядзе, напрыклад: *Калі ў мазгах не ўправіць вывіх, // Не ўцішыцца настырны госць* (М. Лужанін) – фразеалагізм *упраўляць мазгі*; *Добры агонь на чужыне, // Толькі грызе вочы дым* (М. Танк).

Відавочна, што выкарыстанне письменнікамі фразеалагізмаў у сваіх творах заключаецца перш за ўсё ў аднаўленні кантэкстаў, у якіх словы выступаюць. Калі іх перамяшчаюць з аднаго асяроддзя ў другое, яны атрымліваюць сэнсавыя і стылістычныя змены. «Сапраўднае жыццё слова, – пісаў А.А. Патабня, – адбываецца толькі ў маўленні» [2, с. 3]. Гэтае жыццё слова, якое выражаецца ў складаным і своеасаблівым развіцці яго сэнсавай структуры, а таксама стылістычных функцый, можа быць найбольш вычарпальна вызначана толькі пры ўліку ўсіх фразеалагічных кантэкстаў, у якіх яно ўжываецца, а жыццё фразеалагізма можа быць найбольш выразным у мастацкім кантэксце. Гэта датычыцца якраз і аўтарскіх выслоўяў.

Узорамі ў адносінах пошуку новых форм фразеалагічных сувязяў слоў служаць прыёмы мадэрнізацыі агульнавядомых выслоўяў. Магчымасці гэтай мадэрнізацыі письменнік знаходзіць у семантычнай прыродзе афарызмаў, прыказак, прымавак, крылатых выслоўяў, дзе значэнне спалучэння часта з'яўляецца вытворным ад значэнняў яго лексічных кампанентаў. Праўда трэба мець на ўвазе, што адчувальнасць лексічных кампанентаў у дадзеных спалучэннях вельмі адносна: значэнні асобных частак заслоненыя вобразнай семантыкай усяго фразеалагічнага адзінства. Стабільнасць апошніх надае асаблівыя адценні не толькі значэнню, але і сінтаксічным адносінам элементаў гэтых замкнутых спалучэнняў. Таму замена аднаго мяняе семантыку і экспрэсію ўсяго выраза: *Астудзіш так яго, і ўжо не сэрца будзе, // А торбачка крыві, што ні сабе ні людзям* (М. Лужанін); *Здрадзіў мове – здрадзіш продкам, // Будзеш век ваўком хадзіць* (К. Турко).

Сустрэкаюцца ў аўтарскіх выслоўях так званыя кінетычныя фразеалагізмы. Тэрмінам «кінетычная фразеалогія» мы называем ідыёмы, якія матываваны невербальнымі (паралінгвістычнымі) сродкамі зносін, перш за ўсё, жэстамі і мімікай. Такая фразеалогія ўзнікла ў выніку апісання жэстаў, з аднаго боку, і рэакцыі ўнутраных органаў і частак цела на знешнія маўленчыя і немаўленчыя раздражняльнікі, – з другога, напрыклад: *пальцам паказаць, тыкаць пальцам, паказваць зубы, пажаць руку, па галоўцы гладзіць, варушыць галавой, вадзіць за нос, акінуць вокам, апусціць рукі, вастрыць зубы, вачэй (вока) не зводзіць, вачэй не спускаць, віляць хвостом, вочы вырачыць (вылупіць, вытрашчыць), вушы натапырыць (наставіць), глядзець у зубы, гнуць карак (горб, спіну), задзіраць нос, заплюшчыць вочы, рваць на сабе валасы, сядзець склаўшы (злажыўшы) рукі і інш. Усе прыведзеныя фраземы маюць сімвалічны характар, належаць мове і функцыянуюць у маўленні ў якасці ўстойлівых выразаў, у якіх звычай, моўная традыцыя забараняюць што-небудзь мяняць. Сярод іх у першую чаргу адрозніваюць фразеалагічныя адзінкі, матываваныя жэстамі і мімікай. Такое адрозненне заснавана на супрацьпастаўленні атрактыўнага і экспансіўнага пачаткаў чалавечага жыцця і звязана з волевыяўленнем і выражэннем пачуццяў. У афарызмах сустракаем, напрыклад, такія выразы: *І звычку ведаю другую: // Крычаць, нібы ўсяго дабраў, // Задзерці нос, як патрабуе // Звышсарамлівая мараль* (М. Лужанін); *Калі твор быў добры, дык ставілі чарку, // А калі дрэнны – халтуршчыка білі па карку* (М. Танк) і інш.*

Жэст і міміка цесна звязаны са словам, прычым, з'яўляючыся выражэннем думкі, жэст апырэджвае слова. Адна і тая ж фраза, якая вымаўляецца з рознай інтанацыяй і суправаджаецца шматлікімі жэстамі, можа стварыць зусім неаднолькавыя значэнні. Напрыклад, «Вы», якое гаворыцца адначасова з прыцісканнем рук да грудзей або суправаджаецца паваротам галавы, можа абазначаць як удзячнасць, так і асуджэнне. У кантэксце мы сустракаем толькі апісальныя жэсты, па якіх можам разумець тыя пачуцці, якія хацеў перадаць аўтар. Сустракаем такія жэсты і ў афарызмах: *І не дзіва, што сябры ўжо // Не ўсміхаюцца прыемна, // А сёй-той, калі сустрэне, // Толькі палец падае мне* (М. Танк); *З-за вуха не сячы, // Пакуль не абмазгуеш* (В. Зуёнак); *Звычайна жыццё ўсіх памячае – то вопраткай, то пагонамі, а то і нават выразам твару* (В. Быкаў); *Пакуль са мною плачуць вочы друга над цяжкай стратай – ёсць яшчэ жыццё* (У. Караткевіч); *Будзеш біць у ладкі – мецьмеш карак гладкі!* (Р. Барадулін); *Па віду пан і ходзіць панам, а спіць напэўна пад парканам* (Я. Колас); *Лёс! Яго куюць моцныя, а слабыя скрыгочуць зубамі, спрабуючы ўкусіць кавалак ад чужога банкуха* (В. Іпатава) і інш. Вельмі часта апісанне мімікі ці частак чалавечага цела змяшчае ў сабе характарыстыку. Вось як гэта выглядае ў афарызмах: *Цытата з вока, цытата з вуха, // І зуб у роце блішчыць цытатай* (П. Панчанка); *Язык – як смык, і знай, дзе ўдарыць...* (В. Зуёнак).

Пры выкарыстанні ў афарыстычных выслоўях фразеалагічных зваротаў без змены яны выступаюць у маўленні аўтара як адзін са сродкаў, які робіць афарызм больш разнастайным, маляўнічым, выразным. Фразеалагізм пры такім ужыванні не нясе на сабе ніякіх дадатковых экспрэсіўна-стылістычных ацэнак, акрамя тых, якія належаць яму самі па сабе. Калі ж фразеалагічны зварот ужываецца пісьменнікамі ў змененым выглядзе, з іншай семантыкай і структурай, ён атрымлівае, акрамя закладзеных у ім самім, новыя эстэтычныя і мастацкія якасці. Можна сказаць, што гэта, па сутнасці, фразеалагічны неалагізм. Кінетычныя фразеалагізмы, акрамя экспрэсіі, надаюць афарызму яшчэ і пэўную інфарматыўнасць.

Не менш цікава, чым фразеалагізм, паводзяць сябе і прыказкі ў складзе афарыстычнага выслоўя. У мастацкай літаратуры прыказкі часцей за ўсё выкарыстоўваюцца як вобразны сродак раскрыцця ўнутранага стану асобы, характарыстыкі яго маўленчай

манеры. Напрыклад, адзін з герояў трылогіі Я. Коласа «На ростанях» – Анцыпкік гаворыць: *Не чапай нічога, не бойся нікога; Вышэй пуна не падскочыш; Сядзі ціха, не чапай ліха*. Гэтыя прыказкі ўказваюць на беспрынцыпнасць Анцыпіка. Многія прыказкі з'яўляюцца сродкам стварэння іроніі, гумару, дакору, жарту. Так, К. Крапіва ў байцы «Мандат», крытыкуючы Асла за тое, што ён не за розум, а памылкова атрымаў мандат, піша: *«Ад шчасця гэтага ў Асла аж галава кругам пайшла, і выляцеў з яе апошні розум – як п'яны стаў Асёл, хоць быў цвярозым»*.

Адной народнай прыказкай можна сказаць больш, чым цэлым наборам свабодных словазлучэнняў. Прыказкай *Аднак жа, як свінню ні кліч, яе заўседы выдасць лыч!*, якая стала афарызмам, К. Крапіва ў байцы «Заява» з'едліва высмеяў тых дабрадзеяў, якія, «павагу страціўшы ў людзей», хочуць памяняць прозвішча, каб схаваць сваё аблічча. Словамі *Да славы прагныя, Ды вузкія ў плячах*, якія сталі таксама афарыстычнымі, пісьменнік выкрывае, асуджае рознага роду прыстасаванцаў, прайдзісветаў. Прыкладзем яшчэ некалькі прыказак, якія сталі афарыстычнымі: *І авечка, хоць дурная, // А ваўка ж пазнае!* (Ф. Багушэвіч); *З тых пор як чорт гдзе не дарадзе, // Там слухае ён бабскіх рад* (Ф. Багушэвіч).

У гэтых прыкладах, ужытых у паэтычным кантэксте, прыказкі выкарыстаны аўтарам без змянення формы. Але прымяненне моўных афарызмаў да слова (знамянальна, што звычайна толькі ў гэтай функцыі) суправаджаецца мадыфікацыямі іх формы. Прыказкі ўсякаюцца, перафразуюцца часам да такой ступені, што набываюць нават супрацьлеглае значэнне, напрыклад: *Гарбатага, кажучь, // Выправіць толькі магіла, // Знаць, застануся такім, // Якім наша зямля нарадзіла* (М. Танк); *Усе гавораць, што адзін // Хоць з'еш вала – адна хвала* (М. Танк) – тут сінонімам да прымаўкі з'яўляецца адно слова *слабы*. *Але галоднаму і ў сне, // Знаць, сняцца хлеба крошкі* (М. Танк); *Сілай міл не будзеш, Як гавораць людзі* (М. Танк); *У цябе язык, хоць лапці ім пляці!* (М. Танк); *Маю сувязі паўсюды – // Верыць дурань толькі ў цуды!* (Р. Барадулін); *Жыццё пражыць – не поле перайсці... // Ды ўсе і поле, і жыццё праходзяць* (М. Рудкоўскі). З прыкладаў відаць, што, калі ў сярэдзіне афарызма выкарыстана прыказка, то па сінтаксічнай будове мы маем ці складаны сказ, ці звышфразовае адзінства, нярэдка ўскладненыя пабочнымі словамі. А гэта ў сваю чаргу яшчэ раз служыць доказам таго, што афарызм мае рытарычную прыроду.

Відавочна, што выкарыстанне аўтарамі ў выслоўях прыказак служыць для ўпрыгожвання маўлення, а таксама для больш выразнага падкрэслівання ці падмацоўвання сваёй думкі, звяртае ўвагу чытача на важнасць пастаўленай праблемы. Натуральна, што для таго, каб заўважыць у маўленні афарызм, асабліва трансфармаваны, і ўспрыняць яго эстэтыка-эмацыянальны зарад, неабходна ведаць зыходную форму афарызма і валодаць яго семантыкай. Найбольш яскрава экспрэсіўную ролю ў афарыстычных выслоўях адыгрываюць неалагізмы, сінонімы, лексіка размоўнага стылю. Але сярод усіх экспрэсіўных сродкаў выяўлення, якія сустракаюцца ў афарыстычных выслоўях, асаблівае месца займаюць неалагізмы. Прымету навізны слова можа хутка страчваць, таму што новы прадмет, новае паняцце можа атрымаць у кароткі тэрмін шырокае выкарыстанне.

Як вядома, вялікімі майстрамі індывідуальна-аўтарскіх неалагізмаў (аказіяналізмаў) былі класікі беларускай літаратуры Я. Купала і Я. Колас. Так, Я. Купала для асобных моўных кантэкстаў стварыў і выкарыстаў такія наватворы, як *небазор, вечнабыт, мазольнік, прасветач, крыліца, скурганіць* і інш. У Я. Коласа можна знайсці таксама многія аўтарскія паэтычныя неалагізмы, утвораныя пераважна шляхам асноваскладання: *жаўтацвецень, светазор, іскрадзяны, мнагалучны, срэбразвонны, цемнакрыліць* і інш. Сярод аказіянальных ўтварэнняў М. Танка можна сустрэць словы *вершадуб, адумысла-*

ваты, небасяжны, блакітнец і інш. Вызначаюцца новаўтварэннямі і іншыя мастакі беларускага слова. Напрыклад, *Грамадскую думку як ні кагаль, // Прытулак трэба няўцерпу-тулягу* (Р. Барадулін); *Нехта з іх помніў шагалаўскі местачкаваты Віцебск* (Р. Барадулін); *Лесавікуй да пенсіі, стары, // Ідзе парадкам культвяснакампанія* (В. Зуёнак) і інш.

Прааналізаваўшы марфалагічны састаў аказіяналізмаў у складзе афарыстычных мікратэкстаў, можна заўважыць, што яны ўтвараюцца па малапрадуктыўных ці зусім непрадуктыўных мадэлях, а часта і з парушэннем гэтых мадэляў: *Тыя, што варты ста-крот каханья, // Тыя не маюць яго на зямлі* (У. Караткевіч); *Няпамяць імя няўца зліжа, // А песня будзе жыць да жыць* (Я. Купала); *Як грошы, людскія гады, // Удосыць – не лічыш тады, // Увобмаль – дрыжыш над капейкай* (Р. Барадулін); *Ты ж клыгай старэцкай ступою, // А думай – мне дваццаць адзін* (Я. Колас); *Навучыліся ў спрэчках патаківаць неяк, // Забываць там, дзе лепей, сваё нават імя* (М. Танк); *З гадамі верыць дрэву // Неадзеравянелая душа* (Р. Барадулін) і інш.

Сярод экспрэсіўных сродкаў уяўлення значнае месца ў маўленні адводзіцца сінонімам. За кожным сінонімам стаяць сэнсавыя і стылістычныя асаблівасці. У аснове сінанімікі ляжыць агульнасць значэння маўленчых сродкаў. У кожным сіноніме прадстаўлена і тое агульнае, што дазваляе яго ставіць у паралель з іншымі словамі, і тое прыватнае, своеасаблівае, спецыфічнае, што адрознівае яго ад іншых [3, с. 84]. Сінаніміка – сфера бясконцых магчымасцяў маўленчай творчасці. Вялікую групу складаюць сінонімы агульнаўжывальныя, якія бытуюць у мове і выкарыстоўваюцца мастакамі слова пры дапамозе разнастайных прыёмаў уключэння іх у тэкст. Пісьменнік, як правіла, не абмяжоўваецца сінанімікай агульнанароднай мовы; ён уводзіць у сінанімічную суаднеснасць як эквівалентныя і паралельныя, так і новыя маўленчыя сродкі. У афарыстычных выслоўях таксама можам знайсці сінонімы, напрыклад: *Той дзень прапаў і страчаны наvekі, // Калі ты не зрабіў таго, што мог* (П. Панчанка); *Лётаць і лунаць // На вышыні // Маеш права – // Поўзаць немагчыма!* (Р. Барадулін). І яшчэ менавіта таму, што афарызм, па сутнасці, з'яўляецца маленькім мастацкім творам, мы знаходзім у ім, як правіла, кантэкстуальныя сінонімы: *прапаў і страчаны, лётаць і лунаць*.

Акрамя вышэйназваных экспрэсіўных сродкаў выяўлення, у афарызмах знаходзім і словы размоўнай лексікі, якія таксама адыгрываюць важную ролю ў аўтарскім выслоўі. Трапляючы ў мастацкія творы, гутарковыя словы «выклікаюць уражанне прастаты, жывасці, некаторай вольнасці маўлення і ўносяць разнастайныя адценні экспрэсіі» [4, с. 77]. Ад міжстылёвай лексікі, аднолькава характэрнай як для вуснага, так і для пісьмовага маўлення, размоўная лексіка адрозніваецца экспрэсіўна-стылістычнай афарбоўкай. Словы размоўнай лексікі, называючы што-небудзь, даюць таксама і ацэнку таму, што называюць. Семантычная асаблівасць размоўнай лексікі праяўляецца не толькі ў яе канкрэтнасці, але і ў вобразнасці, метафарычнасці, выражанай праз канкрэтную прадметнасць. Спецыфіка гэтага лексічнага пласта заключаецца і ў тым, што адцягненыя, абстрактныя паняцці выражаюцца канкрэтна, праз знешнія прыметы. Такія словы і выразы звычайна разглядаюцца як фамільярныя, грубаватыя, г.зн. стылістычна зніжаныя. Грубыя размоўныя словы вызначаюцца пераважна негатыўным значэннем (*быдла, пудзіла, паршывец, бадзяга* і інш.), ужытыя ў дачыненні да чалавека, яны носяць характар ляянікі. Такая лексіка з пэўнай стылістычнай функцыяй ужываецца ў творах мастацкай літаратуры як сродак моўнай характарыстыкі персанажаў.

У афарыстычных выслоўях такія выразы ствараюць патрэбны эмацыянальны тон грубасці або іранічнасці, напрыклад: *Але я, стары бадзяга, // Веру больш вачам уласным* (М. Танк); *Справа, ясна, не ў тым, што прадаў ён «гасподняга сына». Чалавека прадаў ён, паршывец. Жывое прадаў* (У. Караткевіч); *Людзі ваду да сябе ўздымаюць, //*

Быдла – схіляецца да вады (У. Караткевіч). Як бачым, гэтыя размоўныя словы *бадзяга, паршывец, быдла* з'яўляюцца назоўнікамі, утворанымі пры дапамозе суфіксаў *-яг-, -ец-, -дл-*, якія носяць размоўнае адценне.

Сярод дзеясловаў размоўнага пласта таксама можна выдзеліць пэўныя спецыфічныя для гутарковага стылю рысы, напрыклад: *Усё сваё хаяць прывыклі* (М. Танк); *Ты ж клыгай старэчкай ступою, // А думай – мне дваццаць адзін* (Я. Колас); *З-за вуха не сячы, // Пакуль не абмазгуеш* (В. Зуёнак) і інш.

Усе пералічаныя экспрэсіўныя сродкі выяўлення (неалагізмы, сінонімы, словы лексікі размоўнага стылю) выкарыстоўваюцца для павышэння выразнасці мовы. Слова пры стварэнні экспрэсіўнасці набывае асаблівую каштоўнасць. Дзякуючы слову тэкст апранаецца ў непаўторную форму. Дзякуючы ўжыванню экспрэсіўных сродкаў выяўлення выслоўе набывае выразнасць і культуралагічную значнасць. Апісаныя моўныя сродкі ўсіх узроўняў, як правіла, дзейнічаюць сумесна, мудрагеліста пераплятаючыся і ўзмацняючы адзін аднаго.

У славеснай арганізацыі афарызма актыўную ролю адыгрываюць рытм, рыфма, гукапіс. Зразумела, што рытміка экспрэсіўнага маўлення, якой валодае афарызм, ні ў адной мове і ні пры якіх умовах не можа быць тоеснай рытмічнай арганізацыі нейтральнага маўлення. Павелічэнне колькасці паўз і іх працягласць, няўстойлівы тэмп, эмпатычныя націскі, спецыфічная сегментацыя, больш кантрастная мелодыка парушаюць пануючыя ў той ці іншай мове тэндэнцыі. Ствараць асаблівы рытмічны малюнак экспрэсіўнага маўлення могуць не толькі прасадычныя, але і сегментныя сродкі, уласцівыя толькі гэтаму тыпу выказвання.

У нашым выпадку рытм будзе разглядацца на ўзроўні паэтычнага афарыстычнага выслоўя. З рытмічнай арганізацыяй паэтычнага афарызма звязаны паўтор граматычных формаў, паўтор слоў, паўтор сінтаксічных канструкцый, чаргаванне тыповых сітуацый, размяшчэнне элементаў тэксту, якое стварае рытміку кампазіцыйнай структуры, а таксама паўтор аднакарэнных слоў. Разгледзім некалькі прыкладаў: *Не праўдзяць мары – кепска марыш; // Захочаш мець – мацней жадай!* (М. Лужанін); *Маліцца будучы, калі ты ў славе, // Калі ты ў горы – з насмешкай плюнуць* (П. Панчанка); *Саперніцтва з прыродай – непазбежнасць, // Як непазбежнасць – розум у прыродзе* (В. Зуёнак); *Дай бог арла варонай не назваць, // Варону жа арлом – нічога* (М. Багдановіч); *Але не мае будучыні тое, што будучыні прад сабой не мае* (Д. Бічэль-Загнетава). У гэтых афарызмах рытм вызначаецца паралелізмам сінтаксічных канструкцый. У афарызме П. Панчанкі да паралелізму сінтаксічных канструкцый з мэтай узмацнення рытму дадаецца паўтор сінтаксічных частак, у нашым выпадку гэта даданая частка складаназалежнага сказа, якая ў першым радку прадстаўлена ў канцы, а ў другім – у пачатку: ..., *калі ты ў славе, // Калі ты ў горы – ...*

Часта ў паэтычных афарызмах рытм выяўляецца пры ўжыванні эліптычных сказаў, напрыклад: *У кожнага – свой век* (М. Танк); *Людзі ваду да сябе ўздымаюць, // Быдла – схіляецца да вады* (У. Караткевіч); *Узнагарода – памяць, Памяць – кат* (З. Дудзюк); *Лічу я: жорсткасць – гэта ночы, // А дабрата – высокі дзень* (С. Законнікаў). Відавочна, што эліптычныя сказы прадстаўлены па-рознаму ў прыведзеных прыкладах. У першым – гэта адзін радок, які якраз і складаецца з аднаго эліптычнага сказа. У другім прыкладзе эліптычны сказ знаходзіцца ў другой частцы афарыстычнага выслоўя, што падкрэслівае супастаўляльны характар абедзвюх частак і стварае агульную ідэю афарызма. У наступным прыкладзе два радкі прадстаўлены эліптычнымі сказамі, але яны неразвітыя і пабудаваныя па прынцыпе паралелізму (паўтараецца слова *памяць*: – ... – *памяць, Памяць – ...*). У апошнім сказе зноў жа абодва радкі – гэта эліптычныя

сказы, толькі ў адрозненне ад папярэдняга сказа – развітыя. Як бачым, эліптычная пабудова ўсяго афарызма ці часткі афарызма надае выслоўю пэўны рытм, які падкрэслівае адну з галоўных яго рыс – ёмістасць.

Пэўны рытм у афарызме дасягаецца і пры ўжыванні аднакарэнных ці падобных па гукавым складзе слоў, напрыклад: *Які б ні быў ён недасяжным, // Пост не затым, каб пастаяць, // А рупіцца, а быць адважным, // А быць чысцейшым удвая* (М. Лужанін); *О мацярынства мацярык нязнаны. // Яго заўсёды адкрываюць занавы* (Р. Барадулін); *Усё жыццё жывём расстаннем...* (Р. Барадулін); *Жыццё і жыта – вечная радня* (С. Законнікаў); *Жыццё ідзе – і трэба жыць* (У. Някляеў).

Са зместам афарызма, наданнем яму большай ёмістасці звязаны не толькі рытм, але і рыфма. В.М. Жырмунскі вызначыў рыфму як усякі гукавы паўтор, які нясе функцыю арганізацыі ў метрычнай кампазіцыі верша, А.Х. Вастокаў амаль 200 гадоў таму характарызаваў рыфму як гульню сугучнасцей, называючы яе сугучным канчаткам. Ю.М. Лотман лічыў, што рыфма ўяўляе сабою гукавое супадзенне слоў ці частак у канцы рытмічнай адзінкі пры сэнсавым несупадзенні. Усе гэтыя азначэнні маюць сваю актуальнасць і зараз [5, с. 53]. Сучаснымі даследчыкамі выдзяляецца некалькі відаў рыфмаў: па месцы націску (мужчынская, жаночая і дактылічная); па гукавым складзе (дакладная і недакладная); па размяшчэнні ў страфе (перакрыжаваная, кальцавая і сумежная). Названыя віды рыфмаў сустракаюцца і ў паэтычных афарыстычных выслоўях: *Ад чужога хлеба губы абсядаюць, // Што чужога прагнуць, то сваё кідаюць* (Ф. Багушэвіч) – рыфма жаночая (націск на другім ад канца складзе – *абсядаюць – кідаюць*), дакладная; *Мы помнім выразна і свежа, што спее ў Турцыі ў садах, а казку дзіўнай Белавежы ледзь разбіраем па складах* (М. Рудкоўскі) – рыфма жаночая (*свежа – Белавежы*), недакладная (несупадзенне галосных гукаў у слове – *свежа – Белавежы*); мужчынская (націск падае на апошні склад – *садах – складах*), дакладная (*садах – складах*); перакрыжаваная (АБАБ); *Як бы цяжкім крок не здаўся, // Калі нават грозіць згубай, // Не шкадуйце, аддавайце // Палавіну века любым* (М. Лужанін) – рыфма жаночая (*здаўся – аддавайце; згубай – любым*), недакладная (*здаўся – аддавайце; згубай – любым*), перакрыжаваная; *Пачуцці клічуць нас няроўна – // То ўвысь, то цягнуць да зямлі, // Бо адчуваем так умоўна – // Як нам захочацца калі* (П. Броўка) – рыфма жаночая (*няроўна – умоўна*) і мужчынская (*зямлі – калі*), дакладная (*няроўна – умоўна, зямлі – калі*), перакрыжаваная; *Голас незнаёмага можа здзівіць, // Голас друга – на хвіліну спыніць, // Голас любай – сагрэць сонцам лета, // Голас маці – вярнуць з таго свету* (М. Танк) – рыфма мужчынская (*здзівіць – спыніць*) і жаночая (*лета – свету*), дакладная (*здзівіць – спыніць*) і недакладная (*лета – свету*), сумежная (ААББ).

Але ёсць вершы, у якіх няма рыфмы. Гэта так званыя белыя вершы. Гэты тэрмін перайшоў у паэтыку з французскай мовы – *vers blanc*, якая ў сваю чаргу ўзяла яго з англійскай паэтыкі, дзе нерыфмаваныя вершы называюць *blank verse* (*blank* – згладзіць, сцерці, знішчыць), г. зн. вершы са сцёртай, знішчанай рыфмай. Ён характэрны якраз для твораў з адрывістай інтанацыяй, якімі і з’яўляюцца афарыстычныя выслоўі: *На дрэве памяці // З кожным годам – // Багацейшы ўраджай* (М. Танк); *Толькі свет пакідаючы, не бярыце нічога, // Нават ключ ад дзвярэй перадайце суседу* (М. Танк); *Старасць – час, калі не маеш права, апроч сну, адпачынку, спакою, // Ні на адзін дзень адкласці свае справы...* (М. Танк); *Жыццё ёсць шчасце – Аксіёма! // Ды кожны з нас часовы госць* (П. Броўка); *Памер. Прыкрылі некралогам, // І ўсёй вядомасці канец* (П. Броўка); *З кожным днём далей мы // Ад жыцця, ад вясны* (Я. Колас).

Не менш важнай з’явай, чым рытм і рыфма, якія дазваляюць выдзеліць афарызм з паэтычнага кантэксту, з’яўляецца і гукапіс. А.М. Пяшкоўскі пісаў, што «мілагуч-

насць» – гэта ўмова выразнасці і прыгажосці тэксту [6, с. 103]. На сувязь фанетычных з’яў з экспрэсіўнасцю ўказвалі Ш. Балі (1955), А. Брык (1919) і іншыя. Шматлікія сучасныя даследчыкі: І.В. Арнольд, І.Р. Гальперын, А.П. Жураўлеў, Р.С. Шутнікава і інш. – сярод найбольш выразных сродкаў мовы вызначаюць і фанетычныя сродкі. Сапраўды, яны ўяўляюць сабой адзін з пачуццёва-эмацыянальных бакоў выказвання і тэксту. І хоць гукі самі па сабе не прыстасаваныя для выканання экспрэсіўнай функцыі, але гукавы склад тэксту, у прыватнасці, афарызма, яго спецыфічны выгляд не абыякавы для эмацыянальнага і экспрэсіўнага ўспрымання моўнай асобай. Больш таго, гукі так уплываюць на змест тэксту, яго рытм, што пад уздзеяннем яго як адзінага цэлага становяцца матываванымі, ужытымі дарэчы [7, с. 62]. Хоць у адносінах да пісьмовага тэксту трэба гаварыць пра выразнасць не фанетычную, а графічную, пісьменнікі заўсёды ўлічваюць фанетычнае аблічча тэксту, разлічваючы на яго вымаўленне.

Гук у паэтычным афарызме выконвае вельмі важную ролю. Гукавое афармленне не толькі не падпарадкоўваецца семантыцы, а наадварот, яно пераважае над першасным сэнсам. Фанетыка ў паэтычным тэксце фарміруе мастацкую танальнасць, рытміка-інтанацыйны малюнак, а ў выніку і асобую выразнасць выслоўя. Разгледзім некалькі прыкладаў гукапісу, які назіраецца ў паэтычных афарызмах: *Прытомлены жыццёваю дарогай, // Сам у сябе заглядвай з асяярогай: // А раптам раб там?* (Р. Барадулін); *Лепшы спосаб заварвання чаю – калі тым чаем сяброў прывячаю* (А. Вярцінскі); *Не павярхоўным словам ткаць аснову, напружанай увагі варты пошук* (Д. Бічэль-Загнетава). У першым выпадку вымаўленне спалучэння раб там (рап там) аднолькава з вымаўленнем слова *раптам* [*раптам*], што выразна паказвае на такія экспрэсіўныя адценні, як перасцярога, няўпэўненасць. У другім прыкладзе паўторы *чаю, чаем, прывячаю*, наадварот, ствараюць сяброўскі настрой, прыязнасць, мяккасць выразу. У апошнім прыкладзе ў другой частцы афарызма большая частка зычных гукаў вымаўляецца цвёрда, а таксама маюцца і зацвярдзелыя гукі (*напружанай, варты, пошук*), што і стварае атмасферу руху наперад, настойлівасці, упартасці.

Гукапіс у афарыстычных выказваннях адыгрывае важную ролю экспрэсіўнага сродку перадачы думкі, выклікае ў чытача пэўныя пачуцці. Гэта значыць, што паэтычнае слова – комплекс узаемадзеяння як гукавога, так і сэнсавага, выяўленага пачаткаў. Гукавая абалонка слова дапамагае зразумець сэнс выказвання. Фанетычныя з’явы ў вершах адыгрываюць больш важную ролю, чым у прозе, і таму вершы хутчэй і глыбей уздзейнічаюць на эмоцыі. Сістэма вершаванага радка падпарадкоўвае паэтычнаму зместу ўсё, што ёсць у слове, мове; не менш важнай з’яўляецца даўжыня слова; гукі, што яго складаюць, месца націску, суадносіны галосных, зычных і г.д. Тут дадаецца яшчэ ўплыў рытму, рыфмы, парадку слоў, высокая частата важных для перадачы настрою гукаў, больш разнастайная і багатая інтанацыя, паўторы, сінтаксічная пабудова. Асабліва важныя фанетычныя сродкі пры ўспрыманні галоўных (ключавых) слоў афарыстычнага выразу. Такім чынам, рытм, рыфма, гукапіс яшчэ больш узмацняюць уражанне, якое ўзнікае ад семантыкі выслоўя.

Розная ступень экспрэсіўнасці граматычных катэгорый абумоўлена шматлікімі прычынамі. Аснова іх выразнасці закладзена ў самой спецыфіцы граматычных значэнняў, характэрных для розных катэгорый. Экспрэсія граматычных сродкаў вызначаецца тымі асацыяцыямі, якія ўзнікаюць пры ўжыванні, напрыклад, катэгорыі роду або ліку. Гэтыя асацыяцыі даюць магчымасць увасаблення, а значыць, ужывання моўных сродкаў у вобразна-фігуральным значэнні. Экспрэсіўнасць граматычных сродкаў залежыць ад тых гістарычных зрухаў, якія звычайна адбываюцца ў мове, ад змянення стылістычных нормаў, якія адрозніваюць устарэлыя і новыя нормы. І нарэшце, экспрэсія грама-

тычных сродкаў залежыць ад характару асноў, ад лексічных значэнняў, якія закладзены ў словах. Экспрэсія выяўляецца таксама ў тых выпадках, калі адбываецца пераход слоў са звыклых сфер у новыя, незвычайныя. Акадэмік В.У. Вінаградаў указваў, што «закладзеныя ў форме роду патэнцыяльныя сэнсавыя адценні нярэдка рэалізуюцца і вызначаюць шлях метафарычнага ўжывання слова» [8, с. 64].

Шматлікія выяўленчыя магчымасці закладзены і ў ступенях параўнання прыметнікаў, ужытых у афарызмах, дзе даецца своеасаблівая градацыя прымет, якая ўзмацняецца ў вышэйшай і найвышэйшай ступенях.

Вышэйшая ступень параўнання можа мець значэнне большай ступені якасці паза параўнаннем з іншымі прадметамі. Формы на *-эйш*, якія ўжываюцца ў афарызмах з гэтымі значэннямі адрозніваюцца экспрэсіўнасцю, напрыклад: *На дрэве памяці // З кожным годам – // Багацейшы ўраджай* (М. Танк); *Ну і дурань, // Хто думае, нібыта // Лагаднейшы есць суд ад людскога* (М. Танк); *Прыдумаў бога не дурнейшы, // Каб слухаў і не чхаў сусед, // Каб спасылацца на вышэйшы, // Чым маеш сам, аўтарытэт* (М. Лужанін); *Які б ні быў ен недасяжны, // Пост не затым, каб настаяць, // А рупіцца, а быць адважным, // А быць чысцейшым удвая* (М. Лужанін); *Не буду мянцця, хоцьбы і на замкі, – // Калок свой мілейшы, як чужыя клямкі* (Ф. Багушэвіч) і інш.

Сустракаецца даволі часта і простая форма вышэйшай ступені параўнання, утвораная пры дапамозе суфікса *-ш-*, які далучаецца да суплетыўнай асновы, напрыклад: *Верым, што лепшая частка жыцця – // Тая, якую пражыць мы збіраемся* (Р. Барадулін). У афарызме *Няма вялікага, як будаваць і жыць* (П. Трус) форма *вялікага* ўтворана з адхіленнем ад літаратурнай нормы.

У аўтарскіх афарыстычных выслоўях ужываюцца і складаныя формы вышэйшай ступені параўнання, утвораныя шляхам далучэння да прыметнікаў прыслоўяў *больш* (*болей*), *менш* (*меней*), напрыклад: *А я не знаю нічога больш агіднага, // Як маўчанне* (М. Танк); *Быццам недзе есць зямля // Больш лячэбная, // Як Радзіма* (М. Танк) і інш.

Нязменныя формы вышэйшай ступені параўнання прыметнікаў з суфіксам *-ей* (*-эй*) лічацца адхіленнем ад літаратурнай нормы. Іх ужыванне ў творах мастацкай літаратуры (часцей, у паэзіі) абумоўлена рытмікай і рыфмай верша: *У жыцці мацней сяброўства // Нам нічога не знайсці* (П. Броўка); *Няма радней, чым родны кут* (П. Броўка); *Дарожэй за ўсе свабода* (Я. Колас). Нярэдка за кошт ужывання розных формаў вышэйшай ступені параўнання аўтар у выслоўі паказвае градацыю прыметы, напрыклад: *Заўсёды кніга нараджае кнігу, // Больш дасканалую, бліжэйшую да праўды* (М. Танк).

Асабліва часта ў афарыстычных выслоўях сустракаецца найвышэйшая ступень параўнання, менавіта, простая яе форма, якая ўтвараецца шляхам далучэння да простага формы вышэйшай ступені прыстаўкі *най-*: *...найгарчэйшыя – дні на чужыне* (М. Танк); *Найлепшая з нашых дарог – // Дарога дадому* (П. Панчанка); *Не найлепшы ўрач // Маўчанне залатое* (В. Зуёнак); *Родная мова, хоць бедная мова, // Мілей найбагатшай чужой!* (Я. Купала). Парушэннем літаратурнай нормы лічыцца ўжыванне пры формах вышэйшай ступені параўнання залежных слоў (назоўніка, займенніка) у форме роднага склону з прыназоўнікам *ад*, напрыклад: *Бо яднанне – сіла ў свеце, // Хто ж дужэй ад грамады* (Я. Колас); *І гор няма ў нас ніякіх – // Ды людзі ёсць – вышэй ад гор!* (П. Броўка). Але гэтае парушэнне менавіта ў аўтарскіх выслоўях трэба лічыць апраўданым, таму што за кошт такога парушэння афарызм набывае такія якасці, як ацэначнасць і эмацыянальнасць.

Разам з характарыстыкай ступеняў параўнання прыметнікаў у афарызмах нельга не сказаць і пра ўжыванне ў выслоўях ступеняў параўнання прыслоўяў і безасабова-прэдыкатыўных слоў. Часцей за ўсе сустракаецца простая форма вышэйшай ступені па-

раўнання, якая ўтвараецца ад прыслоўяў пры дапамозе суфікса *-ей (-эй, -ай)*, які далучаецца да ўтваральнай асновы прыслоўя або непасрэдна да кораня, прычым у прыслоўях могуць адбывацца пазіцыйныя і гістарычныя чаргаванні гукаў, напрыклад: *Хутчэй станавіцеся класікамі, // Калі перашкаджаюць вам крытыкі* (М. Танк); *... замест свечкі лепей быць гранатай* (М. Танк); *Горш перцу горкага такі сусед* (М. Танк); *Лягчэй таму знайсці // Шлях да людскога гора, // Хто меў сваё ў жыцці* (М. Лужанін); *Не кроч на сцежкі бакавыя – // Ямчэй сказаць, памени зрабіць, – // Бяры адказ сабе на шыю, // Не на сяброўскія гарбы* (М. Лужанін); *Не выхваляйся дабрынёю, // Рабі добро ты моўчкі лепш!* (П. Броўка); *Калі прыціснуць беды, // Лягчэй, як хтосьці ёсць з табой* (П. Броўка); *Нас кожны дзень, прызнаць мы мусім гэта, // Цясней абносіць лютым дротам гэта, // Якое сумна старасцю завецца* (Р. Барадулін); *Багоў заўжды на свеце многа, // Бо чалавекам быць – цяжэй* (В. Зуёнак); *Горай жыці ў чужым краю, // Болей слез, нуды* (Я. Купала); *На пахілых і сабакі // Брэшуць злосней і гарэй ...* (Я. Колас); *Пісаць пачынаю // Ўсе горш я і горш – // Пара выбіраць акадэмікам* (М. Танк) і інш.

Да форм вышэйшай ступені таксама далучаюцца словы *на шмат, за ўсё*, якія ўзмацняюць значэнне ступені і надаюць ёй адценне самай высокай якасці: *Мне свет зямны на шмат шырэй відзён // У продкаў чалавечнай праваце* (М. Мятліцкі); *Відаць, страшней, страшней за ўсё на свеце // Пакінутым усімі быць* (М. Рудкоўскі). У апошнім прыкладзе паўторам прастай формы вышэйшай ступені аўтарам выкарыстаны прыём градацыі. Відавочна, што ўжыванне формаў ступеняў параўнання прыметнікаў і прыслоўяў у афарыстычных выказваннях узмацняе эмацыянальнасць, ацэнчнасць і агульную экспрэсію выслоўяў.

У афарызмах ужываюцца і субстантываваныя формы прыметнікаў. Выразнасць іх знаходзіцца ў залежнасці ад пашырэння сэнсавага аб'ёму слоў, ад тых семантычных зрухаў, якія адбываюцца ў слове, калі прыметнік ператвараецца ў назоўнік. Звычайна лексічнае значэнне ў субстантываваных прыметнікаў не мяняецца, а толькі ўзмацняецца катэгорыя прадметнасці. Але ў некаторых выпадках пры субстантывацыі назіраюцца такія зрухі семантычнага характару, у выніку якіх у словах з'яўляецца новае значэнне. Для нас найбольшую цікавасць уяўляе так званая няпоўная субстантывацыя. Для няпоўнай субстантывацыі паказальна падвойнае ўжыванне слова: і як прыметніка, і як назоўніка. Слова знаходзіцца як бы на ростані паміж гэтымі часцінамі мовы і можа ўжывацца як у якасным, так і ў прадметным значэннях [9, с. 158]. Такую няпоўную субстантывацыю можна назіраць менавіта ў паэтычных афарыстычных выслоўях: *Няма вялікашага, як будаваць і жыць* (П. Трус); *Ад чужога хлеба губы абсядаюць, // Што чужога прагнуць, то сваё кідаюць* (Ф. Багушэвіч) і інш.

Не меншую цікавасць маюць і прыметнікі з суфіксамі суб'ектыўнай ацэнкі, ужытыя ў афарызмах. Суфіксы, якія далучаюцца да слоў, не столькі вар'іруюць саму якасную прымету, колькі надаюць слову дадатковыя ацэнчна-характарыстычныя элементы. Такі ацэнчны элемент не толькі ўносіць новыя адценні ў значэнні слоў, але і істотна іх мяняе. У афарыстычных выслоўях мы знаходзім формы ацэнкі, утвораныя ад якасных прыметнікаў пры дапамозе менш пашыраных суфіксаў *-юсеньк-* (надае прыметнікам памяншальна-ласкальнае значэнне) і *-ават-* (надае прыметнікам значэнне непаўнаты якасці), напрыклад: *Калі розум слававаты, // Не віні падкоўкі* (М. Лужанін); *Жыву ў трохкутніку, дзе кожны кут няўтульны і чужаваты* (Р. Барадулін). Ужыванне субстантываваных прыметнікаў, а таксама прыметнікаў з суфіксамі суб'ектыўнай ацэнкі надае афарыстычным выслоўям значную выразнасць і экспрэсіўнасць.

Пэўную ролю ў афарыстычных выслоўях адыгрываюць і некаторыя формы дзеясловаў. Даволі часта аўтары звяртаюцца да формаў загаднага ладу, якія ўзмацняюць да-

верлівасць, узаемаразуменне. Лад наогул характарызуецца наяўнасцю мадальнасці, якая падкрэслівае адносіны аўтара да падзеі. Выражаючы загад ці просьбу, перасцярогу, параду, пажаданне, загадны лад валодае складанай гамай экспрэсіўных адценняў. У афарызмах сустракаем: *Будзьце ж прарокамі // Светлага заўтра* (М. Танк); *Як бы цяжкім крок ні здаўся, // Калі нават грозіць згубай, Не шкадуйце, аддавайце // Палавіну века любым* (М. Лужанін); *Будзь шчодры: сам не паскупіся // І за дабро чакай добра* (М. Лужанін); *Давайце ж будзем адкрыта // Чорнае чорным зваць* (П. Броўка); *Будзь як на споведзі перад сабой* (Р. Барадулін); *Калі прыходзіць да канца дарога, // Асмелься запытаць сябе самога, // Што ты паспеў зрабіць?* (Р. Барадулін); *Са словам дабрыні // Спяшайце не спазніцца!* (Р. Барадулін); *Старайся іншых зразумець, // Тады Сябе самога, можа, зразумееш* (Р. Барадулін); *Ад слова прыбываюць сілы, // Дык не шкадуйце шчырых слоў!* (С. Грахоўскі) і інш. У гэтых прыкладах розныя адценні значэння, якія належаць умоўнаму ладу, могуць выражацца формай загаднага ладу, што надае выказванню размоўны характар. Дадатковыя сэнсавыя і экспрэсіўныя адценні ўносяцца ў формы загаднага ладу некаторымі часціцамі і афіксамі. Так, часціца **ж** уносіць адценне сумеснасці дзеяння, прастаты звароту, натуральнасці (*будзьце ж, давайце ж*). Адценне ветлівага запрашэння да дзеяння змяшчаюць формы з афіксам **-це**, які далучаецца да формы другой асобы адзіночнага ліку загаднага ладу (*не шкадуйце, аддавайце, спяшайце*). Часціца **не** пры форме імператыву закончанага трывання надае адценне папярэджання, перасцярогі (*не паскупіся, спяшайце не спазніцца*). Менавіта формы загаднага ладу надаюць аўтарскім выслоўям ёмістасць і экспрэсіўнасць.

Гаворачы пра экспрэсію афарыстычных выслоўяў, нельга не закрануць ролю часціц і выклічнікаў. Сярод часціц сустракаюцца часцей за ўсе выдзяляльна-абмежавальная часціца **толькі**, узмацняльныя часціцы **нават, ж**: *Толькі свет пакідаючы, не бярыце нічога, // Нават ключ ад дзвярэй перадайце суседу* (М. Танк); *Але аб тым, што ў нечым сэрцы выбух, // Парою нават блізкія не знаюць...* (М. Танк); *Людскі ж язык касцей не мае* (Я. Колас). Сярод выклічнікаў найбольш распаўсюджаны ў афарыстычных выслоўях экспрэсіўныя выклічнікі **о, ах**, а таксама эмацыянальныя **ой, ай**, напрыклад: *Ах, як многа імгненне важыць!* (П. Панчанка); *О, як радасна мову рабіць на багата стагоддзяў слаўтай!* (Р. Барадулін); *О, колькі ў памяці сваёй нашу памылак!* (М. Танк); *Растуць на радзіме маёй неабсяжныя дрэвы. О, не сячыце дрэў гэтых пявучых, // Калі свае любіце песні* (М. Танк); *А там, за светам, на чужыне, // Ніхто цябе, ой, не прыхіне!* (Я. Колас). Для ўзмацнення экспрэсіўнасці выказвання нярэдка ў афарыстычным выслоўі ўжыты разам некалькі граматычных выяўленчых сродкаў: *Толькі свет пакідаючы, не бярыце нічога, // Нават ключ ад дзвярэй перадайце суседу* (М. Танк) – ужыты часціцы + формы загаднага ладу дзеяслова.

Спецыфічнай граматычнай асаблівасцю аўтарскіх выслоўяў з'яўляецца паўтор аднакарэнных ці падобных па гукавым складзе слоў, якія свядома выкарыстоўваюцца аўтарамі як сродак інтэнсіфікацыі прыметы ці як сродак супастаўлення паняццяў і з'яў, напрыклад: *Які б ні быў ён недасяжны, // Пост не затым, каб пастаяць, // А рупіцца, а быць адважным, а быць чысцейшым удвая* (М. Лужанін); *Давайце ж будзем адкрыта // Чорнае чорным зваць* (П. Броўка); *Жыцце – патрэба ўсіх патрэб* (А. Вялюгін).

Заклучэнне

Відавочна, што ўсе вышэйпералічаныя граматычныя формы і сродкі выяўлення: фразеалагізмы, прыказкі і прымаўкі ў складзе афарыстычнага выслоўя, рытм, рыфма, гукапіс, ступені параўнання прыметнікаў, прыслоўяў, загадны лад дзеяслова, ужыванне часціц і выклічнікаў, наўмысны паўтор аднакарэнных ці падобных па гукавым складзе

слоў – адыгрываюць у аўтарскіх выслоўях важную экспрэсіўную ролю. Пры дапамозе гэтых сродкаў выяўлення аўтарамі дасягаецца большая ступень эмацыянальнасці, ацэнчанасці, даверлівасці, узаемаразумення і агульнай экспрэсіі афарызма, што садзейнічае перакананасці, вобразнасці, яскравасці такіх выслоўяў. Афарызм – гэта параджанне вастраслоўя ў шырокім сэнсе гэтага слова і спалучэнне глыбіні думкі з яе прыгажосцю, якая дасягаецца прымяненнем мастацка-стылістычных сродкаў. Даследаванне гэтых прыёмаў мае істотнае значэнне для далейшай распрацоўкі праблем лінгвастылістыкі і ідыяматыкі беларускай мовы.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Ефимов, А. И. О языке художественных произведений / А. И. Ефимов. – М. : Учпедгиз, 1954. – 288 с.
2. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике. Об изменении значения и заменах существительного / А. А. Потебня. – М. : Просвещение, 1968. – 551 с.
3. Ефимов, А. И. Стилистика русского языка / А. И. Ефимов. – М. : Просвещение, 1969. – 262 с.
4. Гвоздев, А. Н. Очерки по стилистике русского языка / А. Н. Гвоздев. – М. : Просвещение, 1965. – 408 с.
5. Лотман, Ю. М. Анализ художественного текста / Ю. М. Лотман. – Л. : Просвещение, 1972. – 271 с.
6. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – 7-е изд-е. – М. : Учпедгиз, 1956. – 511 с.
7. Маслова, В. А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста : учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск : Выш. шк., 1997. – 156 с.
8. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / отв. ред. Г. А. Золотова / В. В. Виноградов. – 3-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 1986. – 640 с.
9. Ефимов, А. И. Стилистика русского языка / А. И. Ефимов. – М. : Просвещение, 1969. – 262 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 19.10.2015

Levonyuk A. Ye. The Expressivity of Aphoristic Utterances by Lexical and Grammatical Means

The article considers the cases of the use of some lexical and grammatical means in aphorisms in order to make gnomic texts more expressive. It is stressed that idiomatics as a special literary genre includes specific for each nation outlook, views, stereotypes, standards, moral ideals. The authors by means of phraseological quotations and proverbs, rhymes and other linguistic and rhetorical methods of aphoristic micro-texts building achieve expressivity, which is viewed as a main feature of aphoristic utterance. The research in these methods has an important significance for further working out the problems of linguistics and idiomatics of the Belarusian language.

УДК 82.091

І.В. Поўх*канд. філал. навук, дац. каф. замежных моў
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна***ГІСТОРЫЯ СТАНАЎЛЕННЯ І РАЗВІЦЦА
ЛІТАРАТУРНАЙ КАМПАРАТЫВІСТЫКІ**

У артыкуле разглядаецца гісторыя станаўлення і развіцця літаратурнай кампаратывістыкі на працягу XIX–XX стагоддзяў. Даследаванне заснавана на працах П. Брунэля, В.М. Жырмунскага, Д. Дзюрышына, А. Дзіма, А.М. Весялоўскага і інш. Аўтар разглядае гісторыю ўзнікнення тэрміна «параўнальнае літаратуразнаўства», праблемы нацыянальных вобразаў у параўнальным літаратуразнаўстве, стаўлення навукоўцаў да літаратурнай кампаратывістыкі і яе статуса як асобнага інстытута. Асабліва ўвага надаецца размежаванню паміж параўнальным і супастаўляльным літаратуразнаўствам, прадмету і аспектам кампаратыўнага даследавання, а таксама задачам і метадам кампаратыўнага літаратуразнаўства.

Уводзіны

Станаўленне і развіццё нацыянальных літаратур адбывалася не ізалявана, на аснове толькі ім уласцівых законаў, а ў складзе агульнай сусветнай літаратуры, ва ўзаема-связі з літаратурамі іншых краін. Невыпадкова навукоўцы [1–3] падкрэсліваюць цесную сувязь паміж нацыяй і яе літаратурай і мовай, абумоўліваючы ўзнікненне патрэбы ў кампаратыўным літаратуразнаўстве росквітам нацыяналістычных рухаў і часам нават паядноўваючы гэтыя тры складнікі – нацыя, мова, літаратура – у адно непадзельнае цэлае. Адпаведна, кожны літаратурны працэс адлюстроўвае, з аднаго боку, характэрныя рысы канкрэтнай нацыі, што вынікаюць з яе гісторыка-культурных асаблівасцей, традыцый і менталітэту, і з другога боку – агульныя законы сусветнага літаратурнага працэсу. Гэтыя два аспекты – прыватны і агульны – даследуе кампаратыўнае літаратуразнаўства, ствараючы так званы «другасны нацыяналізм: разнастайнае ў цэльным, усведамленне падабенстваў і адрозненняў, супадзенняў і разыходжанняў» [1, с. 40].

Станаўленне параўнальнага літаратуразнаўства ў XVIII–XIX стст.

Параўнальны падыход да даследавання мастацкай літаратуры вядзе сваю гісторыю з XVIII – пачатку XIX стст. (Ф. Боўтэрвек, Ф.С. Квадрыя, Л.А. Мураторы і інш.). Гэты метада выкарыстоўвалі, развівалі і ўдасканальвалі навукоўцы розных напрамкаў: філасофска-эстэтычнага, ці эстэтычнай крытыкі, (А.Г. Баўмгартэн, І.І. Вінкельман, І. Кант, Г.Э. Лесінг і інш.), гістарычнага (Г.Г. Гервінус, С.П. Шэвыраў), неафілалагічнага (Ф.І. Буслаеў, В. і Я. Грым, А. Кун, М. Мюлер, А.А. Патабня), сацыялагічнага (П.Н. Сакулін), тэорыі запазычання (Т. Бенфей), антрапалагічнай тэорыі самазараджэння сюжэтаў (Ш. Летурно, Э. Тайлар), тэорыі фармалізму (В.М. Жырмунскі, Б.В. Тамашэўскі, Ю. Тынянаў, В. Шклоўскі, Б.М. Эйхенбаўм, Р. Якабсон), структуралізму (Я. Мкаржоўскі) [4–5].

Тэрмін «параўнальнае літаратуразнаўства» з'явіўся ў XIX ст. (працы Ж.-Ж. Ампера, Э. Кінэ, Ф. Шаля і інш. [6]), але ў якасці самастойнага напрамку літаратурных даследаванняў літаратурная кампаратывістыка, найбольш вядомымі прадстаўнікамі якой былі Д.М. Вайдэ, А. Дзіма, Д. Дзюрышын, Х.М. Познет і інш., узнікла напрыканцы XIX – у пачатку XX стст. У яе аснову было пакладзена параўнальна-гістарычнае літаратуразнаўства (А.М. Весялоўскі, Э. Вольф, В. Шэрар і інш.), што заявіла пра сябе ў 1870-я гг.

як метада вывучэння адзінства і заканамернасцяў развіцця агульных літаратур (агульна-славянскай, агульнаеўрапейскай, сусветнай і г.д.) пад назвай «гістарычная паэтыка», і тэорыя запазычання, у прыватнасці яе параўнальна-фармальны падыход да вывучэння літаратурных сувязяў, канчатковай мэтай якога было выяўленне літаратурных крыніц творчасці [1; 4; 7; 9]. Найбольш шырокае асвятленне параўнальна-гістарычны падыход да літаратуразнаўства, у прыватнасці даследаванне ўзаемасувязяў і ўзаемаўплыву гістарычнага і тэарэтычнага падыходаў да вывучэння літаратуры, атрымаў у працах А.М. Вяслоўскага, В.В. Вінаградава, В.М. Жырмунскага, Н.І. Конрада і інш. В.М. Жырмунскі вылучае параўнальна-гістарычнае літаратуразнаўства як асобны раздзел гісторыі літаратуры, што мае аб'ектам вывучэння міжнародныя літаратурныя сувязі і адносіны ў іх гістарычнай абумоўленасці, а таксама падабенствы і адрозненні паміж літаратурнымі з'явамі ў розных краінах на ўзроўні асобных літаратурных твораў, жанраў і стыляў, напрамкаў, асаблівасцей творчасці пэўных пісьменнікаў [8]. Гэтае падабенства, як адзначае даследчык, можа быць заснавана, з аднаго боку, на агульнасці грамадскага і літаратурнага развіцця народаў (тыпалагічныя аналогіі), і з другога – на культурных і літаратурных кантактах паміж імі (літаратурныя сувязі і ўплывы). У аснову тэорыі А.М. Вяслоўскага [10], заснавальніка параўнальна-гістарычнага літаратуразнаўства, быў пакладзены прынцып каўзальнасці, з наданнем асаблівай значнасці паслядоўнасці і прычынна-выніковай сувязі паміж пэўнымі з'явамі як сродкам пераходу на новую, больш высокую ступень абагульнення, у прыватнасці ўзаемасувязі паміж літаратурай і сацыяльным кантэкстам.

Развіццё літаратурнай кампаратывістыкі ў XX ст.

XX ст. стала сведкам усплёску цікавасці да літаратурнай кампаратывістыкі і шматлікіх грунтоўных даследаванняў у гэтай галіне. Паступова пашыраецца і прадмет даследавання літаратурнай кампаратывістыкі. Спачатку кампаратывісты займаліся, у асноўным, вывучэннем рэальных узаемасувязяў, крыніц і ўплываў, з цягам часу літаратурная кампаратывістыка набывае больш шырокі інтэртэкстуальны характар. Як адзначае В.М. Жырмунскі, значнасць параўнальнага вывучэння літаратур заключаецца ў тым, што яно «дазваляе вызначыць агульныя заканамернасці літаратурнага развіцця ... і адначасова нацыянальную спецыфіку літаратур, што з'яўляюцца прадметам параўнання» [2, с. 68]. У сувязі з гэтым напачатку XX ст. параўнальнае літаратуразнаўства звярнулася да праблемы нацыянальных вобразаў [1; 6] як «уяўлення аднаго альбо некалькіх людзей, якое адначасова складаецца з разумовых і пачуццёвых, аб'ектыўных і суб'ектыўных элементаў, ... узнікае ва ўяўленні аўтара на аснове аб'ектыўнай інфармацыі, якой ён валодае, існуе ў межах пэўнай літаратуры і часта змяняецца на працягу гістарычнага развіцця гэтай літаратуры» [1, с. 91–92] і існуе ў двух варыянтах: вобраз сваёй краіны і яе прадстаўнікоў і вобраз іншай краіны і яе жыхароў. Так, Беларусь знаходзіць сваё адлюстраванне ў мастацкай літаратуры як краіна лясоў, балот, вежаў, азёрны край (Я. Купала, І. Мележ, У. Караткевіч і інш.), у мастацкім вобразе беларускага народа адзначаецца яго гасціннасць, пачуццё гумару, дасціпнасць, шчырасць і высокія маральныя якасці (У. Караткевіч, Я. Брыль, К. Крапіва і інш.), значная роля таксама надаецца гістарычнаму мінуламу беларускага народа (У. Арлоў і інш.), яго рэлігійным поглядам (Р. Барадулін), трапнасці народнай мовы, прыказак і прымавак (Я. Брыль і інш.).

Тым не менш стаўленне навукоўцаў XX ст. да месца літаратурнай кампаратывістыкі ў літаратуразнаўстве было і застаецца неадназначным. Адны з іх (В.М. Жырмунскі) адзначаюць літаратурную кампаратывістыку як «метадычны прыём гістары-

чнага даследавання, што можа прымяняцца з рознымі мэтамі і ў межах розных метадаў» [2, с. 67], пра які «не варта, каб пазбегнуць непаразуменняў, гаварыць ... як пра асобную навуку са сваім метадам» [2, с. 67], іншыя – як асобны метада, што «ёсць толькі развіццё гістарычнага, той жа гістарычны метада, толькі больш часты, паўтораны ў паралельных радах, у выглядзе дасягнення максімальна поўнага абагульнення» [10, с. 47] і нават «дысцыпліну часоў постмадэрну і пераацэнкі каштоўнасцяў» («the discipline of our allegedly postmodern and transvalued times»), «дысцыпліну, што дысцыплінай не з'яўляецца» («the discipline that eschews definition of itself as a discipline») [12, с. 79], самастойную «гісторыка-літаратурную дысцыпліну», што ўваходзіць у склад «навукі пра літаратуру» і судатыкаецца з гісторыяй і тэорыяй літаратуры, літаратурнай крытыкай і сусветнай літаратурай (Д. Дзіма) [6, с. 25], ці нават асобны падыход у межах розных літаратуразнаўчых метадаў (І.К. Горскі) [4].

Няпэўнасць статуса літаратурнай кампаратывістыкі як асобнага інстытута і распаўсюджанасць яе як комплексу ідэй навукоўцы тлумачаць яе міждысцыплінарнасцю (сувяззю з тэорыяй перакладу, сацыялогіяй, культуралогіяй, гісторыяй і іншымі навукамі) і нават наддысцыплінарнасцю, адсутнасцю пастаяннага аб'екта даследавання, а таксама ўвагай да абагульнення і другасных сувязяў [3]. Французскія даследчыкі (П. Брунэль, К. Пішуа, А.-М. Русо) вызначаюць параўнальнае літаратуразнаўства як «метадычную дзейнасць, накіраваную на супастаўленне літаратуры з іншымі выяўленчымі формамі і галінамі ведаў, а таксама на супастаўленне літаратурных з'яў, у тым ліку і супастаўленне тэкстаў, як блізкіх у часе і прасторы, так і далёкіх, не выключаючы – пры ўмове таго, што яны паходзяць з розных культураў і моваў – і такіх, якія належаць да адной традыцыі, з мэтай іх лепшага апісання, разумення і ацэнкі. Супастаўленне ажыццяўляецца шляхам пошуку сувязяў і аналогій, падобнасцяў і ўплываў» [1, с. 209–210]. Літаратура з'яўляецца «не прыроднай з'явай, а гістарычнай канструкцыяй» («not a natural kind but a historical construct») [11, с. 241], таму яе вывучэнне немагчыма без звароту да іншых сфер грамадскага жыцця, у прыватнасці, культуры. Падкрэсліваючы шматпланавасць літаратуразнаўства як навукі, а таксама непарыўную сувязь літаратуры, культуры і псіхалогіі, даследчыкі [1] адзначаюць, што «параўнальнае літаратуразнаўства – гэта аналітычнае апісанне, метадычнае і дыферэнцыйнае параўнанне, сінтэтычная інтэрпрэтацыя міжмоўных і міжкультурных літаратурных феноменаў пры дапамозе гісторыі, крытыкі і філасофіі з мэтай лепей зразумець Літаратуру як спецыфічную функцыю чалавечае свядомасці» [1, с. 211]. Гэтую думку развівае і А.М. Весялоўскі, сцвярджаючы, што «гісторыя літаратуры нагадвае геаграфічную паласу, якую міжнароднае права асвятляе як *res nullius*, куды заходзяць ... гісторык культуры і эстэтык, эрудыт і даследчык грамадскіх ідэй» [10, с. 53]. У адпаведнасці з прыведзенымі вышэй палажэннямі, дысертацыйнае даследаванне сучаснай літаратуры Беларусі і Ірландыі праводзілася з улікам асаблівасцей гістарычнага развіцця і сучаснага сацыяльна-эканамічнага стану, міфалогіі, мастацкай і побытавай культуры гэтых краін і іх уплыву на літаратуру, у прыватнасці, паэзію. Падабенства вышэйзгаданых фактараў абумовіла пакладзеную ў аснову даследавання агульнасць найбольш значных тэматычных ліній і асноўных архетыпаў, адлюстраваных у ірландскай і беларускай паэзіі.

Разгледжаныя вышэй прыклады ілюструюць тэндэнцыю да аб'яднання параўнальнага і супастаўляльнага літаратуразнаўства. На сучасным этапе размежаванне паміж гэтымі двума катэгорыямі праводзіцца на аснове наступных параметраў [13]:

1. Месца ў навуковых даследаваннях. Параўнанне разглядаецца навукоўцамі як метада, што выкарыстоўваецца ў розных галінах літаратуразнаўства: гісторыка-функ-

цыянальным, інтэртэкстуальным і г.д. – і ўяўляе сабой раскрыццё сувязяў паміж нацыянальнымі літаратурамі. Супастаўляльнае літаратуразнаўства класіфікуецца даследчыкамі як самастойная галіна філалагічных даследаванняў.

2. Аб'ект даследавання. У якасці аб'екта даследавання параўнальнага літаратуразнаўства даследчыкі вызначаюць кантакты, уплывы, запазычанні, тыпалагічныя аналогіі і сыходжанні паміж роднаснымі або блізкімі па сваёй культуры і гісторыі народамі (напрыклад, славянскія, германскія, раманскія літаратуры) з мэтай выяўлення заканамернасцяў, што вынікаюць з агульных крыніц або тыпалагічна падобных з'яў і працэсаў. Аб'ектам даследавання супастаўляльнага літаратуразнаўства з'яўляюцца сувязі паміж літаратурамі няроднасных народаў, з асаблівай увагай да адрозненняў і кантрастаў.

Прадмет літаратурнай кампаратывістыкі

Навукоўцы прапаноўваюць розныя вызначэнні прадмета літаратурнай кампаратывістыкі. Гэта і ўзаемасувязі паміж нацыянальнымі літаратурамі, і вывучэнне этапаў, праз якія праходзіць кожная літаратура на шляху свайго станаўлення і развіцця, і вылучэнне агульных прынцыпаў гісторыі літаратуры, і ўніверсальнасць вопыту чалавецтва (сітуацыі, ідэі, эмоцыі, асобы) [3], і «прыватны аспект літаратурных з'яў, ...іх суаднясенне ...з аналагічнымі ў іншай нацыянальнай сферы» [6, с. 29]. А. Дзіма [6] звяртае асаблівую ўвагу на той факт, што прадметам літаратурнай кампаратывістыкі могуць з'яўляцца як міжнародныя сувязі, кантакты, уплывы, запазычанні, тыпалагічныя падабенствы, так і суаднясенне з'яў, што вызначаюцца ў творах, якія напісаны на розных мовах, але належаць да літаратуры адной краіны (літаратура Швейцарыі, Бельгіі, Румыніі, ірландская і англа-ірландская літаратуры), і, наадварот, (франкамоўная літаратура ў Францыі і Канадзе, англамоўная – у Вялікабрытаніі, Канадзе, ЗША і Аўстраліі, і г.д.). Іншыя літаратуразнаўцы [5] вызначаюць літаратурную кампаратывістыку як комплексную з'яву, якая складаецца з міжлітаратурных сувязяў і працэсаў, што адбываюцца ў кожнай літаратуры на працягу яе станаўлення і развіцця, прадметам якой, адпаведна, з'яўляецца вывучэнне «законаў эвалюцыі сусветнай літаратуры, ...што ўяўляе сабой не сукупнасць нацыянальных літаратур, разгледжаных побач у сінхранічным ці дыяхранічным аспекце, і не дасягненні асобных літаратур, а комплекс літаратурных твораў, тым ці іншым чынам узаемаабумоўленых у сваёй эвалюцыі» («the evolutionary laws of world literature, ...neither the sum total of national literatures side by side, whether in a synchronic or a diachronic order, nor the acquirements of individual literatures, but a complex of literary works, mutually conditioned in some way in their evolution») [5, с. 125–126].

В.М. Жырмунскі [2] вылучае чатыры асноўныя аспекты кампаратывістычнага даследавання, якім адпавядаюць чатыры розныя спосабы выражэння літаратурных узаемасувязяў і падабенстваў:

1. Простае супрацьпастаўленне літаратурных з'яў як аснова іншых, больш складаных кампаратывістычных даследаванняў.

2. Гісторыка-тыпалагічнае параўнанне (канвергенцыя), што вызначае падабенства з'яў, сувязь паміж якімі не абумоўлена падабенствам умоў сацыяльнай эвалюцыі. Рысы гісторыка-тыпалагічнага падабенства паміж літаратурнымі з'явамі, як сцвярджае даследчык, можна прасачыць у іх ідэйным і псіхалагічным змесце, матывах і сюжэтах, сістэме паэтычных вобразаў і сітуацый, асаблівасцях жанравай кампазіцыі і мастацкага стылю.

3. Гісторыка-генетычнае параўнанне, што даследуе падабенства з'яў, якое вынікае з генетычнай роднасці літаратур і адпаведных гістарычна абумоўленых агульных уласцівасцяў.

4. Параўнанне, што вызначае генетычныя сувязі паміж літаратурамі на аснове культурнага ўзаемадзеяння, уплываў і запазычанняў, абумоўленых гістарычнай блізкасцю нацыі і агульнасцю ўмоў іх развіцця.

У якасці асновы кампаратыўнага даследавання літаратуразнаўцы [2; 3; 5; 6] вылучаюць генетычныя (гістарычныя) узаемасувязі (кантакты, залежнасць) і тыпалагічныя падабенствы (паралелізмы), падкрэсліваючы іх непарыўную сувязь і ўзаемаабумоўленасць і нават характарызуючы іх як два аспекты адной і той жа гістарычнай з'явы. У сваю чаргу, генетычныя ўзаемасувязі падзяляюцца навукоўцамі на знешнія (непасрэдныя кантакты паміж пісьменнікамі, спасылкі на тых ці іншыя творы, літаратурнакрытычнае і літаратурна-гістарычнае вывучэнне замежнай літаратуры) і ўнутраныя (агульнасць тэм, ідэй, матываў, вобразаў, сітуацый, мастацкіх сродкаў выразнасці). Унутраныя генетычныя ўзаемасувязі, лічыць Д. Дзюрышын, праяўляюцца ў форме алюзій, запазычанняў, імітацыі, плагіярызму, адаптацый, перакладаў, пародый, травесці і інш.

Распрацоўка тыпалагічнага метаду ў літаратуразнаўстве пачынаецца ў межах параўнальнай фалькларыстыкі (В.Я. Проп, В.М. Жырмунскі) [9]. У аснову тыпалагічнага падыходу да параўнальнага вывучэння літаратур – літаратурна-структурна-тыпалагічнага падабенства, у межах якога Д. Дзюрышын вылучае сацыяльна абумоўленае і псіхалагічна абумоўленае тыпалагічнае падабенства – пакладзены ўніверсальныя законы светнага літаратурнага працэсу, прынцыпы літаратурных аналогій, падабенстваў і разыходжанняў, не абумоўленых наяўнасцю генетычных сувязяў або непасрэдных кантактаў паміж нацыямі (асобныя навукоўцы [1, с. 148] адносяць вывучэнне такіх аналогій і супадзенняў да агульнага, а не параўнальнага літаратуразнаўства).

Адначасовае ўзнікненне аналагічных з'яў у літаратурах розных краін навукоўцы [1] тлумачаць наяўнасцю аднолькавых для гэтых краін сацыяльна-эканамічных падзей у сукупнасці з асаблівасцямі лёсу нацыі, яе гістарычнага развіцця, мовы і іншымі фактарамі, што абумоўліваюць узнікненне пэўных адрозненняў ў структуры і характары адзначаных вышэй з'яў, іх нятоеснасць. Напрыклад, сацыяльна абумоўленае тыпалагічнае падабенства ірландскай і беларускай паэзіі (распаўсюджанасць архетыпаў дому, трансфармацыі, чужынца, зварот да міфалагічных і фальклорных сюжэтаў, матываў і вобразаў, побытавай культуры, праблемы сучаснага стану роднай мовы) вынікае з наступных фактараў: працяглая барацьба за нацыянальную і дзяржаўную незалежнасць, вызваленне з-пад уплыву магутнай дзяржавы-суседа, суіснаванне дзвюх рэлігійных канфесій на адносна невялікай тэрыторыі, атаясамліванне рэлігійнай і палітычнай прыналежнасці, абмежаванае ўжыванне роднай мовы і г.д.

Задачы кампаратыўнага літаратуразнаўства

Сярод асноўных задач кампаратыўнага літаратуразнаўства даследчыкі [1; 4; 5] вылучаюць наступныя:

- 1) вывучэнне літаратурных сувязяў і, адпаведна, найважнейшых закамэрнасцяў сучаснага літаратурнага працэсу;
- 2) даследаванне праблемы паходжання мастацкіх твораў;
- 3) вывучэнне кантактаў пісьменнікаў, шляхоў распаўсюджвання твораў, перакладаў;
- 4) выяўленне схаванай, унутранай сувязі твораў;

5) вывучэнне генетычнай і тыпалагічнай сутнасці літаратурных з’яў і працэсаў, унутры- і пазалітаратурнай абумоўленасці разнастайных форм іх падабенства;

6) даследаванне ўзаемасувязі паміж сацыяльна-ідэалагічнымі, культурнымі і ўласна літаратурнымі з’явамі, каўзальны і дыялектычны аналіз гэтых узаемасувязяў;

7) даследаванне ўплыву пэўнага літаратурнага жанра, формы вершаскладання, стылістычных асаблівасцей, літаратурнай тэорыі.

Кампаратыўнае літаратуразнаўства ўключае даследаванні мастацкіх твораў на ўзроўні тэм, ідэй, літаратурных жанраў і відаў, структурных і стылёвых асаблівасцей і г.д. Методыка групавання твораў паводле тэматычнага прынцыпу, прынятая ў даследаванні, распрацоўвалася ў параўнальным літаратуразнаўстве М. Кохам, П. Меркерам, К. Вайсам і інш. [1]. У межах тэматылогіі як сферы дзейнасці кампаратывістаў навукоўцы вылучаюць тры асноўныя метады:

1) тэматычныя метады, скіраваныя на распрацоўку тэматычнага сюжэта (рэдукаванне твора да пэўнага матыву, вылучэнне структурных канстант, топасаў);

2) гістарычны метад, складанне так званых «храналагічных бібліяграфій», вывучэнне малавядомых аўтараў і твораў;

3) структурныя метады, што акрэсліваюць сувязь між пэўнымі тэмамі, непадзельна спалучанымі ў сістэме тэксту, аналізуюць структуру аб’екта даследавання [5, с. 164–165].

Даследаванне тэматыкі літаратурных твораў, увасобленай у выглядзе тэматычных комплексаў, непарыўна звязана з даследаваннем ідэйнага зместу і паэтыкі гэтых твораў і праводзіцца на наступных узроўнях: аўтарская тэматыка ці аўтарскае ўвасобленне тэмы (уражанні ў момант напісання твора, згадкі дзяцінства, несвядомыя працэсы, што кіравалі пісьменнікам), тэматыка эпохі (абумоўленая палітычным, сацыяльным, літаратурным і мастацкім кантэкстам) і традыцыйная (вечная) тэматыка.

Заклучэнне

Такім чынам, кампаратыўнае вывучэнне літаратур розных краін садзейнічае разуменню ўнутраных узаемасувязяў паміж імі і адначасова самабытнасці і непаўторнасці кожнай з іх. Падобныя даследаванні ўключаюць літаратуру пэўнай нацыі ў кантэкст сусветнай, раскрываюць яе глыбіню і шматграннасць.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Брунэль, П. Што такое параўнальнае літаратуразнаўства? / П. Брунэль, К. Пішуа, А.-М. Русо ; пер. з фр. А. Дынька, С. Барысевіча ; пад рэд. В. Булгакава. – Мінск : Эўрофорум : Бел. фонд Сораса, 1996. – 240 с.

2. Жирмунский, В. М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад / В. М. Жирмунский. – Л. : Наука, 1979. – 494 с.

3. Saussy, H. Exquisite Cadavers Stitched from Fresh Nightmares: Of Memes, Hives and Selfish Genes / H. Saussy // Comparative Literature in an Age of Globalization; edited by H. Saussy. – Baltimore : The Johns Hopkins University Press, 2006. – P. 3–42.

4. Горский, И. К. Из истории науки о литературе / И. К. Горский. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2006. – 158 с.

5. Ďurišin, D. Sources and Systematics of Comparative Literature / D. Ďurišin. – Bratislava : Universita Komenského, 1974. – 294 p.

6. Дима, А. Принципы сравнительного литературоведения / А. Дима ; пер. с румын. М. В. Фрийдмана ; под ред. Г. И. Насекина. – М. : Прогресс, 1977. – 228 с.

7. Карыбаева, М. А. Национальное самосознание : философско-методологический анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / М. А. Карыбаева ; Нац. акад. наук Кыргыз. Респ., Ин-т философии и права. – Бишкек, 1999. – 24 с.
8. Жирмунский, В. М. Сравнительно-исторический метод / В. М. Жирмунский // Краткая литературная энциклопедия / под общ. ред. А. А. Суркова. – М. : Совет. Энцикл., 1972. – С. 126–130.
9. Прохоренко, Л. Е. Сравнительно-типологические исследования в литературоведении (сопоставление литературно-художественной критики Т. С. Элиота и О. Э. Мандельштама) / Л. Е. Прохоренко // Компаративистика – III : альманах сравнительных социогуманитарных исследований / С.-Петербург. гос. ун-т ; под ред. Л. А. Вербицкой, В. В. Васильковой, В. В. Козловского, Н. Г. Скворцова. – СПб. : Социолог. общ-во имени М. М. Ковалевского, 2003. – С. 213–224.
10. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – Изд. 3-е. – М. : URSS : ЛКИ, 2007. – 646 с.
11. Culler, J. Comparative Literature, at Last / J. Culler // Comparative Literature in an Age of Globalization; edited by H. Saussy. – Baltimore : The Johns Hopkins University Press, 2006. – P. 237–247.
12. Ferris, D. Indiscipline / D. Ferris // Comparative Literature in an Age of Globalization; edited by H. Saussy. – Baltimore : The Johns Hopkins University Press, 2006. – P. 78–99.
13. Аминова, В. Р. О категориях сопоставительного литературоведения [Электронный ресурс] / В. Р. Аминова ; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2003. – Режим доступа: <http://www.ksu.ru/fil/kn1/index.php?sod=31>. – Дата доступа: 5.09.2015.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 12.10.2015

Powkh I.V. History and Development of Comparative Literary Studies

The article covers the history of comparative literary studies, the way they emerged and developed throughout the 19th – 20th centuries. The research is based on the works by P. Brunelle, V.M. Zhirmunsky, D.Đurišin, A. Dima, A.N. Veselovsky etc. The author discusses the emergence of the term, national characters in comparative literary studies, and researchers' attitudes to comparative literary studies' validity and their status as a separate institution. Special attention is paid to the difference between comparative and contrastive literary studies, the subject and aspects of comparative literary studies as well as their objectives and methods.

УДК 81'373=161.3

А.В. Макарэвіч*канд. філал. навук, дац., дац. каф. тэарэтычнай і прыкладной эканомікі
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна***АДРАДЖЭННЕ ЎСТАРЕЛЫХ ЭКАНАМІЧНЫХ НАЗВАЎ
У СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ**

Значэнне прадпрымальніцтва ў рынкавай эканоміцы надзвычай вялікае. Без яго рынкавая эканоміка ні функцыянаваць, ні развівацца не можа. Прадпрымальнікі Беларусі падчас сваёй дзейнасці выкарыстоўваюць устарэлыя словы беларускай мовы. Тым самым робяць важкі ўклад у адраджэнні ўстарэлых эканамічных назваў у сучаснай беларускай літаратурнай мове. Некаторыя асаблівасці гэтага працэсу адлюстраваны ў артыкуле.

Развіццё малога і сярэдняга бізнесу з'яўляецца адным з асноўных фактараў стагнаўлення і развіцця рынкавай эканомікі Беларусі. У сваёй дзейнасці прадпрымальнікі ўжываюць і ўстарэлыя словы сучаснай беларускай літаратурнай мовы (напрыклад, **бровар, карчма, крамбабуля, рэспект, рэстаратар, талер, царыца, харчэўня, шынок, яхант** і інш.), тым самым вяртаюць іх у актыўны ўжытак, г.зн. устарэлыя словы зноў становяцца агульнаўжывальныя.

У лінгвістыцы пакуль няма адзінага тэрміна для абазначэння гэтай з'явы. Да прыкладу, А. Баханькоў такі працэс называе ажыўленнем устарэлых намінацый [1, с. 116], А. Наркевіч – вяртаннем да актыўнага ўжытку старых, вядомых у мінулым слоў і выразаў [2, с. 17], А. Кожын – адраджэннем устарэлай лексікі [3, с. 35].

Ажыўленне ўстарэлых найменняў найбольш актыўна адбываецца пры наяўнасці ў мове перапынку ў пісьмовай традыцыі. Такая з'ява назіралася ў беларускай мове ў пачатку ХХ ст., калі ідэя аб старабеларускай мове як «залатым веку» беларускай пісьменнасці атрымала шырокае распаўсюджанне. Могуць таксама ажыўляцца і словы, што перайшлі ў пасіўны запас, пры функцыянаванні пісьмовай мовы ў перыяды рэзкіх сацыяльных змен у грамадстве (Г. Кулеш). Даследаванне працэсу «ажыўлення» лексікі звязана з рашэннем праблемы: ці з'яўляецца другое нараджэнне ўстарэлага наймення новым словам або толькі новым значэннем (адценнем значэння) старога слова. У лінгвістыцы няма адзінага погляду на гэта пытанне. Так, напрыклад, на думку Г. Плотнікавай, змяненне значэння слова па сутнасці абазначае ўтварэнне новага слова, таму што ў слове адбываюцца якасныя змены: можа змяніцца прадметная аднесенасць, пашырыцца лексічнае спалучэнне, змяняцца граматычныя сувязі і да т.п. [4, с. 3]. Н. Міхайлоўская лічыць, што вярнуцца ў актыўны ўжытак могуць толькі архаізмы. Гістарызм жа не можа атрымаць другога нараджэння, бо абазначае і аднаўленне той самай з'явы, якую дадзенае слова называла ў мінулым. І калі ў сучаснай мове функцыянуюць такія словы, як **указ, міністэрства** і т.п., то яны абазначаюць аб'екты, якасна іншыя ў параўнанні з мінулым. Больш справядліва было б гаварыць пра «гістарычныя амонімы» [5, с. 50]. Іншыя мовазнаўцы адзначаюць, што ў выніку ўжывання старых слоў у іх з'яўляюцца новыя значэнні. Пры пераходзе архаізмаў і гістарызмаў у склад «дзеючых» слоў, заўважае А. Баханькоў, адбываецца змяненне семантыкі – пераасэнсаванне ранейшых значэнняў, страта старых і развіццё новых адценняў, змяненне семантыкі пры ажыўленні слова абумоўлівае змяненне яго словаўтваральных магчымасцей, што праяўляецца ў змяншэнні або павелічэнні колькасці дэрыватаў; парушаюцца ўласцівыя раней лексі-

ка-граматычныя сувязі ажыўленага слова, развіваюцца яго новыя спалучальныя магчымасці [1, с. 126].

Палітычныя, сацыяльна-эканамічныя і культурныя пераўтварэнні ў Беларусі ў 80–90-я гг. XX ст. паспрыялі таму, што шэраг устарэлых лексічных адзінак паводле «Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы» (1977–1984) (далей – ТСБМ): *ламбард, міратворац, міратворчы, правазнавец, правазнаўства, угодкі і інш.* (памета ‘уст.’); *мытнік, мытня* і інш. (памета ‘гіст.’) – сёння зноў сталі агульнаўжывальныя ў сучаснай беларускай мове. Таму, напрыклад, ужо ў «Тлумачальным слоўніку беларускай літаратурнай мовы» (1996) гэтыя словы зафіксаваны без усялякіх памет і адпаведных каментарыяў. На думку П. Сцяцко, у актыўны ўжытак неабходна «вярнуць» такія ўстарэлыя словы, як *вырак, імпрэза, тастамент, травень* і інш. У наш час некаторыя ўстарэлыя словы актыўна выкарыстоўваюцца прадпрымальнікамі як назвы розных аб’ектаў у намінацыйнай функцыі. Гэта, мабыць, на думку тых, хто называе, надае аб’екту асаблівую цікавасць і прыцягвае ўвагу людзей.

Умоўна можна выдзеліць дзве групы такіх назваў:

I. Назвы, якія адлюстроўваюць профільнае прызначэнне таго ці іншага аб’екта:

1. Кафэ «Шынок у Салохі» (г. Брэст). – ТСБМ: *Шынок*. У ВКЛ, а затым і ў Расійскай імперыі: невялікі пітны дом, дзе прадаваліся і распіваліся спіртныя напіткі.

2. Ювелірная майстэрня «Яхант» (г. Брэст). – ТСБМ: *Яхант*. Стараславянская назва каштоўных камянёў рубіну і радзей сапфіру.

3. Установа рэстараннага тыпу «Тракір на Ковельскай» (г. Брэст). – ТСБМ: *Тракір*. У старажытнасці – гасцініца з рэстаранам, пазней – рэстаран ніжэйшага разраду.

II. Назвы, якія падкрэсліваюць вытанчанасць ці модны характар аб’екта:

1. Магазін па продажы абутку «Рэспект», унітарнае прадпрыемства «РэСпект» (г. Брэст). – ТСБМ: *Рэспект* (уст.). Пашана, павага.

2. Рэстаран «Карсар» (г. Мінск). – ТСБМ: *Карсар*. Марскі разбойнік, пірат.

Часам сустракаюцца і некаторыя разыходжанні:

1) Прыватнае вытворчае ўнітарнае прадпрыемства па вытворчасці мінеральнай вады і безалкагольных газаваных напіткаў «Царыца» (в. Любашава Ганцавіцкага раёна Брэсцкай вобласці). – ТСБМ: *Царыца*. Жонка цара.

2) Бар «Карчма» (г. Брэст). – ТСБМ: *Карчма*. Пітны дом з начлегам у дарэвалюцыйнай Расіі (галоўным чынам на Украіне, у Беларусі і Польшчы).

Прааналізуем некаторыя з іх больш падрабязна. Устарэлая назва ‘*гасціны двор*’ актыўна ўжываецца бізнесоўцамі ў наш час. І ў Беларусі, і па-за яе межамі з такім найменнем зарэгістраваны адміністрацыйна-гандлёвыя комплексы, агенствы нерухомасці, аграбудаўніцтва, гасцініцы, рэстараны, кафэ і інш. Напрыклад, у Брэсце ў пачатку 2000-х гг. адкрыты адміністрацыйна-гандлёвы комплекс «*Гасціны Двор*». Для карпаратыўнага і сямейнага адпачынку ў в. Высокае Пінскага раёна Брэсцкай вобласці створана аграбудаўніцтва «*Гасціны двор*». У Мінску функцыянуе рэстаран беларускай кухні «*Гасціны Двор*», а ў в. Няхава Івацэвіцкага раёна Брэсцкай вобласці працуе комплекс (рэстаран, гасцініца, гаражы) з такой назвай.

У Расіі таксама сустракаецца гэтае словазлучэнне ў якасці назвы. Так, у Маскве ёсць агенства нерухомасці «*Гасціны Двор*», філіял банка «Рублёўскі», у горадзе Невінамыск – кафэ і інш.

Назва ‘*гасціны двор*’ старажытная. Аўтары энцыклапедыі «Гісторыя Беларусі» тлумачаць значэнне гэтага гістарычнага назвы такім чынам: «*гасціны двор* – комплекс збудаванняў і плошча ў горадзе ці мястэчку, дзе гандлявалі і часова пражывалі купцы і за-

хоўваліся іх тавары. Узніклі ў перыяд ранняга феадалізму, былі пашыраны ў XIII–XIX ст. Звычайна будаваліся ў цэнтры населенага пункта на адкрытай плошчы, дзе адбываўся штодзённы гандаль, а ў вызначаныя дні года – кірмашы. З 1380 г. вядомы ў Брэсце. У Брэсце *гасціны двор* знаходзіўся ў замкавай частцы горада, у другой палове XVII ст. ён быў перанесены ў новы цэнтр, на востраў (пазней цытадэль Брэсцкай крэпасці), дзе знаходзіліся ратуша і крамы. У XV–XVI ст. спецыяльныя *гасціныя двары* для купцоў з Беларусі і Літвы існавалі ў Бранску, Вязьме, Маскве і іншых рускіх гарадах» [6, с. 497–498]. *Гасціныя двары* мелі важнае значэнне для тагачасных гандляроў-купцоў (*гасцей*). У «Гістарычным слоўніку беларускай мовы» зафіксаваны шэраг словазлучэнняў, якія характарызуюць самыя розныя бакі жыцця такіх *двароў*: *гостинный господарь* ‘уладальнік будынка для прыезджых’, *гостинный дворъ* ‘будынак з кватэрамі для прыезджых купцоў і з асобным памяшканнем для вазоў з таварамі. *Он на дворе гостинномъ досыт чинечи ему готовыми грошми платил, а остатокъ полотномъ простымъ дадоваль* (ИЮМ, XXXII, 15, 1578)’, *гостинная девка* ‘дзяўчына, якая працуе ў гасціным двары’, *гостинная жалоба* ‘скарга на прыезджага’, *гостинный люд* ‘прыезджы чалавек; чужаземец’, *гостинная невеста* ‘тое, што і *гостинная девка*’, *гостинное право* ‘права, якое існуе для прыезджых купцоў’, *гостинная работа* ‘работа, якая выконвалася ў гасціным двары’, *гостинная сотня* ‘саслоўная адзінка, якая вылучалася сярод гарадскога купецтва’, *гостинная справа* ‘загранічная справа’, *гостинный товаръ* ‘купецкі, прывезены з другіх краін тавар’. Таксама даюцца лексемы *гость* (*гостебникъ*) ‘2. Купец, які гандляваў у розных гарадах і краінах; іншаземны купец; чужаземец. *Торговати Немецькому купцю с гостемъ Литовьское земли доброволно* (РЛА, 120, 1405)»; *гостити* ‘2. Гандляваць, ездзіць з мэтай гандлю. *А гостемъ нашымъ гостити безъ рубежа и безъ пакости* (АЗР, I, 65, 1449)»; *гостина* ‘гасцяванне; часовы прытулак»; *гостинець, гостынецъ* ‘1. Гасцінец, вялікая праезджая дарога. 2. Памяшканне для прыезджых, гасцініца’ [7, с. 111–116]. У старабеларускай мове ўжываўся сінонім да *гасцінага двара – гостинный домъ*. І. Насовіч у “Слоўніку беларускай мовы” (1870) не фіксуе найменне *гасціны двор*, але адзначае словы “*госцинецъ* ‘2) Торговая дорога съ канавами. Госцинецомъ лѣпѣй ѣхаць, чимъ-си проселочною дорогою. Битый гостинець’, *госциновыи* ‘Относящійся къ большой торговой дорогѣ. Гостиновые мостки” (с. 120). У першым томе «Слоўніка мовы “Нашай нівы”» (2003) знаходзім толькі варыянты наймення *гасцінец*: гасцінец, гасцинец, гасьцінец, гасьцинец, haścinięc, госцинец ‘бальшак, тракт; шырокая дарога’ (с. 433). Аўтары «Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы» (1977–1984) вельмі лаканічныя: ‘*гасціны двор* – гандлёвыя рады ў спецыяльным будынку’ (т. 5, кн. 2, с. 532). Думаецца, што палітычныя абставіны ў тагачаснай БССР (ды і ў СССР) паўплывалі менавіта на такое тлумачэнне гэтага гістарызма.

У рускай мове таксама зафіксавана назва *гасціны двор*. Так, лексікограф У. Даль адзначае: “*гостинный дворъ*, ряды, лавки, торговый рядъ; // *стар.* также постоянный или заѣзжий дворъ для купцовъ” [8, с. 386]. Падаецца і сучаснае яе значэнне. Напрыклад, у слоўніку рускіх гістарызмаў: “*гасціны двор* – гандлёвыя і жыллыя памяшканні, двор для купцоў (гасцей), якія прыезджалі з таварамі’. У сучаснасці: ‘*гасціны двор* – гандлёвыя рады ў спецыяльна пабудаваным будынку’ [9, с. 32]. Словазлучэнне *гасціны двор* захавалася і як назва вялікага ўніверсальнага магазіна ў Санкт-Пецярбургу і некаторых старажытных рускіх гарадах.

Адным з кампанентаў гэтага наймення з’яўляецца слова *госць*. Ужо ў старажытнасці былі вызначаны ўзаемаадносіны паміж дзяржавай і тагачаснымі прадпрымальнікамі (купцамі-*госцямі*). У Вялікім Княстве Літоўскім асоба і маёмасць *госця* знаходзі-

ліся пад абаронай Статута. На думку Г.А. Маслыкі, “*госць*, у даўнія часы купец (тутэйшы ці іншаземны), а таксама кожны чужаземец ці чалавек, які знайшоў часовы прытулак у іншых краіне, горадзе, у каго-небудзь. У ВКЛ асоба і маёмасць гасця былі пад аховай Статута і ўсякая крыўда ці шкода, нанесеная яму тубыльцамі (мясцовымі жыхарамі) выклікала прыняцце да вінаватых пэўных мер адпаведнасці. Такую ж адказнасць за проціпраўныя ўчынкі і злачынствы супраць тубыльцаў Статут таксама прадугледжаў у адносінах да гасця (раздз. 4, арт. 28, 29)” [6, с. 477].

У. Даль канкрэтызуе сферу дзейнасці *гасцей* (купцоў). Яны гандлявалі ў іншым месцы, а не там, дзе жылі. “Иноземный или иногородный купецъ, живущій и торгующій не тамъ, гдѣ приписанъ” [8, с.386]. У рускіх слоўніках падаецца лексічная адзінка *госць* з двума значэннямі: “1. Купец, пераважна замежны (*стараж.*). 2. Наведвальнік рэстарана або гасцініцы (з вуснаў прыслугі; *дарэвалюц.*)” і найменне *гасцінадворац* “купец, які меў магазін у гасціным двары” [11, с. 78].

Другое нараджэнне, амаль праз дзвесце гадоў забыцця, атрымаў і *талер*, які падчас гандлёвых аперацый выкарыстоўвалі нашы продкі. *Талер* як найменне актыўна ўжываюць прадпрымальнікі ў многіх раёнах Беларусі. У Мінску працуюць вытворча-камерцыйная фірма «*Талер*», таварыства з абмежаванай адказнасцю «Залаты *талер*-правайдар», піваварня «*Талер*», фірменны магазін «*ТАЛЕР*», паліграфічнае прадпрыемства «*Талер*-Плюс». У 1994 г. Нацыянальны банк Беларусі зарэгістраваў банк «Залаты *талер*» у якасці адкрытага акцыянернага таварыства. Пазней ліванскія Fransa-bank і холдынг Fransa набылі 98,93% яго акцый. Цяпер гэта «Франсбанк». Для распрацоўкі бізнес-планаў інвестыцыйных праектаў створана інвестыцыйна-кансалцінгавая група «Цім *Талер*» у 2008 г. У Брэсце адкрыты гульнявы клуб «*Талер*», магазін касметыкі і парфумы «*Талер*». Зарэгістраваны антыкварны магазін «*Талер*» у Віцебску, бар «*Талер*» у г. Ліда. Усяго ў базе звестак аб назвах юрыдычных асоб, змешчаных у Адзінным дзяржаўным рэгістры юрыдычных асоб і індывідуальных прадпрымальнікаў Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь, намі выяўлена 42 назвы са словам *талер*. Грашовая адзінка *талер* (у лацінамоўным варыянце) стала выкарыстоўвацца нават у якасці псеўданіма. Так, у Магілёве з 2009 г. працуе дзі-джей *Taler* (сапраўднае імя – Сяргей Перапечын). У Інтэрнэце ёсць сайт «Залаты *Талер*».

Сучасныя беларускія пісьменнікі ў сваіх творах таксама ўжываюць гэты гістарызм. У 2001 г. А. Федарэнка надрукаваў аповесць «Шчарбаты *талер*», а ў 2004 г. на яе аснове напісаў сцэнарый для фільма «Тры *талеры*» (фільм зняты ў 2005 г.).

Карыстаюцца словам *талер* і аўтары сучасных падручнікаў па эканамічнай тэорыі. У кнізе «Макраэканоміка (Эканамічная тэорыя. Частка 3)» (2004) І. Лемяшэўскага знаходзім, напрыклад, задачу: «Экспарт тавараў і паслуг склаў 800 тысяч *талераў*; імпарт склаў 900 тысяч *талераў*...» [15].

Талер як грашовая адзінка вядомы ў Беларусі з XVI ст. Энцыклапедыя «Гісторыя Беларусі» адзначае: «*талер*, сярэбраная манета высокай пробы еўрапейскіх краін 16–18 ст., грашова-лікавая адзінка, вагавая адзінка для серабра. Слова *талер* – частка нямецкай назвы сярэбраных гульдэнаў (іаахімсталергульдэн), якія выбівалі ў г. Яхімаў (Чэхія) з 1519 г.; назва асацыяравалася з назвай талеркі (ням. Teller) [12, т. 6, кн. 1, с. 496]. І.Н. Колабава ўдакладняе значэнне гэтага германізма: “*талер* – 1) Сярэбраная манета (маса 28–32 г). У актавых крыніцах Беларусі ўпершыню ўпамінаецца ў 1529 (Слонім). Літоўскі *талер* і яго палавінная фракцыя выпускаліся з 1564 г., у Польшчы з 1580 г. На тэрыторыі ВКЛ абарачаліся польскія, германскія, нідэрландскія *талеры* і інш. Рыначны курс *талера* на працягу XVI ст. вар’іраваў ад 24 да 30,6 літоўскага гроша. 2) Лікава-

грашовае паняцце для вызначэння рэальных сум у меншых за *талер* наміналах. 3) Вагавая адзінка для вырабаў з серабра, якая адпавядала масе *талера*” [10, с. 535].

Яхімсталеры, як адзначае ў «Слоўніку Свабоды» (2012) Алена Ціхановіч, хутка набылі папулярнасць ва ўсёй Еўропе, сталі ўзорам для біцця манет у іншых дзяржавах. Заскладаная назва скарацілася, і ў розных краінах яна зведала невялікія мадыфікацыі: у Скандынавіі стаў вядомы далер, у Іспаніі – далера, у Вялікім Княстве Літоўскім – *талер*, у Англіі – долар (с. 114). Між іншым, шведскія медныя манеты вартасцю ў 10 *талераў* былі самымя цяжкія металічныя манеты ў тагачаснай Еўропе. Яны біліся ў XVIII ст., і вага адной такой манеты – 19 кг 710 г.

У Вялікім Княстве Літоўскім, сцвярджае В. Дзеружынскі, білі *талеры* Брэсцкі і Гродзенскі манетныя двары. Апошні *талер* ВКЛ быў адбіты Гродзенскім манетным дваром у 1794 г., калі гэты двор зачынілі войскі Суворова. Акрамя Беларусі, сярод славянскіх краін *талер* біў у сярэднявеччы манетны двор Славеніі (там ён называўся *толлер*). Таму пасля распаду Югаславіі Славенія ўвяла ў сябе славенскі *талер*; цяпер Славенія перайшла на еўра.

У лексікаграфічных працах беларускай мовы гэты гістарызм тлумачыцца па-рознаму. І. Насовіч у «Слоўніку беларускай мовы» (1870) піша: “*талеръ*. серебрянная монета въ 90 копеек серебромъ, имѣющая ходъ въ Литвѣ” (с. 632). У «Тлумачальным слоўніку беларускай мовы» ў 5 т. (1977–1984) зафіксавана: “*талер* – буйная сярэбраная высокай пробы манета еўрапейскіх краін XVI–XIX ст., грашова-лікавая адзінка, вагавая адзінка для серабра”. Аўтары «Тлумачальнага слоўніка беларускай літаратурнай мовы» (1996) лаканічныя: “*талер* – старажытная нямецкая залатая і сярэбраная манета”. Як бачым, укладальнікі тлумачальных слоўнікаў беларускай мовы не адзначаюць абарачэнне *талера* ў Беларусі ў Сярэднявеччы. Найбольш грунтоўна падае значэнне гэтай лексічнай адзінкі А. Булыка ў «Слоўніку іншамоўных слоў» (1999): “*талер* (ням. Taller) – старажытная сярэбраная манета, якая ў 1518 г. пачала чаканіцца ў Чэхіі, а пазней распаўсюдзілася ў Германіі, Скандынавіі, Галандыі, Італіі і іншых еўрапейскіх краінах; на тэрыторыі Беларусі *талер* абарачаўся з 16 ст.”. У слоўніках сучаснай беларускай мовы не адзначаецца дата выхаду *талера* з ужытку, а лексікаграфічныя крыніцы рускай мовы фіксуюць гэты факт. Напрыклад, у «Тлумачальным слоўніку іншамоўных слоў» (2001) Л.П. Крысіна знаходзім: “*талер* зняты з абарачэння ў 1908 г.”. Адзначым, на тэрыторыі Германіі (Прусія) *талер* як грашовае адзінка абарачаўся да 1948 г.

Тэрмін *талер* ‘буйная польская сярэбраная манета’, лічыць С. Струкава, запазычаны беларускай мовай з польскай і праявіў словаўтваральную актыўнасць, аб чым сведчаць зафіксаваныя ў пісьмовых помніках дэрываты: *таляроць (талероць), талярица, полталяра, (полталера, пулталяра), полталяроць (полталероць, пулталяроць)*; кампазіты з кампанентам *пол-* абазначалі манету вартасцю ў палавіну *талера*. *Полталеръ* мог мець пры сабе азначэнне *твердый*: *полталеровъ твердыхъ, штукъ тысяча шестьдесятъ, по золот. шесть*, адсюль зразумела, чаму значэнне ‘*талер*’ у старабеларускай мове магло перадавацца ўстойлівым выразам *твердая монета* [13, с. 650].

Пісьменнік Янка Сіпакоў у сваёй кнізе «Зялёны лісток на планеце Зямля» (2010) змясціў эсэ «Нашы грошы», дзе належнае месца адвёў і *талеру*: «Радзіма нашага *талера* – чэшскі горад Іаахімсталь. Спачатку вялікія манеты да 30 грамаў срэбра, адчаканеныя там, называліся “іаахімсталерамі”. Потым Расія ўзяла для вызначэння гэтых грошай першую частку слова, называючы іх “яфімкамі”, а мы, як і шмат хто ў свеце, – другую: *таляры, талеры, даляры*». Як адзначае эканаміст А. Мамедаў, з другой паловы XVI ст. рускі ўрад выкарыстоўваў яфімкі ў валютных аперацыях (напрыклад, для вы-

платы жалавання замежнікам). Гандаль імі быў дзяржаўнай манаполіяй, а іх зварот унутры краіны быў афіцыйна забаронены. У 1653–1654 гг. была спроба ператварыць яфімкі ў рускую манету, перачаканіўшы іх у так званыя “рублёвікі”. У 1659 г. яфімкі былі забароненыя, але яшчэ доўгі час знаходзіліся ў абарачэнні (с. 495).

На пачатку 90-х гадоў XX ст. дэпутаты БНФ прапанавалі ўвесці *талер* у якасці нашай нацыянальнай валюты. Канцэпцыю афармлення банкнотаў і манет даручылі беларускаму мастаку Уладзіміру Крукоўскаму. Але, на жаль, большасць дэпутатаў Вярхоўнага Савета XII склікання на чале з прэм’ер-міністрам В. Кебічам была супраць. Пытанне зацвярджэння *талера* як беларускай нацыянальнай валюты актуальнае і цяпер. На старонках незалежных сродкаў масавай інфармацыі грамадзяне выступаюць з такой прапановай (напрыклад, гл. артыкул М. Канаховіча «Талер – гэта незалежнасць Беларусі і яе дабрабыт» у газеце «Народная воля» за 22 студзеня 2013 г.). Ёсць грамадзяне, якія супраць гэтага і прапануюць у якасці назвы нашай нацыянальнай валюты скарачэнне *белар* (ад Беларусь, па аналогіі, у Літве – літ, у Латвіі – лат і г.д.).

Германізм *талер* як устарэлая лексема (памета ‘уст.’) выкарыстоўваецца ў сучаснай украінскай мове: “*таляр (талер)* – старажытная срэбная манета, што абарачалася ў Нямеччыне, Чэхіі, Італіі, а таксама ў Украіне” [14, с. 1229]. Як відаць, нашы суседзі нічога не гавораць пра абарачэнне *талера* ў Беларусі.

На думку Яна Станкевіча, пад назвай *таляр* у беларусаў былі пашыраны чужыя манеты, ён адзначае, што «яшчэ дагэтуль беларускія народныя масы амерыканскі долар называюць *талярам*», параўн. беларускую форму *даляр* з *таляр* [13]. Між іншым, грашовая адзінка ЗША, Канады, Мексікі, Аўстраліі і некаторых іншых краін *долар* (анг. dollar) утворана ад *талера*. На наш погляд, *талер* мае поўнае права стаць нацыянальнай валютай Беларусі.

Прааналізаваны фактычны матэрыял дае падставы меркаваць, што прадпрымальніцтва Беларусі спрыяе вяртанню ўстарэлых эканамічных слоў у актыўны склад лексікі сучаснай беларускай мовы. Яны выкарыстоўваюцца ў якасці назваў аб’ектаў рознага прызначэння. Аднак застаецца нямаля пытанняў па вызначэнні і класіфікацыі «ажыўленых» найменняў, у тым ліку і іх адлюстравання ў слоўніках беларускай мовы. Таму гэта патрабуе больш грунтоўнага і ўсебаковага вывучэння і аналізу ўстарэлай лексікі беларускай мовы.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Баханькоў, А. Я. Развіццё лексікі беларускай літаратурнай мовы ў савецкі перыяд / А. Я. Баханькоў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1982. – 231 с.
2. Наркевіч, А. Народжаныя часам / А. Наркевіч // Беларусь. – 1990. – № 6. – С. 17.
3. Кожин, А. Н. Возрождение устаревшей лексики / А. Н. Кожин // Русский язык в школе. – 1957. – № 3. – С. 34–39.
4. Плотникова, Г. Н. Из наблюдений над семантическими процессами в современном русском языке / Г. Н. Плотникова // Исследования по русскому языку. Сер. журналистики. – Свердловск, 1968. – Вып. 3. – С. 3–20.
5. Михайловская, Н. Г. Устаревшие слова / Н. Г. Михайловская // Русская речь. – 1972. – № 6. – С. 49–54.
6. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.] ; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1994. – Т. 2 : Беліцк – Гімн. – 537 с.

7. Гістарычны слоўнік беларускай мовы / склад. Т. І. Блізнюк [і інш.] ; рэд. А. М. Булыка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1986. – Вып. 7 : Гляденье – Девичество. – 303 с.
8. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. – М. : Русский язык, 1978. – Т. 1 : А – З. – 699 с.
9. Словарь русских историзмов : учеб. пособие / Т. Г. Аркадьева [и др.]. – М. : Высш. шк., 2005. – 228 с.
10. Статут ВКЛ 1588 : Тэксты. Давед. Камент. / Беларус. Савец. Энцыкл. ; рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Сав. Энцыкл., 1989. – 573 с.
11. Словарь архаизмов / сост. И. Смирнов, М. Глобачев. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. – 424 с.
12. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (галоўны рэд.) [і інш.] ; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2001. – Т. 6 : Кн. 1 : Пузыны – Усяя. – 528 с.
13. Струкава, С. М. Лексіка беларускай мовы: гісторыя і сучаснасць / С. М. Струкава ; Гомел. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. – Мінск : Права і эканоміка, 2008. – 776 с.
14. Великий тлумачний словник сучасної української мови / уклад. і гол. ред. В. Т. Бусел. – К. ; Ірпінь : Перун, 2001. – 1440 с.
15. Лемяшэўскі, І. Макраэканоміка / І. Лемяшэўскі // Эканамічная тэорыя. Ч. 3. – Мінск, 2004. – С. 143.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 09.10.2015

Makarevich A.V. Revival of Obsolete Economic Notions in the Modern Belorussian Language

The value of entrepreneurship in market economy is extremely large. Without it, market economy can neither function, nor develop. Businessmen of Belarus during their activities use obsolete words of the Belorussian language, thereby making a significant contribution to the revival of obsolete economic notions in the modern Belorussian literary language. Some features of this process are described in the article.

УДК 338.1

Д.А. Петрукович¹, О.Я. Седель², А.В. Мужейко³

¹канд. пед. наук, дац., зав. каф. эканомікі і управлення
Брэстскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

²канд. тэх. наук, доц., доц. каф. эканомікі і управлення

Брэстскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

³магістрант спецыяльнасці «Эканоміка і управленне народным гаспадарствам»

Брэстскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

ИННОВАЦИОННАЯ ИНФРАСТРУКТУРА БРЕСТСКОГО РЕГИОНА: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аўтарамі праведзены аналіз становішча інновацыйнай інфраструктуры Брэстскага рэгіёна. Для ацэнкі інновацыйнага развіцця знешнеэканамічнай дзейнасці Брэстскага рэгіёна ажыццэўваецца SWOT-аналіз і вызначаны сферы інтэнсіўнага развіцця рэгіёна. Прапанавана інновацыйная мадэль рэгіянальнага развіцця, у тым ліку знешнеэканамічнай дзейнасці, што дазваляе звесці ў адно розныя аспекты інновацыйнага развіцця, зразумець, якія перспектывы і шляхі фарміравання ў рэгіёне экспартнаарыентаванай эканомікі, выявіць асновы будавання яе базавых элементаў.

Связуючым звяном між навука-тэхнічнай сферай і прадукцыяй, разробкай, вытворчасцю навукаёмкай прадукцыі і яе паставкай на рынак з'яўляецца інновацыйная інфраструктура, пад якой трэба разумець сапраўды суб'ектаў, рэсурсаў і сродкаў, забяспечваючых матэрыяльна-тэхнічнае, фінансавое, арганізацыйна-метадзічнае, інфармацыйнае, кансультацыйнае і іншае абслужванне інновацыйнага дзейнасці. К інновацыйнай інфраструктуры адносяць інновацыйна-тэхналагічныя цэнтры, тэхнапаркі, цэнтры трансфера тэхналогій, інкубатары маляго прадпрыемства і другія структуры забяспечвання развіцця маляго інновацыйнага прадпрыемства і інновацыйнага дзейнасці ў цэлым. У наш час у Беларусі галоўныя элементы такой інфраструктуры сфарміраваны, аднак іх яшчэ недастаткова для вырашэння ў поўным аб'ёме тэхнічных задач па пераводзе эканомікі на інновацыйны шлях развіцця, якія паставлены кіраўніцтвам краіны. Дзейнасць інновацыйных цэнтраў накіравана на садзействіе развіццю інновацыйнага прадпрыемства і камэрцыялізацыі навука-тэхнічных разробак.

Для Брэстскага рэгіёна дастаткова астрой застаецца праблема фарміравання развітой інновацыйнай інфраструктуры, што перашкаджае камэрцыялізацыі і распаўсюўваецца вынікаў разробак і даследаванняў. Асноўнымі прычынамі, сцержываючымі развіццю інновацыйнай інфраструктуры ў рэгіёне і Рэспубліцы ў цэлым, з'яўляюцца складаныя стартыя ўмовы для пачынаючых фірмаў, складаная крэдытная палітыка дзяржавы, адсутнасць венчурнага фінансавання, нехватка кампетэнтных кадраў і адсутнасць адчуваемай дзяржаўнай падтрымкі. Гэта гаворыць аб тым, што эканоміка краіны і рэгіёнаў яшчэ не наблізілася да становішча інновацыйнага восприимчивости.

На рысунку 1 прадставлена гістограма, паказваючая удельны ваг інновацыйнага прадукцыі ў агульным аб'ёме выпуска прадукцыі рэгіёнаў і горада Мінска [1]. Чырвонай лініяй адзначаны сярэдні ўзровень інновацыйнага прадукцыі ў цэлым па Рэспубліцы Беларусь. З данага рысунка відаць, што Брэстская рэгіён знаходзіцца апошняй у спісе інновацыйнага актывнасці з паказателем 3,3%, што значна адстае ад сярэдняга па краіне ў 20,1%. Аналіз інновацыйнага актывнасці атрадзяў Брэстскага

области показывает, что учет выпуска инновационной продукции производится далеко не по всем отраслям, а там, где он проводится, – результат зачастую равен нулю.

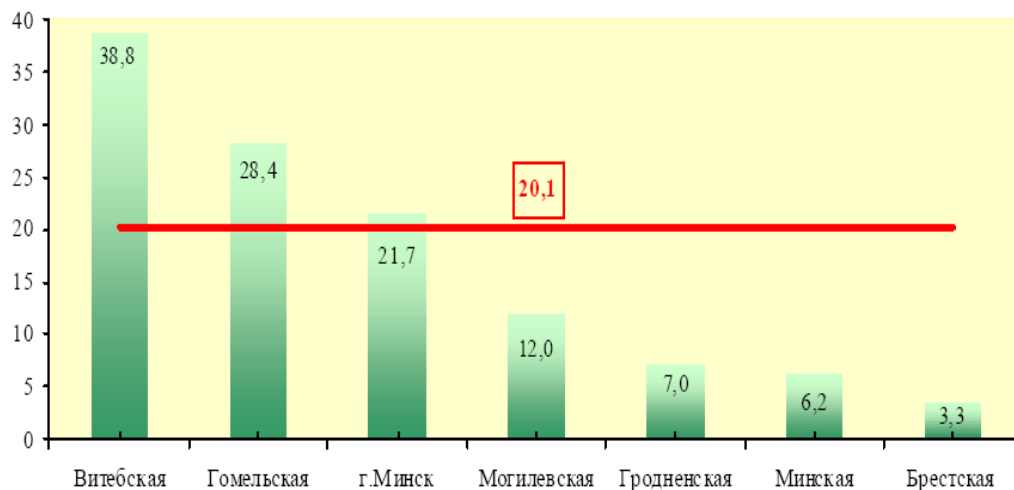

Рисунок 1. – Удельный вес инновационной продукции в общем объеме выпуска продукции, %

В полной мере инновационная активность предприятий и ее учет можно проанализировать лишь в обрабатывающей промышленности, которая занимает лидирующие позиции в Брестской области по уровню производства в валовом региональном продукте, в общем количестве занятых в области, по темпу роста производства и уровню рентабельности. В таблице 1 представлен анализ доли инновационной продукции в общем объеме выпуска продукции по регионам Брестской области [2].

Таблица 1. – Показатели доли инновационной продукции в общем объеме выпуска продукции по районам Брестской области в 2014 г.

	Число организаций, осуществляющих инновационную деятельность	Удельный вес инновационной продукции, %	Объем отгруженной инновационной продукции и оказанных услуг инновационного характера, млн руб.	Удельный вес в общем объеме отгруженной продукции, %
Брестская обл.	64	21,5	1 145 574	2,1
Районы				
Березовский	5	26,3	251 268	4,7
Брестский	1	33,3	–	–
Ганцевичский	–	–	120	0,1
Дрогичинский	1	14,3	19 310	3,6
Жабинковский	1	1,7	–	–
Ивановский	1	25,0	662	0,1
Ивацевичский	1	7,1	8 100	0,7
Каменецкий	1	12,5	–	–
Кобринский	3	15,0	70 374	3,5
Лунинецкий	4	30,8	50 254	2,2
Ляховичский	–	–	1 110	0,2
Малоритский	2	40,0	9 681	3,5

Продолжение таблицы 1

Пинский	1	14,3	–	–
Пружанский	2	18,2	34 068	2,1
Столинский	2	28,6	–	–
г. Брест	21	23,1	232 469	0,9
Ленинский р-н	13	22,8	172 509	0,9
Московский р-н	8	23,5	59 960	0,8
г. Барановичи	10	27,8	395 283	6,6
г. Пинск	8	26,7	76 870	1,9

Из таблицы 1 видно, что наибольшую долю инновационной продукции имеет г. Барановичи – 6,6% (производство машин и оборудования), Березовский район – 4,78% (производство сельхозпродукции) и т.д.

Исследования показывают, что для выполнения Государственной программы инновационного развития, Брестскому региону необходимо не менее 1,2 тыс. молодых специалистов и опытных практиков, руководителей высшего, среднего и низшего звена, которые должны обладать необходимыми знаниями и навыками по внедрению новых и высоких технологий в отечественное производство. Однако система подготовки кадров для инновационной деятельности пока еще не сформирована. При детальном анализе причин такой ситуации выяснилось, что среди различных факторов, определяющих качество подготовки специалистов, весьма существенным является то, что в процессе преподавания многие педагоги ориентируются не на инновационный характер образования и трудовой деятельности, а на пассивную передачу знаний, не учитывая обучающе-исследовательский принцип в образовании.

Для формирования благоприятного инвестиционного климата, необходимо решить вопросы финансирования инвестиционных проектов, а также устранить влияние ряда факторов, препятствующих инновациям в Брестском регионе: низкий платежеспособный спрос на новые продукты; высокая стоимость нововведений; высокий экономический риск нововведений; длительные сроки окупаемости нововведений; несовершенство законодательства по вопросам регулирования и стимулирования инновационной деятельности.

Для оценки инновационного развития внешнеэкономической деятельности Брестской области проведем SWOT-анализ (таблица 2).

Таблица 2. – Основные ограничения и возможности регионов (на примере Брестской обл.)

КОНКУРЕНТНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА (ВОЗМОЖНОСТИ) РЕГИОНОВ		ОГРАНИЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ
Республика Беларусь	1. Привлекательное географическое положение. 2. Определенный потенциал экономического роста. 3. Благоприятствование инвестициям. 4. Приемлемая социальная защищенность и инфраструктура.	1. Недостаточные темпы модернизации и роста эффективности экономики. 2. Недостаточная обеспеченность квалифицированными кадрами. 3. Ухудшение демографической ситуации. 4. Недостаточная развитость инвестиционной деятельности. 5. Низкие стимулы научно-инновационной деятельности. 6. Ресурсные ограничения и недостаток финансов.

Продолжение таблицы 2

Брестская область	1. Приемлемая минерально-сырьевая база. 2. Развитый разпромышленный комплекс. 3. Высокий научно-инновационный потенциал. 4. Развитый наземный (в т.ч. железнодорожный) транспорт. 5. Развитие строительной отрасли.	1. Низкоэффективное (технологически) сельское хозяйство. 2. Недостаточное использование потенциала сферы услуг, особенно туризма. 3. «Уязвимая» модель внешнеэкономической деятельности. 4. Недостаточное развитие в районах малого и среднего предпринимательства. 5. Влияние последствий аварии на ЧАЭС.
	ВОЗМОЖНОСТИ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ	УГРОЗЫ СО СТОРОНЫ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ
Республика Беларусь	1. Возможности Таможенного союза и ЕВРОА3ЭС. 2. Объективные факторы развития науки, техники и технологий. 3. Социально-экономическая политика органов власти. 4. Межрегиональная кооперация и конкуренция.	1. Возможные отрицательные последствия решений, принимаемых на республиканском уровне. 2. Зависимость от колебаний цен на сырье для нефтехимической промышленности. 3. Зависимость от конъюнктуры цен.
Брестская область	Возможности приграничного сотрудничества посредством развития Еврорегионов.	

Из приведенного SWOT-анализа видно, что ключевыми сферами интенсивного развития области должны стать:

1) использование промышленного потенциала в связке с научно-техническим для увеличения выпуска инновационной продукции, что должно стать и результатом модернизации промышленности;

2) развитие для промышленных целей местной минерально-сырьевой базы, что позволит снизить импортозависимость экономики региона и в определенном смысле компенсировать «уязвимость» модели внешнеэкономической деятельности;

3) использование географического положения посредством реализации транспортного потенциала в совокупности с туристическим, что позволит реструктурировать экономику региона в направлении усиления развития сферы услуг;

4) динамичное развитие малого и среднего бизнеса, в том числе посредством механизма государственно-частного партнерства, что окажет позитивное влияние на развитие инвестиционной деятельности как со стороны отечественных, так и иностранных инвесторов.

Из всех факторов ключевыми являются экономические, поэтому следует акцентироваться на их развитии, что создаст материальную основу для развития социальной сферы. На рисунке 2 представлена модель развития экономики Брестского региона.

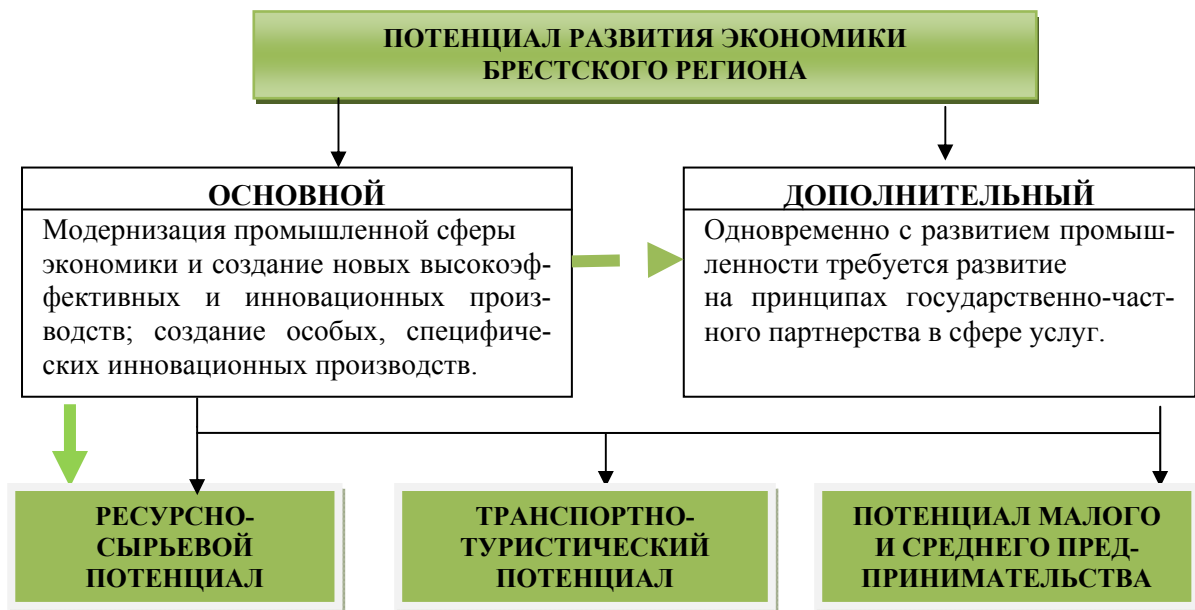

Рисунок 2. – Потенциал развития Брестской области

Предлагаемая инновационная модель регионального развития, в том числе внешнеэкономической деятельности, позволяет свести воедино различные аспекты инновационного развития, понять, каковы перспективы и пути формирования в регионе экспортно-ориентированной экономики, выявить основы построения ее базовых элементов.

Актуальной научно-практической задачей развития белорусской экономики является её коренная модернизация в целях повышения конкурентоспособности на основе интеграционных инновационных проектов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Седель, О. Я. Анализ субъектов инновационной инфраструктуры Брестского региона / О. Я. Седель, А. В. Гаврилюк // Перспективы инновационного развития Республики Беларусь : сб. науч. ст. 4 Междунар. науч.-практ. конф. – Брест, 2013. – С. 257–259.
2. Статистический ежегодник Брестской области, 2014 / Брест. обл. стат. управление. – Брест, 2014. – 127 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 01.10.2015

Petrukovich D.A., Sedel O.Ya., Mujeiko A.V. Analysis of the Innovation Infrastructure of Brest Region

The authors performed the analysis of the state of innovation infrastructure of Brest region. For the assessment of innovative development foreign economic activity Brest region will conduct a SWOT analysis and identifies areas of intensive development of the region. The proposed innovative model of regional development, including foreign economic activity, which allows to bring together various aspects of innovation development, to understand the prospects and ways of development in the region's export-oriented economy, to identify the foundations for the construction of its basic elements.

УДК 334.012.64

О.Я. Седель¹, И.В. Хведчик²

¹канд. тех. наук, доц., доц. каф. экономики и управления

Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

²студентка 4 курса специальности «Государственное управление и экономика»

Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ

Рассмотрено развитие малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь как перспективного сектора экономики и его вклад в обеспечение общего экономического роста. В Республике Беларусь установлен благоприятный климат для ведения бизнеса, в основе которого положен принцип: конкуренция – везде, где возможно, государственное регулирование – там, где необходимо. Особыми преимуществами для развития предпринимательства обладает Брестская область. Однако вклад субъектов малого и среднего предпринимательства Брестской области в экономику Республики Беларусь за последние пять лет почти не изменился. Значительный вклад в повышение занятости населения Брестской области вносят микро-, малые и средние организации. Особое значение в развитие малого и среднего предпринимательства принадлежит крестьянским (фермерским) хозяйствам.

Введение

Республика Беларусь славится трудолюбивыми, образованными и талантливыми людьми. Своей деятельностью они способны не только значительно повысить благосостояние и качество жизни жителей страны, но и обеспечить экономический рост, безопасность государства. Создание благоприятных условий для предпринимательской деятельности является одним из основных стратегических факторов устойчивого социально-экономического развития республики.

В последние годы в социально-экономическом развитии Республики Беларусь произошли очевидные позитивные изменения в области определения правил ведения бизнеса, направленные на улучшение делового климата и повышение инвестиционной привлекательности нашего государства. Последовательно реализуются меры по либерализации условий осуществления хозяйственной деятельности, устранению излишнего вмешательства государственных органов в деятельность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, упразднению необоснованных административных барьеров для развития деловой инициативы. Новое значение приобретает диалог власти и бизнеса по выработке решений в сфере развития экономики и стимулированию деловой активности. Вместе с тем для обеспечения динамичного развития белорусской экономики предстоит немало сделать по дальнейшей либерализации хозяйственной деятельности [1].

Развитие малого и среднего предпринимательства является одной из основных предпосылок формирования рыночной экономики и дальнейшего благоприятного социально-экономического развития. Оно способствует развитию сферы услуг и производства товаров, развитию конкурентной среды, созданию новых рабочих мест и придает экономике страны дополнительную стабильность. Поэтому для Республики Беларусь это необходимый элемент национальной экономики.

Брестская область является одной из шести областей Республики Беларусь и, несомненно, славится своим выгодным географическим положением и хорошо развитой транспортной инфраструктурой. По численности населения Брестская область занимает 3-е место, и с 2013 г. наблюдается положительное демографическое сальдо. Также Брестская область является привлекательным туристическим регионом Республики Беларусь

благодаря Мемориальному комплексу «Брестская крепость-герой» и национальному парку «Беловежская пуца». Все эти факторы способствуют развитию предпринимательства в Брестской области.

В Республике Беларусь с каждым годом возрастает количество субъектов малого и среднего предпринимательства, за исключением 2014 г., когда произошло снижение на 1,12%. По состоянию на 1 января 2015 г. этот показатель составляет 353 160 единиц. Анализируя данные Национального статистического комитета Республики Беларусь можно сделать вывод, что количество субъектов малого и среднего предпринимательства по Брестской области за последние пять лет увеличилось на 4,8% при этом наблюдается постоянный рост индивидуальных предпринимателей (за исключением 2011 г.) и микроорганизаций (за исключением 2014 г.), но сокращается количество малых и средних организации (таблица 1). Доля зарегистрированных субъектов малого и среднего предпринимательства по Брестской области от общереспубликанского количества в 2014 г. составляла 13,03%.

Таблица 1. – Количество субъектов малого и среднего предпринимательства в 2010–2014 гг. [2]

	Количество единиц				
	2010	2011	2012	2013	2014
Индивидуальные предприниматели	34 416	34 057	35 503	35 890	34 947
Микроорганизации (до 15 чел.)	7 753	7 955	8 555	9 510	9 396
Малые организации (от 16 до 100 чел.)	1 343	1 362	1 378	1 326	1 333
Средние организации	410	392	378	356	357
Итого	43 922	43 766	45 814	47 082	46 033

Наибольший удельный вес от общего количества зарегистрированных субъектов приходится на индивидуальных предпринимателей и составляет 75,92%. Основные показатели, характеризующие деятельность данных субъектов, представлены в таблице 2.

Таблица 2. – Основные показатели, характеризующие деятельность индивидуальных предпринимателей в 2010–2014 гг. [2]

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014
Численность физических лиц, привлекаемых по трудовым и гражданско-трудовым договорам, чел.	3 591	2 977	3 332	3 411	5 088
Выручка, трлн. руб.	1,7	2,3	5,7	7,1	7,8

Таким образом, с каждым годом возрастает (за исключением 2011 г., когда произошло снижение на 17,1%) численность физических лиц, привлекаемых индивидуальными предпринимателями по трудовым, гражданско-трудовым договорам. За 2014 г. этот показатель увеличился на 67,04%. Это связано со вступлением в силу 20 мая 2014 г. Указа Президента Республики Беларусь № 222 «О регулировании предпринимательской деятельности и реализации товаров индивидуальными предпринимателями и иными физическими лицами», что позволило нанимать на работу лиц трудоспособного возраста независимо от родственных связей, но не более трех. Выручка от осуществления предпринимательской деятельности растет, наибольший скачок наблюдался в 2012 г.

Наибольшее число индивидуальных предпринимателей задействовано в сфере торговли, ремонта автомобилей, бытовых изделий и предметов личного пользования

(48,91%), операций с недвижимым имуществом, аренды и предоставлением услуг потребителям (14,83%), строительстве (11,54%), транспорта и связи (11,47%).

Самыми непопулярными отраслями считаются рыболовство и финансовая деятельность. Больше всего розничных торговых объектов, занятых индивидуальными предпринимателями, находятся в Брестской области (26,6% от общего количества по республике), и за 2010–2014 гг. их число увеличилось на 80,19%. Структура числа розничных торговых объектов по типам представлена на рисунке 1.

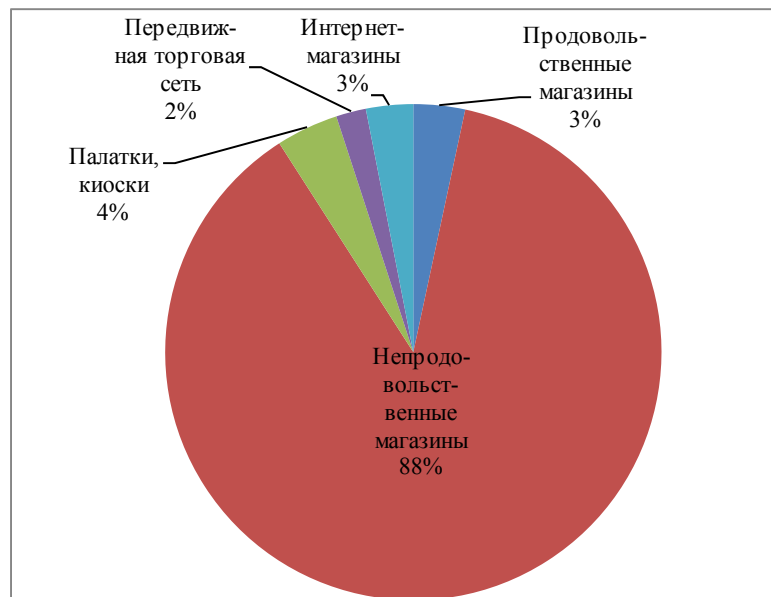

Рисунок 1. – Структура числа розничных торговых объектов, занятых индивидуальными предпринимателями, по типам в Брестской области

Значительный вклад в повышение занятости населения Брестской области вносят микро-, малые и средние организации. Однако за 2010–2014 гг. происходит снижение средней численности работников. Если в 2010 г. он достигал уровня в 161 033 человек, то в 2014 – 149 121. Средняя заработная плата, согласно статистическим данным, за 2014 г. составила 5 787 700 белорусских рублей, что выше на 8,53 % средней заработной платы по Брестской области и на 4,37 % ниже общереспубликанской.

В Бресте по состоянию на 1 января 2015 г. зарегистрировано 4 262 единицы микро-, малых и средних организаций, в Барановичах – 1 215, а в Пинске – 754.

Среди районов наибольшее количество зарегистрировано в Кобринском (778), Брестском (626), Барановичском (490) и Пинском (332). При этом количество убыточных предприятий больше всего в Брестском районе (26%), городе Бресте (25,6%) и Каменецком районе (22%). Общий удельный вес убыточных организаций за последние 5 лет изменился с 20,4% до 21,4%. Удельный вес микро-, малых и средних организаций Брестской области в основных экономических показателях развития Республики Беларусь представлен в таблице 3 в процентах к республиканскому итогу.

Таблица 3. – Удельный вес микро-, малых и средних организаций Брестской области в основных экономических показателях развития Республики Беларусь в 2010–2014 гг., % [2]

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014
Валовый внутренний продукт	2,2	1,9	2,3	2,2	2,1
Объем производства продукции, услуг	2,3	2,1	2,3	2,2	2,2
Выручка от реализации	2,9	2,5	2,6	2,9	2,9
Экспорт товаров	1,9	0,9	0,9	1,3	1,5
Импорт товаров	1,9	1,4	1,8	2,0	1,8

Таким образом, за 2010–2014 гг. вклад в экономику Республики Беларусь предприятиями Брестской области почти не изменился.

Немаловажное значение в анализе малого и среднего предпринимательстве имеют крестьянские (фермерские) хозяйства. Брестская область по количеству крестьянских хозяйств занимает второе место, уступая лишь Минской области. Основные показатели, характеризующие их деятельность, представлены в таблице 4.

Таблица 4. – Основные показатели, характеризующие деятельность крестьянских (фермерских) хозяйств в Брестской области в 2010–2014 гг. [2]

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014
Количество крестьянских хозяйств, единиц	380	430	457	492	500
Списочная численность рабочих, человек	1 476	1 851	1 912	1 915	2 044
Выручка, млрд. руб.	119,6	233,9	399,4	559,2	723,6
Чистая прибыль (убыток), млрд. руб.	29,0	63,4	83,5	117,5	166,9
Рентабельность продаж, %	24,7	28,0	22,2	22,1	25,5

Таким образом, за 2010–2014 гг. произошло увеличение количества крестьянских (фермерских) хозяйств на 31,58% и списочной численности рабочих на 27,79%. Также возросла выручка и чистая прибыль, но при этом рентабельность продаж за последние 5 лет находится в среднем на уровне – 24,5%. Среди благоприятных тенденций можно отметить: увеличение поголовья скота, урожайности зерновых и зернобобовых культур с 27 до 35,5 центнера с гектара, сахарной свеклы с 417 до 519 центнеров гектара, картофеля с 207 до 236 центнера с гектара и овощей с 226 до 331 центнера с гектара. К негативным тенденция развития крестьянских (фермерских) хозяйств относят увеличение доли убыточных предприятий с 5,0% до 13,5%.

Благоприятное развитие крестьянских (фермерских) хозяйств обусловлено тем, что макроэкономическую основу экономики Брестской области формирует агропромышленный комплекс. В сельском хозяйстве области занято 84 800 человек, т.е. 13,7% населения. В 2014 г. Брестская область собрала рекордный за всю историю урожай – 1 млн 452 тыс. тонн зерна при урожайности 41,5 центнера с гектара. Плотность скота остается самой высокой в республике. Около 60% поголовья дойного стада переведено на содержание по новым технологиям. По экспорту сельскохозяйственной продукции и продуктов питания Брестская область занимает 1-е место в Беларуси. В последние годы по производству практически всех видов сельскохозяйственной продукции в расчете на душу населения область превышает среднереспубликанские показатели. Перерабатывающая промышленность выделяется развитыми экономическими связями по импорту сырья, его глубокой переработке и последующему экспорту в более чем 10 стран [3].

Заклучение

Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь представляет собой перспективный сектор экономики, постепенно увеличивающий свой вклад в обеспечение общего экономического роста. В Республике Беларусь установлен благоприятный климат для ведения бизнеса, в основе которого положен принцип: конкуренция – везде, где возможно, государственное регулирование – там, где необходимо. Особыми преимуществами для развития предпринимательства обладает Брестская область. Однако в последние годы снижается количество субъектов малого предпринимательства, средняя численность рабочих и некоторые другие показатели. Тем не менее вклад субъектов малого и среднего предпринимательства Брестской области в экономику Республики Беларусь почти не изменился. Особое значение в развитии малого и среднего предпринимательства принадлежит крестьянским (фермерским) хозяйствам. За последние пять лет существенно увеличилась численность их субъектов и другие показатели, характеризующие их деятельность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь : директива от 31 дек. 2010 г. № 4 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
2. Малое и среднее предпринимательство в Республики Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь ; редкол.: В. И. Зиновский [и др.]. – Минск, 2014. – 380 с.
3. Стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг. : проект [Электронный ресурс] / Поддержка регионального и местного развития в Беларуси. – Режим доступа: <http://www.regdev.by/en/download/file/fid/140/>. – Дата доступа: 11.10.2015.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 02.10.2015

Sedel O.Ya., Khvedchik I.V. Analysis of the Development of Small and Medium Enterprises in Brest Region

The authors consider the development of small and medium enterprises in the Republic of Belarus as a promising sector of the economy, and its contribution to overall economic growth. In the Republic of Belarus, a favorable climate for doing business is established, based on the principle: competition – wherever possible, state regulation – where necessary. Brest region has special advantages for the development of entrepreneurship. However, the contribution of small and medium enterprises to Brest region in the economy of the Republic of Belarus for the last five years has not changed. Micro, small and medium-sized organizations make a significant contribution to increasing employment of the population of Brest region. Of particular importance in the development of small and medium enterprises are peasant (farmer) farms.

УДК 331.445:159.9

З. Цекановски¹, Т. Силюк²¹д-р хабілітыварованный,*зав. отделом управления внутренней безопасности Института экономики и управления Государственной высшей технико-экономической школы в Ярославле (Польша)*²канд. экон. наук, доц., зав. каф. теоретической и прикладной экономики
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

УПРАВЛЕНИЕ КОНФЛИКТОМ КАК МЕТОД РУКОВОДСТВА КОЛЛЕКТИВОМ ОРГАНИЗАЦИИ

В статье изложены основные теории менеджмента по управлению конфликтами в организации, целью которых является минимизация их негативных последствий. Исследуются причины и этапы протекания конфликтов, описываются типология и способы предотвращения конфликтов, выявляются конструктивные и негативные последствия конфликтов. Авторы предлагают традиционные и инновационные методы управления конфликтами, приходят к выводу о значительной роли менеджера и в процессе управления конфликтами, и в управлении человеческими ресурсами.

Wstęp

Obecne postrzeganie konfliktów traktuje się nie tylko jako zjawisko nieuniknione ale nawet jako konieczne i uzasadnione. Jest on bowiem niezbędnym elementem w, swojego rodzaju, grze jaką prowadzą między sobą jej uczestnicy i to niezależnie jak i czym jest on spowodowany (przez błąd pracownika, rozbieżnych strategii rozwoju firmy, posiadanej wiedzy) i tak w jego genezie za każdym razem pojawia się rozbieżność interesów.

Z racji poglądu interakcyjnego konflikt należy postrzegać nie tylko na płaszczyźnie dysfunkcjonalności: z jednej strony wpływa on destruktywnie: niezgoda, gniew, lęk, działanie na szkodę innego pracownika, czasami na szkodę firmy, nieufność i podejrzliwość, zaś z drugiej strony jest przyczyną wielu pozytywnych zjawisk np.: pozwala na znajdowanie wielu nowych rozwiązań, poszerza zakres myślenia o danym problemie, pomaga w relacjach międzyludzkich. Dzięki dzisiejszemu postrzeganiu dwóch płaszczyzn konfliktu: funkcjonalnej i dysfunkcjonalnej – sformułowano cel zarządzania konfliktem czyli minimalizowanie negatywnie wpływających na wynik organizacji konfliktów przy równoczesnym utrzymaniu na poziomie operacyjnym konfliktów konstruktywnych [1, s. 67].

Zarządzane konfliktem odnosi się zatem do zastosowania szeregu działań zmierzających do minimalizowania negatywnych skutków konfliktu celem sprawnego funkcjonowania organizacji a jednocześnie wzmacniania jego pozytywnych skutków. Jednakże zgodnie z zasadami działania (zgodnie z pojęciem zarządzania) każde działanie powinno być zaplanowane, zorganizowane, wykonane i kontrolowane, zarządzanie konfliktem można interpretować jako planowanie, organizowanie, rozwiązywanie i kontrolowanie przebiegu konfliktu w celu wykorzystania jego konstruktywnych cech a minimalizowanie negatywnych [2, s. 45–48]. Zarządzanie konfliktem oznacza konieczność wypracowania racjonalnych metod działania pozwalających czerpać możliwie największe korzyści z wystąpienia konfliktu i minimalizować jego niekorzystne konsekwencje [3, s. 14].

Zarządzanie konfliktem jest nie zwykle istotnym elementem zarządzania organizacją, a wybór procesu rozwiązywania konfliktu ze względu na jego różnorodność stanowi spore wyzwanie. W niniejszej pracy przedstawiono powyższą zależność.

Główne przyczyny konfliktu

Sytuacje konfliktowe w organizacji są równie nieuchronne jak zmiany pogody czy konieczność płacenia podatków, jako że stanowią naturalną konsekwencję zdywersyfikowanych postaw i systemów wartości, reprezentowanych przez ludzi. Obecnie stał się on również synonimem wolności i swobody wypowiedzi, dzięki czemu za jego pośrednictwem kierownik poznać może rzeczywiste poglądy czy cele, jakimi kierują się podwładni, a tym samym lepiej dopasować do każdego z nich wiązkę bodźców motywacyjnych.

Warto rozróżnić kilka rodzajów wspomnianych «punktów zapalnych»: indywidualny konflikt wewnętrzny dotyczy pojedynczego człowieka i występuje z reguły w sytuacji konieczności wyboru alternatywy, gdy oba wykluczające się cele wydają się równie atrakcyjne (sprowadza się to do dylematu «coś za coś»); interpersonalny (na linii dwóch osób lub między osobą a grupą); grupowy lub międzygrupowy; międzyorganizacyjny (pomiędzy firmami). W każdym jednak przypadku antagonizmy w przedsiębiorstwie rodzą się na gruncie wzajemnej niechęci, nieufności i podejrzliwości, a także nadmiernej rywalizacji. Rozpatrując najczęstsze ich przyczyny wyszczególnić też trzeba:

- niespójność celów poszczególnych pracowników i organizacji jako całości;
- odmienna interpretacja faktów, definiowana przez każdą ze stron;
- różnice w preferowanych dla osiągnięcia celów metodach;
- niezgodność w percepcji ról i podziału odpowiedzialności oraz kompetencji;
- korzystanie z ograniczonych zasobów przez więcej niż jedną osobę;
- współzależność w realizacji zadań i trudność w ich koordynacji;
- niewystarczający zasób informacji, przekazywanej przez kierownictwo załozdze;
- różnice kulturowe i światopoglądowe, często nie mające nic wspólnego ze sferą zawodową;
- niejasne kryteria awansów, budzące podejrzenia o nepotyz ale także te nazbyt jasne, a oparte o ostrą rywalizację między pracownikami;
- nieelastyczną i nadmiernie rozbudowaną strukturę organizacyjną, co sprzyja powstawaniu nieformalnych grup nacisku tudzież rozgrywkom personalnym;
- wreszcie zaś najzwyczajniejsze cechy osobowości ludzi, którym trudno jest ze sobą współpracować (choćby umieszczenie w tym samym biurze kilku neurotycznych osób będzie już potencjalnym zarzewiem konfliktu).

Zarządzanie przez konflikt

Konfliktem nazywamy sprzeczność interesów, poglądów ale także możemy mieć na myśli spór czy zatarg (W. Kopaliński) [4, s. 190]. Zarządzanie przez konflikty jest z kolei sposobem wpływania na pracowników wszelkimi sposobami, które mają na celu przeciwdziałać skutkom konfliktów a mianowicie: niskiej aktywności, braku zaangażowania i marazmowi. Efektem tego stylu zarządzania powinno być pobudzenie wewnętrznej inicjatywy działania oraz wykształcenie twórczego procesu rozwiązywania problemów. Mary Parker Follett twierdziła, że konflikty w organizacji są czymś zupełnie normalnym a wręcz uważa że dzięki nim generuje się cenna różnica potencjałów między stronami konfliktu, którą należy spożytkować na korzyść dla wszystkich.

Zarządzanie konfliktem polega wprawdzie na identyfikacji konfliktu a później na wybraniu odpowiedniej strategii działania celem jego zażegnania. Współpraca polegająca na szukaniu wspólnych rozwiązań celem znalezienia podobnego punktu widzenia i wywołania poczucia wygranej u obu stron. Wyróżnić możemy 5 takich strategii:

1. Kompromis, który najlepiej osiągnąć drogą negocjacji. Każda ze stron coś zyska jednak sama również z czegoś będzie musiała zrezygnować.

2. Negocjacje. Możemy wskazać kilka różnych sposobów interpretowania negocjacji: proces komunikacji ukierunkowanej na poszukiwanie kompromisu; zbiór reguł i taktyk działania, (co i jak robić, czego unikać); proces o określonej strukturze i czasie trwania; sposób osiągnięcia porozumienia.

Możemy przyjąć, iż negocjacje to proces porozumiewania się, w który zaangażowane są, co najmniej dwie strony, podejmujące dialog w celu rozwiązania zaistniałych pomiędzy nimi sprzeczności. Jest to również proces określania celów oraz aspiracji, zbierania informacji, dobierania partnerów i wreszcie wzajemnego przekonywania się. Jest to też sposób, dzięki któremu można uzyskać korzystne dla stron rozwiązanie konfliktu interesów lub poglądów. Negocjacje to uzgadnianie za pomocą argumentów i perswazji wspólnego stanowiska. Możemy przedstawić to w formie graficznej:

Negocjacje: sposób rozwiązywania konfliktu; zespół działań na rzecz osiągnięcia porozumienia; podejmowanie wspólnej decyzji; dochodzenie do konsensusu przez strony uczestniczące w procesie wzajemnej komunikacji, uczenia się, argumentowania i perswazji, wywierania nacisków w celu: zaspokojenia potrzeb uczestników opisywanego procesu.

Do warunków niezbędnych do zaistnienia procesu negocjacyjnego zaliczamy:

- 1) negocjacje odbywają się między dwoma lub większą liczbą stron;
- 2) potrzebne jest wzajemne zaangażowanie stron w osiągnięcie pożądanego rozwiązania (jeżeli każda ze stron uznaje stanowisko drugiej jako nieakceptowalne, wówczas znika potrzeba negocjacji);
- 3) strony rozpoczynają negocjacje z różnych pozycji co do celów i środków, a te różnice są przeszkodą do osiągnięcia porozumienia;
- 4) strony powinny uważać negocjacje za bardziej zadowalający sposób niwelowania różnic niż jakiegokolwiek inne alternatywne sposoby rozstrzygnięcia sporu;
- 5) każda ze stron powinna wierzyć, że w drodze perswazji istnieje jakaś możliwość wywołania modyfikacji początkowego stanowiska drugiej strony;
- 6) każda ze stron musi dysponować pewnym stanem niezależności w odniesieniu do możliwości działania drugiej strony.

3. Konkurencja, zakładająca dwa wyjścia: wygrasz lub przegrasz, – znajduje miejsce w sytuacjach ekstremalnych, na przykład, kiedy decyzja musi zostać podjęta bardzo szybko.

4. Dostosowywanie się używana najczęściej w sytuacji gdy racja leży po drugiej stronie bądź stwierdzeniu że sprawa jest o wiele ważniejsza dla innych niż dla nas.

5. Unikanie prosta strategia zakładająca po prostu nie angażowanie się w konflikty bądź przybranie biernej postawy w oczekiwaniu że konflikt sam zniknie.

Zarządzanie przez konflikty jest niełatwe do zastosowania w praktyce. Styl ten pobudza organizację, a co za tym idzie wykorzystuje twórczy potencjał jej członków. Ponadto daje on możliwość identyfikacji człowieka, który świadomie hamuje rozwój firmy przez realizowanie swoich prywatnych celów. Idea świadomego kierowania konfliktami może jednak przyczynić się do spadku poziomu realizacji głównych celów firmy, jak również prowadzić do osłabienia zaangażowywania się stron w pracę na rzecz organizacji. Warto również wspomnieć o niebezpieczeństwie samozniszczenia, jakie nawet nie duży konflikt może nieść ze sobą.

Metody zarządzania konfliktem

Tradycyjne sposoby rozwiązywania konfliktów:

1. *Unikanie i odwlekanie.* Menedżer jawnie lub skrycie neguje istnienie konfliktów i stanowią one w przedsiębiorstwie tabu. W metodzie tej nie ma wygranych i przegranych, a konflikt zostaje jedynie przytłumiony lub odroczone w czasie.

2. *Wymuszanie*. Menedżer pełni rolę «wyroczni» i narzuca wówczas pracownikowi własne zdanie z pozycji władzy, odwołuje się do etosu («dla dobra przedsiębiorstwa») lub wprowadza zasadę dominacji większości. Metoda ta stwarza sytuację «wygrany – przegrany» i tylko w krótkim okresie przygasza konflikt.

3. *Kompromis*. Strony konfliktu zaspokajają część swoich roszczeń, a z części rezygnują. Jest to swoistego rodzaju przetarg, w którym nikt nie wygrywa i nikt nie przegrywa. W rezultacie następuje zażegnanie konfliktu, lecz nie jego rozwiązanie.

4. *Mediacja*. Rozstrzygnięcie konfliktu następuje na skutek uczestnictwa i osądu mediatora, który musi wysłuchać wszystkich, których konflikt dotyczy i próbować go rozwiązać tak, aby wszyscy byli zadowoleni lub nie mieli poczucia porażki. W zależności od wyników głosowania strona, która nie ma racji powinna ustąpić.

5. *Deprecjonowanie*. Metoda polegająca na pomniejszaniu wartości zarówno drugiej strony uwikłanej w konflikt, jak i przedmiotu sporu; w sytuacjach wymagających nieosobistego zaangażowania niewątpliwie zwiększa skuteczność działań.

6. *Walka*. Każda strona konfliktu postrzega drugą stronę jako przeciwnika, którego należy zniszczyć za wszelką cenę [5, s. 123–128].

7. *Harmonizowanie*. Metoda ta polega na uświadomieniu stronom konfliktu o konieczności realizowania celu wyższego, nadrzędnego; metoda będzie skuteczna wówczas gdy cel nadrzędny uwzględniają cele poszczególnych stron konfliktu.

8. *Pokojowe współlistnienie*. Typowy przykład tej metody to relacje zarząd – związku zawodowe. Współpraca ma tu charakter pozorny, wynikający z obowiązku a nie z chęci realizacji wspólnych celów.

9. *Ingerencja osób trzecich*. Polega ona na zaangażowaniu w konflikt osoby trzeciej – arbitra, który ma na celu ułatwić stronom rozwiązanie konfliktu. Metoda ta jest powszechnie uznawana za mało efektywną, która ucieka od istoty konfliktu a więc za rozwiązanie pozorne i chwilowe.

Wyżej opisane tradycyjne metody rozwiązywania konfliktów charakteryzują się bardzo niską efektywnością a ich funkcjonalność sprowadza się jedynie do załagodzenia napiętej sytuacji. Niestety z reguły nie usuwają one przyczyn konfliktu dlatego poszukiwano lepszych i skuteczniejszych metod zarządzania konfliktem.

Nowoczesne sposoby rozwiązywania konfliktów

W odróżnieniu od wymienionych tradycyjnych sposobów radzenia sobie z konfliktem w firmie, metody nowoczesne opierają się na tworzeniu «mostu zgody», co polega na konstruktywnym wzajemnym poznawaniu się stron i przedstawienia poglądów w ramach racjonalnej dyskusji. Wykorzystując wiedzę z zakresu psychologii biznesu, możemy zastosować metodę spotkań konfrontacyjnych lub sesji wymiany wizerunków. Pierwsza z nich wybierana jest często w przypadku sporu szefa z podwładnymi, kiedy menedżer zgłasza gotowość do nawiązania dialogu, mającego prowadzić do sensownego porozumienia. Celem owych spotkań jest spokojna argumentacja i wzajemne wyjaśnienie swych racji, zaś w ich toku należy wyraźnie oddzielić problem i jego podłoże od wymiaru personalnego. O efektach spotkań konfrontacyjnych w głównej mierze przesądza wzajemne nastawienie stron; jeśli bowiem postrzegają one siebie jako rywali, prawdopodobieństwo kompromisu jest niewielkie. Pomimo, iż antagoniści stoją na odmiennych szczeblach hierarchii służbowej, powinni starać się traktować siebie wzajemnie jako partnerów, by nie doprowadzić do «wojny podjazdowej». Omawiana metoda pozwala jej uniknąć, jeśli zastosujemy niniejsze wskazówki:

1) należy kontrolować temperaturę dyskusji podczas spotkań, zachowując dyscyplinę wypowiedzi, aby oponenty nie podsycali dodatkowo konfliktu, a odmienne poglądy wzbudzały raczej zainteresowanie niż niechęć;

2) pracownicy winni zachować bezwzględną szczerłość, przy czym tłumić należy wszelkie ataki personalne, by nie dopuścić do eskalacji spirali resentymentu;

3) prowadzący spotkanie powinien uważnie śledzić dyskusję oraz zaprotokołować najważniejsze ustalenia, gdyż pełni emocji antagoniści mogą «zamykać uszy» na argumenty drugiej strony i podważać dotychczasowe rozstrzygnięcia, wreszcie odmienne je interpretować.

Inną nowoczesną techniką rozstrzygnięcia sporu w firmie jest sesja wymiany wizerunków, stanowiącą element strategii budowy zaufania, którego brak często leży u podstaw konfliktu. Uczestnictwo w sesji wiąże się z pełną otwartością i autentycznością, pozwala stronom lepiej zrozumieć wzajemne zachowania i postawy. Informacje nie mogą być selekcjonowane przez osoby postronne, gdyż uczestnicy sporu muszą mieć możliwość poznania opinii innych osób o sobie oraz do ekspresji własnego zdania. Warunek powodzenia sesji stanowi dojrzałość emocjonalna jej uczestników – muszą oni być gotowi na przyjęcie konstruktywnej krytyki i uszanować racje przeciwnika. Przebieg sesji wygląda następująco:

a) każda strona konstruuje wizerunek własny oraz swego antagonisty (charakterystykę lub opis);

b) następuje prezentacja wizerunków, dzięki której strony dowiadują się, jak postrzegają siebie nawzajem;

c) na odrębnym spotkaniu prowadzone są dywagacje n/t przyczyn, które legły u podstaw danego wizerunku;

d) konkluzje z sesji komunikowane są każdej ze stron oraz wyjaśniane i uzupełniane o wnioski;

e) adwersarze zobowiązują się do korekty swych zachowań celem zniwelowania sporu i podjęcia współpracy.

Podsumowując, różnice zdań zdarzają się w każdym zespole pracowniczym, natomiast efektywność jego prac determinuje umiejętność wykorzystania konfliktu z pożytkiem dla firmy, tak aby stał się on swoistym katalizatorem kreatywności. Jeśli w przedsiębiorstwie panuje «stadne myślenie», konflikty wprawdzie nie występują, jednak sytuacja taka może mieć niebezpieczne skutki dla długofalowego rozwoju organizacji. Warunkiem efektywnego jej funkcjonowania jest utrzymywanie kontroli nad konfliktami w fazie ich umiarkowanego natężenia. Wówczas osiągnąć możemy pozytywne efekty zastosowania metody ZPK2:

- progres zamiast stagnacji w firmie;
- ujawnienie się twórczego potencjału pracowników;
- wykorzystanie motywacyjnego aspektu rywalizacji między pracownikami;
- identyfikacja (i ostatecznie eliminacja z zespołu pracowniczego) strony konfliktogennej, stale podsycającej wzajemną niechęć i szerzącej plotki;
- zacieśnienie więzi współpracy, jeśli uda się pozytywnie rozwiązać spór;
- wzajemne poznanie się członków załogi i wzrost otwartości na odmienne poglądy (tolerancji).

Jednak technika ZPK2 posiada również wydatne wady:

- tworzy niesprzyjającą atmosferę w grupie, prowadzi do napięć i stresów;
- konflikt stosunkowo łatwo wymknąć się może spod kontroli zarządu, prowadząc do spadku efektywności funkcjonowania firmy, a w ostateczności do jej upadku;
- spory wyczerpują siły psychiczne stron i mogą mieć negatywne skutki dla pracowników o słabszej konstrukcji psychologicznej;

- ukierunkowanie energii menedżera na rozwiązywanie sporów wśród załogi pozbawia go czasu na pracę koncepcyjną na rzecz rozwoju firmy.

Biorąc pod uwagę organizację można wskazać pięć typów konfliktów:

1. Konflikt wewnętrzny. Ten typ konfliktu występuje wówczas, gdy dana osoba nie wie, jakiej pracy się od niej oczekuje, gdy niektóre wymagania dotyczące jej pracy są sprzeczne z innymi albo kiedy oczekuje się od niej więcej, niż uważa, że jest w stanie zrobić. Ten typ konfliktu często wpływa na sposób reagowania danej osoby na inne rodzaje konfliktów w organizacji.

2. Konflikt między poszczególnymi osobami w tej samej organizacji przypisuje się często różnicom osobowości. Na ogół jednak konflikty takie wybuchają wskutek nacisków związanych z odgrywanymi rolami (między kierownikiem a podwładnym) albo personalizacji konfliktów między grupami.

3. Konflikt między jednostką a grupą często jest spowodowany sposobem reagowania poszczególnych osób na naciski wywierane przez grupę roboczą, zmierzające do wymuszenia konformizmu. Na przykład jednostka może być karana przez grupę za przekraczanie lub nie osiągnięcie przyjętych przez nią norm wydajności.

4. Konflikt między grupami w tej samej organizacji. Najczęściej konflikty międzygrupowe pojawiają się między linią a sztabem oraz między robotnikami i kierownictwem. Członkowie zróżnicowanych działów w organizacji mają różne horyzonty czasowe, cele, orientacje interpersonalne i sposoby rozwiązywania problemów. Różnice te umożliwiają członkom grup skuteczne wykonywanie ich zadań, ale też zwiększają możliwości konfliktu między nimi.

5. Konflikt między organizacjami uważany jest za nieodłączny i pożądany w sferze gospodarczej; najczęściej określa się go jako konkurencję. Stwierdzono, że ten rodzaj konfliktu prowadzi do opracowania nowych wyrobów, technologii i usług, do niższych cen i efektywniejszego wykorzystania zasobów. Prawa o raz instytucje państwowe starają się sprzyjać konfliktom funkcjonalnym (np. przez prawodawstwo antytrustowe) i ograniczać ich dysfunkcjonalne aspekty (np. fałszywe reklamy czy szpiegostwo) [6, s. 67–69].

Funkcjonalność czy dysfunkcjonalność konfliktu zależy od jego poziomu, struktury i kultury organizacji, a także sposobu nim kierowania. Przy umiarkowanym poziomie konfliktu istnieje większe prawdopodobieństwo, że rywalizujące grupy nauczą się oddziaływać na siebie w sposób twórczy, prowadzący do rozwiązywania problemów. Przy podnoszeniu się poziomu konfliktu wzrasta równocześnie pokusa działań destrukcyjnych wobec rywalizującej grupy. Taka sytuacja jest w konsekwencji wyniszczająca dla całej organizacji. W sytuacji, gdy organizacja twardo przeciwstawia się zmianom, sytuacja konfliktowa może nigdy nie znaleźć rozwiązania. Konsekwencją będzie wzrost napięcia, a każdy nowy konflikt zwiększy podziały między komórkami organizacji. Można ogólnie stwierdzić, że sztywna struktura i kultura organizacji zmniejsza szanse na korzystne rozwiązanie konfliktu. Utrzymujący się, wysoki poziom konfliktu hamuje łączność między komórkami, utrudniając podejmowanie trafnych decyzji. Może mieć to szczególnie niszczący wpływ na organizacje o strukturze niesformalizowanej, w których poszczególne komórki są od siebie uzależnione w dopływie informacji.

Przebieg konfliktu

W przebiegu konfliktu można wskazać cztery zasadnicze etapy: potencjalnej opozycji, poznania i personifikacji, zachowań, wyników [7, s. 58].

Etap I. Potencjalna opozycja. Na tym etapie zostają określone warunki umożliwiające zaistnienie konfliktu. Warunki te nie muszą prowadzić do konfliktu, ale wystąpienie przynajmniej jednego z nich jest konieczne. Można dokonać ich podziału na 3 kategorie:

1. **Камунікацыя.** Trudności semantyczne, niedostateczna wymiana informacji i szumy w kanale komunikacyjnym są przeszkodami w komunikacji i mogą przyczynić się do wystąpienia konfliktu. Szkodliwy jest zarówno przerost jak i niedomiar w kwestii komunikacji. Możliwość wystąpienia konfliktu stwarza ponadto proces filtrowania informacji przy jej przekazywaniu, a także rozbieżności pomiędzy informacjami przekazywanymi drogą oficjalną i mniej formalną.

2. **Struktura.** Zarówno rozmiar jak i specjalizacja grupy mają związek z częstotliwością powstawania sytuacji konfliktowych. Prawdopodobieństwo wystąpienia konfliktów rośnie wraz ze wzrostem liczby członków grupy i stopniem jej specjalizacji. Podobny wpływ ma ponadto wysoka fluktuacja pracowników i ich młody wiek. Do powstawania konfliktów przyczynić się może również system wynagradzania, jeżeli jeden z członków grupy uzyskuje korzyści kosztem innych.

3. **Zmienne osobowościowe.** Istotne znaczenie w przypadku powstawania konfliktów mają odmienności w wyznawanych przez członków organizacji systemach wartości. Ponadto pewne typy osobowości, takie jak osoby silnie autorytarne, dogmatyczne czy wykazujące niewielki szacunek dla samych siebie, prowadzą do potencjalnych konfliktów.

Etap II. Poznanie i personalizacja. Etap ten stanowi urzeczywistnienie opozycji pod warunkiem, że elementy przytoczone w etapie pierwszym wywołują frustrację. Warunki wstępne opisane wcześniej mogą doprowadzić do konfliktu, jeżeli konflikt dotyka przynajmniej jednej ze stron i jeśli zdaje ona sobie z tego sprawę. Jeśli strony zaangażują się emocjonalnie w konflikt zaczynają odczuwać niepokój, napięcie, frustrację czy wrogość.

Etap III. Zachowania. Przejście do etapu trzeciego oznacza podjęcie działań przez członka organizacji uniemożliwiających osiągnięcie celu przez innego członka albo przeszkadzanie mu w działaniu na rzecz jego interesów. Działanie takie musi być zamierzone. Na tym etapie podejmuje się działania zmierzające do opanowania konfliktu, takie jak:

- 1) rywalizacja (silne pragnienie zaspokojenia własnego interesu, małe interesu partnera);
 - 2) współpraca (silne pragnienie zaspokojenia zarówno własnych, jak i interesów partnera);
 - 3) dostosowywanie się (słabe pragnienie zaspokojenia własnych interesów, silne interesu partnera);
 - 4) unikanie (słabe pragnienie zaspokojenia zarówno własnych, jak i interesów partnera);
 - 5) kompromis (umiarkowane pragnienie zaspokojenia interesów własnych i partnera)
- [8, s. 86–88].

Etap IV. Wyniki. Zachowanie stron w konflikcie prowadzi do określonych konsekwencji, które mogą podnosić bądź obniżać efektywność grupy. Poziom konfliktu, struktura i kultura organizacji, a także sposób kierowania konfliktem określają jego funkcjonalny, bądź dysfunkcjonalny charakter. Umiarkowany poziom konfliktu może z większym prawdopodobieństwem doprowadzić do pożądanego wyniku niż jego wysoki poziom. Konflikt o umiarkowanym poziomie nie prowadzi do destrukcji, lecz sprzyja twórczości i innowacyjności, podwyższa jakość decyzji, sprzyja klimatowi samooceny i doskonalenia. Ponadto przeciwdziała negatywnym skutkom grupowego myślenia, podważa stan dotychczasowy, a przez to sprzyja powstaniu nowych koncepcji oraz ponownej ocenie celów i działań grupy. Sztywna struktura i kultura organizacji utrudnia osiągnięcie konstruktywnych rozwiązań konfliktów. Konflikt może ujawnić problemowe obszary w działalności organizacji, lecz przy oporze ze strony organizacji konflikt może nie zostać rozwiązany. W celu unikania problemów, do jakich może doprowadzić konflikt i wykorzystaniu go do doskonalenia działania organizacji słusznym jest kontrolowanie jego przebiegu.

Konsekwencje konfliktu

I. Pozytywne

1. *Wzrost motywacji.* Konflikt może przyczynić się do wzrostu motywacji pracowników. Różnice między członkami organizacji mogą zwiększyć ich zaangażowanie w realizację stawianych przed nimi zadań. Warunkiem jest jednak natężenie konfliktu: napięcia nie mogą być na tyle silne, aby zakłócać funkcjonowanie organizacji. Umiarkowany konflikt może stymulować zainteresowanie w stosunku do problemu i chęć poznania.

2. *Innowacyjność.* Konflikt może powodować wzrost innowacyjności pracowników i sprzyjać rozwojowi organizacji. Konflikt może działać stymulująco, skłaniając pracowników do poszukiwania nowych rozwiązań. Konfrontacja różnych opinii może przynieść nowe, często lepsze rozwiązanie.

3. *Sygnal dysfunkcyjności.* Konflikt może stanowić dla organizacji sygnał ostrzegawczy o złym funkcjonowaniu określonych obszarów, takich jak struktura organizacji, komunikacja wewnątrz organizacji itp. Często dopiero w chwili pojawienia się czy zaostrzenia konfliktu władze organizacji otrzymują sygnał o rozwiązaniach wymagających zmiany.

4. *Przyrost wiedzy.* Konflikt przyczynia się do pogłębienia wiedzy zarówno na swój temat, jak i na temat partnera. Aby skutecznie uargumentować swoje stanowisko należy w pierwszej kolejności dokładnie poznać i zhierarchizować swoje potrzeby. Konflikt daje również szansę na lepsze poznanie partnera, jego pragnień, celów, systemu wartości i uczuć. Wiedza ta jest niezbędna do skutecznej współpracy w ramach organizacji i realizacji celów.

5. *Wzrost zaufania.* Pozytywne rozwiązanie konfliktu może przyczynić się do zwiększenia zaufania pomiędzy uczestnikami i poczucia zrozumienia. Znalezienie konstruktywnego rozwiązania może zbliżyć do siebie parterów, co w efekcie będzie ułatwiać pokonywanie problemów w przyszłości.

II. Negatywne

Obok konstruktywnych następstw konfliktów między członkami organizacji wskazać należy o elementach negatywnych. Nie bez przyczyny konflikty większości z nas kojarzą się z negatywnymi emocjami, kłótniami czy złością. Często winą za pogarszające się stosunki między ludźmi obarczamy właśnie konflikty. Mogą one wprowadzać atmosferę napięcia i niepokoju, dezorganizować pracę i opóźniać czas jej wykonania. Niekorzystne konsekwencje konfliktu mają najczęściej miejsce przy przedłużającym się, niszczącym procesie, który nie znajduje konstruktywnego rozwiązania. Koszty takiego procesu ponoszą zarówno strony zaangażowane, jak i cała organizacja.

1. *Stres, negatywne emocje.* Sytuacja konfliktowa stawia jej uczestników w pozycji zagrożenia istotnych dla nich interesów. Doznają negatywnych emocji i okazywanej przez partnera i otoczenie dezaprobaty. Efektywność pracy może się zmniejszyć, ponieważ znaczna część ich uwagi skupiona jest na broniieniu własnych interesów w konflikcie. Jedną z negatywnych konsekwencji jest pojawiająca się agresja, która może wystąpić w formie ukrytej bądź się ujawnić. Innym rodzajem zachowania, jakie można zauważyć w sytuacji konfliktowej jest ucieczka od trudności. Takie postępowanie nie pomaga znaleźć konstruktywnego rozwiązania, przy czym negatywne emocje nie zostają wyeliminowane.

2. *Koncentracja na konflikcie.* Skutków konfliktów doświadczają również inni członkowie organizacji. Pojawiające się napięcie emocjonalne może udzielić się całej grupie, w której pracują skonfliktowane osoby. Może dojść do podziału wewnątrz grupy na osoby popierające jedną bądź drugą stronę konfliktu. Może to rodzić dodatkowe problemy w postaci narastających objawów wrogości czy niechęci. Utrudniona jest komunikacja i współpraca

w grupie. Sytuacja taka może trwać do chwili znalezienia rozwiązania bądź przenieść się na dalsze etapy.

Podsumowanie

Nietrudno zauważyć, że w literaturze rozwiązywanie konfliktów jest przedstawione w formie różnych propozycji. Przedstawione w niniejszej pracy metody zarządzania konfliktem mają charakter jedynie porządkujący i nie są tożsame pod żadnym względem ani też nie spełniają wszystkich kwalifikacji zwartych w literaturze.

Pomimo swoich różnic metody przedstawione w tej pracy są do siebie zbliżone a nawet nakładają się na siebie. Istnienie tych wspólnych cech pozwala na stwierdzenie, o którym już pisałem w tej pracy – u podłoża każdego konfliktu leży zawsze sprzeczność różnego rodzaju wartości i interesów, których zasięg i forma niejako kształtują jego przebieg i tym samym skuteczne metody zarządzania nim. Dlatego wybór metod prawidłowych do rozwiązania konkretnego konfliktu jest zasadniczym zadaniem przed, którym staje menedżer nie tylko w procesie zarządzania konfliktem ale również w zarządzaniu zasobami ludzkimi.

BIBLIOGRAFIA

1. Rummel-Syska, Z. Konflikty organizacyjne / Z. Rummel-Syska. – Warszawa : PWN, 1999.
2. Sikora, J. Zarządzanie konfliktem w zakładzie pracy / J. Sikora. – Bydgoszcz : TNOiK, 1998.
3. Wajda, A. Organizacja i zarządzanie / A. Wajda. – Warszawa : PWE, 2005.
4. Kopaliński, W. Słownik wyrazów obcych i zwrotów obcojęzycznych / W. Kopaliński. – Warszawa : MUZA, 2003.
5. Kłusek-Wojciszke, B. Materiały Naukowe / B. Kłusek-Wojciszke. – Gdańsk : Un-t Gdański, 2012.
6. Stoner, J. A. F. Kierowanie / J. A. F. Stoner. – Warszawa : PWE, 1996.
7. Robbins, S. P. Zachowania w organizacji / S. P. Robbins. – Warszawa : PWE, 2004.
8. Balawajder, K. Komunikacja, konflikty, negocjacje w organizacji / K. Balawajder. – Katowice : Wyd-wo Un-tu Śląskiego, 1998.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.10.2015

Tsekanovski Z., Silyuk T. Conflict Management as a Method of Managing People in Organization

The article describes the basic theory of governing the conflict management in the organization, the purpose of which is to minimize their negative effects. The causes and stages of course of conflicts are examined, the ways of prevention and typology of conflicts are described, and the constructive and negative consequences of conflict are identified. The authors offer traditional and innovative methods of conflict management, come to the conclusion about the important role of the Manager in the process of conflict management and human resource management.

УДК 342.565.2 (47+57)

А.И. Забейворота

*д-р юрид. наук (Россия), доц., проф. каф. теории и истории государства и права
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина*

КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ В СНГ

В статье анализируются проблемы конституционного контроля в его историческом ракурсе, вопросы становления и развития данного института, модели конституционного правосудия, а также вопросы создания и деятельности конституционных судов в разных странах мира, главным образом, в государствах, расположенных на постсоветском пространстве, таких как Беларусь, Молдова, Кыргызстан, Украина, Таджикистан.

В юридической литературе даются различные определения конституционного контроля. Однако в рамках данной темы нет необходимости их анализа, в связи с чем дадим лишь самое общее определение этому явлению. В целом, его можно определить как деятельность судебных органов, состоящую в рассмотрении дел, предметом которых являются конституционно-правовые вопросы, связанные с обеспечением соблюдения конституции государственными органами и в принятии по ним решений, влекущих правовые последствия. Конституционный контроль есть специфическая функция компетентных органов публичной власти по обеспечению верховенства Конституции в системе нормативных актов, ее прямого, непосредственного действия в деятельности субъектов общественных отношений на всей территории государства.

Институт конституционного контроля известен издревле, но реальное воплощение он получил сравнительно недавно. В XIX в. в США, а в начале XX в. в Европе с того момента, когда в 1920 г. в Австрии был создан Конституционный суд (в связи с этим при определении такой модели правовой охраны конституции также используются термины «западноевропейская», «австрийская»). И лишь после Второй мировой войны в странах, избавившихся от тоталитарных режимов, была учреждена специальная конституционная юстиция, реально гарантировавшая основные права и свободы граждан (в 1948 г. в Италии, в 1949 г. в ФРГ). Впоследствии конституционные суды были учреждены в Испании и Турции, а в Португалии – Конституционный Трибунал. Во Франции был создан Конституционный Совет – квазисудебный орган, обладающий, однако, уникальной компетенцией в плане предварительного контроля за конституционностью законов. С этого времени можно считать воплощенной идею создания органа, основной функцией которого является контроль за соответствием Конституции всех иных нормативных правовых актов, принимаемых в государстве. И таким образом можно считать завершившимся процесс формирования института «конституционного контроля», или, как часто называют это явление, «конституционное правосудие» («конституционная юстиция»).

Правовые позиции, вырабатываемые в процессе конституционного контроля, являются основой для корректировки законодательства, изменения практики его применения, содержат концептуальные подходы для будущих решений. В большинстве стран правовые позиции органа конституционного контроля рассматриваются как обязательные для национального законодателя.

По сути, Конституционный Суд (КС) – это такой же неотъемлемый атрибут правового государства, как Парламент или местное самоуправление. Каждое демократическое государство считает необходимым иметь этот институт государственной власти.

Конституционные суды (органы конституционного контроля) созданы и действуют почти во всех европейских странах, в том числе в Австрии, Германии, Испании, Италии, Франции, Португалии, Бельгии, Венгрии, Хорватии, Румынии и других.

Специализированные органы конституционного контроля, созданные в постсоветских странах, являются важнейшими (опорными) элементами всей системы сдержек и противовесов, цементирующими всю конструкцию государственно-правового механизма. Одним из важнейших качеств современных (демократических) конституций, существования конституционного строя является непосредственное действие конституционных норм, их верховенство по отношению ко всем иным актам законодательства. Конституционный Суд как раз и призван посредством проверки на соответствие Конституции нормативных актов утверждать верховенство конституционных норм и их реальное, прямое действие.

Учитывая историю создания этого института, различают и две модели конституционного правосудия.

Первая – американская, или децентрализованная (контроль осуществляется всеми судами страны). Она «конкретная» (ибо вердикты суда основываются на применении закона в частных случаях) и действует *a posteriori* (поскольку контроль осуществляется применительно к уже утвержденным законам).

Вторая – европейская модель, которая является:

а) централизованной (поскольку контроль осуществляется специальным и единственным судом);

б) абстрактной (поскольку суд выносит постановления по поводу закона независимо от всех прочих судебных разбирательств);

в) носит предварительный характер – действует *a priori* (поскольку контроль осуществляется над еще не утвержденными законами).

Однако определение действительной природы этого специального органа на сегодня не решена. До настоящего времени еще не выработано единого концептуального подхода относительно природы этого института, и, следовательно, вопрос его местонахождения в разделённой публичной власти отдается на «откуп» национальному законодателю.

Как обстоит дело в странах, расположенных на так называемом «постсоветском пространстве»? В настоящее время в рассматриваемых государствах модели конституционной юстиции значительно разнятся. Два диаметрально противоположных примера являются Эстония и Казахстан. Так, в Эстонии орган конституционной юстиции относится к судебной ветви власти, что соответствует американской модели. Государственный суд Эстонии является одновременно органом, который осуществляет соответствующую функцию в государственном механизме. Другой пример – пример неопределенности места в системе разделения властей демонстрирует Казахстан. Здесь существует специальный квазисудебный орган конституционной юстиции, состав полномочий которого говорит о смешивании в его природе совещательной составляющей, несмотря на то, что статус у него целиком самостоятельный. Кроме этого, о таком факте говорят некоторые другие его полномочия, такие, как, например, толкование Конституции и т.д. Между этими примерами – целый спектр специальных судебных органов конституционной юстиции, основанных согласно основным требованиям европейской модели конституционной юстиции к подобным органам [1].

Первую группу составляют страны, где специальный орган конституционной юстиции выделяется в системе судебной ветви власти. Например, Конституционный Суд Азербайджанской Республики. Аналогично данный вопрос, вне зависимости от со-

ответствующей действительности природы таких органов, решается в Армении, Грузии, России, Узбекистане. Можно предположить, что такой орган относится к судебной ветви и в Кыргызстане, ибо в разделе «Суды и Правосудие» Конституции Кыргызской Республики записано: «Судами Кыргызской Республики является Конституционный Суд Кыргызской Республики».

Надо отметить, что в Кыргызстане конституционный контроль фактически отсутствовал до 1990 г. С середины 1990 г. до декабря 1991 г. в СССР действовал Комитет конституционного надзора, созданный Законом СССР от 23 декабря 1989 г. «О конституционном надзоре в СССР» [2]. И только с учетом исторического контроля зарубежных государств в 1994 г. 29 апреля в Кыргызстане был создан Конституционный Суд, деятельность которого регламентируется Законом «О Конституционном Суде Кыргызской Республики» от 18 декабря 1993 г. Решение Конституционного Суда Кыргызской Республики является окончательным и обжалованию не подлежит. Установление Конституционным судом Кыргызской Республики неконституционности законов и иных актов, предусмотренных выше, отменяет их действие на территории Кыргызстана, а также отменяет действие других нормативных и иных актов, основанных на акте, признанном неконституционным, за исключением судебных актов.

Приблизительно таким же образом институционализируются подобные органы во второй группе стран. Это, кроме Кыргызстана, Беларуси, Латвии и Таджикистана.

В Молдове вопрос решён иначе. Пунктом 2 ст. 134 Конституции Республики Молдова предусмотрено: «Конституционный Суд независим от любой другой публичной власти». При этом Конституция признает лишь три ветви власти. Больше ни Конституция, ни соответствующее законодательство не содержат информации относительно размещения этого органа в механизме осуществления публичной власти.

Как известно, нормы о Конституционном Суде Украины помещаются в разделах «Правосудие» и «Конституционный Суд Украины». Тем не менее отнесенность этого учреждения к судебной ветви власти возможна лишь условно, соответствующим образом, телеологически интерпретируя ст. 124 Конституции Украины. Конституционного Суда Литвы вообще установить едва ли возможно, ведь Конституция о нем молчит, а единственное место в Законе, которое намекает и не более, – название ст. 1: «Конституционный Суд – судебное учреждение». Тем не менее судебное учреждение не суд, а скорее орган, который имеет его признаки. Причем снова-таки неизвестно, к какой из ветвей власти его отнести.

В Республике Беларусь и после октября 1989 г., когда в Конституцию была включена норма о Комитете конституционного надзора, последний так и не был создан: возможно, депутаты Верховного Совета считали, что он будет им помехой в «строительстве» правового государства. Конституционный Суд Республики Беларусь был создан, как того и требовала новая Конституция, 28 апреля 1994 г. Таким образом, можно сказать, что Конституционный Суд хотя и родился в «законном браке», но наследства в виде практики Комитета конституционного надзора не получил. И ему самому пришлось создавать традиции контрольной деятельности [3].

Как видим, конституционный контроль осуществляется в разнообразных организационно-правовых формах, в связи с чем говорят о существовании нескольких моделей судебного конституционного контроля, каждая из которых специфична для определённой группы государств. С учётом этого небезынтересны вопросы о допустимости и возможности их реализации в специфических российских условиях, о том, какой тип организации судебного конституционного контроля предпочтителен для российского госу-

дарства, насколько оптимальна нынешняя российская модель судебной охраны Конституции и в чём состоят её существенные черты.

Проблема конституционного контроля постоянно находится в центре внимания ученых. В этом направлении трудится целая плеяда российских юристов: С.А. Авакьян, М.В. Баглай, А.М. Барнашов, А.А. Белкин, Н.А. Боброва, Н.В. Витрук, Г.А. Гаджиев, О.Е. Кутафин, Е.А. Лукьянова, Т.Я. Хабриевой, СМ. Шахрай и другие. Вместе с тем в области конституционного контроля остаётся комплекс проблем, связанных с противоречивостью основных подходов к проблемам судебной охраны Конституции и конституционного строя, выраженных в решениях федерального законодателя в данной области, в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации и деятельности судов общей юрисдикции. Она свидетельствует о неурегулированности некоторых общественных отношений в сфере судебного конституционного контроля, а также о том, что не устранены причины, обуславливающие пока незначительное распространение специализированных форм данного института в субъектах Российской Федерации. Эти проблемы порождены в немалой степени неразработанностью в теоретико-правовом смысле определённых аспектов правовой природы судебного конституционного контроля, подтверждением чему являются обсуждаемые юридической общественностью законопроекты, связанные с развитием специализации в судебном разрешении публично-правовых споров и предполагающие создание федеральных административных судов с частичным наделением их полномочиями в сфере конституционной юрисдикции.

В Российской Федерации функции конституционного контроля и надзора, как известно, возложены на Конституционный Суд. Конституционная юстиция постсоветского периода берет своё начало с 1994 г., когда был принят Федеральный закон о Конституционном Суде [4]. Как видим, институционально этот орган находится в системе судебной власти. По сути, Конституционный Суд – высший орган судебной власти. В то же время полномочия Конституционного Суда, в отличие от полномочий Верховного Суда (ВС) и Высшего Арбитражного Суда (ВАС) определены наиболее обстоятельно и «опережают» полномочия названных судов. Решения именно Конституционного Суда обязательны для всех других органов и должностных лиц, в том числе ВС и ВАС, что неоднократно подтверждалось решениями Конституционного Суда.

Кстати, некоторые государства относят к полномочиям своих конституционных судов разрешение дел о соответствии конституциям решений других судов. Например, в Беларуси Конституционный Суд может давать заключения о соответствии Конституции актов Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда (ст. 116 Конституции Беларуси) [5]. В России Конституционному Суду такие полномочия формально не предоставлены (комментарий к ст. 3 Закона). Однако сравнение его полномочий, установленных Конституцией и Законом и истолкованных в решениях Конституционного Суда, с полномочиями ВС и ВАС, установленными другими законами, приводит к выводу, что Конституционный Суд главнее не только ВС и ВАС, но и может предопределять разработку, действие и отмену актов различных высших органов государственной власти.

Думаю, что в связи с этим необходимо дополнить законодательство положением о том, что Конституционный Суд – высший орган судебной власти. Не случайно ст. 165 (ч. 1) прежней Конституции Российской Федерации определяла КС как «высший орган судебной власти по защите конституционного строя». Вместе с тем определение КС даже как высшего органа судебной власти не в полной мере отражает его высокий ста-

тус и суть. На практике КС, помимо судебного конституционного контроля и осуществления судебной власти, сочетает в себе признаки:

1) Президента (в части признания неконституционными нормативных актов Правительства);

2) законодательных органов Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (путем признания неконституционными и утратившими силу положений законодательных актов и придания своим решениям нормативного характера);

3) высшей инстанции государства, дающей общеобязательное толкование Конституции и имеющей полномочие отмены нормативных актов главы государства (Президента), решения которой окончательны и обжалованию не подлежат;

4) прокуратуры (фактически надзирая за решениями других судов);

5) научно-исследовательского учреждения (вырабатывая и закрепляя в своих решениях и особых мнениях судей КС теоретические принципы, доктрины, точки зрения, рассуждения по правовым вопросам, правовые позиции);

6) замкнутого юридического сообщества с высоким материальным обеспечением за счет средств федерального бюджета, формально независимого в своей деятельности, никому не подотчетного и не подконтрольного.

Таким образом, если Президент является главой государства, то Конституционный Суд – «главой Конституции» и тем самым своеобразным государственно-правовым абсолютом. Однако особенностью отечественной правовой системы является то, что Конституционный Суд в России не является единственным органом конституционной юстиции. «Бесспорно, – пишет Н.М. Чепурнова, – приоритетное значение в осуществлении судебного конституционного контроля принадлежит Конституционному Суду Российской Федерации. Однако ограничивать его только деятельностью Конституционного Суда РФ было бы явным упрощением. Законодательство и практика функционирования судебной системы Российской Федерации свидетельствуют, что судебный конституционный контроль осуществляется всеми звеньями судебной системы» [6].

Параллельно с эволюцией форм конституционной юстиции на постсоветском пространстве наблюдается и эволюция содержания представлений о месте специального органа конституционной юстиции в государственном механизме, в особенности относительно подбора полномочий, которые являются значительным фактором влияния.

Таким образом, большинству стран, расположенных на постсоветском пространстве знаком институт конституционного контроля, который является весьма эффективным, несмотря на разные модели конституционной юстиции, типы органов и их инсталляции в государственный механизм. Представляется, что объективная закономерность создания и деятельности института конституционного контроля заключается в том, что права и свободы граждан, их отношения с государством и обществом будут постоянно совершенствоваться, будет изменяться их объем и содержание.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Слиденко, И. Д. Относительно влияния размещения специального органа конституционной юстиции в системе разделения властей [Электронный ресурс] / И. Д. Слиденко // Конституционный контроль на рубеже веков: актуальные проблемы и перспективы развития : материалы междунар. науч.-практ. конф., Тирасполь, 10–12 июня 2004 г. – Режим доступа: <http://www.minjust.org/web.nsf/926f2cd07ca3eb49c2256d330027620e/778780835ccc724fc2257315004b534c!>

2. Закон СССР от 23 декабря 1989 года «О конституционном надзоре в СССР» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1989. – № 29. – С. 572.

3. Василевич, Г. Развитие конституционного контроля – объективная закономерность становления правового государства / Г. Василевич // Юстиция Беларуси. – 2002. – № 1.

4. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ (ред. от 02.06.2009) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собр. законодательства Российской Федерации. – 25.07.1994. – № 13. – С. 1447.

5. Конституции государств Европы / под ред. Л. А. Окунькова. – М. : НОРМА, 2001. – Т. 1. – С. 325.

6. Чепурнова, Н. М. Судебный контроль в Российской Федерации: проблемы методологии, теории государственно-правовой практики / Н. М. Чепурнова. – Ростов н/Д : Изд-во Сев.-Кавказ. науч. центра высш. шк., 1999. – С. 74–75.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 07.10.2015

Zabeivorota A.I. Constitutional Control in CIS

The problems of constitutional control in its historical perspective, the questions of foundation and development of this institution, the models of constitutional justice as well as the questions of the establishment and activity of Constitutional courts in different countries in the world, such as Belarus, Moldova, Kyrgyzstan, the Ukraine, Tadzhikistan are analyzed in the article.

УДК 349.3

М.В. Андрияшко

канд. юрид. наук, доц.,

зав. каф. государственного управления и уголовно-правовых дисциплин
Барановичского государственного университета

**АКТУАЛИЗАЦИЯ ЛЕГАЛЬНО ЗАКРЕПЛЕННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ
ВОСПОЛНЕНИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА
НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

В статье проведено исследование дополнительных ресурсов восполнения трудового потенциала населения Республики Беларусь условиях сверхсмертности и старения населения, а также внесено предложение реализовать комплекс разработанных мер по реанимации ряда отношений с целью недопущения ослабления трудового потенциала. В работе выявлена структура и состав причин смертности; внесено предложение о направлениях перспективных разработок в области использования трудового потенциала (снижение смертности мужчин от внешних причин; актуализация основных направлений государственной семейной политики; усиление критерия адресности при предоставлении социального обеспечения; стимулирование ответственного родительства; использование труда пенсионеров; расширение возможностей использования труда лиц с ограниченными возможностями; внедрение механизмов альтернативного медицинского и социального страхования, популяризация и развитие накопительной системы пенсионного обеспечения; снижение показателей искусственного прерывания беременности). Полученные результаты могут представлять интерес для формирования Национальной программы демографической безопасности на 2016–2020 гг.

Настоящее исследование проведено в целях изыскания дополнительных ресурсов восполнения трудового потенциала населения Республики Беларусь. В ходе исследования решены следующие задачи: выявлена структура и состав причин смертности; внесено предложение о направлениях перспективных разработок в области использования трудового потенциала в условиях сверхсмертности и старения населения.

В соответствии с данными ООН, увеличение численности лиц старше трудоспособного возраста и повышение продолжительности жизни на фоне снижающихся показателей рождаемости являются общемировыми тенденциями в области демографии [1, с. 10], в том числе характерными для демографической ситуации на территории Республики Беларусь.

Современный возрастной состав населения страны сложился вследствие снижения уровня рождаемости, влияние на который оказала Великая Отечественная война, не только унесшая сотни тысяч жизней белорусов, но и приведшая к снижению рождаемости в разные годы, в результате чего доля лиц пожилого возраста увеличилась, а доля лиц молодого возраста существенно сократилась.

В 2002 г. специалисты (например, С. Лукашевич) отмечали, что численность населения Беларуси до 1990-х гг. «постоянно росла, но темпы роста постоянно снижались. Особенно интенсивно это снижение проявилось в 90-е годы, а с 1993 г. начался процесс естественной убыли населения, масштабы которой составили в 1993 г. 11,2 тыс. человек, а в 2001 г. достигли 48,6 тыс. человек. В целом за 1994–2001 гг. численность населения сократилась более чем на 290 тыс. человек, что равнозначно численности такого города, как г. Брест» [2, с. 32].

В настоящее время старение населения Республики Беларусь протекает на фоне высоких показателей смертности. Согласно данным Национального статистического комитета, в Республике Беларусь в первом полугодии 2014 г. смертность составила 13,1 человек на 1 000 населения; в первом полугодии 2015 г. смертность увеличилась

и составила 13,3 человек на 1 000 населения [3]. Это свидетельствует о сверхсмертности в Беларуси, критерием определения которой, в соответствии со стандартами Всемирной организации здравоохранения, являются темпы смертности, превышающие показатель 10 человек на 1 000 населения [4, с. 90]. При этом в Республике Беларусь уровень смертности мужчин превышает уровень смертности женщин в 3 раза. Указанным определяется реальная перспектива существенного превышения численности женщин над численностью мужчин, что неблагоприятно не только отразится на количестве трудового потенциала страны, но и приведет к таким «негативным последствиям как овдовение, «безотцовщина», ухудшение диспропорций в брачной структуре населения» [5, с. 70]. Уменьшится число заключаемых браков, изменится их устойчивость, невысокой останется численность рождений. Негативные тенденции наметятся в сфере формирования профессиональной подготовки и отраслевой структуры занятости населения.

Наиболее тревожными являются статистические данные о причинах смертности населения Республики Беларусь. Следует отметить, что первые места среди причин смертности населения трудоспособного возраста занимают внешние причины (несчастные случаи; случаи, связанные с дорожно-транспортными происшествиями; случайные утопления; травмы; отравления алкоголем; суициды; убийства и др.). От этих причин умирает до 48,5% мужчин и до 15,0% женщин в возрасте 30–49 лет. При этом смертность мужчин трудоспособного возраста от внешних причин в 5,8 раза выше, чем у женщин того же возраста (таблица 1) [2, с. 33; 6, с. 343].

Таблица 1. – Смертность от внешних причин

Год	Умершие				Родившиеся	
	Всего	Мужчины Женщины	Из них в трудоспособном возрасте	От внешних причин		
2012	126 531	64 931	26 992	11 523	6 878	115 893
		61 600			1 233	
2013	125 326	63 012	25 578	10 456	6 256	117 997
		62 314			1 065	
2014	121 542	61 274	24 367	9 684	5 781	118 534
		60 268			968	
2015 (январь– июнь)	62 625	На момент исследования сведения отсутствуют			56 548	

Источник: Собственная разработка автора

Указанное свидетельствует о том, что сложившаяся к настоящему времени структура населения и параметры его воспроизводства не позволяют прогнозировать необходимый уровень воспроизводства населения в стране. Учитывая, что перечисленные демографические угрозы (старение населения; сверхсмертность; недостаточный уровень воспроизводства) не являются исчерпывающими, можно сделать вывод о том, что устойчивость социально-экономического развития страны находится в зоне риска.

Депопуляция препятствует росту производительности труда, старение населения замедляет ее развитие, что в совокупности влечет увеличение нагрузки на малочисленное экономически активное трудоспособное население и способствует возрастанию давления на государственный бюджет и обостряет потребность изыскания новых ресурсов и источников финансирования систем пенсионного обеспечения, социальной защиты и здравоохранения. В условиях депопуляции задача по сохранению трудового по-

тенциала в целях обеспечения функционального социально-экономического развития страны приобретает первоочередное значение. Представляется, что недопущение ослабления трудового потенциала в сложившейся ситуации будет возможным при условии реализации комплекса мер по реанимации ряда отношений:

- 1) профилактические и превентивные мероприятия по вопросам снижения смертности мужчин от внешних причин;
- 2) актуализация основных направлений государственной семейной политики;
- 3) усиление адресности при предоставлении отдельных видов социальной поддержки семьям с детьми с целью исключения случаев социального иждивенчества;
- 4) стимулирование ответственного родительства;
- 5) повышение возможностей для использования труда пенсионеров;
- 6) расширение возможностей для применения труда лиц с ограниченными возможностями;
- 7) создание и внедрение механизмов альтернативного медицинского и социального страхования, популяризация и развитие накопительной системы пенсионного обеспечения;
- 8) снижение показателей искусственного прерывания беременности.

Следует отметить, что в настоящее время в Республике Беларусь функционирует сеть интернатных учреждений для престарелых инвалидов и инвалидов-детей (таблица 2). Количество учреждений, в которых находятся взрослые инвалиды и престарелые, возрастает: с 65 учреждений для престарелых и инвалидов-взрослых в 1995 г. до 70 в 2014 г. Увеличилась и численность граждан, находящихся на обеспечении в таких учреждениях, с 13 814 в 1995 г. до 16 565 в 2014 г. Число учреждений для детей с ограниченными возможностями увеличилось с 9 в 1995 г. до 10 в 2014 г. Численность находящихся на обеспечении в таких учреждениях детей постоянно изменяется, и в настоящее время можно констатировать как тенденцию к увеличению по сравнению с 2010 г., так и тенденцию к уменьшению относительно показателей 1995 г.

Таблица 2. – Дома-интернаты для престарелых и инвалидов (взрослых и детей)

	Год				
	1995	2000	2005	2010	2014
Число домов-интернатов для престарелых и инвалидов-взрослых / число проживающих в них граждан	65 / 13 814	63 / 14 257	61 / 14 670	65 / 15 788	70 / 16 565
Число домов-интернатов для детей-инвалидов / число проживающих в них граждан	9 / 1 841	9 / 1 770	9 / 1 643	9 / 1 636	10 / 1 749

Источник: Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь

Забота о здоровье детей составляет императив любого государства, провозгласившего себя социальным. Следует отметить, что право на здоровье, в отличие от других прав человека, лишь недавно стало предусматриваться конституциями многих стран мира. В конституциях XVIII–XIX вв. вовсе не было упоминаний о праве на здоровье, в то же время другие права человека в основных законах того времени провозглашались. В международном масштабе право человека на здоровье признано лишь в 1948 г. [7, с. 170; 8, с. 93].

Особенно заметной является забота о детях и их развитии в периоды сложных исторических событий, когда любые предпринимаемые правительством действия в этом направлении свидетельствуют об осознании важности заботы о детях как будущем нации. Например, некоторые авторы отмечают, что «в труднейшие годы гражданской войны и разрухи с особой остротой встал вопрос о питании детей, о борьбе с детской

безнадзорностью» [9, с. 15]. Работа по ликвидации детской беспризорности была поручена Ф.Э. Дзержинскому, в результате чего «в короткий срок выросла сеть детских домов и домов младенца – с безнадзорностью было покончено» [9, с. 16]. От решения этих вопросов зависело не только физическое развитие детей, но и сохранение их жизни. «Осенью 1918 г. Ленин подписал декрет “Об усилении детского питания”, а 4 января 1919 г. – “Об учреждении Совета защиты детей”. В ленинских декретах подчеркивалось, что снабжение детей пищей, одеждой, топливом, обеспечение их помещением и медицинской помощью является важнейшей государственной задачей. 17 мая 1919 г. В.И. Ленин подписал декрет “О бесплатном детском питании”. В соответствии с принятым декретом все продукты стали выдаваться детям до 14 лет бесплатно, за счет государства» [9, с. 15]. Все это свидетельствует об обоснованной заботе о благополучии несовершеннолетних в целях обеспечения воспроизводимости ресурса трудового потенциала государства. Следует отметить, что прагматичность этого подхода не является новеллой. Так, например, П.Л. Полянский, исследуя определение правового статуса незаконнорожденных детей в России в XVIII–XIX вв., отмечает, что «важно было лишь то, что внебрачные дети зачислялись в одно из податных сословий, а соответствовало ли это сословие материнскому, для законодателя было делом второстепенным» [10, с. 47].

Восполнение трудового потенциала приобретает особую актуальность с учетом результатов разработки демографического прогноза, подготовленного НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, в соответствии с которым «среднегодовая численность населения Беларуси к 2020 г. сократится по сравнению с 2000 г. на 870,0 тыс. чел. и составит 9 132,4 тыс. чел.» [11, с. 88].

Кроме объективной сверхсмертности в стране существуют и другие препятствия к достаточному уровню воспроизводства населения. Естественному приросту в Беларуси не способствуют регистрируемые аборты, численность которых хоть и уменьшается, но продолжает оставаться устрашающей. Так, по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь в 2005 г. родилось 89 844 ребенка и произведено 64 655 аборт. В 2013 г. родилось 117 374 ребенка, при этом было произведено 31 206 аборт, т.е. на каждые 100 родов пришлось 26,6 случаев абортирования [12, с. 103], в связи с чем в стране не родился каждый четвертый ребенок. Высокие показатели абортирования не способствуют воспроизводству населения. Для замещения поколений необходимо, чтобы коэффициент рождаемости на одну женщину составлял 2,1 ребенка. В Беларуси этот коэффициент составил в 2014 г. 1,696, что выше, чем в 2013 г. (1,668) и в 2012 г. (1,620) [6, с. 278]. Достижение указанных показателей стало одним из ожидаемых результатов реализации Национальной программы демографической безопасности на 2011–2015 гг., утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 11 августа 2011 г. № 357 [13], согласно которой следовало увеличить суммарный коэффициент рождаемости (число детей, которых могла бы родить одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода (15–49 лет) до 1,55–1,65 [13]. Однако даже достигнутый коэффициент не является достаточным для замещения поколений, что обусловлено результатами социологических измерений, согласно которым потребность в детях «у белорусов пребывает на уровне малодетности» [11, с. 92]. Как показывают результаты социологического опроса молодых минских семей, не имеет детей примерно каждая десятая молодая семья г. Минска [14, с. 69].

В настоящее время искусственное прерывание беременности по законодательству Республики Беларусь допускается по медицинским и социальным показаниям. Медицинские показания к искусственному прерыванию беременности определены постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 10 декабря 2014 г.

№ 88 «Об установлении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства здравоохранения Республики Беларусь и отдельного структурного элемента постановления Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 9 ноября 2007 г. № 105» [15] и их перечень сужается в связи с улучшением качества оказания медицинской помощи. В соответствии с последними изменениями (2014 г.) из перечня исключены показания «сердечные пороки», «зрительные расстройства и слепота – понижение зрения на оба глаза ниже 0,05 диоптрии» и другие. Согласно ч. 4 ст. 27 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» [16], при наличии медицинских показаний и согласия женщины искусственное прерывание беременности проводится независимо от срока беременности в государственных организациях здравоохранения.

Следует отметить, что перечень социальных показаний для искусственного прерывания беременности также сокращается и в настоящее время согласно постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 23 октября 2008 г. № 1580 «Об установлении перечня социальных показаний для искусственного прерывания беременности и признании утратившим силу постановления Совета Министров Республики Беларусь от 5 июля 2002 г. № 902» [17], предусматривает в качестве таковых наличие решения суда о лишении родительских прав; наступление беременности в результате изнасилования. Согласно ч. 8 ст. 27 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ «О здравоохранении» [16], при наличии социальных показаний и согласия женщины проведение искусственного прерывания беременности допускается при сроке беременности не более 22 недель в государственных организациях здравоохранения.

Согласно ч. 9 ст. 27 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении», врачам-специалистам предоставлено право отказаться от проведения искусственного прерывания беременности, письменно уведомив об этом руководителя организации здравоохранения, если отказ непосредственно не угрожает жизни и (или) здоровью женщины; после получения письменного уведомления врача-специалиста руководитель организации здравоохранения должен организовать женщине проведение искусственного прерывания беременности другим врачом-специалистом. В Решении Конституционного Суда Республики Беларусь от 20 января 2015 г. № Р-975/2015 «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2014 г.» [18] отмечено, что при этом законодатель не устанавливает, какие причины должны лежать в основе отказа врача-специалиста от проведения указанной медицинской процедуры. Конституционный Суд выразил правовую позицию, согласно которой такой отказ врача-специалиста возможен при наличии уважительных причин, в частности из-за морально-этических, нравственных принципов, религиозных и иных убеждений, одновременно указав, что поскольку в ряде случаев срок беременности имеет значение для выбора способа ее прерывания и, соответственно, возможных последствий для здоровья женщины, в том числе репродуктивного, то врач-специалист, руководитель организации здравоохранения, другие медицинские работники, вовлеченные в процесс замены врача-специалиста, должны действовать максимально оперативно в целях недопущения нарушения прав и законных интересов беременной женщины. Предполагается, что предоставление такого права врачу-специалисту позволит приблизиться к решению тех задач, которые ставит Национальная программа демографической безопасности, а именно увеличить рождаемость и процент удельного веса родов без осложнений до 40%. Женщина, у которой не было аборт, имеет больше шансов сохранить свое репродуктивное здоровье, так как до 35–40% женщин после абортов страдают бесплодием.

Следует отметить, что право отказываться в проведении аборт по этическим и религиозным причинам предоставлено российским врачам. По словам специалистов, до 90 % итальянских врачей отказываются от проведения искусственного прерывания беременности. Здравоохранение Испании выступает за дородовую защиту пациента, а в Ирландии действует модель «два пациента»: оказание помощи беременной и ее внутриутробному ребенку. В литературе приводятся случаи «вентиляции» тела умершей женщины в целях поддержания беременности вплоть до рождения ребенка, которые имели место в США в 80-е годы XX ст. [19, с. 380]. Беременность поддерживалась в учреждениях здравоохранения до срока 32 недель, после чего ребенка извлекали из тела матери посредством операции кесарева сечения. К 1993 г. было зафиксировано 5 случаев рождения детей от мертвых матерей. Жизненные функции женщины в таких случаях поддерживались в целях спасения плода и основывались на явно выраженном желании отца ребенка либо членов семьи.

Представляется, актуализация ряда мероприятий по снижению смертности мужчин от внешних причин; исключению случаев социального иждивенчества; стимулированию ответственного родительства; использованию труда пенсионеров и лиц с ограниченными возможностями; разработке механизмов альтернативного медицинского, социального страхования, популяризации и развитию накопительной системы пенсионного обеспечения; снижению показателей искусственного прерывания беременности будет способствовать усилению трудового потенциала Республики Беларусь в условиях сверхсмертности и старения населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2015). World Population Prospects: The 2015 Revision, Key Findings and Advance Tables. Working Paper No. ESA/P/WP.241. – 66 p.
2. Лукашевич, С. Современная демографическая ситуация в Республике Беларусь / С. Лукашевич // Юстиция Беларуси. – 2002. – № 6. – С. 32–34.
3. О демографической ситуации в январе – июне 2015 г. : Официальный сайт Нац. стат. комитета Респ. Беларусь, 1998–2015 [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/otrasli-statistiki/naselenie/demografiya_2/operativnaya-informatsiya_1/o-demograficheskoi-situatsii/o-demograficheskoi-situatsii-v-yanvare-iyune-2015-g/. – Дата доступа: 05.08.2015.
4. Основные вызовы демографической безопасности: сходства и различия в Молдове и Беларуси / Л. П. Шахотько [и др.] ; отв. ред.: Г. А. Палади, Л. П. Шахотько, О. Е. Гагауз. – Кишинев : Штиинца, 2010. – 294 с.
5. Морова, А. П. Демографическое развитие Республики Беларусь в контексте демографической безопасности / А. П. Морова // Охрана труда и социальная защита. – 2005. – № 12. – С. 68–72.
6. Демографический ежегодник Республики Беларусь : стат. сб. Demographic Yearbook of the Republic of Belarus : Statistical Book / редкол.: И. В. Медведева (пред.), И.С. Кангро [и др.]. – Минск : Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2015. – 449 с.
7. Василевич, Г. А. Конституция Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Г. А. Василевич. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2005. – 487 с.
8. Воробьева, Л. В. Медицинское право : краткий курс лекций / Л. В. Воробьева. – Ростов н/Д : Феникс, 2014. – 171 с.

9. Израйлет, Л. И. Охрана труда в первой стране Советов. Забота о детях – важнейшая функция советского государства / Л. И. Израйлет, Е. И. Андреева. – Рига, 1969. – 27 с.
10. Полянский, П. Л. Определение правового статуса незаконнорожденных детей в России в XVIII–XIX вв. / П. Л. Полянский // Вест. Моск. ун-та. – Сер. 11. Право. – 2013. – № 1. – С. 47–61.
11. Станишевская, Л. С. Демографическая безопасность: понятие, проблемы и пути обеспечения / Л. С. Станишевская // Экономика и управление. – 2008. – № 2. – С. 88–93.
12. Здоровье населения Республики Беларусь. 2009–2013 : сб. стат. / редкол.: В. И. Зиновский (пред.), И. А. Костевич [и др.]. – Минск : Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2014. – 219 с.
13. Об утверждении Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 гг. : Указ Президента Респ. Беларусь, 11 авг. 2011 г., № 357 ; в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 12.09.2012 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 14.09.2012. – 1/13752.
14. Лихачева, С. Н. Социализация молодежи в переходном обществе: симптомы кризиса / С. Н. Лихачева // Весн. МДУ імя А. А. Куляшова. – 2006. – № 4 (25). – С. 67–73.
15. Об установлении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства здравоохранения Респ. Беларусь и отдельного структурного элемента постановления Министерства здравоохранения Респ. Беларусь от 9 ноября 2007 г. № 105 : постановление М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 10 дек. 2014 г., № 88 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 24.12.2014. – 8/29399.
16. О здравоохранении : Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-ХІІ ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 16.06.2014 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 26.06.2014. – 2/2162.
17. Об установлении перечня социальных показаний для искусственного прерывания беременности и признании утратившим силу постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 5 июля 2002 г. № 902 : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 окт. 2008 г., № 1580 ; в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 22.11.2014 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 27.11.2014. – 5/39731.
18. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2014 г. : решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 20 янв. 2015 г., № Р-975/2015 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 04.02.2015. – 6/1473.
19. Lang, W. Prawne problemy ludzkiej prokreacji / W. Lang. – Toruń, 2000. – 432 s.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.10.2015

Andtiyashko M.V. Actualization of Legally Enshrined Indicators Make up the Labor Potential of the Republic of Belarus

The paper studies the additional resources to fill the labor potential of the Republic of Belarus under extremely high mortality and aging population. The proposals to implement a legislation are provided in order to prevent the weakening of the labor potential. The paper identifies the structure and composition of the causes of death; proposals on the directions of development labor potential are made (reduce the male mortality from external causes; actualize the main directions of the state family policy; strengthening the targeting criteria in the provision of social welfare; responsible parenthood; employment of retirees; empowerment of the employment of persons with disabilities; introduction of mechanisms of alternative medical and social insurance, promotion and development of the funded pension system; the declination in abortion). The results may be of interest to form a national demographic security program for 2016–2020 years.

УДК 343

В.В. Лосев

канд. юр. наук, доц., доц. каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И КРИМИНОЛОГИИ

В статье охарактеризована система методов научного исследования в уголовном праве и криминологии. Потребность в такой характеристике обусловлена тем, что молодые исследователи зачастую используют только специальные методы теоретико-правовой науки – формально-юридический и сравнительно-правовой. Вместе с тем при проведении научного исследования в праве необходимо использование не только этих методов, но и всей системы методов, а также опора на методологию в целом. Методология права – это не отвлеченное теоретизирование. Без использования понятий (терминов), методологических принципов познания и методов исследования невозможна не только научно-исследовательская работа, но также учебная и правоприменительная деятельность. Структурирована система методов научного исследования с учетом их иерархии, раскрыто содержание методов, определено возможное применение методов в процессе исследований в уголовном праве и криминологии. Приведенная характеристика методов адресована начинающим исследователям, преподавателям для использования в учебном процессе, при научном руководстве дипломными работами и магистерскими диссертациями, а также выпускникам юридического факультета для применения в практической работе.

Введение

Очевидно, что в основе научного исследования в праве всегда лежит методология права. Структура методологии – сложная, многоуровневая, ее можно представить в виде пирамиды с определенной иерархией элементов от общего к частному. В основе «пирамиды» методологии лежит совокупность специальных категорий, понятий, терминов, отражающих специфику предмета теории права в целом и теории отдельных отраслей права (уголовного, уголовно-процессуального, гражданского и т.д.). Следующий уровень – классические методологические принципы познания, которые специфически преломляются применительно к теории права (отдельной отрасли права). К ним традиционно относят принципы рационализма, детерминизма, объективной истины, верификации, историзма. И, наконец, сами методы исследования, которые также имеют свою иерархию, следовательно, представляют определенную систему.

Цель статьи – охарактеризовать систему методов исследования в уголовном праве и криминологии. Задачи определены целью: структурировать систему методов научного исследования; раскрыть их содержание; определить возможное применение методов в процессе исследований в уголовном праве и криминологии.

Юриспруденция как гуманитарная отрасль науки должна основываться на классических методологических принципах познания. Их содержание применительно к юриспруденции можно раскрыть на примерах: а) принцип рационализма заключается в признании того, что государственно-правовые явления могут быть познаны при помощи разума; б) принцип детерминизма – в признании причинной обусловленности государственно-правовых событий; в) принцип объективной истины – в признании возможности установить единственную, верифицируемую (поддающуюся проверке) истину; г) принцип верификации, т.е. проверки, – в признании эмпирического подтверждения теоретических положений юриспруденции путем сопоставления их с наблюдаемыми объектами, путем эксперимента; д) принцип историзма заключается в признании того,

что государство и право – это исторические феномены, что все государственно-правовые явления существуют во времени, т.е. возникают, изменяются, исчезают.

Метод – способ достижения цели, способ решения какой-либо конкретной задачи; метод – это определенным образом упорядоченная научная деятельность или совокупность принципов, правил, приемов, способов и средств научных исследований. Методы теории права можно структурировать от общего к частному, выделив четыре группы: а) общие методы; б) общенаучные методы; в) междисциплинарные методы; г) специальные методы.

Общие методы познания используются не только в науке, но и в повседневной жизни. Это: а) наблюдение; б) сравнение; в) счет; г) обобщение; д) дескрипция (описание). Общенаучные методы применяются во всех науках. Это методы: а) диалектики; б) формальной логики; в) системного анализа.

Диалектический метод в юриспруденции предполагает объективное, всестороннее и конкретное определение государственно-правовых событий, выявление присутствующих им связей, наличие в них противоречий, оценку государственно-правовых норм с качественной и количественной сторон, выявление зависимости формы явления от его сущности. При изучении предметов и явлений диалектика рекомендует исходить из следующих принципов:

1. Рассматривать изучаемые объекты в свете диалектических законов: а) закона единства и борьбы противоположностей; б) закона перехода количественных изменений в качественные; в) закона отрицания отрицания.

2. Описывать, объяснять и прогнозировать изучаемые явления и процессы, опираясь на философские категории: а) общего, особенного и единичного; б) содержания и формы; в) сущности и явления; г) возможности и действительности; д) необходимого и случайного; е) причины и следствия.

3. Относиться к объекту исследования как к объективной реальности.

4. Рассматривать исследуемые предметы и явления: а) всесторонне; б) во всеобщей связи и взаимозависимости; в) в непрерывном изменении, развитии; г) конкретно-исторически.

5. Проверять полученные знания на практике.

Например, в науке уголовного права преступление рассматривается в свете закона единства и борьбы противоположностей. Под диалектическими противоположностями понимаются такие стороны того или иного предмета (явления, процесса), которые одновременно взаимоисключают и взаимопредполагают друг друга. Отношение между противоположностями называется диалектическим противоречием. Применительно к преступлению противоречие выражается в противоположности поведения лица требованиям норм уголовного права. Преступное поведение, причиняющее или способное причинить вред правоохраняемым интересам человека, юридического лица, общества и государства, и установленная государством уголовно-правовая норма – это две борющиеся противоположности, которые находятся в диалектическом единстве.

Поведение лица, не соблюдающего правила поведения и нарушающего общественные отношения, которые охраняются уголовным кодексом, и реагирование государства на это преступление можно рассмотреть в свете закона отрицания отрицания. Лицо, совершающее преступление, отрицает требования нормы уголовного права (установленный запрет). Государственное реагирование на преступление состоит в привлечении этого лица к уголовной ответственности и ее реализации (в форме осуждения с применением назначенного наказания или в иных формах), т.е. в отрицании отрицания.

При этом отрицание отрицания приводит к положительному результату, т.к. привлечение виновного к уголовной ответственности призвано способствовать восстановлению порядка и социальной справедливости, существовавших до преступления, имеет целью исправление лица, совершившего преступление, и предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами.

Конкретное преступление – это единичное; совокупность отдельных групп (видов) преступлений (к примеру, хищений имущества) – особенное, а вся преступность – общее. Криминологами преступность рассматривается как объективное социальное явление в его взаимодействии с другими явлениями и процессами (в том числе антисоциальными, например, с пьянством, наркотизмом, бродяжничеством), в движении и изменении (изучается ее прошлое и настоящее, прогнозируется будущее).

Общенаучные методы можно объединить в три группы: а) общелогические методы; б) теоретические методы; в) эмпирические методы.

Общелогические методы: а) анализ; б) синтез; в) индукция; г) дедукция; д) аналогия.

Анализ – расчленение, разложение объекта исследования на составные части. Он лежит в основе аналитического метода исследования. Разновидностями анализа являются классификация и периодизация. Например, в уголовном праве метод анализа используется, когда состав преступления расчленяется на четыре элемента: объект преступления, объективную, субъективную стороны и субъект преступления.

Синтез – это соединение отдельных сторон, частей объекта исследования в единое целое. Объединение юридических норм, регулирующих однородные общественные отношения, в самостоятельную группу дает институт права (к примеру, институт соучастия в преступлении в уголовном праве).

Индукция – это движение мысли (познания) от фактов, отдельных случаев к общему положению. Индуктивные умозаключения «наводят» на мысль, на общее. Например, анализ причин и условий конкретных преступлений позволяет делать выводы о причинах и условиях преступности в целом или отдельных категорий преступлений.

Дедукция – это выведение единичного, частного из какого-либо общего положения; движение мысли (познания) от общих утверждений к утверждениям об отдельных предметах или явлениях. Посредством дедуктивных умозаключений «выводят» определенную мысль из других мыслей. Дедуктивный метод используется в уголовном праве, когда выработанные общие правила квалификации применяются для квалификации конкретного преступления; в криминалистике, когда общие положения методики расследования отдельных видов преступлений применяют к расследованию конкретного преступления.

Аналогия – это способ получения знаний о предметах и явлениях на основании того, что они имеют сходство с другими; рассуждение, в котором из сходства изучаемых объектов в некоторых признаках делается заключение об их сходстве и в других признаках. При этом понимаем различие между аналогией как методом научного познания и применением права и закона по аналогии. В уголовном праве применение уголовного закона по аналогии прямо запрещено. Однако аналогия как метод познания в уголовно-правовой науке не только допустима, но и должна использоваться.

Методы теоретического уровня познания: а) аксиоматический; б) гипотетический; в) формализация; г) абстрагирование; д) обобщение; е) восхождение от абстрактного к конкретному; ж) исторический метод; з) метод системного анализа.

Аксиоматический метод – способ исследования, который состоит в том, что некоторые утверждения (аксиомы, постулаты) принимаются без доказательств и затем по определенным логическим правилам из них выводятся остальные знания. Этот метод может быть использован, например, при исследовании субъективной стороны умышленного преступления. За аксиому принимается положение, согласно которому лицо, совершившее преступление, знало о существовании уголовно-правового запрета и сознавало общественную опасность своего деяния. Поэтому субъект преступления не может оправдываться незнанием закона, поскольку предполагается, что все должны знать опубликованный закон; незнание закона не освобождает от ответственности.

Гипотетический метод – способ исследования с помощью научной гипотезы, т.е. предположения о причине, которая вызывает данное следствие, или о существовании некоторого явления или предмета. Разновидностью этого метода является гипотетико-дедуктивный способ исследования, сущность которого состоит в создании системы дедуктивно-связанных между собой гипотез, из которых выводятся утверждения об эмпирических фактах. В структуру гипотетико-дедуктивного метода входит: а) выдвижение догадки (предположения) о причинах и закономерностях изучаемых явлений и предметов; б) отбор из множества догадок наиболее вероятной, правдоподобной; в) выведение из отобранного предположения (посылки) следствия (заключения) с помощью дедукции; г) экспериментальная проверка выведенных из гипотезы следствий. Гипотетический метод обязательно используется при конструировании норм права. Например, при криминализации какого-либо деяния и определении его понятия и признаков в Уголовном кодексе предполагается, что тем самым новая норма будет способствовать предупреждению таких деяний угрозой уголовного наказания.

Формализация – отображение явления или предмета в знаковой форме какого-либо искусственного языка (например, криминологии, статистики, логики, математики, химии) и изучение этого явления или предмета путем операций с соответствующими знаками. К примеру, в криминологии расчет коэффициента преступности (КП) производится по определенной формуле с использованием символов, означающих абсолютное число учтенных преступлений и абсолютную численность населения (социальной, служебной группы); расчет индекса судимости (ИС) – по другой формуле с использованием символов, означающих суммарное число осужденных в определенном периоде и в базовом периоде, а также баллы тяжести преступлений, выраженные в годах лишения свободы.

Абстрагирование – мысленное отвлечение от некоторых свойств и отношений изучаемого предмета и выделение интересующих исследователя свойств и отношений. Обычно при абстрагировании второстепенные свойства и связи изучаемого объекта отделяются от существенных свойств и связей. Виды абстрагирования: а) отождествление, т.е. выделение общих свойств и отношений изучаемых предметов, установление тождественного в них, абстрагирование от различий между ними, объединение предметов в особый класс; б) изолирование, т.е. выделение некоторых свойств и отношений, которые рассматриваются как самостоятельные предметы исследования.

Примером абстрагирования может служить процесс образования юридических понятий. Эти понятия являются содержательными научными абстракциями. Они не отражают всех существенных свойств государственно-правовых явлений и содержат только те признаки, которые существенны в определенном отношении. Понятия в праве должны определяться только через основные существенные признаки: а) основные

признаки достаточны для того, чтобы отличать определяемое явление от других; б) существенные признаки – это необходимые, устойчивые, повторяющиеся признаки.

В уголовном праве понятия конкретных преступлений, закрепленные прямо в тексте Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), содержат лишь те признаки, которые позволяют: а) разграничить преступление и правомерное поведение; б) отграничить преступление от иных правонарушений (административных, дисциплинарных, гражданско-правовых); в) разграничить сходные преступления между собой. К примеру, понятие «убийство» включает такие существенные признаки, как умышленное противоправное лишение жизни другого человека (ч. 1 ст. 139 УК). Эти признаки позволяют отграничить убийство от: а) правомерного лишения жизни человека в состоянии необходимой обороны, по приговору суда, в бою и т.д.; б) причинения смерти человеку по неосторожности (ст. 144 УК); в) причинения смерти себе, т.е. самоубийства; г) причинения смерти животному.

Обобщение – установление общих свойств и отношений предметов и явлений; определение общего понятия, в котором отражены существенные, основные признаки предметов или явлений данного класса. Вместе с тем обобщение может выражаться в выделении не только существенных, но и любых других признаков предмета или явления. Этот метод научного исследования опирается на философские категории общего, особенного и единичного. Примером различной степени обобщения является деление объектов преступления в соответствии с различными подходами в теории уголовного права на четыре (общий, групповой, родовой и непосредственный) или на три группы (общий, родовой / видовой и непосредственный).

Исторический метод заключается в выявлении исторических фактов и на этой основе в таком мысленном воссоздании исторического процесса, при котором раскрывается логика его движения. Он предполагает изучение возникновения и развития объектов исследования в хронологической последовательности. Примером использования этого метода в криминологии является изучение преступности в течение длительного времени с целью обнаружения ее свойств и тенденций. Исторический анализ развития (генезиса) уголовного законодательства – изучение истории его развития в целом или отдельных норм, групп норм, институтов уголовного права. Проводится для более широкого взгляда на исследуемые проблемы, понимания логики законодателя на различных этапах с учетом государственно-политического устройства, выявления положительного и отрицательного в законодательстве в разное время. Позволяет оценить, что из опыта прошлого может быть использовано при дальнейшем изменении законодательства, а что нет. С такими же целями проводится исторический анализ теории уголовного права по определенной проблеме и практики применения уголовного закона.

Восхождение от абстрактного к конкретному как метод научного познания состоит в том, что исследователь вначале находит главную связь изучаемого предмета (явления), затем, прослеживая, как она видоизменяется в различных условиях, открывает новые связи и таким путем отображает во всей полноте его сущность. Использование этого метода, например, для изучения преступности предполагает наличие у исследователя теоретических знаний об общих свойствах преступности, ее причинах и мерах борьбы с ней. Поскольку преступность постоянно изменяется, то нахождение ее новых связей, детерминант позволяет своевременно разработать превентивные меры.

Системный метод заключается в исследовании системы (т.е. определенной совокупности материальных или идеальных объектов), связей ее компонентов между собой и связей системы, ее компонентов с внешней средой. При этом выясняется, что эти вза-

имосвязи и взаимодействия приводят к возникновению новых свойств системы, которые отсутствуют у составляющих ее объектов. К примеру, системный метод широко используется в криминологии для изучения преступности. Преступность рассматривается, во-первых, как совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих преступлений и лиц, их совершивших. В результате обнаруживаются такие ее свойства, которые отсутствуют у отдельных преступлений. Во-вторых, преступность исследуется в рамках таких более общих систем, как негативные социальные отклонения и в целом общество.

Методы эмпирического уровня: а) наблюдение; б) описание; в) счет; г) измерение; д) сравнение; е) эксперимент; ж) моделирование.

Наблюдение – это способ познания, основанный на непосредственном восприятии свойств предметов и явлений при помощи органов чувств. В результате наблюдения исследователь получает знания о внешних свойствах и отношениях предметов и явлений. Как метод научного исследования наблюдение применяется, например, для сбора социологической информации в области права, в криминологических и криминалистических исследованиях. В криминологии применяется визуальное наблюдение за поведением людей, ситуацией, условиями, в которых осуществляется их деятельность. В зависимости от положения исследователя по отношению к объекту изучения различают: а) простое наблюдение (со стороны, когда исследователь – постороннее по отношению к объекту лицо, не являющееся участником деятельности наблюдаемых); б) включенное наблюдение (исследователь открыто или инкогнито включается в группу, ее деятельность в качестве участника).

Описание – это фиксация признаков исследуемого объекта, которые устанавливаются, например, путем наблюдения или измерения. Примером может быть описание личности преступника при проведении криминологических исследований: пола, возраста, семейного, служебного положения и т.д. Описание бывает: а) непосредственным, когда исследователь непосредственно воспринимает и указывает признаки объекта; б) опосредованным, когда исследователь отмечает признаки объекта, которые воспринимались другими лицами.

Счет – это определение количественных соотношений объектов исследования или параметров, характеризующих их свойства. Количественный метод широко применяется в юридической статистике, криминологии для изучения преступности и личности преступников. Юридическая статистика изучает количественную сторону массовых и других юридически значимых явлений и процессов, т.е. их величину, степень распространенности, соотношение отдельных составных частей, изменение во времени и пространстве.

Измерение – это определение численного значения некоторой величины путем сравнения ее с эталоном. В криминалистике измерение применяется для определения: расстояния между предметами; скорости движения транспортных средств, человека или иных объектов; длительности тех или иных явлений и процессов; температуры, размера, веса и т.п.

Сравнение – это сопоставление признаков, присущих двум или нескольким объектам, установление различия между ними или нахождение в них общего. В научном исследовании этот метод применяется, например, для сравнения государственно-правовых институтов различных государств. Метод сравнительного государствоведения и правоведения – это способ исследования, который выражается в установлении общих (тождественных) или отличительных признаков сравниваемых сходных государственно-правовых явлений. Этот метод основывается на изучении, сопоставлении сходных

объектов, выявлении общего и различного в них, достоинств и недостатков. Таким путем можно решать практические задачи совершенствования государственных институтов, законодательства Республики Беларусь и практики его применения.

В криминологии используются следующие разновидности сравнительного метода: а) метод сходства; б) метод различия; в) метод контрольной группы. При использовании метода сходства устанавливаются, в частности, повторяющиеся свойства преступности в разных государствах или в отдельных регионах государства либо повторяющиеся личностные характеристики преступников. При использовании метода различий определяются те характеристики преступности, которые встречаются в одних государствах, регионах и не обнаруживаются в других. Метод контрольной группы основан на сравнении результатов изучения основной (экспериментальной) и контрольной групп, которые уравнены по всем признакам, кроме изучаемого, к примеру, сравнение результатов опроса основной группы лиц, совершивших определенную категорию преступлений (корыстные, насильственные и т.д.), и контрольной группы тех, кто такие преступления не совершал. При этом выдвигаются определенные требования к составу контрольной группы: а) репрезентативность группы, б) сопоставимость ее состава с основной группой, в) временная сравнимость исследования в двух группах, г) выбор контрольной группы должен отвечать цели криминологического исследования.

Эксперимент – это искусственное воспроизведение явления, процесса в заданных условиях, в ходе которого проверяется выдвигаемая гипотеза. В криминологии, к примеру, это социальный эксперимент для проверки положительных факторов, эффективности профилактической работы и т.п. Недопустимы эксперименты, провоцирующие преступление, ставящие под угрозу правоохраняемые интересы человека, юридического лица, общества, государства.

Моделирование – получение знаний об объекте исследования с помощью его заменителей: аналога, модели. Под моделью понимается мысленно представляемый или материально существующий аналог объекта. На основании сходства модели и моделируемого объекта выводы о ней по аналогии переносятся на этот объект. В теории моделирования различают следующие виды моделей: а) идеальные (мысленные, символические) модели, например, в виде рисунков, записей, знаков, математической интерпретации; б) материальные (натурные, вещественные) модели, например, макеты, муляжи, предметы-аналоги для опытов при экспертизах. Метод моделирования применяется ученым-юристом в том случае, когда он в результате исследования предлагает включить в закон новую норму права или изменить содержание уже существующей. Любая норма права, регулирующая поведение людей, есть формально-определенная модель правила поведения, закрепленная в официальном акте. Моделирование помогает при поиске наиболее эффективных схем организации государственного аппарата, административно-территориального устройства и т.д.

Междисциплинарные методы применяются в нескольких близких по предметам исследования науках: а) культурологический метод; б) социологический метод; в) статистический метод.

Культурологический метод предполагает изучение права как неотъемлемой части социального регулирования вместе с моралью, этикой, религией и государства – в его взаимодействии с другими социальными институтами, возникшими в ходе развития человеческой цивилизации (гражданское общество, политические партии, общественные организации и т.д.).

Социологический метод предполагает изучение права на базе конкретных социальных фактов и включает анализ статистических данных и разнообразного вида документов, социально-правовой эксперимент, анкетирование и т.д.

Статистический метод используется для количественной характеристики предмета исследования, например, данных о количестве правонарушений, об удельном весе преступлений против собственности и т.п.

Специальные методы теоретико-правовой науки – это: а) формально-юридический метод; б) сравнительно-правовой метод.

Формально-юридический метод определяет исследование юридических фактов и юридических текстов, их толкование в логической последовательности с использованием специальных юридических терминов и конструкций. Данный метод допускает изучение права как такового, в «чистом виде» и при этом он не должен быть связан с политикой, экономикой, моралью или другими социальными событиями. Формально-юридический метод позволяет описать, обобщить, классифицировать, систематизировать и передать новое знание (понятие) ясным и понятным языком. При помощи этого метода формулируются категории и понятия юриспруденции, например, понятие преступления (ч. 1 ст. 11 УК), понятие хищения имущества (ч. 1 примечаний к главе 24 УК) и т.д. Формально-юридический метод, находящийся как специальный метод теоретико-правовой науки на вершине «пирамиды» методологии, непосредственно связан с ее основой, поскольку в основании «пирамиды» лежит совокупность специальных категорий, понятий, терминов, отражающих специфику предмета теории права в целом и теории отдельных отраслей права.

Сравнительно-правовой метод предусматривает комплексное изучение правовой культуры в сопоставлении опыта различных стран и народов, выяснения традиций и новаций в развитии государственных и правовых институтов. Сравнительно-правовой анализ законодательства Республики Беларусь и других стран проводится для того, чтобы выявить сходство и различия в законодательном регулировании определенной области общественных отношений, установлении законодательных запретов на совершение общественно опасных деяний, подходов к криминализации и декриминализации деяний. Он позволяет сделать вывод о том, что из зарубежного законодательного опыта может быть использовано в Республике Беларусь, а что заимствовать не стоит.

Сравнение с практикой правоприменения в зарубежных странах проводится для выявления сходства и различий в подходах органов уголовного преследования и судов к квалификации преступлений, назначению наказания и применению иных мер уголовной ответственности, освобождению от уголовной ответственности и наказания и т.д. Такой анализ позволяет в итоге решить, что из зарубежного опыта может быть использовано в Республике Беларусь, а что – нет, и предостеречь практических работников органов уголовной юстиции Республики Беларусь от повторения чужих ошибок.

Заключение

Работа ученого-юриста по исследованию отдельных направлений и проблем правоприменительной деятельности органов уголовной юстиции заключается в следующем: а) изучить законодательство; б) проанализировать теорию; в) изучить практику правоприменения; г) выявить проблемы в этих областях; д) предложить научно обоснованное решение проблем на основе методологии научного исследования.

Исследование законодательства, теории и практики правоприменения включает: а) изучение действующего законодательства Республики Беларусь, современной теории

и практики по проблеме; б) исторический анализ развития (генезиса) законодательства, теории и практики; в) сравнительно-правовой анализ законодательства Республики Беларусь и других стран, теории и практики правоприменения. Однако нередко допускается ошибка, особенно начинающими исследователями, когда используются только специальные методы теоретико-правовой науки: формально-юридический и сравнительно-правовой, т.е. методы последнего уровня. Вместе с тем при проведении научного исследования в праве необходимо использование не только этих методов, но и всей системы методов, а также опора на методологию в целом. При этом следует учитывать, что методология права – это не отвлеченное теоретизирование. Без использования понятий (терминов), методологических принципов и методов невозможна не только научно-исследовательская работа, но и практическая правоприменительная деятельность.

Методы научного исследования в уголовном праве и криминологии исследовались и применялись нами при выполнении научно-исследовательской работы кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина на тему «Правоприменительная деятельность органов уголовной юстиции: теория, законодательство и практика» (№ госрегистрации 201102204, дата регистрации 22.02.2011 г., НИР завершена в феврале 2015 г.). Характеристика методов приведена в коллективной монографии «Проблемы правоприменительной деятельности органов уголовной юстиции», подготовленной по итогам выполнения НИР, а также в учебно-методическом пособии автора «Дипломная работа: подготовка, оформление, защита». Эта характеристика была апробирована при проведении ряда научно-методических и учебно-методических семинаров со студентами – членами студенческого научного общества, студентами выпускных курсов специальности «Правоведение» и магистрантами юридического факультета, при научном руководстве подготовкой дипломных работ и магистерских диссертаций.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.10.2015

Losev V.V. Research Methods in Criminal Law and Criminology

The article describes the system of scientific research methods in criminal law and criminology. The need for such a characteristic is stipulated by the fact that young researchers often use only the methods of theoretical and legal science – the formal legal and comparative law. However, during the research in law not only these methods, but also the whole system of methods, as well as the rest on the methodology as a whole must be used. Methodology of law is not an abstract theorizing. Without the use of concepts (terms), methodological principles and knowledge of research methods not only research work, but also educational and enforcement activities is impossible. The article gives the structured system of methods of scientific research in accordance with their hierarchy, reveals the content of methods to identify possible application of methods in research in criminal law and criminology. The above description of the methods is addressed to novice researchers, teachers to use in the educational process, as well as law graduates to apply in practice.

УДК 342.534

О.В. Чмыга

*канд. юрид. наук, доц., зав. каф. теории и истории государства и права
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина*

**ВЫБОРНЫЕ ЛИЦА: ПРОБЛЕМЫ УЯСНЕНИЯ СУЩНОСТИ,
ПРИРОДЫ, ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДЕФИНИЦИИ**

В статье осуществлено комплексное исследование сущности термина «выборные лица» и сформулирована его правовая дефиниция.

Как справедливо указывает профессор А.А. Головкин, «любое понятие в природе и обществе состоит из системы однородных, разнопорядковых, взаимосвязанных элементов. Каждый из этих элементов представляет собой тотальность понятия в его определенности, так что в каждой системе реально наличествуют тесно связанные с собой элементы» [1, с. 94]. В соответствии с этим следует подчеркнуть, что при проведении филологического анализа сложного системного понятия «выборные лица» можно условно выделить его два важнейших взаимосвязанных и взаимозависимых элемента: 1) существительное «лица»; и 2) прилагательное «выборные». В целях проведения максимально комплексного исследования рассматриваемого в настоящей статье понятия и формулирования его дефиниции правовой анализ данного термина мы начнем с исследования сущности каждого из указанных элементов.

Остановимся для этого в первую очередь на анализе категории «лицо». В этой связи прежде всего следует отметить, что «человеческое общество состоит из конкретных людей, находящихся в системе многообразных связей – общественных отношений, в которые они вступают в процессе производства и распределения материальных благ, а также участвуя в политической, культурной и иных сферах социального бытия. Вне этих связей и отношений конкретный индивид предстает как человек, т.е. как живое существо» [2, с. 128], которое является частью природного мира, обладает неким набором биологических характеристик и является лишь базой для формирования на его основе личности. Ведь человек является личностью лишь тогда, когда сознательно определяет свое деятельное отношение к окружающему миру [3, с. 234]. Следовательно, понятия «человек» и «личность» представляют собой разные аспекты единого явления – человеческого индивида, входящего в определенную систему общественных отношений» [3, с. 234], а категориальный ряд «личность» – «лицо» определяет «в социальном плане прежде всего членов общества» [4, с. 15], которые сознательно регулируют свою жизнедеятельность в нем. Важно подчеркнуть, что в рамках настоящего исследования понятие «лицо» будет анализироваться именно с указанных позиций. Нельзя также не отметить и тот факт, что рассматриваемая категория «лицо» («физическое лицо») – «личность – это социальное понятие, оно складывается в определенной социальной среде... Нельзя подходить к пониманию личности только как к индивидууму, обладающему неповторимыми единичными свойствами. В таком понимании не может быть двух абсолютно одинаковых личностей. Вместе с тем в обществе наряду с индивидуальностью каждой личности вырабатываются общие, социально-нравственные, гуманные, демократические черты. Каждому человеку присуща определенная биологическая индивидуальность, но и она не имеет решающего значения при раскрытии сущности личности. Личность проявляется как в отношении к самой себе, так и в отношении ее к другим

субъектам» [5, с. 13]. Таким образом, «уникальность отдельной личности не исключает, а скорее предполагает наличие у нее некоторых весьма существенных признаков, характеризующих ее как представителя определенной социальной группы – класса, нации, профессиональной, политической, религиозной общности. Совокупность таких общих, родовых черт образует то особенное, что характеризует социальный тип личности» [3, с. 236]. Считаем, что уяснение и определение существенных (родовых) признаков социотипа «выборное лицо» позволит нам сформулировать его правовую дефиницию, понятную и применимую при любых условиях.

Итак, как мы уже определяли выше, другим важнейшим элементом рассматриваемой в настоящей работе правовой категории и существенным качеством анализируемого социального типа личности является его выборность. Данный родовый признак в энциклопедическом словаре определяется как «один из способов образования и конституирования (внутренней самоорганизации) государственных органов и органов местного самоуправления, заключающийся в избрании депутатов населением, и соответствующих должностных лиц – населением или представительными органами [6, с. 107]. Отсюда следует, что выборное лицо в наиболее общем виде «есть представитель, выразитель интересов либо избирателей своего округа, либо народа, нации, этноса, социальной группы населения. Таким образом, перед нами не что иное, как правоотношение, субъектами которого выступают избиратели и их избранники. Юридическим фактом возникновения данного правоотношения являются выборы, проведенные в точном соответствии с действующими нормами права» [7, с. 29]. Как следует из вышеприведенного, выборное лицо является неотъемлемой стороной субъектного состава данного правоотношения и обязательным объектом нашего анализа, поэтому логика рассуждений настоящего исследования приводит нас к необходимости остановиться на более детальном анализе юридического основания возникновения названного правоотношения, тесно связанного с рассматриваемой в данной работе категорией – понятием «выборы».

В этой связи следует отметить, что в юридической литературе, как правило, «под понятием “выборы” понимают форму реализации избирательных прав путем участия в избирательной кампании (Л.В. Тихомирова, М.Ю. Тихомиров); способ формирования органов государства и органов местного самоуправления (представительных органов) с помощью голосования (Г.В. Осипов, В.Д. Зорькин, В.Е. Крутских); публичное политическое воспроизводство самого государства (Ю.А. Веденеев, В.И. Раудин)» [8, с. 12]. Примечательно также, что профессор А.М. Ким, представитель советской правовой науки, в отличие от указанных достаточно лаконичных по форме дефиниций рассматриваемой категории, понятие «выборы» формулирует более развернуто и понимает под ним «участие граждан в осуществлении государственной власти как непосредственным волеизъявлением по конкретным вопросам общественной и государственной жизни при формировании представительных органов власти, так и выделение из своей сферы путем свободного голосования ответственных перед ними представителей для выполнения в этих органах функций по осуществлению государственной власти в соответствии с волей и интересами народных масс, выраженными на выборах» [9, с. 9].

Однако, несмотря на некоторое различие в форме, в которую облачают указанные исследователи рассматриваемый нами термин «выборы», они, по нашему мнению, одинаково подходят к его семантической составляющей, отождествляя его сущность с правом каждого гражданина без какой бы то ни было дискриминации и без необоснованных ограничений принимать участие в процедуре осуществления государственных дел как непосредственно, так и через посредничество свободно избранных пред-

ставителей. Таким образом, категория «выборы», как правило, рассматривается как фактор, порождающий представительную демократию, в рамках которой осуществляется «реализация политических прав граждан, возможность активного участия в управлении государством и обществом. Выборы – это форма демократии, способ смены политических элит, передачи власти мирным путем через волеизъявление народа. С помощью выборов формируются представительные и законодательные органы государства» [10, с. 85].

Между тем, по нашему мнению, в рамках данного исследования нельзя не отметить и тот факт, что понятие «выборы» в широком смысле означает не только порядок формирования органов государственной власти и местного самоуправления, но и форму (способ) образования общественных и некоторых иных объединений соответствующим управомоченным субъектом. Поэтому, на наш взгляд, для целей настоящего исследования следует поддержать более универсальную в этом смысле правовую позицию И.В. Выдрина, А.Н. Кокотова, которые под выборами понимают процедуру, посредством которой определенная группа людей выдвигает из своей среды одного или нескольких членов для выполнения каких-либо общественных функций [11, с. 231]. Кроме того, наличие указанной процедуры закономерно порождает существование в праве некой системы разноотраслевых юридических положений (норм), которая упорядочивает подобные общественные отношения, возникающие по поводу формирования выборных органов (лиц), и объединяется единой правовой категорией – «институт выборов».

И все же в рамках исследования категории «выборное лицо», по нашему мнению, особое значение имеет тот факт, что понятие «выборы» помимо прочего несет также в себе и значительную семантическую нагрузку одного из способов замещения должностей. Поэтому в целях настоящего исследования остановимся на анализе выборов как способа замещения должностей более подробно. В этой связи следует отметить, что история становления данного способа замещения должности достаточно длительна и многогранна, поскольку «на протяжении веков было испробовано немало различных способов замещения должностей: передача по наследству, купля-продажа, по жребию, назначение, избрание, конкурс, дарение, были и проигрыши должности в азартных играх, «сажали» на должность и как принудительное отбывание повинности, замещение должности в порядке очередности и др. ... В условиях Советского государства также были испытаны на практике различные способы, но в итоге в законодательстве были закреплены следующие: зачисление, назначение, избрание (выборы), конкурс» [12, с. 29]. На современном же этапе в Республике Беларусь как в демократическом и правовом государстве, равно как и в иных подобных странах, «способ замещения должностей как выборы широко применяется ... причем не только в системе органов государственной власти и местного самоуправления, но и в иных организациях» [13, с. 5–6]. Представляется, что в указанных государствах достаточно широкое использование выборов как способа замещения должности в настоящее время связано с тем, что еще Аристотель отмечал необходимость существования в каждом государстве демократических «краткосрочных должностей, где это представляется возможным. ... Ни одна из должностей, не должна быть пожизненной, а если какая-нибудь остается таковой по причине какого-нибудь давнишнего переворота, то следует лишить ее значения» [14, с. 416–417]. Выборы же как способ замещения должности, как правило, определяют временной отрезок ее принадлежности конкретному лицу и, следовательно, в наибольшей мере обеспечивают стабильное и демократическое существование общества и государства.

Что же представляют собой выборы как способ замещения должности в современном понимании? По нашему мнению, в этом смысле, в первую очередь, следует принять во внимание, что в наиболее общем виде замещение должности является собой прием на должность соответствующего физического лица посредством любого из вышеуказанных способов ее замещения. Анализируя же выборы в качестве способа замещения должностей, а также рассматривая их «как единый сложный юридический факт, в нем следует выделить ряд элементов. Примечательно, что эти элементы имеют в избирательном праве значение самостоятельных юридических фактов. Процедура выборов характеризуется, в частности, предварительными действиями: назначение выборов, выдвижение кандидатов (включающее в себя согласие на участие в выборах и регистрацию в качестве кандидата); широкое общественное обсуждение кандидатур, обеспечивающее максимальную степень ознакомления граждан избирателей с кандидатами; представление кандидатами сведений о доходах и имуществе; проведение в установленном порядке агитации в пользу того или иного кандидата и т.д. При выборном порядке возникновения трудовых правоотношений решающее значение придается собственно выборам, т.е. голосованию. В результате голосования возможно политическое решение – избрание. За избранием конкретного лица следует регистрация его в этом качестве» [15, с. 85–86]. Таким образом, «основная особенность выборов как способа замещения должности в том, что избирают на должность из числа тех, кто избирает: из числа избирателей (депутат), из числа депутатов (например, председателя комитета парламента), из числа членов общественного объединения (в орган управления) и т.д. Лицо считается избранным после официального объявления итогов голосования. Административного акта об утверждении итогов голосования не требуется, контракт заключается на основе голосования. Выборность имеет, как и другие способы, свои преимущества и недостатки. К преимуществам следует отнести открытость, гласность, более полное представление у избирателей о качествах кандидата, прямая зависимость избранного лица от избирателей в процессе осуществления должностных полномочий. Недостатки выборности сказываются на ограниченных возможностях подбора кандидатов, поскольку кандидата должны знать те, кто его будет избирать» [12, с. 31]. Поэтому «выборы любого органа или лица можно превратить в формальный процесс, если они не будут подкреплены развитием действительно демократических процедур, обеспечением широкой гласности при выдвижении и обсуждении кандидатур, ограничением вмешательства в проведение выборов каких-либо структур, расширением гарантий выборным работникам» [16, с. 151–152].

Итак, выборы при соблюдении всех нормативно установленных процедур являются одним из наиболее демократичных способов замещения должности. Что же представляет собой «должность» как правовая категория? По нашему мнению, здесь сразу следует отметить, что проблема единого правового понимания указанного термина в научном мире все еще не решена. Так, в качестве примера, на наш взгляд, можно привести позицию российских авторов Д.А. Федяева, А.В. Москалева, которые считают, что должность представляет собой предусмотренный в соответствии с правовыми актами неделимый структурный компонент организации, ориентированный на одного человека, наделенного относительно обособленной компетенцией (правами, обязанностью, ответственностью) по осуществлению функций социального управления или обслуживания [17, с. 6–7]. Подобно российским авторам белорусские ученые также анализируют указанное понятие. Однако в отличие от российских коллег, И.И. Мах под государственной должностью понимает установленную компетентным государственным орга-

ном структурную единицу, наделенную функциями и задачами государственного органа [18, с. 276]. О.И. Чуприс, исследуя правовой статус государственных служащих, отмечает, что «должность – это важное государственно-правовое установление, обособленная часть организационной структуры государственного органа с частью его компетенции, закрепленная в нормативном акте, замещаемая государственным служащим с целью реализации задач и функций, определенных по ней» [19, с. 525]. А.Н. Крамник, рассуждая о служащих государственного сектора, указывает, что «должность – это учрежденная в соответствии с законодательством и общественной потребностью структурная единица государственного органа (организации) с кругом обязанностей, прав и заработной платой» [20, с. 248].

Правовая же позиция белорусского законодателя о сущности категории «должность» характеризуется единым пониманием и отражена в ст. 1 Трудового кодекса Республики Беларусь [21]. Положение указанного акта законодательства сводится к тому, что должность представляет собой служебное положение работника, обусловленное кругом его обязанностей, должностными правами и характером ответственности.

Таким образом, несмотря на некоторые различия в понимании рассматриваемой правовой категории, существующие в правовой науке, можно с достаточной точностью сделать вывод о том, что сущность термина «должность» заключается в нормативно закрепленной модели поведения, реализация которой возложена на лицо, ее реализующее в установленном актами законодательства порядке в органах государственной власти, местного самоуправления, предприятиях, учреждениях, организациях в качестве неотъемлемой и относительно самостоятельной их организационной части. Отсюда вытекает, что «с одной стороны ...должность – простейшая ячейка аппарата, предназначенная для одного работника, определяющая его место и роль в административном ансамбле. С другой стороны, это стабильный комплекс обязанностей и прав, правовое установление, ориентированное на одного человека, который должен осуществлять часть работы организации» [22, с. 14]. Поэтому «всякая должность содержит точно отграниченную от других основную функцию, выполняемую служащим, занимающим данную должность, и имеет наименование» [20, с. 245], а следовательно, имеет свои, присущие только ей, качества.

Полагаем, что указанные выше рассуждения о родовом понятии «должность» в полной мере применимы и к его видовым категориям – должностям, замещаемым путем выборов. Наряду с этим следует отметить, что существующий в правовой науке каталог дефиниций указанного видового термина, к сожалению, является мало разработанным и, подобно его родовому понятийному ряду, не отличается семантическим тождеством. Приведем несколько примеров. Так, российские исследователи А.Г. Арутюнян, М.В. Баглай [23, с. 77] и С.А. Авакьян [24, с. 107] считают, что под категорией «выборная должность» следует понимать должность в органах государственной власти или органах местного самоуправления, замещаемую путем выборов. Белорусский же исследователь Д.Г. Скрипченко, один из авторов комментария к Трудовому кодексу Республики Беларусь, под выборными должностями понимает «должности в органах государственного управления (Палате представителей и Национальном собрании Республики Беларусь, местных Советах депутатов, других органах), замещаемых путем избрания в порядке, установленном законодательством, для формирования этих органов, а также должности в органах общественных организаций, замещаемые путем избрания в порядке, установленном уставами, положениями, для формирования органов этих организаций (например, в профсоюзных органах – на основании устава о профессиональных со-

юзах) [25, с. 558]. Аналізуючы дэфініцыю расійскіх учыняў і не адвергаючы ў цэлым іх правую пазіцыю, мы ўсе жэ лічым, што ўказаным аўтарам не ўдалося поўнасьцю раскрыць усю гамму сьмантычнасьці расматрываемага панятка па прычыне лішні узкаго яго паніманьня (у даннай дэфініцыі ўчытываецца лішні яго палітычыскі аспект). Што жэ кацаецца правого паніманьня расматрываемай катэгорыі бела-рускім ісьледавателем, лічым, што асновным недастак прыведзенага вышэ яе віденьня састойт у тым, што Д.Т. Скрыпчэнка пры расматрэньні даннаго правого тэрміна не ўчытывае сьцэньнасць прынцыпа раздзяленьня ўладзей, падразумеваючы прадстаўнічы саставляючы дзяржаўнай ўладзі нашэго дзяржаўства (Нацыянальнае сабраьне Рэспублікі Беларусь, месцьны Саветы дэпутатаў) пад арганамі дзяржаўнаго ўправленьня, а такжэ па непанятным для нас мотывам раздзяляе саюзам «і» ў парадку пералісьня сьцэньнасць існуючыя ў аб'ектыўнай рэальнасці на правах часткі і цэлага і, сьледаватэльна, ўзаьмобусьляваныя для настайчы дэфініцыі катэгорыі «Палата прадстаўнічы» і «Нацыянальнае сабраьне». Асьюда палагаем, сьледуе, што вывады, каторыя аўтор ўказанай дэфініцыі паляжыў ў яе аснову, яўляючыся процыворэчаючы асьновам тэорыі права і па гэтой прычыне не могуць быць прыменімымі як ў даннаым ісьледаваньні, так і ў правопрымененьні ў цэлым.

Такым аьбраьзом, адсьцутствіе аднога паніманьня катэгорыі «выбарная дьжэньнасць» яўляецца сьцэньнасчым і падляжачым ськорэйшэму разрэшэньню задачы расійскай і отэчэсьваьнай правовай наўкы. У рамках жэ настайчы ісьледаваньня, не прэтэндуючы на ісьключытэльнасьць віденьня ўказанай праблэмы і рукаьвдсьваючы сьправядлывым замечаньнем прафэсьсара А.Н. Краьніка, о тым, што ўськая «дэньжэньнасць прызвядзена ад аргану і несэе на сьбэ ўсь яго прызнакы» [20, с. 246], а такжэ расьсуджэньямі, ісьляжэньнымы намі ў даннай раьбэ вышэ, мы прэдаьлагаем пад паняткам «выбарная дэньжэньнасць» ў шырокам сьмысьле панімаць нарматывна закрэплэньную маьдэль паведзеньня, рэалізацыя каторой возьлажэна на ліцо, замэцаючы яе на асьноваьні факта выбораў і рэалізаючы ў ўстанавлэньным актамі заьконодатэльсьва парадку ў арганам дзяржаўнаго ўладзі, месцьнаго саьмоўправленьня, прэпрыятыях, ўчырэждзеньнях, арганізацыях ў качэсьве неатэьмляемай і адносьцельна саьмостайчэьнай іх арганізацыянаго часткі.

Наряду с ісьляжэньным, лічым, што для цэляў даннай раьбы важна такжэ яшчэ раз падчэркнуць, што па ісьтогам прэвядзеньня выбораў ў качэсьве спосаьба замэцаьня дэньжэньнасці яю надэляецца канкрэтнае фізычыскае ліцо, адэьжавшыя на нях павэду. Пэьтэьму, дажэ ўчытываючы тэ факт, што «дэньжэньнасць – катэгорыя, ўстанавлэньная тэькь для сьлужачэьго, іньныя раьбнчыкы дэньжэньнасцяў не займаюць» [12, с. 25], ўсь жэ «нэьляь паставіць знак раьвенсьва мэьду паняткам «дэньжэньнасць» і «сьлужачыі», так как дэньжэньнасць сьцэньнасчуеь незавісььна ад тэьго вакантна яна іьлі занята» [26, с. 61]. У тэ врэмя как «сьлужба – гэ тэ дэьтэьльнэсьць па рэалізацыі аб'язаннасьцяў і праваў па дэньжэньнасці» [20, с. 241], лібэ, как мэтэько ўказьваецца ў Тэьлэьковым сьловаьре жывого велікорусьскаго ўзыка В. Даяь, «польза, ўгода, дэьтэьльнэсьць, жыць для другіх, пэьлезьнае дэьло» [27, с. 224], а сьледаватэльна, сьлужачым ў найбэьльшэ аьбщэм віде яўляецца ўськакэ фізычыскае ліцо, каторэ надэьлена дэньжэньнасцю с пэмэцьцю тэьго лібэ іьного нарматывна ўстанавлэньнаго спосаьба яе замэцаьня (прыменітэьльна к даннаму ісьледаваньню – с пэмэцьцю выбораў). Вэьдэ «с дэньжэньнасці, саьбсьваьно, і начынаецца сьлужачыі: с замэцаьньнем дэньжэньнасці ліцо пэьлучае статус сьлужачэьго, т.э. права і аб'язаннасьці, правіла прэьхождзеньня сьлужьбы, парадэьк аьстаьленьня дэньжэньнасці» [12, с. 26]. Такым аьбраьзом, «дэньжэньнасць – аьснова для сьлужьбы, сьлужэьбнаго дэьтэьльнэсьці» [19, с. 524]. Краьме тэьго, ізь сказаннаго сьледуе, па нашэьму мнэньню, друьгой, ўпэьльне заькономерньны вэьвод, баьзыруючыіся на абэьсьнаьваннаьм

изречении В.И. Ленина о том, что «каждое понятие находится в известном отношении, в известной связи со всеми остальными» [28, с.179], суть которого заключается в том, что термины, составляющие категориальный ряд «должность» – «служащий» – «должностное лицо» являются в определенном смысле понятиями взаимопределяющими, а следовательно, и взаимозависимыми, и поэтому в свете вышеизложенного понятие «должностное лицо» (категория из рассматриваемого терминологического ряда) для целей настоящего исследования должна стать нашим следующим предметом анализа.

В этой связи необходимо отметить, что история становления современного понимания термина «должностное лицо» насчитывает уже без малого век. Так, «используемое сегодня понятие должностного лица возникло в 1918 г. Оно было установлено в принятом СНК декрете от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве». Затем оно использовалось в декрете ВЦИК от 9 мая 1918 г. «О предоставлении народному комиссару Продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими», в декрете СНК РСФСР от 12 апреля 1919 г. «О воспреещении самовольного перехода советских служащих из одного ведомства в другое», в постановлении ВЦИК и СНК СССР от 2 января 1929 г. «О мероприятиях по борьбе с нарушениями законодательства о труде», в постановлении ЦИК и СНК СССР от 13 октября 1929 г. «Об Основах дисциплинарного законодательства Союза ССР и союзных республик» [29, с. 360]. На настоящем же этапе белорусский законодатель в ст. 1.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [30] под должностным лицом понимает физическое лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, а также государственного служащего, имеющего право в пределах своей компетенции отдавать распоряжения или приказы и принимать решения относительно лиц, не подчиненных ему по службе.

Что же касается современной юридической науки, то в ней в настоящее время существует, на наш взгляд, достаточно большой каталог дефиниций рассматриваемого нами понятия «должностное лицо». Примером достаточно распространенной правовой позиции может служить достаточно емкое, с нашей точки зрения, мнение о том, что «должностные лица – это работники, состоящие на государственной или общественной службе и выполняющие по занимаемой должности организационные или административно-управленческие функции» [31, с. 48]. Между тем, не отвергая в целом подобного видения рассматриваемой правовой категории и не вдаваясь в детализированный анализ конкретной указанной выше дефиниции, полагаем более выверенной и обоснованной правовую позицию П.И. Кононова, который считает, что под должностным лицом следует понимать «лицо, работающее по выборам, назначению или на контрактной основе в любой государственной или негосударственной организации, которое, являясь носителем ее правосубъектности, выполняет функции управления людьми, имуществом и финансовыми ресурсами как внутри, так и вне этой организации, совершает юридически значимые действия от имени и в интересах этой организации и под свою личную ответственность» [32, с. 145].

Уяснение сущности категории «должностное лицо», по нашему мнению, закономерно порождает необходимость рассмотрения ее признаков, ибо, как хорошо известно из философии, всякая дефиниция «должна включать отличительные признаки и условия существования (применения, образования)» [33, с.70], и названный термин не является в этом смысле исключением. С этой целью отметим, что современная правовая наука, как правило, различает следующие признаки должностного лица:

«1) должностные лица – это служащие ...состоящие на публичной или общественной службе; 2) занимающие должности на основании общих или специальных нормативных актов; 3) имеющие специальные властные (распорядительные) полномочия, выражающиеся в обладании правом совершать действия, непосредственно вызывающие определенные юридические последствия; 4) наделенные правом по занимаемой должности выполнять организационно-распорядительные функции по реализации компетенции государственного или общественного органа; 5) несущие повышенную ответственность (социальную и правовую) за неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих должностных обязанностей» [34, с. 46–47]. Представляется, что проведенный анализ указанных выше характеристик должностного лица, а также тезисы, изложенные в настоящей работе выше, позволяют утверждать, что понятия «должностное лицо» и «служащий» являются семантически тождественными по своей природе. Кроме того, «два ...признака служащего – должностное положение и от чьего имени действует служащий – определяют все последующие признаки служащего, любого, независимо от вида службы и занимаемой должности: правовой статус должности, полномочия служащего (права и обязанности), порядок (правила) поступления на службу (замещения должности) и увольнения, правила прохождения службы, поощрение служащих, ответственность служащих за служебные проступки» [12, с. 26].

Наряду с этим, полагаем, что исследование категориального ряда «должностное лицо» – «служащий» было бы неполным без указания на то, что «от других категорий лиц, занятых определенной работой в различных организациях (учреждениях, предприятиях) общества, служащие отличаются следующими особенностями: 1) они занимают должности в различных организациях (государственных, в органах местного самоуправления, негосударственных, коммерческих, общественных, религиозных и др.); 2) характер их деятельности, как правило, умственный (в узком смысле этого слова, ибо каждый вид деятельности предполагает наличие у человека определенных умственных способностей, известного уровня интеллекта), т.е. материальных ценностей они самостоятельно не создают. Однако служащие работают и в сфере материального производства, выполняя специфические задачи – организационное, технологическое обеспечение процесса производства, создание проектов, маркетинговая, исследовательская деятельность и т.д.; 3) они осуществляют властную деятельность (организационную, распорядительную, руководящую, контрольную) и, следовательно, обладают соответствующими организационно-распорядительными и административно-хозяйственными полномочиями; они могут применять меры государственного и общественного принуждения. В основном служащие в любой организации осуществляют управленческие функции (в социальном смысле термина «управление» как общей регулирующей деятельности различных субъектов права); 4) служащие реализуют свои полномочия, функции, как правило, на возмездных началах, за вознаграждение (иногда эти функции осуществляются и на добровольной безвозмездной основе)» [34, с. 150]. Таковы признаки и специфика труда каждого служащего. Следовательно, можно утверждать, что они в полной мере применимы и к служащим (должностным лицам), занимающим должности на основании выборов – одного из существующих в настоящее время способов их замещения: выборным лицам.

Заклучение

Между тем, как уже указывалось в настоящей работе, к сожалению, в правовой науке в настоящее время все еще отсутствует комплексное понимание и целостная де-

финиция указанных выборных лиц. В целях восполнения данного существенного правового пробела мы предлагаем на основании всего вышеизложенного в настоящем исследовании и, разумеется, признавая явные достоинства рассмотренных выше разработок исследователей в анализируемой нами сфере, *под понятием «выборное лицо»* понимать должностное лицо, которое на основании факта выборов в установленном актами законодательства порядке реализует в процессе осуществления своей служебной деятельности нормативно закрепленную модель поведения в органах государственной власти, местного самоуправления, предприятиях, учреждениях, организациях в качестве неотъемлемой и относительно самостоятельной их организационной части. Полагаем, что указанная дефиниция рассматриваемой категории достаточно обоснованно и последовательно отражает сущностные характеристики данной теоретической конструкции и, следовательно, ее использование допустимо в качестве базовой в дальнейшем научном анализе затронутой проблемы, а также, возможно, в практике правотворчества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головкин, А. А. Теоретические основы демократии: конституционно-правовой аспект / А. А. Головкин. – Минск : Право и экономика, 2004. – 162 с.
2. Общая теория права : учеб. для юрид. вузов / Ю. А. Дмитриев [и др.] ; под общ. ред. А. С. Пиголкина. – М. : Изд-во Моск. гос. техн. ун-та, 1997. – 384 с.
3. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права : учеб. пособие / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский ; под общ. ред. В. А. Кучинского. – 2-е изд., доп. – Минск : Амалфея, 2004. – 688 с.
4. Воеводин, Л. Д. Юридический статус личности в России : учеб. пособие / Л. Д. Воеводин. – М. : Изд-во Моск. ун-та : Инфра-М : Норма, 1997. – 299 с.
5. Головкин, А. А. Человек, личность, гражданин / А. А. Головкин. – Минск : Беларусь, 1982. – 80 с.
6. Конституционное право : энцикл. словарь / отв. ред. и рук. авт. коллектива С. А. Авакьян. – М. : Норма : Инфра-М, 2001. – 675 с.
7. Щербакова, Н. В. К вопросу о сущности представительной власти / Н. В. Щербакова // Проблемы народного представительства в Российской Федерации : сб. ст. / под ред. С. А. Авакьяна. – М., 1998. – С. 29–33.
8. Щедролобова, Г. Н. Политико-правовое развитие института выборов в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 23.00.02 ; 12.00.02 / Г. Н. Щедролобова ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – М., 2005. – 28 с.
9. Ким, А. М. Советское избирательное право. Вопросы теории, избирательного законодательства и практики его применения / А. М. Ким. – М. : Юрид. лит., 1965. – 211 с.
10. Масловская, Т. С. Конституционное право Республики Беларусь / Т. С. Масловская. – 3-е изд., перераб. – Минск : ТетраСистемс, 2009. – 219 с.
11. Кокотов, А. Н. Конституционное право России / А. Н. Кокотов. – М. : Проспект : Велби, 2008. – 296 с.
12. Манохин, В. М. Служба и служащий в Российской Федерации. Правовое регулирование / В. М. Манохин. – М. : Юристъ, 1997. – 295 с.
13. Колеватова, В. С. Особенности правового регулирования труда выборных работников : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / В. С. Колеватова ; Свердл. юрид. ин-т. – Свердловск, 1974. – 26 с.

14. Мир философии : кн. для чтения : в 2 ч. / сост.: П. С. Гуревич, В. И. Столяров. – М. : Политиздат, 1991. – Ч. 2 : Человек. Общество. Культура. – 623 с.
15. Гребенкина, Н. А. Правовой статус служащих, замещающих высшие выборные публичные и некоторые приравненные к ним должности в России (основные аргументы в пользу трудовых начал) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Н. А. Гребенкина. – Пермь, 2004. – 340 с.
16. Пашков, А. С. Кадровая политика и право / А. С. Пашков, Т. В. Иванкина, Е. В. Магницкая. – М. : Юрид. лит., 1989. – 285 с.
17. Федяев, Д. А. Трудовые договоры с муниципальными служащими в России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Д. А. Федяев. – Пермь, 2000. – 19 с.
18. Мах, И. И. Административное право Республики Беларусь / И. И. Мах. – Минск : Амалфея, 2008. – 703 с.
19. Крамник, А. Н. Курс административного права Республики Беларусь / А. Н. Крамник. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Тесей, 2006. – 613 с.
20. Крамник, А. Н. Административное право Республики Беларусь / А. Н. Крамник. – Минск : Тесей, 2008. – Ч. 1 : Управленческое право. – 672 с.
21. Трудовой кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2015 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
22. Бахрах, Д. Н. Государственная служба России / Д. Н. Бахрах. – М. : Проспект, 2009. – 148 с.
23. Арутюнян, Г. Г. Конституционное право : энцикл. словарь / Г. Г. Арутюнян, М. В. Баглай. – М. : Норма, 2006. – 544 с.
24. Комментарий к Трудовому кодексу Республики Беларусь : по состоянию на 10 июня 2008 г. / Г. Ф. Асоскова [и др.] ; под общ. ред. Г. А. Василевича. – 4-е изд., перераб. и доп. – Минск : Амалфея, 2008. – 1231 с.
25. Розенбаум, Ю. А. Формирование управленческих кадров: социально-правовые проблемы / Ю. А. Розенбаум. – М. : Наука, 1982. – 230 с.
26. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. Даль. – М. : Рус. яз., 1982. – Т. 4. – 683 с.
27. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1978–1983. – Т. 29 : Философские тетради. – 1980. – XXIV, 782 с.
28. Стариков, Ю. Н. Служебное право / Ю. Н. Стариков. – М. : БЕК, 1996. – 683 с.
29. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : текст по сост. на 28 апреля 2015 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
30. Петухов, Г. Е. Понятие должностного лица в советском законодательстве и правовой науке / Г. Е. Петухов, А. С. Васильев // Изв. вузов. Правоведение. – 1980. – № 3. – С. 40–49.
31. Кононов, П. И. Административная ответственность должностных лиц : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / П. И. Кононов. – М., 1993. – 145 с.
32. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.

33. Чаннов, С. Е. Правовой статус должностного лица органов государственной власти и местного самоуправления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / С. Е. Чаннов. – Саратов, 2000. – 172 с.

34. Стариков, Ю. Н. Государственная служба в Российской Федерации (теоретико-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Ю. Н. Стариков. – Воронеж, 1996. – 238 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.10.2015

Chmyga O.V. Elective Persons: Problems of Explanation of Essence, Nature, Definition

In the article complex research of the essence of the term «elective persons» is carried out and its legal definition is formulated.

УДК 349.6(476)(075.8)

Г.И. Зайчук

канд. юрид. наук, доц., доц. каф. грамадско-правовых дысцыплін
Брэстскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВ ПРИРОДОРЕСУРСНОГО ПРАВА

В работе рассматриваются проблемы источников образования и форм организации природоресурсного права. Вопросы понятия источников природоресурсного права, их структуры и содержания, классификации источников и их системно-иерархического построения, их юридической природы и соотношения, места и роли в системе источников природоресурсного права нормативных правовых актов, общепризнанных принципов международного права, международных договоров, судебных прецедентов, правовых обычаев, доктрины. Особенности порядка их принятия и действия во времени и по кругу лиц. Формулируются рекомендации о закреплении на законодательном уровне источников природоресурсного права, в первую очередь, нормативных правовых актов и о разработке и принятии общерегулятивного кодекса либо закона «О природопользовании» или «Об использовании природных ресурсов».

Введение

Наряду с требованиями правовых обычаев, нормами морали, религиозными и корпоративными предписаниями право представляет собой один из социальных регуляторов. В зависимости от предмета, метода регулирования и ряда других факторов оно подразделяется на отрасли, которые регулируют относительно обособленные виды общественных отношений опосредующих определенные направления человеческой деятельности. В этом плане выделяют конституционное право, административное право, гражданское право, природоохранное (экологическое) право, природоресурсное право и другие правовые отрасли.

Со середины 90-х гг. XX в. и до недавнего времени на доктринальном уровне в качестве самостоятельных отраслей права признавались экологическое право, которым регламентировались общественные отношения в области природопользования, охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, и земельное право, которым регулировались социальные связи в сфере использования и охраны земель. Однако сейчас теоретические воззрения изменились, что нашло отражение в перечне преподаваемых дисциплин на юридических факультетах ВУЗов. Экологическое право было разделено на две самостоятельные отрасли: природоресурсное право, «поглотившее» право земельное, которым регулируются общественные отношения в области природопользования, и природоохранное (экологическое) право, предназначенное для регламентации общественных отношений в сфере охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности.

Таким образом, природоресурсное право как самостоятельная комплексная отрасль права представляет собой систему правовых норм, институтов и подотраслей, регулирующих общественные отношения в области природопользования. Оно является неотъемлемой составляющей, входящей в систему национального права, с присущими ему особыми, отличными от используемых в других правовых отраслях предметом (включая субъекты и объекты), методом, принципами и источниками правового регулирования. Исходя из того, что природоресурсное право является комплексной правовой отраслью, то общая его часть объединяет нормы и институты свойственные использованию всех природных ресурсов, а особенная часть – нормы, институты и подотрасли,

регулирующие специфику пользования отдельными природными ресурсами. Общая часть природоресурсного права включает, наряду с его основными понятиями и определениями, институты: права природопользования, в том числе отдельных видов, способов, форм и титулов природопользования; отчуждения права природопользования; оптимизации процессов природопользования в виде институтов государственного управления, экономического и организационного обеспечения этого вида деятельности, юридической ответственности за нарушение требований природоресурсного законодательства. Особенная часть природоресурсного права состоит из норм, институтов и подотраслей, регулирующих порядок использования отдельных природных ресурсов: земель, включая почвы (земельное право); недр (горное право); поверхностных и подземных вод (водное право); атмосферы, в том числе воздушного пространства, атмосферного воздуха и озонового слоя (атмосферное право); лесов (лесное право); растительного и животного мира соответственно (флористическое право) и (фаунистическое право).

Понятие источников природоресурсного права

В самых общих чертах природоресурсное право представляет собой совокупность правовых норм регулирующих общественные отношения в области природопользования. Для того чтобы стать устойчивыми, доступными и обязательными, эти нормы права должны найти внешнее выражение. Внешнюю форму закрепления норм права вообще и природоресурсного права в частности общепринято называть источниками права. При этом, чтобы избежать разночтений в понимании терминов «источник права» и «форма права» с точки зрения позитивного права у юристов-теоретиков сложилось устоявшееся мнение, согласно которому, «исходя из того, что форму права (закон, декрет, указ и т.п.) саму можно рассматривать в качестве “юридического” источника права, наиболее логичным и целесообразным является их использование как синонимов, как идентичных терминов и понятий [1, с. 286].

В белорусских монографических исследованиях, посвященных источникам гражданского и трудового права, авторы единодушно подразделяют их на две группы основные (первичные) и вспомогательные (вторичные). К первой группе они относят нормативные правовые акты, нормативные договоры, нормативные правовые документы, закрепляющие общепризнанные принципы международного права [2, с. 120–121], либо только нормативные правовые акты [3, с. 185]; ко второй группе – правовой обычай, правовую доктрину, судебный прецедент и т.п.

В зарубежной и отечественной юридической литературе по экологическому и природоресурсному праву состав их источников рассматривается аналогичным образом. Например, российские и белорусские ученые к ним относят: нормативный акт, нормативный договор, общие принципы, правовой обычай и судебный прецедент [4, с. 21–45], либо нормативные правовые акты и международные договоры [5, с. 103–130], или только нормативные правовые акты [6, с. 39; 7, с. 18]. Однако, несмотря на различные подходы к источникам права, мнения всех этих авторов совпадают в том, что доминирующее положение среди рассматриваемых форм права принадлежит нормативным правовым актам. Обусловлено это тем, что значение тех или иных источников права в регулировании общественных отношений, в том числе и природоресурсных, зависит от правовой семьи, к которой принадлежит государство. Наибольшее распространение в мире получили две такие семьи: система общего (англосаксонского) права и система континентального (романо-германского) права.

В отечественной юридической литературе отмечается, что для романо-германской правовой семьи характерно признание господство закона (первичности актов законодательства). В свою очередь, в рамках семьи общего права судебный прецедент имеет совершенно иной, более высокий статус по отношению к законодательству [8, с. 94]. В Республике Беларусь, относящейся к романо-германской модели права [9, с. 351], нормативные правовые акты (законодательство) составляют основу, при регламентации социальных связей возникающих в сфере природопользования. Мало того, в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-3 «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» (далее – Закон «О нормативных правовых актах Республики Беларусь») сформулирована позитивистская точка зрения понимания права, где оно определено как система общеобязательных правил поведения, устанавливаемых (санкционируемых) и обеспечиваемых государством в целях регулирования общественных отношений.

Приоритет регулирования природоресурсных отношений нормативными правовыми актами закреплен и в специальном законодательстве. В частности, из общего смысла ст. 2 Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ «Об охране окружающей среды» (далее – Закон «Об охране окружающей среды») следует, что отношения в области рационального природопользования регулируются законодательством. Помимо изложенного, к источникам природоресурсного права статьями 104 и 105 указанного Закона отнесены общепризнанные принципы международного права и международные договоры Республики Беларусь. Следовательно, на доктринальном и законодательном уровнях в качестве источников права, что в полной мере распространяется и на природоресурсное право, указываются: нормативные правовые акты (законодательство); общепризнанные принципы международного права; международные договоры; судебный прецедент; правовой обычай; доктрина, где ведущая роль отводится нормативным правовым актам.

Таким образом, внешнюю официальную форму закрепления воли государства, а также санкционированные им в качестве таковых акты, содержащие природоресурсные нормы оправданно отнести к источникам природоресурсного права. При этом к исходящим от государства формам права принадлежат нормативные правовые акты, а к санкционированным им в качестве источников природоресурсного права могут относиться общепризнанные принципы международного права; международные договоры; правовой обычай; судебный прецедент; доктрина. Причем нормативные правовые акты, общепризнанные принципы международного права и международные договоры в силу прямого указания закона являются основными источниками природоресурсного права, а правовой обычай, судебный прецедент и доктрина – вспомогательными.

Основные (базовые) источники природоресурсного права

Как уже указывалась выше, *нормативные правовые акты* являются основными источниками природоресурсного права. Законом «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» установлено легальное определение нормативного правового акта, согласно которому это официальный документ установленной формы, принятый (изданный) в границах компетенции уполномоченного государственного органа (должностного лица) или путем референдума с исполнением установленной законодательством Республики Беларусь процедуры, который содержит общеобязательные правила поведения, рассчитанные на неопределенный круг лиц и неоднократное применение.

В доктрине права они систематизируются по различным основаниям: отраслям права, юридической силе, масштабу правового регулирования, субъектам правотворческого процесса, дате принятия и т.п. Наибольшее практическое значение имеет получившая закрепление на нормативном уровне классификация нормативных правовых актов по юридической силе.

Вышеупомянутым Законом определено иерархическое соподчинение нормативных правовых актов, которое распространяется и на природоресурсное законодательство. В частности, нормативные акты, регламентирующие природоресурсные отношения по юридической силе, подразделяются на *законодательные акты*: законы (Основной – Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.), кодифицированные и некодифицированные законы), декреты и нормативные указы Президента Республики Беларусь, *имеющие силу закона*, и *иные акты законодательства*: нормативные распоряжения Главы государства, постановления Совета Министров Республики Беларусь, решения Конституционного Суда Республики Беларусь, постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, приказы Генерального прокурора Республики Беларусь, постановления, инструкции, правила министерств и государственных комитетов, акты Национального банка Республики Беларусь, решения местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов, *носящие подзаконный характер*.

По объему правового регулирования нормативные правовые акты подразделяются на общерегулятивные, регламентирующие широкий спектр социальных связей, в том числе и в области природопользования, и специальные, непосредственно предназначенные для регулирования природоресурсных отношений.

Общерегулятивными публичноправовыми и частноправовыми актами устанавливаются элементы правовых режимов нескольких или всех природных ресурсов, они относятся к конституционному, финансовому, гражданскому, природоохранному, административно-деликтному, уголовному и иному законодательству. В частности, согласно ст. 13 Конституции Республики Беларусь, недра, воды и леса составляют исключительную собственность государства, а земли сельскохозяйственного назначения находятся в собственности государства.

Законом Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 108-З «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» ст. 54 определено, что экономическую основу местного управления и самоуправления составляют доходы от использования природных ресурсов и иные источники получения доходов, в соответствии с законодательством о рациональном использовании природных ресурсов. Ст. 7 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2010 г. № 169-З «Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства» устанавливает перечень природных объектов, помимо указанных в Основном законе, которые могут находиться только в собственности государства. Это земли: сельскохозяйственного назначения; природоохранного, оздоровительного, рекреационного, историко-культурного назначения; лесного фонда; водного фонда; под дорогами и иными транспортными коммуникациями; общего пользования; радиочастотный спектр и объекты животного мира, обитающие в состоянии естественной свободы на территории Республики Беларусь.

Особенной частью Налогового кодекса Республики Беларусь от 9 декабря 2009 г. № 71-З, которой установлены республиканские и местные налоги и сборы, к республи-

канским платежам отнесены земельный налог (гл. 18), налог за добычу (изъятие) природных ресурсов (гл. 20), а к местным – сбор с заготовителей (гл. 33). Ст. 2 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 63-З «О концессиях» к объектам концессии отнесены участки недр, водные объекты, леса (участки лесного фонда), земельные участки.

Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З (далее – ГК), из общего смысла ст. 1 которого следует, что к отношениям по использованию земель и других природных ресурсов в субсидиарном порядке допускается применение гражданского законодательства, если они не урегулированы специальным законодательством. Кроме того, ГК непосредственно установлены: вещные права на землю (Гл. 17); земельные участки, участки недр, обособленные водные объекты и все, что прочно связано с землей, включая леса и многолетние насаждения, отнесены к недвижимости (ст. 130).

Закон «Об охране окружающей среды», ст. 2 которого допускает к регулированию природоресурсных отношений применение законодательства об охране окружающей среды, если иное не установлено специальными нормативными актами. При этом в отсутствие специального общерегулятивного природоресурсного нормативного акта указанный Закон выполняет не свойственные природоохранному акту функции: так, в нем сформулированы определения понятий природопользования и рационального (устойчивого) природопользования, природных ресурсов и государственных кадастров природных ресурсов (ст. 1), установлены признаки права общего и права специального природопользования (ст. 16) и т.п.

Кодекс об административных правонарушениях Республики Беларусь от 21 апреля 2003 г. № 194-З и Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З содержат специальные главы, посвященные ответственности за нарушение требований природоресурсного законодательства (соответственно Гл. 15. Административные правонарушения против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования и Гл. 26. Преступления против экологической безопасности и природной среды). Однако институты административной и уголовной ответственности за нарушение порядка природопользования находятся в стадии формирования и нуждаются в совершенствовании. В частности, они не совпадают как по наименованиям, так и по содержанию, хотя устанавливают ответственность за однородные деяния, отличающиеся друг от друга только степенью общественной опасности.

Открытый перечень специальных природоресурсных актов приведен в ч. 2 ст. 2 Закона «Об охране окружающей среды», где указано, что правовой режим природных ресурсов регулируется законодательством об охране окружающей среды, если иное не предусмотрено законодательством: об охране и использовании земель; об охране и использовании вод; об использовании, охране и защите лесов; о недрах; об охране и использовании животного мира; о растительном мире и иным законодательством. Отечественные исследователи оправданно предлагают дополнить этот список Законами «Об охране атмосферного воздуха» и «Об охране озонового слоя» на том основании, что ст. 1 Закона «Об охране окружающей среды» атмосферный воздух и озоновый слой относит к компонентам природной среды [10, с. 40]. Представляется, что и этот перечень является неполным, так как в нем отсутствует законодательство об использовании и охране атмосферного пространства, являющегося неотъемлемой частью территории Республики Беларусь и компонентом природной среды. Атмосферный воздух и озоновый слой относятся к его элементам, а радиочастотный спектр – к его ресурсам.

К специальным нормативным правовым актам принадлежат в первую очередь природоресурсные Кодексы и Законы:

- 1) Кодекс Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. № 425-3;
- 2) Кодекс Республики Беларусь о недрах от 14 июля 2008 г. № 406-3;
- 3) Водный кодекс Республики Беларусь от 30 апреля 2014 г. № 149-3; закон Республики Беларусь от 24 июня 1999 г. № 271-3 «О питьевом водоснабжении»;
- 4) Воздушный кодекс Республики Беларусь от 16 мая 2006 г. № 117-3; закон Республики Беларусь от 19 июля 2005 г. № 45-3 «Об электросвязи»; закон Республики Беларусь от 16 декабря 2008 г. № 2-3 «Об охране атмосферного воздуха»; закон Республики Беларусь от 12 ноября 2001 г. № 56-3 «Об охране озонового слоя»;
- 5) Лесной кодекс Республики Беларусь от 14 июля 2000 г. № 420-3;
- 6) закон Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 205-3 «О растительном мире»;
- 7) закон Республики Беларусь от 10 июля 2007 г. № 257-3 «О животном мире».

В целом природоресурсное и иное законодательство, регламентирующее порядок осуществления природопользования, характеризуется несогласованностью, коллизионностью, пробельностью и слабой регулятивностью: во-первых, отсутствием общерегулятивного природоресурсного нормативного правового акта, а во-вторых, во многом неоправданной комплексностью природоресурсных законодательных актов. В частности, Кодексом о земле, помимо земельных, урегулированы отношения в области землеустройства; Кодексом о недрах, наряду с горными, регламентированы отношения, связанные с горными предприятиями; атмосферные отношения упорядочены тремя нормативными актами: Воздушным кодексом, Законом «Об охране атмосферного воздуха» и Законом «Об охране озонового слоя»; Лесным кодексом упорядочены как лесные, так и отношения в сфере ведения лесного хозяйства; Законом «О растительном мире» урегулированы не только отношения, возникающие в области использования и охраны дикорастущих растений, но и озеленительных насаждений, произрастающих на территории населенных пунктов, и нелесных древесно-кустарниковых насаждений, выполняющих средозащитные и санитарно-охранные функции, а также отношения, возникающие в сфере ботанических коллекций; Законом «О животном мире», кроме фаунистических отношений, урегулированы отношения в области ведения охотничьего и рыболовного хозяйства, а также отношения, складывающиеся по поводу зоологических коллекций, без четкого разграничения объектов природоресурсного и гражданского права. В-третьих, слабой технико-юридической проработанностью, выражающейся в том, что кодифицированные нормативные акты не имеют деления на общую и особенную части, как это предусмотрено Законом «О нормативных правовых актах Республики Беларусь».

Общепризнанные принципы международного права в качестве источников природоресурсного права можно рассматривать, опираясь на ст. 8 Основного закона, в которой определено, что Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствия им законодательства. Последние закрепляются в различных международных актах, носящих рекомендательный характер, причем их признание обеспечивается авторитетом принявшего их межгосударственного образования, например, ООН, а соответствие этим принципам национального законодательства достигается посредством имплементации их в отечественные нормативные правовые акты. Например, такие основополагающие начала природоресурсного права сформулированы в Декларации по окружающей среде от 16 июня 1972 г., принятой конференцией ООН в Стокгольме по проблемам окружающей чело-

века среды [11, с. 682–687], в Декларации по окружающей среде и развитию от 14 июня 1992 г., принятой конференцией ООН в Рио-де-Жанейро [11, с. 687–692]. В частности, Принципом 21 *Стокгольмской Декларации* определено, что в соответствии с Уставом ООН и принципами международного права государства имеют суверенное право разрабатывать свои собственные ресурсы согласно своей политике в области окружающей среды и несут ответственность за обеспечение того, чтобы деятельность в рамках их юрисдикции или контроля не наносила ущерба окружающей среде других государств или районов за пределами действия национальной юрисдикции. В Принципе 2 *Декларации Рио* сформулировано, что в соответствии с Уставом ООН и принципами международного права государства обладают суверенным правом на разработку своих собственных ресурсов в соответствии с их собственной политикой в области окружающей среды и развития, а также несут обязанность обеспечивать, чтобы деятельность, ведущая под их юрисдикцией или контролем, не причиняла ущерба окружающей среде других государств, находящихся за пределами национальной юрисдикции.

Использование *международных договоров* для упорядочения отношений в области природопользования Республики Беларусь с другими государствами регламентировано законом Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 421-З «О международных договорах Республики Беларусь», ст. 33 которого определено, что нормы права, содержащиеся в международных договорах Республики Беларусь, являются частью действующего на территории Республики Беларусь законодательства и подлежат непосредственному применению, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для применения таких норм требуется применение (издание) внутрис государственного нормативного правового акта, и имеют силу того нормативного правового акта, каким выражено согласие Республики Беларусь на обязательность для нее соответствующего международного договора.

При этом международные договоры могут заключаться Республикой Беларусь на межгосударственном, межправительственном и межведомственном уровнях с другим государством, Советом Министров Республики Беларусь с правительством иностранного государства и министерством, государственным комитетом (их департаментом) Республики Беларусь с государственным органом иностранного государства. Они могут быть в форме закона, декрета и указа Главы государства, постановления Правительства либо постановления государственного органа. Республикой Беларусь заключено более 50 таких многосторонних и двухсторонних энвайроментальных соглашений на международном: европейском и в рамках СНГ – уровне. Однако в силу суверенного права государств по своему усмотрению разрабатывать свои собственные природные ресурсы они посвящены в основном проблемам охраны окружающей среды в целом либо ее отдельных компонентов, обеспечению экологической безопасности, возмещению одним государством другому экологического вреда.

Вспомогательные (второстепенные) источники природоресурсного права

Правовой обычай, под которым в догме права понимается «санкционированное государством правило поведения, сложившееся в обществе в результате его длительного применения» [12, с. 316], занимал важную роль при регулировании природоресурсных отношений в эпоху раннего средневековья. У кривичей, дреговичей, радимичей существовали заповедные рощи, где сооружались капища, волхвы отправляли требы и полностью запрещалось природопользование. На основании сакрально-правового обычая за срубленное дерево древний белорус мог поплатиться жизнью. В Великом

Княжестве Литовском, вступая на престол, князь обещал «старины не рухати», т.е. оставить все как было. Он гарантировал право жителей Княжества свободного входа в леса для сбора грибов и ягод, право городов и весей пользоваться по установившейся традиции рыбными ловами, охотничьими угодьями, заниматься бортничеством. В настоящее время правовой обычай не имеет большого значения при регулировании экологических отношений. Ссылка на него содержится только в одном природоресурсном акте – ст. 40 Закона «О растительном мире», – где в самых общих чертах закреплено, что в соответствии с законодательством общим разрешением земле- и водопользователя либо местным обычаем граждане имеют право пребывать на землях или водных объектах, в границах которых расположены объекты растительного мира, и осуществлять все виды пользования ими. Признание такого обычая нашло отражение в «Соглашении между Правительством Республики Беларусь и Кабинетом Министров Украины о порядке пересечения белорусско-украинской государственной границы жителями Столинского района Брестской области Республики Беларусь и Рокитновского района Ровенской области Украины» от 23 января 2013 г., которым на основании сложившихся традиций гражданам Украины разрешено с 15 июня по 15 ноября пребывать ежедневно в упрощенном порядке на территории Республики Беларусь, собирать на праве общего пользования в пределах Столинского района грибы и ягоды.

Судебные прецеденты – «это положение, содержащееся в решении высшей судебной инстанции по конкретному делу, обязательное для других судов при разрешении аналогичных дел» [13, с. 189]. Они являются источниками в англо-американской системе права, в романо-германской семье права, к которой принадлежит Республика Беларусь; к источникам права они не относятся.

Однако следует отметить, что в соответствии со ст. 46 Кодекса о судостроительстве и статусе судей в Республике Беларусь от 29 июня 2006 г. № 139-З к компетенции Верховного Суда Республики Беларусь отнесены: рассмотрение гражданских и уголовных дел в качестве суда первой инстанции, в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам, в апелляционном и кассационном порядке; дел об административных правонарушениях в порядке надзора; изучение и обобщение судебной практики, анализ судебной статистики, дача разъяснений по вопросам применения законодательства и разработка предложений по совершенствованию законодательства. В этом плане, рассматривая конкретные дела, изучая и обобщая судебную практику, анализируя судебную статистику, Верховный Суд Республики Беларусь может разрабатывать предложения по внесению изменений и дополнений в действующее законодательство, принятию новых нормативных актов и тем самым оказывать влияние на формирование системы национального природоресурсного законодательства. Кроме того, сами решения либо приговоры Верховного Суда Республики Беларусь по конкретным делам, как наиболее авторитетного судебного органа, могут служить эталоном при рассмотрении аналогичных дел нижестоящими судами.

Мнения ученых-юристов признавались в качестве формы права в Древнем Риме: «Ответы законоведов это мнения и суждения юристов, которым позволено было устанавливать и творить право. Если мнения этих лиц сходятся, то приобретает силу закона то, в чем они согласны. Если же мнения юристов не согласны между собою, то судье предоставляется право следовать тому мнению, которое он считает самым лучшим» [14, с. 18]. При этом, согласно предписания императора Валентиниана III от 426 г. н.э., судьи должны были признавать авторитет сочинений 5 юристов: Папиниана, Ульпиана, Павла, Модестина и Гая, а равно и тех, на мнения которых ссылаются эти 5 юристов

[15, с. 502]. Хотя в Республике Беларусь мнения ученых-юристов к источникам права не относятся, однако они свои предложения по принятию новых нормативных правовых актов в области природопользования, внесению изменений и дополнений в действующее природоресурсное законодательство, носящие рекомендательный характер, могут направлять в Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

Таким образом, основными источниками природоресурсного права являются нормативные акты (законодательство), общепризнанные принципы международного права и международные договоры Республики Беларусь. Правовые обычаи выполняют вспомогательную роль при регулировании общественных отношений в области природопользования. Судебные прецеденты и доктрина хотя в качестве источников природоресурсного права официально в Республике Беларусь не признаются, однако оказывают определенное влияние на формирование системы источников (форм) природоресурсного права, так как под их воздействием могут вноситься изменения и дополнения в действующее природоресурсное законодательство, приниматься новые природоресурсные нормативные правовые акты.

Заключение

Природоресурсное право является неотъемлемой составляющей национальной правовой системы и одновременно самостоятельной отраслью права, которая обладает разветвленной системой собственных источников. Причем развитие источников природоресурсного права не в полной мере подчинено развитию соответствующей отрасли права, так как идет по пути дифференцированного регулирования правовых режимов использования отдельных природных ресурсов и то не последовательно. Общие вопросы природоресурсного права регламентируются фрагментарно конституционным, финансовым, гражданским, природоохранным и иным законодательством, которое не учитывает особенностей отношений, возникающих в области использования природных ресурсов.

С целью повышения эффективности регулирования природоресурсных отношений, для ликвидации указанных коллизий и пробелов оправданно:

1. Принять общерегулятивный природоресурсный Кодекс либо Закон «О природопользовании» или «О пользовании природными ресурсами».

2. В области регулирования атмосферопользования принять Атмосферный кодекс Республики Беларусь, в котором посвятить отдельные главы атмосферному пространству, атмосферному воздуху, озоновому слою и радиочастотному спектру (ресурсу), в силу того что они являются единым природным объектом.

3. Вместо закона «О растительном мире» принять три законодательных акта: законы «О дикорастущих растениях», «Об озеленительных насаждениях населенных пунктов» и «О защитных насаждениях», – так как дикорастущие растения относятся к природным объектам (ресурсам), а озеленительные и защитные насаждения – к природно-антропогенным объектам и ресурсам, выполняют различные функции и с юридической точки зрения являются не одним, а разными объектами правового регулирования.

4. Разграничить объекты природоресурсного и гражданского права путем закрепления известных в доктрине признаков природного и природно-антропогенного объекта в общерегулятивном природоресурсном законодательном акте и посредством прямого указания на такие разграничения в отраслевых нормативных актах в отношении конкретных природных ресурсов.

5. Доминирование исключительного права государственной собственности и титулы иных вещных прав на природные ресурсы сформировались в советский период и не отвечают потребностям нынешней рыночной экономики. Поэтому оправданно расширить состав субъектов частной собственности на землю, дополнив его индивидуальными предпринимателями, а также ввести право ограниченной частной собственности на участки недр, обособленные водные объекты (их части), участки лесного фонда и ресурсы животного мира; устранить терминологические и юридические параллелизмы при регулировании срочного возмездного (безвозмездного) пользования природными ресурсами, так как оно наряду с договорами аренды, субаренды, безвозмездного пользования и концессии опосредуются титулами временного возмездного и безвозмездного пользования, возникающими на основании административных правовых актов.

6. Заменить наименования природоресурсного и природоохранного подотраслей законодательства (законодательство об охране и использовании земель; о недрах; об охране и использовании вод; об охране атмосферного воздуха, об охране озонового слоя; об использовании, охране и защите лесов; об охране и использовании животного мира; о растительном мире) на более краткие, лучше запоминающиеся и благозвучные термины, общепризнанные в доктрине природоресурсного и экологического права и используемые в некоторых нормативных правовых актах (земельное, горное, водное, атмосферное и лесное законодательство, законодательство о растительном и животном мире).

7. В находящихся на стадии формирования институтах административной и уголовной ответственности за правонарушения и преступления в области окружающей среды содержится ряд пробелов и коллизий. Выполняя охранительную функцию, они должны обеспечивать действие регулятивных норм отраслей энвайроментального права, устанавливать ответственность за их неисполнение либо нарушение. Последними регулируются отношения в области природопользования, охраны окружающей природной среды и обеспечения экологической безопасности, поэтому соответствующие главы в КоАП и УК должны называться однообразно. С учетом приоритетов охраны их наименование может быть следующим: Глава 15. Административные правонарушения против экологической безопасности, окружающей природной среды и порядка природопользования и Глава 26. Преступления против экологической безопасности, окружающей природной среды и порядка природопользования. Кроме того, удалить из примечаний к гл. 27 УК определение преступлений против экологической безопасности и природной среды, так как оно противоречит регулятивному законодательству в области окружающей среды.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Марченко, М. Н. Теория государства и права : учебник / М. Н. Марченко. – М. : Юрид. лит., 1996. – 432 с.
2. Томашевский, К. Л. Система источников трудового права Беларуси (история, теория и практика) : монография / К. Л. Томашевский. – Минск : Амалфея : Междунар. ун-т МИТСО, 2013. – 460 с.
3. Маньковский, И. А. Нормы и источники гражданского права: теоретические основы формирования и применения : монография / И. А. Маньковский. – Минск : Междунар. ун-т МИТСО, 2013. – 288 с.
4. Боголюбов, С. А. Экологическое право : учебник для вузов / С. А. Боголюбов. – М. : Норма – Инфра-М, 1997. – 448 с.

5. Бринчук, М. М. Экологическое право (право окружающей среды) : учебник для высш. юрид. учеб. заведений / М. М. Бринчук. – М. : Юристь, 1998. – 688 с.
6. Калинин, И. Б. Природоресурсное право. Основные положения / И. Б. Калинин. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2000. – 161 с.
7. Экологическое право : пособие / С. А. Балашенко [и др.]; под ред. С. А. Балашенко, Т. И. Макаровой, В. Е. Лизгаро. – Минск : Выш. шк., 2009. – 318 с.
8. Василевич, Г. А. Источники белорусского права : принципы, нормативные акты, обычаи, прецеденты, доктрина / Г. А. Василевич. – Минск : Тесей, 2005. – 136 с.
9. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права : учеб. пособие / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский ; под общ. ред. проф. В. А. Кучинского. – Минск : Амалфея, 2002. – 656 с.
10. Экологическое право : учебник / С. А. Балашенко [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2013. – 501 с.
11. Действующее международное право : в 3-х т. / сост.: Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. – М. : Изд-во Моск. независ. ин-та междунар. права, 1999. – Т. 3. – 832 с.
12. Марченко, Н. М. Теория государства и права : учебник / Н. М. Марченко. – М. : Юрид. лит., 1996. – 432 с.
13. Черданцев, А. Ф. Теория государства и права : учебник для вузов / А. Ф. Черданцев. – М. : Юрайт, 1999. – 432 с.
14. Памятники римского права : Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. – М. : Зерцало, 1997. – 608 с.
15. Боголепов, Н. П. Учебник истории римского права / Н. П. Боголепов ; под ред. В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2004. – 568 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 16.10.2015

Zaichuk G.I. Resolutions of Plenum of Supreme Court of the Republic of Belarus – a Type Theoretical Issues of Environmental Law Sources

The work presents the consideration of problems concerning environmental law sources and forms of organization. The article deals with the issues concerning the notion of environmental law sources, their structure and meaning, their classification and system-hierarchical arrangement, their legal nature and correlation. It touches upon the detection of place and role of Resolutions of Plenum of Supreme Court of the Republic of Belarus as a new specific type of regulatory legal acts, aiming at, first of all, overcoming discrepancies of interpretation of natural resources and nature conservation legislation. It shows peculiarities of the way of their adoption and functioning in the course of time and their application to particular subjects of law. In the given article recommendations dedicated to more dynamic reaction of Supreme Court of the Republic of Belarus to the introduction of amendments and additions to the current legislation or adoption of new legislative acts in the sphere of environmental protection and rational natural resource use are formulated.

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мове ў двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша, у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармата А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадкавы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Інструкцыі па афармленні дысертацыі, аўтарэферата і публікацыі па тэме дысертацыі, зацверджанай пастановай Прэзідыума Дзяржаўнага вышэйшага атэстацыйнага камітэта Рэспублікі Беларусь ад 24.12.1997 № 178 (у рэдакцыі пастановы Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 22.02.2006 № 2, ад 15.08.2007 № 4). Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад, [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК (выраўноўванне па левым краі);
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў) (выдзяляюцца паўтлустым шрыфтам і курсівам; выраўноўванне па левым краі);
- назва артыкула (друкуецца вялікімі літарамі без пераносаў; выраўноўванне па левым краі);
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (кегль – 10 pt.);
- звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы артыкула ўнізе;
- асноўны тэкст, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАК да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў (Уводзіны з пастаўленымі мэтай і задачамі; Асноўная частка, тэкст якой структуруецца падзагалоўкамі (назва раздзела «Асноўная частка» не друкуецца); Заключэнне, у якім сцісла сфармуляваны асноўныя вынікі даследавання, указана іх навізна);
- спіс літаратуры;
- рэзюмэ на англійскай мове (да 10 радкоў, кегль – 10 pt.): назва артыкула, прозвішча і ініцыялы аўтара/аўтараў, тэзісны пераказ зместу артыкула; у выпадку, калі аўтар падае матэрыял на англійскай мове, рэзюмэ – на рускай ці беларускай.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на беларускай мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнасьцю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, паштовы і электронны адрасы для перапіскі і кантактныя тэлефоны);
- выписка з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе/вучыцца аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Карэктары *А.В. Дзябёлая, Л.М. Калілец*
Камп'ютарнае макетаванне *С.М. Мініч, Г.Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 01.02.2016. Фармат 60×84/8. Папера афсетная.
Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 28,83. Ул.-выд. арк. 23,80.

Тыраж 100 экз. Заказ № 16.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі № 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.